ПИСЬМА

О

БОГОСЛУЖЕНІИ

ВОСТОЧНОЙ

КАѲОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

А. Н. МУРАВЬЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.

1882.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. С. Петербургъ, Марта 10 дня 1882 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Тихонъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее, *одиннадцатое* изданіе *Писемъ о Богослуженіи*, предпринято въ память Андрея Николаевича Муравьева друзьями его и почитателями, какъ первый опытъ—перепечатки наиболѣе назидательныхъ и полезныхъ сочиненій покойнаго, съ цѣлію распространенія ихъ по возможно дешевой цѣнѣ. Послѣднее, *десятое* изданіе, сдѣланное самимъ Муравьевымъ въ Кіевѣ, въ 1873 году, давно уже истощилось, и составляетъ библіографическую рѣдкость, хотя самая книга не только не утратила своего значенія, но и нынѣ, также какъ при первомъ изданіи отвѣчаетъ на душевную потребность каждаго православнаго читателя. Въ этомъ смыслѣ Письма о Богослуженіи какъ были такъ и останутся любимою въ Россіи *народною книгой*.

«Письма эти,—говоритъ авторъ въ предисловіи къ 10-му изданію,—въ началѣ были дѣйствительно писаны для одного свѣтскаго молодаго человѣка Г**, чтобы прояснить его невѣдѣніе о богослуженіи родной нашей Церкви; но когда такимъ образомъ вышли, одна за другою, двѣ первыя книжки о литургіи и всенощной, и о великомъ постѣ и Пасхѣ, я былъ поощренъ ихъ неожиданнымъ успѣхомъ къ продолженію моего труда и издалъ еще двѣ книжки о таинствахъ и о праздникахъ.—Второе изданіе (1836 г.) вскорѣ послѣдовало за первымъ, составивъ одну полную книгу о Богослуженіи изъ четырехъ отдѣльныхъ книжекъ,

а въ шестомъ изданіи (1855 г.) я присоединилъ къ ней, въ видѣ особыхъ приложеній, еще нѣсколько статей о другихъ духовныхъ предметахъ, какъ то: о недѣли Православія, о постѣ, о воскресной всенощной и проч.

Письма сіи, вскорѣ послѣ ихъ появленія, обратили на себя вниманіе иностранцевъ, которыхъ онѣ знакомили съ нашимъ православнымъ богослуженіемъ, и постепенно начали выходить въ свѣтъ переводы ихъ на разныхъ языкахъ.—Прежде всѣхъ издалъ ихъ въ 1832 году, на Нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ, племянникъ реформатскаго пастора Петербургской церкви, Эдуардъ Мюральдъ, и это самый лучшій и полный переводъ моихъ писемъ, съ приложеніемъ лексикона церковныхъ предметовъ, которые въ нихъ упоминаются.—Вслѣдъ за тѣмъ напечатанъ былъ, въ 1841 году въ Варшавѣ, Польскій переводъ первой только книжки сихъ писемъ, сдѣланный Эмиліею Яроцкою.—Потомъ Князь Н. Б. Голицынъ, братъ незабвенной Т. Б. Потемкиной, перевелъ ихъ на Французскій языкъ и напечаталъ въ Петербургѣ въ 1850 году.—Въ слѣдующемъ 1851 году, Письма о Богослуженіи были прекрасно переведены на Греческій языкъ, вмѣстѣ съ другими моими сочиненіями (Исторіей Русской Церкви, Правдой Вселенской Церкви, Словомъ каѳолическаго Православія) и напечатаны въ Аѳинахъ полковникомъ инженернымъ Ѳедоромъ Вальяно, который, будучи воспитанъ въ Россіи, весьма хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ, а въ 1854 году онѣ явились и на Сербскомъ языкѣ, въ Австріи, въ городѣ Нейзацѣ или Новомъ Саду.—Сдѣланъ былъ переводъ Писемъ о Богослуженіи и на Англійскій языкъ въ 1866 году, полковникомъ Генеральнаго штаба Адлеромъ, и долженъ бы быть напечатанъ въ Америкѣ, но не извѣстно почему не состоялось это изданіе, а между тѣмъ теперь, болѣе нежели когда нибудь, оно могло бы быть полезно, для сближенія Англиканской и Американской Церкви съ Православною.»

КНИГА I.

О ЛИТУРГІИ И ВСЕНОЩНОЙ.

ПИСЬМО I.

Тебя удивитъ письмо мое, любезный другъ, потому что содержаніе его совершенно отлично отъ тѣхъ, какія ты привыкъ получать. Ты еще болѣе удивишься, если узнаешь, что это только начатокъ писемъ, которыя всѣ будутъ говорить о томъ же предметѣ: о таинственныхъ обрядахъ святой нашей Церкви. Но можетъ быть, ты спросишь: что побудило меня коснуться, въ письмахъ, столь важнаго предмета?—Помнишь ли наши прогулки въ окрестностяхъ твоей деревни, Яропольца, гдѣ мы часто посѣщали для молитвы сосѣднюю обитель св. Іосифа Волоколамскаго? помнишь ли нашу пріятную поѣздку въ Москву, когда дорогою остановились отслушать литургію, въ день Успенія, въ знаменитомъ монастырѣ Новаго Іерусалима, и сравнивали его чудныя зданія съ древнимъ образцомъ храма Св. Гроба? и наконецъ, въ самой столицѣ, помнишь ли всенощное ангельское пѣніе иноковъ Донской обители?—Ты скажешь: помню, а я прибавлю: не смотря на торжественность служенія, на согласіе хоровъ, я замѣчалъ въ тебѣ усталость преждевременную, и она была болѣе нравственная, нежели физическая. Наружное величіе обрядовъ, безъ ихъ вну-

тренняго, глубокаго смысла, не могло занимать тебя; чтеніе же маловнятное и совершенно тебѣ неизвѣстное, хотя и прерывалось иногда гармоническимъ пѣніемъ, но невольно продолжало для тебя всенощную, ибо ты не зналъ ея настоящаго хода; а незнакомый путь во мракѣ кажется намъ всегда безконечнымъ. Между тѣмъ я также замѣтилъ, что всякій разъ, когда до твоего слуха доходила знакомая молитва, ты съ благоговѣніемъ ей предавался, и это мнѣ подало благую мысль объяснить тебѣ, по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ, тѣ мѣста краснорѣчиваго и трогательнаго служенія нашей православной Церкви, съ которыми ты менѣе моего имѣлъ случай познакомиться. Не ожидай однако многаго отъ собственной моей неопытности въ дѣлѣ, требующемъ духовныхъ познаній. Безполезно даже и предостерегать тебя, ибо ты довольно знаешь, сколь поверхностны мои свѣдѣнія; но это самое даетъ мнѣ смѣлость говорить съ тобою откровенно о предметѣ близкомъ моему сердцу. Быть можетъ, если бы ты подозрѣвалъ во мнѣ болѣе духовнаго знанія, ты избѣжалъ бы меня, какъ скучнаго учителя; но ты не станешь уклоняться друга, во всемъ тебѣ равнаго, котораго уста говорятъ только отъ избытка сердца.

И такъ я прошу у тебя не столько вниманія, сколько снисхожденія; нельзя много взыскивать тамъ, гдѣ мало обѣщаютъ. Правда я виноватъ тѣмъ, что самъ добровольно вызвался, но вникни, какое чувство мною управляло, самонадѣянность или любовь?— и если любовь, то прими слова мои съ такою же любовію. Можетъ быть, при чтеніи сихъ писемъ, прояснится въ твоей душѣ хотя одна темная мысль, и ты посвятишь молитвѣ еще одно лишнее мгнове-

ніе: тогда вполнѣ вознаградится трудъ мой, особенно, если въ сію молитву включишь тѣ нѣсколько словъ и о душевномъ спасеніи преданнаго тебѣ друга.

1 Сентября 1835 г.
Село Ярополецъ.

ПИСЬМО II.

Ты принялъ благосклонно первое письмо мое, любезный другъ, и я рѣшаюсь продолжать, въ надеждѣ на благое начало. О чемъ же, прежде всего, стану бесѣдовать съ тобою, если не о божественной литургіи, которую мы столь часто слушали вмѣстѣ и конечно молясь другъ за друга?—Но хотя я и слегка только намѣренъ коснуться сего высокаго предмета, однако невольно робѣю, чувствуя, что избралъ себѣ трудъ не по силамъ. Одна только мысль меня поддерживаетъ и побуждаетъ писать: какъ ни слабо будетъ сіе письмо, ты прочтешь его по любви ко мнѣ, между тѣмъ какъ не будешь имѣть довольно терпѣнія и времени, чтобы вникнуть въ драгоцѣнныя писанія святыхъ Отцевъ о литургіи; сомнѣваюсь даже, чтобы ты рѣшился прочесть объясненіе Дмитревскаго, или преосвященнаго Веніамина въ *Новой Скрижали*, и такимъ образомъ, по твоей собственной винѣ, вмѣсто всѣхъ сихъ сокровищъ, предлагаю тебѣ мое убожество.

Я увѣренъ, что тебѣ часто казался непонятнымъ или произвольнымъ, ходъ торжественныхъ обрядовъ литургіи, которая, какъ нѣкое духовное зрѣлище, совершается на возвышенномъ мѣстѣ предъ лицемъ Христіанъ; въ особенности, на тебя должна была

производить подобное впечатлѣніе обѣдня, совершаемая безъ полнаго благолѣпія въ селахъ, гдѣ внѣшній взоръ и слухъ менѣе могутъ имѣть удовлетворенія, при недостаткѣ разумнаго вниманія къ молитвамъ. Но сіе неблагопріятное чувство можетъ случиться и во время великолѣпнѣйшаго служенія архіерейскаго, если ты, въ мысляхъ своихъ, разорвешь цѣпь, соединяющую нынѣшнюю обѣдню съ первоначальнымъ ея установленіемъ отъ самого Спасителя,—цѣпь постепеннаго образованія ея подробностей въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, по вдохновенію св. Апостоловъ и св. Отцевъ. Они узаконили, неизмѣнными обрядами, свободное вначалѣ, словомъ и дѣйствіемъ, представленіе и какъ бы повтореніе тайной вечери Христовой, и таинственно изобразили всю его жизнь, теченіемъ одной божественной литургіи.

Въ первыя времена Христіанства всѣ вѣрные, составлявшіе изъ себя Церковь, собирались въ особую храмину, опредѣленную для общихъ молитвъ и тайнодѣйствія, и приносили съ собою, смотря по своему достатку, хлѣбъ и вино, для совершенія таинства тѣла и крови Христовыхъ и для общей трапезы любви, въ которой бѣдные довольствовались обильными приношеніями богатыхъ. Епископъ или Пресвитеръ, иногда самъ, а иногда чрезъ Діаконовъ, то есть служителей Церкви, принималъ сіи приношенія, *просфоры* (по Греčески), и онѣ полагаемы были въ особомъ мѣстѣ приготовленія, что нынѣ жертвенникъ, который бываетъ въ большихъ храмахъ отдѣленъ отъ алтаря. Тамъ Пресвитеръ избиралъ и приготовлялъ одинъ хлѣбъ собственно для таинства; а дабы и прочіе приносители и приношенія равномѣр-

но были приняты и представлены Христу, въ молитвѣ и тайнодѣйствіи,—изъ каждаго хлѣба частица полагаема была къ хлѣбу избранному для таинства, въ память приносителя: самый же хлѣбъ оставался для трапезы любви. И теперь, то же самое повторяетъ у жертвенника Священникъ, приготовляя для священнодѣйствія хлѣбъ, называемый *агнцемъ*,—именемъ заимствованнымъ отъ Агнца Пасхальнаго, и вынимая изъ прочихъ просфоръ части, въ честь и память Богоматери и всѣхъ Святыхъ и въ жертву за живыхъ и мертвыхъ; это составляетъ первую часть обѣдни—*проскомидію*, иначе приготовленіе.

Потомъ священнодѣйствующій, одинъ или съ помощію Діакона, призывалъ вѣрныхъ къ молитвѣ, и молился во услышаніе всѣхъ о благахъ временныхъ и вѣчныхъ; слѣдовало пѣніе псалмовъ, чтеніе книгъ Пророческихъ и посланій Апостольскихъ. Тогда Діаконы приносили изъ хранилища святое Евангеліе на средину церкви, и изъ сего хожденія образовался нынѣшній малый входъ съ Евангеліемъ, знаменующій вмѣстѣ и открытіе проповѣди Христовой, когда самъ онъ явился послѣ приготовительной проповѣди послѣдняго предъ нимъ Пророка, Іоанна Крестителя. Евангелію слѣдовали толкованіе слова Божія и молитвы о кающихся и тѣхъ, которые только были еще оглашены первоначальнымъ ученіемъ вѣры, но не просвѣщены крещеніемъ. Ихъ удаленіемъ окончивалась и оканчивается нынѣ вторая часть обѣдни, называемая *литургіею оглашенныхъ*.

Третье отдѣленіе,—*литургія вѣрныхъ*, начиналась двумя краткими молитвами и третьею безмолвною. Такъ и теперь, кромѣ того что третья тайная молитва священнодѣйствующаго, для предстоящихъ за-

крыта пѣніемъ такъ называемой *херувимской* пѣсни. Въ сіе время священнослужителямъ нужно было идти за приготовленными дарами, въ мѣсто ихъ приготовленія, чтобы принести оные на *св. трапезу*, гдѣ долженствовало совершиться тайнодѣйствіе,—и вотъ основаніе великаго входа, со святыми дарами, который ты теперь видишь въ православной Церкви, съ великолѣпіемъ подобающимъ святынѣ; ибо сіе таинственное перенесеніе воспоминаетъ также и вольное шествіе Спасителя на искупительное страданіе. Теперь престолъ Христа Царя становится вмѣстѣ его крестнымъ жертвенникомъ и гробомъ живоноснымъ; возвышенность алтаря представляетъ Голгоѳу. Въ древнія времена, сіе таинственное зрѣлище открыто было для всѣхъ вѣрныхъ, потому что всѣ или почти всѣ приступали къ причащенію святыхъ таинъ. По времени оно закрыто, преградою и завѣсою, отъ тѣхъ, которые сами признали себя недостойными быть причастниками. Впрочемъ и до нынѣ, какъ въ первые вѣка, въ нѣкоторыхъ церквахъ Палестинскихъ, престолъ остается открытымъ.

По освященіи даровъ и пріобщеніи Пресвитеровъ и народа, возносились общія благодаренія Богу за его щедроты, и вѣрные совокуплялись на братолюбную *трапезу*, въ части храма, которой она и оставила свое названіе. Въ послѣдствіи, по вкравшимся злоупотребленіямъ, трапеза любви уничтожена, но память сей первобытной вечери, или общественнаго обѣда вѣрныхъ, сохранилась въ самомъ словѣ: *обѣдня*. Такъ совершалось сіе служеніе въ древности.

Нѣкоторыя подробности литургіи измѣнялись по мѣстамъ и временамъ, но сущность ея никогда;

намъ еще сохранилось нѣсколько особыхъ чиноположеній литургіи, временъ Апостольскихъ, совершенно сходствующихъ между собою, за исключеніемъ нѣкоторыхъ молитвъ, которыя произносимы были, по особенному вдохновенію великихъ священнодѣйствователей. Литургія Апостола Іакова, перваго Епископа Іерусалимскаго, весьма продолжительная, и теперь еще поется въ день его памяти въ Іерусалимѣ. Въ четвертомъ столѣтіи, святый Василій великій, Архіепископъ Кесаріи, снисходя къ немощи человѣческой, сократилъ ее отчасти, и въ такомъ порядкѣ совершается она въ воскресные дни великаго поста и нѣкоторые другіе праздники. Немного лѣтъ спустя, святый Іоаннъ Златоустъ, Архіепископъ Царяграда, еще нѣсколько сократилъ службу святаго Василія, и обѣдня его осталась повседневною, ибо, послѣ сего великаго Іерарха, никакая рука не дерзала и не дерзнетъ къ ней прикоснуться, а совершенство молитвъ ея достигло высшей степени, какая только доступна человѣчеству.

10 Сентября 1835 г.
Село Осташево.

ПИСЬМО III.

Въ началѣ я кратко говорилъ о древнемъ образованіи литургіи; теперь прошу тебя быть внимательнымъ къ порядку, въ какомъ ее видимъ нынѣ. Я не буду входить во всѣ подробности священнодѣйствія, и особенно въ тѣ, кои доступны только участвующему въ служеніи, но коснусь только молитвъ и обрядовъ, которые болѣе открыты вниманію

всякаго предстоящаго и опишу тебѣ служеніе архіерейское, чтобы ты имѣлъ ясное понятіе о полнотѣ литургіи.

Первое приготовленіе Архіерея къ священнодѣйствію есть тихая молитва, предъ вратами алтаря, затворенными вначалѣ и закрытыми завѣсою для самаго Святителя, въ знакъ того, что таинства вѣры закрыты для обыкновеннаго человѣка, доколѣ по молитвѣ не отверзетъ ихъ благодать.

Потомъ является онъ среди церкви и народа, на возвышенномъ мѣстѣ, потому что служеніе его должно быть видимо всей Церкви для ея назиданія, но въ одеждѣ простой, обыкновенной, напоминая тѣмъ неузнанное вначалѣ явленіе Христово, въ смиренной одеждѣ человѣчества. Какъ однакоже Святитель, въ священнодѣйствіи, долженъ представлять не только ближайшаго служителя Христова, но частію и образъ самого Христа: то ему нужно для сего облечься въ Христоподражательныя свойства и добродѣтели. Сіе знаменуется облаченіемъ въ священныя одежды, которыя приносятъ ему Діаконы изъ алтаря, какъ Ангелы изъ невидимыхъ хранилищъ благодати, и которыми облачаютъ его какъ знаменіями; а между тѣмъ другіе Діаконы возглашаютъ таинственное значеніе каждой изъ сихъ одеждъ.

Употребленіе священныхъ одѣяній относится къ первымъ временамъ Христіанства. Священнодѣйствующіе всегда облекались особенною утварію, чтобы предстать чистыми и благолѣпными на служеніе Божіе. Нѣкоторые изъ Епископовъ надѣвали, въ память Апостоловъ, Фелонь Павлову и ризу Евангелиста Іоанна и, по примѣру его и Апостола Іакова, вѣнчались митрою Первосвященниковъ Іудейскихъ.

Другимъ устрояли священныя одежды благочестивые Цари, и такимъ образомъ составилось полное облаченіе Святителя.

Сперва надѣваютъ на него *стихарь*, одежду Левитовъ и Діаконовъ, обыкновенно бѣлую, въ знаменіе чистоты и веселія духовнаго. За тѣмъ слѣдуетъ *эпитрахиль*: знаменіе ига Христова и благодати, изливающейся во священствѣ; по сему значенію, одинъ и тотъ же знакъ приспособляется ко всѣмъ степенямъ священства. Если онъ лежитъ на одномъ плечѣ: это есть начало и нѣкоторая лишь доля ига Христова, служебная діаконская степень священства, и тогда знакъ сей получаетъ названіе *орара*, отъ латинскаго слова *orare*, молиться, потому что имъ Діаконъ подаетъ знакъ къ молитвѣ. Если тотъ же знакъ, подъ именемъ *эпитрахили*, обложенъ кругомъ шеи по обоимъ плечамъ: это есть болѣе прямое вступленіе подъ иго Христово,—священнодѣйственная степень Пресвитера. Эпитрахиль присвояется и Епископу, потому что въ сей высшей степени священства заключается и пресвитерская благодать.—Далѣе слѣдуетъ: *поясъ*, знаменіе силы и готовности къ служенію, *поручи*, память узъ Христовыхъ, дающіе свободу священнодѣйствовать, и *наколѣнникъ*, привѣшенный на бедрѣ, по подобію меча, для напоминанія, что духовный подвижникъ долженъ быть вооруженъ глаголомъ Божіимъ, и въ память того лентіона, которымъ Господь смиренно отеръ ноги своимъ ученикамъ. Верхняя риза или *фелонь* Іерея, изображающая багряную хламиду поруганнаго Христа, замѣняется по древнему обычаю у старѣйшаго, а нынѣ и у всякаго Архіерея, *саккосомъ*, который по происхожденію есть или одна изъ одеждъ Еврейскаго

Первосвященника, или царскій далматикъ, даръ Императоровъ Византійскихъ Патріархамъ; смиреніе Іерарховъ переименовало его *саккосомъ*, то есть вретищемъ покаянія. Но существенный знакъ архіерейства есть *омофоръ*, нарамникъ, знаменующій не только иго Христово, воспріемлемое служителемъ Христовымъ, но также иго, которое воспріялъ на себя самъ Христосъ, то есть естество человѣческое, которое онъ, какъ благой Пастырь заблудшую овцу, подъялъ на рамена свои и принесъ въ домъ Отца небеснаго. По сему-то высокому значенію *омофоръ* налагается, когда Архіерей священнодѣйствуетъ и представляетъ образъ Христа, и снимается, когда онъ представляетъ только раба и служителя Христова, подобно прочимъ. Какъ послѣдователь его заповѣди, онъ пріемлетъ на перси *крестъ*, и дабы помнилъ, что̀ долженъ имѣть въ сердцѣ, ему полагаютъ на сердце *панагію*, т. е. образъ всесвятой Богородицы или самого Іисуса Христа; наконецъ вѣнчаютъ *митрою*, какъ духовнаго владыку въ своей Церкви. *Орлы* подстилаются подъ ноги архіерейскія, для указанія ему выспренняго стремленія горѣ и въ знакъ паденія орловъ Римскихъ къ подножію креста: ибо много было предъ сими орлами пролито крови мучениковъ, когда не хотѣли они присягать по языческому обряду. Въ руки ему подаютъ свѣщники, съ тремя и двумя свѣчами, *трикирій* и *дикирій*, въ знаменіе свѣта Троицы и свѣта двоякаго естества Спасителева, Божескаго и человѣческаго; съ ними осѣняетъ онъ народъ осѣненіемъ Св. Духа, и лики привѣтствуютъ его по Гречески: «на многія лѣта, Владыко»! а первый Діаконъ напоминаетъ ему долгъ его званія, евангельскими словами: «тако да просвѣ-

тится свѣтъ твой предъ человѣки, яко да видятъ добрая дѣла твоя и прославятъ Отца нашего, иже на небесѣхъ».

Чѣмъ дѣятельнѣе и совершеннѣе облекается человѣкъ въ духовныя свойства и добродѣтели, по заповѣдямъ и примѣру Христа, тѣмъ скорѣе отверзаются ему двери благодатныхъ таинствъ;—вотъ мысль, которая въ архіерейскомъ служеніи выражается тѣмъ, что когда Святитель облаченъ и готовъ къ литургіи, тогда царскія врата алтаря отверзаются при самомъ ея началѣ.

По прочтеніи часовъ приступаютъ Діаконы къ Епископу, тихо напоминая, что «время сотворити Господеви», и просятъ благословенія на свое служеніе при литургіи. Тогда первенствующій изъ нихъ торжественно требуетъ благословенія къ священнодѣйствію, и литургія начинается, благословеніемъ царства Пресвятыя Троицы, которое возглашаетъ старшій Пресвитеръ, при тайной молитвѣ Епископа, подобно тому, какъ Праотцы и Пророки возвѣщали славу Божію и благодать Христову, прежде нежели самъ Христосъ открылъ дѣло спасенія рода человѣческаго. *Великая эктенія*, или протяженная молитва, заключаетъ въ себѣ все, о чемъ должны мы благоразумно просить для нашей жизни, начиная съ вышняго мира и спасенія душъ нашихъ и заключая совершенною преданностью самихъ себя и другъ друга и всей нашей жизни, Христу Богу, при заступленіи Пречистой Дѣвы и всѣхъ Святыхъ. Что можетъ быть трогательнѣе молитвы о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ, и о спасеніи ихъ?—Здѣсь не укрылось ни одно бѣдствіе человѣчества отъ милосердаго ока Цер-

кви; далѣе, и невидимый міръ участвуетъ въ ея всеобъемлющей любви, когда она молитъ: о всѣхъ прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ. На приглашеніе Діакона къ молитвѣ отвѣчаетъ хоръ, въ лицѣ народа; Пресвитеръ же, слѣдуя тайною молитвою за словами Діакона, возглашаетъ всегда на концѣ эктеніи хвалу Тріединому Богу.

Между великою и двумя малыми эктеніями поются на два хора *антифоны*, то есть поперемѣнныя пѣснопѣнія, составленныя частію изъ цѣлыхъ псалмовъ, частію изъ стиховъ избранныхъ, относящихся къ празднеству дня. Сей родъ пѣнія установленъ святымъ Игнатіемъ, Епископомъ Антіохійскимъ, котораго благословилъ Спаситель, въ числѣ приведенныхъ къ нему младенцевъ. Таинственное видѣніе Ангеловъ, возглашавшихъ другъ другу славу Божію, внушило мысль сію Игнатію; онъ передалъ ее Церкви, а въ шестомъ вѣкѣ, Императоръ Іустиніанъ принесъ ей благоговѣйно въ даръ высокій гимнъ свой, во славу единороднаго Сына Божія; гимнъ сей поставленъ на концѣ антифоновъ, чтобы, пѣснію о воплощеніи, запечатлѣть истину пророческихъ вдохновеній.

Тогда начинается торжественный входъ съ Евангеліемъ, знаменующій, какъ я уже говорилъ тебѣ, открытую проповѣдь Христову послѣ крещенія. Епископъ встаетъ съ своей каѳедры и, тайною молитвою, готовится ко входу въ алтарь. Діаконъ возвышаетъ Евангеліе и восклицаніемъ: «премудрость» подаетъ мысль о премудрости, заключающейся въ Евангеліи, а вторымъ восклицаніемъ: «прости» предостерегаетъ, чтобы по важности времени священно-

служенія, всѣ стояли въ прямомъ, благоговѣйномъ положеніи и никто не оставался, или сидящимъ или небрежно опершимся. Епископъ, созерцая въ Евангеліи присутствіе самого Христа и подражая Іоанну Предтечѣ, который, увидя грядущаго Спасителя, воскликнулъ: «се Агнецъ Божій вземляй грѣхъ міра», первый призываетъ вѣрныхъ къ поклоненію, сими словами: «пріидите, поклонимся и припадемъ ко Христу; спаси насъ Сыне Божій».

Ближайшее дѣйствіе молитвы есть духовный свѣтъ въ душѣ, и потому, вслѣдъ за сею молитвою, Архіерей осѣняетъ вѣрныхъ свѣтильниками, какъ бы божественнымъ свѣтомъ, и, окруженный сослужащими, вступаетъ въ алтарь. Между тѣмъ какъ молитва: «спаси насъ Сыне Божій», переходитъ изъ средины храма на клиросъ, а отсюда во внутренность алтаря, онъ пріемлетъ кадило и, благоуханіемъ ѳиміама, вопервыхъ воздаетъ честь престолу Христову, потомъ кадитъ церковь, изображая тѣмъ дѣйствіе глубокой внутренней молитвы,—усладительное вѣяніе Святаго Духа. Въ отвѣтъ на кажденіе, Церковь привѣтствуетъ Святителя желаніемъ многихъ лѣтъ, по обычаю на Греческомъ языкѣ, и онъ, вслѣдъ за тѣмъ, взаимно привѣтствуетъ желаніемъ многихъ лѣтъ всю Церковь, начиная съ благочестивѣйшаго Императора, которое Діаконъ и клиръ возглашаютъ, а онъ запечатлѣваетъ осѣненіемъ рукъ.

Послѣ сего, вновь приступаетъ Архіерей къ молитвѣ, еще болѣе внутренней, потому что она начинается въ алтарѣ, у самаго престола Христова, и отсюда переходитъ въ церковь, еще болѣе возвышенной, потому что она относится непосредственно къ Пресвятой Троицѣ. Святитель, въ первый разъ

возглашаетъ самъ, прославляя святость Божію: «яко святъ еси Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно», и, поспѣшая возвратиться къ своей тайной молитвѣ, не оканчиваетъ славословія, а предоставляетъ, въ знакъ единства, довершить оное Діакону, отъ лица Церкви восклицаніемъ: «и во вѣки вѣковъ».

Молитва Трисвятому Богу, возглашаемая на клиросѣ и въ алтарѣ, въ свою чреду сопровождается свѣтомъ свѣтильниковъ и, поелику свѣтъ сей исходитъ изъ алтаря, онъ становится уже знаменательнѣе нежели тотъ, который прежде являлся среди церкви. Архіерей беретъ дикирій, и крестообразно касается онымъ лежащаго на престолѣ Евангелія, какъ источника свѣта; потомъ обращается къ народу и, держа въ одной рукѣ свѣтильникъ, а въ другой крестъ, осѣняетъ съ амвона всю церковь крестообразно, съ сими трогательными словами: «призри съ небеси Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей и утверди й, его же насади десница твоя»; а Церковь видитъ въ семъ осѣненіи, не только двойственный свѣтъ дикирія,—знаменіе двухъ естествъ во Христѣ, но и спасительную цѣль его воплощенія—крестъ. Когда же Архіерей возвращается въ алтарь, уже не только къ престолу, но далѣе къ востоку на *горнее* мѣсто: то взявъ трикирій, изъ сей болѣе глубокой внутренности святилища, осѣняетъ еще разъ, тройнымъ свѣтомъ Божества, живущаго во свѣтѣ неприступномъ.

Потомъ начинается чтеніе посланій Апостольскихъ, во время коего Епископъ сидитъ на горнемъ мѣстѣ, какъ преемникъ Апостоловъ, по сторонамъ же его сидятъ Пресвитеры, въ качествѣ сослужите-

лей. Но предъ тѣмъ, онъ отдаетъ съ себя омофоръ, дабы сей знакъ, нѣкоторымъ образомъ Христовъ, сопутствовалъ Евангелію Спасителя, когда оно будетъ читаться, и дабы въ то время представить себя смиренно стоящимъ наравнѣ съ прочими учениками слова Божія.—Во время эктеніи, такъ называемой *сугубой*, потому что въ ней усугубляется или точнѣе сказать, утрояется воззваніе: «Господи помилуй», Архіерей становится опять предъ престоломъ, и распростираетъ на немъ *антиминсъ*, шелковый платъ съ изображеніемъ погребенія Христова; онъ названъ антиминсомъ или *вмѣстопрестоліемъ*, потому что по первоначальному обычаю Церкви, престолъ храма долженъ быть освящаемъ Епископомъ; но какъ это не всегда возможно, то Епископъ совершаетъ освященіе, вмѣсто самаго престола, надъ антиминсомъ, а его торжественнымъ внесеніемъ въ алтарь и возложеніемъ на престолъ, довершается освященіе храма. Древнее же обыкновеніе созидать церкви на гробахъ мучениковъ и мощи мучениковъ полагать въ церквахъ, продолжается и теперь, ибо въ каждый антиминсъ, при освященіи его, полагается частица святыхъ мощей.

Послѣ сугубыхъ молитвъ, Діаконъ приглашаетъ вѣрныхъ помолиться объ *оглашенныхъ*, дабы Господь открылъ имъ Евангеліе правды и соединилъ съ своею Церковію и, по молитвѣ Архіерейской надъ ихъ преклоненными главами, высылаетъ ихъ вонъ изъ храма. Ты можетъ быть скажешь: за чѣмъ теперь обрядъ сей, почти напрасный, когда уже нѣтъ разряда оглашенныхъ, готовящихся къ св. крещенію, потому что всѣ окрещены съ младенчества, а разрядъ кающихся и отлученныхъ отъ таинствъ боль-

шею частію не примѣтенъ въ Церкви?—Подумай, однакоже, сколько есть между нами такихъ, которые только оглашены вѣрою Христовою, но не вѣруютъ, призваны ко спасенію и не идутъ; тщетно старается Церковь умягчить ихъ сердце молитвою, пронзить его словомъ Божіимъ: они имѣютъ уши, чтобы не слышать и очи, чтобы не видѣть, и стремятся къ погибели, какъ бы на нѣкій пиръ, имъ уготованный рукою вѣчной смерти, отклоняя отъ себя ту духовную трапезу, какую предлагаетъ имъ Искупитель, въ пріобщеніи собственнаго тѣла и крови, взывая: «пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и азъ упокою вы». И что говорю я о другихъ? взглянемъ на самихъ себя; не мы ли первые оглашенные?—Что скажешь? мы исповѣдуемъ Христа!—такъ, но не устами ли только? дѣла же наши лучше ли языческихъ? а по словамъ Писанія: «вѣра безъ дѣлъ мертва». Нѣтъ, другъ мой, съ трепетомъ преклоняю я голову, при возглашеніи Діакона: «оглашенніи, главы ваша Господеви преклоните», послѣ котораго они должны изгоняться изъ храма; молюсь въ сію минуту, столько же за самого себя, сколько и за нихъ, чтобы не быть изгнаннымъ страшными Ангелами изъ царствія небеснаго, подобно какъ изъ церкви изгоняются Діакономъ оглашенные, и когда потомъ онъ призываетъ уже однихъ только вѣрныхъ къ молитвѣ,—знаешь ли, что я не всегда дерзаю молиться!

12 Сентября 1835 г.
Село Осташево.

ПИСЬМО IV.

Теперь приступимъ къ важнѣйшему: поется *Херувимская* пѣснь, твореніе Императора Іустина; но можетъ быть ея содержаніе темно для тебя на Славянскомъ,—вотъ переводъ: «Мы, которые тайно образуемъ Херувимовъ, и вмѣстѣ съ ними воспѣваемъ трисвятую пѣснь животворящей Троицѣ, отложимъ нынѣ попеченіе о всякомъ дѣлѣ житейскомъ, ибо готовимся торжественно поднять Царя всѣхъ, котораго невидимо копьеносятъ Ангельскія силы».

Даже и въ этомъ переводѣ слово: *копьеносятъ*, вѣроятно поразило тебя; но ты долженъ знать, что оно выражаетъ въ точности, не только Славянское *доригносима*, но и самую картину, которую хотѣлъ изобразить въ сей пѣсни Іустинъ. Римскіе воины, при провозглашеніи новоизбраннаго Императора, обыкновенно подымали его на щитѣ, посреди легіона, такъ что онъ являлся поверхъ окружавшихъ его копій. Въ церкви какъ бы повторяется таже картина; послѣ словъ: *отложимъ попеченіе*, является Діаконъ, какъ бы одинъ отъ невидимаго легіона Ангеловъ, подъемлющій надъ главою, на дискосѣ какъ на щитѣ, Царя всѣхъ, въ смиренномъ видѣ Агнца.

О какъ кстати, предъ самымъ ходомъ, поражаетъ всегда слухъ благодѣтельное слово: *отложимъ попеченіе*, какъ кстати извлекаетъ грубый умъ изъ помысловъ житейскихъ! Тогда Архіерей, омывъ очи и руки, дабы чисто созерцать и дѣйствовать, и трижды простерши руки на молитву предъ престоломъ, идетъ самъ творить молитвенное воспоминаніе живыхъ и мертвыхъ надъ жертвенникомъ, и отпускаетъ

пріуготовленнаго таинственнаго Агнца, для страшнаго его принесенія въ жертву на престолѣ, за грѣхи людей; а Христіане ожидаютъ сего торжественнаго шествія и втайнѣ молятъ, съ преклоненіемъ главы, идущихъ мимо Пресвитеровъ: чтобы помянули ихъ предъ Господомъ, что̀ исполняютъ они громко, начиная съ властей.

Пѣснь Василія Великаго на сіе же мгновеніе, которую поютъ однажды только въ годъ, въ великую субботу, еще умилительнѣе: «да молчитъ всякая плоть человѣча, и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ: Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ. Предходятъ же сему лицы Ангельстіи, со всякимъ началомъ и властію: многоочитіи Херувими и шестокрылатіи Серафими, лица закрывающе и вопіюще пѣснь: аллилуія».

И вмѣстѣ со звуками сей пѣсни, ты видишь ея изображеніе въ лицахъ: Діаконы, въ образѣ Ангеловъ, предъидутъ со свѣчами, опустивъ орари свои какъ крила; другіе вѣютъ надъ сосудомъ *рипидами*, съ изображеніемъ Херувимовъ; еще иные облекаютъ все шествіе облаками ѳиміама, какъ бы приготовляя ему воздушную стезю; одинъ несетъ на плечѣ своемъ *воздухъ*, память погребальной плащаницы Христовой, другой несетъ *омофоръ*, знакъ вочеловѣченія, съ сіяющимъ на немъ крестомъ, который, какъ знаменіе Сына человѣческаго, предъидетъ ему на небесахъ, въ день страшнаго суда. Старшій Діаконъ высоко держитъ, надъ главою, *дискосъ* или блюдо, на коемъ лежитъ покровенный Агнецъ; за нимъ старшій Пресвитеръ съ *потиромъ*, чашею, готовою скоро испол-

ниться крови Спасителя; далѣе слѣдуютъ постепенно, въ рукахъ іерейскихъ, орудія Божественнаго страданія: *крестъ*, *копіе*, *губа*, которая напоила его желчію и *лжица*, дающая вкушать кровь его вѣрнымъ. Архіерей, безъ митры и омофора, раболѣпно встрѣчаетъ сіе изобразительное шествіе, въ дверяхъ царскихъ, и поставляя дискосъ и чашу на престолъ, какъ бы во гробъ, подобно Іосифу Аримаѳейскому, воспоминаетъ его подвигъ, говоря: «благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое тѣло твое, плащаницею чистою обвивъ и благоуханьми, во гробѣ новѣ, покрывъ положи».

Опять выходитъ Діаконъ къ народу и приглашаетъ исполнить молитву Господеви; но уже прошенія его не касаются благъ земныхъ и временныхъ, а простираются единственно къ духовнымъ и небеснымъ: онъ молитъ о Ангелѣ хранителѣ, о томъ, что добро и полезно душамъ нашимъ, о прощеніи грѣховъ, провожденіи нашей жизни въ мирѣ и покаяніи, и о Христіанской ея кончинѣ, съ добрымъ отвѣтомъ предъ страшнымъ судилищемъ Христовымъ. Какія назидательныя молитвы! Потомъ, услышавъ со всею Церковью желаніе мира изъ устъ святительскихъ, приглашаетъ насъ возлюбить другъ друга, дабы мы могли единомысленно исповѣдывать,—и хоръ договариваетъ за всѣхъ насъ: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную», показывая тѣмъ, что мы сохраняемъ взаимную любовь и съ любовію исповѣдуемъ истиннаго Бога. Прежде, во время сей пѣсни, всѣ Христіане цѣловались между собою; теперь одни только Священники въ алтарѣ цѣлуютъ Архіерея и другъ друга.

Потомъ взываетъ Діаконъ: «двери, двери, пре-

мудростію вонмемъ». Въ древности это служило знакомъ для вѣрныхъ, заключать наружныя врата церкви, чтобы никто изъ непріобщенныхъ къ таинствамъ Христіанскимъ, или гонителей Христіанства, не могъ войти во время тайнодѣйствія. Нынѣ Церковь не имѣетъ причины къ подобному опасенію и потому напротивъ, при восклицаніи: «*двери, двери*», отдергивается завѣса отъ царскихъ вратъ, заключенныхъ при служеніи простаго Іерея, и сіе означаетъ, что тайна готова открыться и сообщиться каждому чрезъ вѣру. То же знаменуетъ и поднятіе *воздуха* съ сосудовъ, который, во все время пѣнія *символа* вѣры, колеблется надъ преклоненною главою Архіерея, въ знаменіе наитія Святаго Духа. Еще однажды возбуждаетъ Діаконъ вниманіе вѣрныхъ: «станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ; вонмемъ святое возношеніе въ мирѣ приносити», и удаляется въ алтарь.

Тогда въ послѣдній разъ, для возженія усердія въ народѣ предъ освященіемъ даровъ, выходитъ къ нему Епископъ, держа въ рукахъ свѣщники и, поднявъ ихъ къ небу, сперва преподаетъ вѣрнымъ три духовные дара, отъ каждаго лица Святой Троицы: «благодать Господа нашего Іисуса Христа, любовь Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа» и, какъ бы ради сихъ трехъ великихъ залоговъ, молитъ всѣхъ, «да горѣ имѣютъ сердца»; а хоръ надежно отвѣчаетъ ему за всѣхъ: «имамы ко Господу» когда, быть можетъ, самые нечистые помыслы вращаются въ сію страшную минуту въ душѣ нашей.—«Что творишь, о братъ мой? говорилъ нѣкогда св. Ефремъ Сирянинъ, не обѣщался ли Іерею горѣ имѣть сердце, и не страшишься ли въ часъ сей обрѣтаться лживымъ? О великое чудо! Агнецъ Божій ради тебя

закалается, всѣ силы небесныя съ Іереемъ за тебя молятся, кровь Христова вливается въ тайную чашу за твое очищеніе, а ты не стыдишься, не оплакиваешь самого себя, въ сіе мгновеніе, не молясь ни о себѣ, ни о другихъ»!

«Благодаримъ Господа!» восклицаетъ въ третій разъ Епископъ, осѣняя вѣрныхъ, и когда при звукѣ колокола, возбуждающаго къ вящей молитвѣ, Церковь отвѣтствуетъ ему: «достойно и праведно есть», самъ онъ входитъ во внутренность святилища, для возданія сего благодаренія. Тамъ воспоминаетъ предъ престоломъ, гдѣ готовится жертва, всѣ дивныя и несказанныя благодѣянія Господа къ роду человѣческому, начиная отъ сотворенія міра и до его искупленія, и приходя какъ бы въ нѣкое изступленіе, отъ недостатка словъ человѣческихъ для возданія достойной хвалы, воспоминаетъ пѣснь Ангельскую, которую слышалъ Пророкъ Исаія изъ устъ Серафимовъ, которыхъ видѣлъ Іезекіиль, въ таинственныхъ образахъ орла, тельца, льва и человѣка, и восклицаетъ: «побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще». А хоръ, участвуя въ его восторгѣ, отвѣтствуетъ сперва словами самихъ Ангеловъ, какъ бы на небѣ: «святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы твоея», потомъ и на землѣ привѣтствуетъ Господа кликами Еврейскихъ отроковъ, вышедшихъ съ пальмами на срѣтеніе сыну Давидову: «осанна въ вышнихъ! благословенъ грядый во имя Господне»! Въ сіе мгновеніе, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, многіе святые мужи видали внутри святилища Ангеловъ, имъ сослужащихъ, и со страхомъ предстоящихъ трапезѣ.

Вотъ наступила самая вечеря Христова, Архі-

ерей, въ лицѣ Спасителя, указываетъ на святой хлѣбъ и произноситъ слова Господни: «пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое, во оставленіе грѣховъ», и на чашу: «пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя, новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ» и, предлагая Богу Отцу сіе вольное Сыновнее приношеніе (подымаемое крестообразно руками Діакона), возглашаетъ: «Твоя отъ Твоихъ, Тебѣ приносяще, о всѣхъ и за вся». Потомъ, воздѣвъ горѣ руки, трижды призываетъ Духа Святаго, ниспосланнаго Апостоламъ; потомъ, произнося тайнодѣйственныя слова, трепетно благословляетъ, крестнымъ знаменіемъ, сперва хлѣбъ, а послѣ чашу, и наконецъ оба вида вмѣстѣ, какъ составляющіе единое таинство. Тогда, имѣя предъ собою уже не хлѣбъ и вино, *но истинное тѣло Христово и истинную кровь Христову*, онъ и всѣ сослужащіе благоговѣйно простираются ницъ, предъ сверхъ-естественнымъ таинствомъ, какое дерзнулъ совершить смертный, по благодати Святаго Духа. Во все же время сего великаго дѣйствія лики поютъ благоговѣйно: «Тебе поемъ, тебе благословимъ, тебе благодаримъ Господи, и молимтися Боже нашъ».

За симъ, воздавая честь тѣлу и крови Христовымъ, кажденіемъ ѳиміама, священнодѣйствующій воспоминаетъ, какъ объ участникахъ въ молитвѣ и таинствѣ, о всѣхъ Святыхъ, благоугодившихъ Господу, и наипаче «изрядно о пресвятѣй, пречистѣй, преблагословеннѣй, славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ и присно-Дѣвѣ Маріи»; а Церковь ублажаетъ ее достойными хвалами, величая: «честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Сера-

фимъ». Потомъ Святитель молится, за власти духовныя и мірскія, за всѣхъ Христіанъ живыхъ и усопшихъ, и даже за всю вселенную, ибо точно на всю вселенную простирается сила и дѣйствіе жертвы Христовой; молится въ особенности, чтобы всѣ, едиными устами и единымъ сердцемъ, славили и воспѣвали Бога, и наконецъ испрашиваетъ на нихъ милость свыше.

Выходитъ изъ алтаря Діаконъ и повторяетъ прежнія, духовныя, высокія молитвы, но присоединяетъ къ нимъ вначалѣ: «чтобы Господь, принявъ святые принесенные ему дары въ мысленный свой жертвенникъ, ниспослалъ намъ божественную благодать и даръ Святаго Духа»; наконецъ, приготовляясь къ причащенію, крестообразно слагаетъ на себѣ орарь, какъ бы отвсюду облекаясь крестомъ, чтобы симъ священнымъ знаменіемъ покрыть все немощное въ человѣчествѣ и неосужденно пріобщиться Божественныхъ таинъ. Другое ближайшее приготовленіе есть богоугоднѣйшая изъ всѣхъ молитвъ, молитва собственно Господня: *«Отче нашъ»*. Она произносится въ слухъ всей Церкви, а Святитель присовокупляетъ къ ней тайную молитву, для участія въ которой присутствующіе, по приглашенію Діакона, преклоняютъ главы. Наконецъ, съ возбуждающимъ вниманіе словомъ *«вонмемъ»*, святилище закрывается завѣсою, для причащенія священнодѣйствующихъ, и въ сію минуту Архіерей, поднявъ съ дискоса тѣло Христово, возноситъ горѣ, возглашая торжественно: «Святая святымъ»! чѣмъ даетъ разумѣть, сколь святу должно быть для принятія подобной святыни, а ликъ смиренно отвѣчаетъ ему: «единъ святъ, единъ Господь, Іисусъ Христосъ, въ славу Бога Отца, аминь».

Въ это время опускается въ чашу часть пресвятаго тѣла, для соединенія обоихъ видовъ одного таинства, и вливается въ чашу теплота, съ сими словами: «теплота вѣры, полна Духа Святаго», для большаго напоминовенія теплоты крови и воды, истекшихъ на крестѣ изъ прободеннаго ребра Христова. Архіерей, испросивъ себѣ христіанское прощеніе, приступаетъ самъ къ пріобщенію таинъ Христовыхъ и раздаетъ пречистое тѣло его, съ лѣвой стороны престола, Пресвитерамъ и Діаконамъ, потомъ и Божественную кровь подаетъ въ чашѣ подошедшимъ, съ правой стороны, Пресвитерамъ, трогательно напоминая послѣднюю вечерю Христову, симъ умилительнымъ зрѣлищемъ, котораго, по истинѣ, нельзя видѣть безъ слезъ и сердечнаго сокрушенія. Послѣ сего старшій Пресвитеръ пріобщаетъ Діаконовъ.

Врата царскія вновь отверзаются. Спаситель самъ призываетъ всѣхъ вѣрныхъ на свою трапезу, устами Діакона: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите», и блаженъ могущій вкусить достойно сей небесной пищи, ибо «ядый и піяй недостойнѣ судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла Господня», по словамъ Апостола Павла. (1 Кор. XI, 29).

А Церковь радостно воскликнувъ: «благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явися намъ»! поетъ трогательную пѣснь: «видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, нераздѣльнѣй Троицѣ поклоняемся, та бо насъ спасла». Еще однажды показываются народу святые Дары, въ царскихъ вратахъ, и тотчасъ скрываются отъ Церкви на жертвенникъ. При семъ священнодѣйствующій воспоминаетъ послѣднее явле-

ніе Христово Апостоламъ и его вознесеніе на небо и, какъ бы удаляясь за Христомъ на небеса, онъ произноситъ у престола: «благословенъ Богъ нашъ», такъ что Церковь сего не слышитъ, а только конецъ славословія отдается въ слухъ земли, посреди царскихъ вратъ: «всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ», ибо Господь обѣщалъ быть съ нами во вѣки.

Послѣ краткой эктеніи и заамвонной молитвы, Архіерей въ послѣдній разъ благословляетъ народъ и отпускаетъ его, воздавъ хвалу Богу и приводя на память вѣрнымъ, празднуемыхъ въ сей день Святыхъ, прославившихъ Господа своею благоугодною жизнію. Таково страшное совершеніе Божественныхъ таинъ Христовыхъ.

Сентября 13.
Село Осташево.

V. ЕЩЕ О ЛИТУРГІИ.

Хотя, въ письмахъ о Богослуженіи, старался я, по мѣрѣ тѣснаго ихъ объема и моихъ понятій, изобразить постепенный ходъ Литургіи: однако же истолкованіе сіе представляется тебѣ неудовлетворительнымъ, какъ по самой краткости, такъ и по тому, что ты менѣе знакомъ со служеніемъ Архіерейскимъ, мною описаннымъ.—И такъ хочу, еще однажды, изложить предъ тобою порядокъ и значеніе Божественной службы, уже не торжественной по внѣшнему великолѣпію, числу и сану священнослужителей, но съ такимъ же духовнымъ торжествомъ совершаемой, однимъ Іереемъ и Діакономъ; ибо, и въ ихъ скромномъ служеніи, представляется для насъ

то же высокое зрѣлище тайной вечери Христовой и всей его жизни, отъ колыбели Виѳлеемской до вознесенія на небо.

Какъ часто, съ сокрушеніемъ сердца, доводится намъ слышать отъ людей, совсѣмъ не чуждыхъ вѣры и благочестія, ибо въ устахъ невѣрующихъ и не странно было бы такое слово: «за чѣмъ намъ ходить въ церковь? развѣ нельзя также молиться дома?—Такой образъ понятій тѣмъ болѣе огорчителенъ, что проистекая не отъ ожесточенія противъ Церкви, а только отъ невѣдѣнія, онъ лишаетъ однако же неправомыслящихъ духовнаго блага соборной молитвы, наравнѣ съ чуждыми всякаго общенія съ Церковію.

Если подъ именемъ ея, они разумѣютъ только четыре стѣны храма, осѣненныя крестомъ: то конечно, и въ стѣнахъ собственной ихъ храмины, можно возносить теплыя молитвы къ Богу; ибо самъ Спаситель сказалъ: «когда молишься, не будь какъ лицемѣры, которые любятъ въ сонмищахъ и на улицахъ останавливаясь молиться, чтобы видѣли ихъ люди. Ты же, когда молишься, взойди въ комнату свою и, затворивъ за собою двери, помолись Отцу твоему, который въ тайнѣ, и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно» (Матѳ. VI, 5, 6). Но должно понимать Церковь въ истинномъ ея значеніи, т. е. собраніемъ вѣрныхъ, соединенныхъ между собою таинствами и вѣрою въ Господа Іисуса Христа, который обѣщалъ имъ: что «тамъ, гдѣ соберутся двое или трое во имя Его, и Онъ будетъ посреди ихъ» (Матѳ. XVIII, 20), и пріобщивъ Апостоловъ, на вечери тайной, своего тѣла и крови, повелѣлъ имъ «творить сіе въ Его воспоминаніе» (Луки XXII, 15).—Тогда сколь знаменательнымъ сдѣлается, для

каждаго члена Церкви, сіе повтореніе вечери Христовой, ибо говоритъ Апостолъ: «всякой разъ, когда вы ядите хлѣбъ сей и піете чашу сію, вы возвѣщаете смерть Господню, доколѣ пріидетъ» (1 Кор. XI, 26). И такъ, не одна лишь память перваго искупительнаго пришествія Христова, но и ожиданіе втораго страшнаго его пришествія, для разсужденія дѣлъ нашихъ, должны исполнять трепетомъ сердца наши при Божественной Литургіи, во время коей опять приносится за насъ жертва Христова, хотя въ видѣ безкровной, чтобы сдѣлаться болѣе намъ доступною.

И не одни только приступающіе къ симъ страшнымъ тайнамъ бываютъ причастниками Божественной благодати, чрезъ ближайшее общеніе со Христомъ, но и на тѣхъ, которые благоговѣйно присутствуютъ въ храмѣ, изливается благодатная сила соборной молитвы, и даже на отсутствующихъ, если однако они находятся въ союзѣ вѣры съ Церковью, и отсутствуютъ по какой-либо законной винѣ, а не по лѣности или нерадѣнію; ибо такова забота общей всѣхъ матери, Церкви, о вѣрныхъ чадахъ своихъ, которыхъ осѣняетъ она ежедневно щитомъ молитвы, и на земномъ жертвенникѣ представляетъ ихъ небесному престолу, предъ лице самого Агнца Божія, за насъ закалающагося. Ближніе и дальніе, живые и мертвые, всѣ объемлются ею, и тѣсный храмъ становится цѣлымъ міромъ, расширяется за предѣлы видимаго, принесеніемъ всемірной жертвы! О, какое невыразимое чувство любви соединяетъ здѣсь міръ, видимый и невидимый, все семейство Христово, въ которомъ Онъ, первородный между братьями, связуетъ собою всѣ члены въ одно цѣлое, какъ единая Глава духовнаго тѣла Церкви.

Дѣйствіе сіе, исполненное съ ея стороны высочайшей любви и милосердія, даетъ и намъ средство показать себя достойными ея чадами, изъявленіемъ взаимной любви, которая только свойственна Христіанамъ и не ограничивается временнымъ. Какое утѣшеніе для пришельствующаго въ сей преходящей жизни, что, посредствомъ молитвы, навсегда проченъ союзъ его съ людьми близкими его сердцу, еще раздѣляющими съ нимъ земное странствіе, или уже провожденными къ небесной отчизнѣ: ибо, заслугами Господа Іисуса Христа и честною его кровію, за насъ пролитою, испрашиваетъ онъ для нихъ спасеніе здѣсь и тамъ. Посему сколь многаго лишаютъ сами себя тѣ, которые, не постигая главнаго предмета Божественной Литургіи, не хотятъ быть участниками въ общей жертвѣ, принесеніемъ съ своей стороны дара, въ память живыхъ и усопшихъ; оттого и священнодѣйствіе Литургіи кажется для нихъ безразличнымъ отъ тѣхъ обыкновенныхъ молитвъ, какія каждый Христіанинъ можетъ возносить въ своей храминѣ. А между тѣмъ, отъ сего горькаго ихъ невѣдѣнія и нерадѣнія, сколько душъ, нуждающихся въ ихъ молитвѣ, въ сей временной жизни и въ вѣчной, для которыхъ они готовы были бы, по искренней любви своей, оказать всякаго рода помощь, остаются неудовлетворенными! И пусть еще, въ сей мимотекущей жизни, когда благорасположенному человѣку представляется много средствъ, изъявить ближнему свою пріязнь, пусть усиливаются они, земными путями, исполнить священный долгъ сей; но тамъ, гдѣ прекращаются всѣ залоги временные, не нарушается ли и самая душевная связь оставшагося съ отшедшимъ, когда, опустивъ его въ

холодную землю, онъ не пребудетъ съ нимъ въ духовномъ общеніи, чрезъ посредство теплой, живой за него молитвы, сей единственной связи, которая осталась возможною для обоихъ, въ общемъ ихъ Господѣ, Судіи живыхъ и мертвыхъ, все собою объемлющемъ!

Весьма знаменательна первая пріуготовительная часть Литургіи, называемая «Проскомидіею», которая большею частію намъ неизвѣстна, какъ дѣйствіе, совершаемое прежде нашего обыкновеннаго прихода въ церковь; ибо мы часто пропускаемъ и чтеніе Часовъ, за нею слѣдующихъ, хотя они благоразумно положены Св. Отцами для того, чтобы, умилительными молитвами, постепенно приготовить насъ къ созерцанію великаго таинства жертвы Христовой.

Священникъ, по облаченіи и предварительнымъ молитвамъ, беретъ избранную для Агнца просфору и, знаменуя трижды копіемъ, въ воспоминаніе Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, водружаетъ въ нее копіе, и совершаетъ таинственное закланіе Агнца, которое живописуетъ словами пророческими Исаіи: «яко овча на заколеніе ведеся и яко агнецъ непороченъ, прямо стригущаго его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ; во смиреніи его судъ его взятся, родъ же его кто исповѣсть?—яко вземлется отъ земли животъ его» (Исаі. LIII). Для большаго подобія, онъ исполняетъ и послѣднее дѣйствіе воина надъ Распятымъ, съ сими словами Евангелиста Іоанна: «единъ отъ воинъ копіемъ ребра ему прободе, и абіе изыде кровь и вода: и видѣвый свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтельство его» (Іоан. XIX, 34). Діаконъ же вливаетъ въ память сего воду и вино въ потиръ, испра-

шивая благословеніе Священника святому ихъ соединенію.

Когда приготовлено все нужное для совершенія таинства, Священникъ вынимаетъ изъ другой просфоры частицу, въ честь и память преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, взывая къ Господу, чтобы «ея молитвами принялъ жертву сію въ пренебесный свой жертвенникъ», и полагаетъ частицу одесную Агнца на дискосѣ, воспоминая пророческія слова Давида о сей его дщери: «предста Царица одесную тебе въ ризы позлащены одѣянна и преукрашена (Пс. XLIX, 9).

Изъ третьей просфоры вынимаетъ онъ девять частицъ въ честь и память Предтечи, Пророковъ, Апостоловъ, Святителей, Мучениковъ, Преподобныхъ, Безсребренниковъ и всѣхъ Святыхъ благоугодившихъ Богу, дабы вся видимая и невидимая Церковь участвовала въ приношеніи всемірной жертвы Христовой, и какъ на небѣ, такъ и на землѣ видимо ему предстояла.

Когда такимъ образомъ, въ залогъ неразрывной любви, совершится воспоминаніе всей торжествующей Церкви, взаимно о насъ молящейся тому же на небесахъ Агнцу, Священникъ обращается и къ воинствующей на землѣ Церкви и, взявъ четвертую просфору, вынимаетъ изъ нея части, которыя кладетъ внизу на дискосѣ, какъ бы у ногъ святаго Агнца. Онъ воспоминаетъ власти духовныя и всю во Христѣ братію, Императора, Августѣйшій Домъ его, и потомъ всѣхъ кого пожелаетъ.

Наконецъ, взявъ пятую и послѣднюю просфору, отдѣляетъ части за усопшихъ: святѣйшихъ Патріарховъ, благочестивыхъ Царей, Царицъ, блаженныхъ

создателей храма или обители, и всѣхъ, въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчныя, усопшихъ православныхъ отецъ и братій нашихъ. Онъ вынимаетъ часть и за самого себя: «дабы помянулъ Господь и его недостоинство, и простилъ ему всякое согрѣшеніе вольное же и невольное». Потомъ благословивъ кадило, въ воню благоуханія духовнаго, ставитъ сверхъ дискоса крестообразную звѣздицу, чтобы не разсыпались частицы, когда осѣнитъ ихъ покровомъ, и въ память той звѣзды, которая нѣкогда явилась въ Виѳлеемѣ волхвамъ; онъ молитъ Бога, пославшаго небесный хлѣбъ въ пищу всему міру, Господа Іисуса Христа, Спаса и избавителя и благодѣтеля, благословляющаго и освящающаго насъ, чтобы принялъ дары сіи въ пренебесный свой жертвенникъ, и помянулъ принесшихъ оные и тѣхъ, за которыхъ принесены.

Тогда, воздѣвъ руки къ нему, пріуготовляетъ себя, вмѣстѣ съ сослужителемъ, къ Божественной литургіи, призываніемъ Утѣшителя Духа истины и Ангельскимъ славословіемъ: «слава въ вышнихъ Богу», и божественная Литургія начинается «благословеніемъ царства Отца и Сына и Св. Духа», которое, уже при самомъ началѣ, открываетъ вѣрнымъ неисповѣдимую тайну Пресвятой Троицы, доступную намъ только чрезъ воплощеніе Христово.

Какія же суть первыя прошенія, которыми Діаконъ, съ высоты амвона, возбуждаетъ всю Церковь взывать къ Богу, на такъ называемой великой эктеніи, или продолжительной связи молитвъ? Прежде всего онъ приглашаетъ всѣхъ предстоящихъ молиться въ мирѣ, ибо безъ мира взаимнаго не можетъ быть истинной молитвы. Самъ Господь сказалъ: «если

принесешь даръ твой къ алтарю, и тутъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ нѣчто на тебя, оставь тамъ даръ твой предъ алтаремъ, и поди прежде примирись съ братомъ твоимъ, и тогда приди и принеси даръ твой; мирись скорѣе съ соперникомъ твоимъ, пока находишься съ нимъ на пути» (Матѳ. V, 23—25). Напомнивъ о семъ дольнемъ мирѣ между человѣками, Діаконъ внушаетъ молиться и о свышнемъ мирѣ и спасеніи душъ нашихъ, ибо «что дастъ человѣкъ въ замѣнъ души своей, если однажды погубитъ ее»? (Марк. VIII, 37) и еще, въ третій разъ, молится о мирѣ всего міра, и благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей и соединеніи всѣхъ; такова была и послѣдняя молитва Христова на вечери ко Отцу: «да вси будутъ едино» (Іоан. XVII, 21).

Такимъ образомъ миръ внутренній и внѣшній, небесный и земной, полагается въ основаніе моленій, во время принесенія умиротворительной жертвы Христовой, и сіе желаніе мира многократно повторяется въ продолженіи Литургіи, дабы ничто не нарушало взаимнаго общенія членовъ Христовыхъ, между собою и съ ихъ Божественною Главою. На каждое прошеніе умиленно взываетъ хоръ, отъ лица всего народа: «Господи помилуй». Діаконъ вслѣдъ за симъ продолжаетъ молиться: «о святомъ храмѣ, и о входящихъ въ оный съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ; о Святѣйшемъ Сѵнодѣ, о Благочестивомъ Императорѣ и его Августѣйшемъ Домѣ, палатѣ, воинствѣ, о всякомъ градѣ, странѣ и вѣрою живущихъ въ нихъ; о благораствореніи воздуха, изобиліи плодовъ земныхъ и временахъ мирныхъ; о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ, и о спасеніи ихъ; о избавле-

ніи насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды. Потомъ, воззвавъ еще однажды къ Богу, «да заступитъ, спасетъ, помилуетъ и сохранитъ насъ своею благодатію», Діаконъ заключаетъ эктенію, воспоминаніемъ Пресвятой Дѣвы и всѣхъ Святыхъ, внушая намъ, чтобы мы предали самихъ себя и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу; а Священникъ, послѣ тайной молитвы, возглашаетъ славу, честь и поклоненіе Пресвятой Троицѣ, возвращая всю цѣпь моленій къ тому же вѣчному Началу, отъ коего проистекаютъ для насъ временныя и вѣчныя блага.

Послѣ сей первой эктеніи, въ которой краткими словами изложено все то, о чемъ можемъ молить Господа, для сей преходящей и будущей жизни, оба лика поперемѣнно начинаютъ воспѣвать «антифоны», или хвалебные стихи псалмовъ, выражающіе благодарность нашу къ Создателю, и сознаніе собственнаго убожества. Таковъ псаломъ: «благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое его; благослови душе моя Господа и не забывай всѣхъ воздаяній его, очищающаго вся беззаконія твоя, исцѣляющаго вся недуги твоя, избавляющаго отъ истлѣнія животъ твой, вѣнчающаго тя милостію и щедротами, исполняющаго во благихъ желанія твоя, обновится яко орля юность твоя. Щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ: не до конца прогнѣвается, ниже въ вѣкъ враждуетъ, не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ есть намъ, ниже по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ; яко Той позна созданіе наше, помяну яко персть есмы: человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ: яко духъ пройде въ немъ, и не бу-

детъ и не познаетъ къ тому мѣста своего, милость же Господня отъ вѣка и до вѣка на боящихся его;— на всякомъ мѣстѣ владычествія его благослови душе моя Господа». Таковъ и другой псаломъ: «хвали душе моя Господа, восхвалю Господа въ животѣ моемъ, пою Богу моему, дондеже есмь. Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческія, въ нихже нѣсть спасенія. Господь рѣшитъ окованныя, Господь умудряетъ слѣпцы, Господь возводитъ низверженныя, Господь любитъ праведники, Господь хранитъ пришельцы; сира и вдову пріиметъ и путь грѣшныхъ погубитъ».

Къ сему ветхозавѣтному псалму присоединяется новозавѣтное исповѣданіе, о явленіи милосердаго Бога, умудряющаго слѣпцовъ, который, «будучи единороднымъ Сыномъ и Словомъ Божіимъ, изволилъ, нашего ради спасенія, воплотиться отъ Святой Дѣвы Маріи и воистинну быть человѣкомъ, распяться и смертію смерть попрать».

Краткія эктеніи положены на концѣ антифоновъ, для непрестаннаго возбужденія къ молитвѣ; а между тѣмъ Священникъ втайнѣ проситъ, чтобы Тотъ, кто обѣщался исполнить прошенія двухъ или трехъ, согласившихся призывать имя его, исполнилъ и нынѣ на пользу прошенія рабовъ своихъ, даруя имъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ познаніе своей истины, и въ будущемъ жизнь вѣчную. Вѣрные же, какъ бы проникнутые симъ духовнымъ познаніемъ, начинаютъ воспѣвать блаженства: «нищихъ духомъ, плачущихъ, кроткихъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, милостивыхъ, чистыхъ сердцемъ, миротворцевъ, изгнанныхъ правды ради и злословимыхъ за имя Христово, потому что велика ихъ мзда на небеси».

Тогда, открытіемъ царскихъ вратъ, отверзаются для насъ какъ бы врата сего небеснаго царствія и, въ образѣ предносимаго Евангелія, исходитъ самъ Спаситель на дѣло Божественной проповѣди, тѣсною сѣверною дверью, какъ бы неузнанный еще, на средину церкви; оттолѣ же возвращается, царскими вратами, торжественно во святилище. Діаконъ, возвысивъ Евангеліе во вратахъ царскихъ, возглашаетъ: «премудрость прòсти», ибо Премудрость Божія, чрезъ благовѣстіе, позналась міру, а слово «прòсти» т. е. стойте прямо, произносится для того, чтобы никто не дерзнулъ, во время сего знаменательнаго шествія, оставаться сидящимъ или прислоненнымъ, но всѣ бы воспрянули душевно и тѣлесно вслѣдъ за Христомъ, взывая вмѣстѣ съ ликами: «пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу, спаси насъ Сыне Божій».

Прилично воспѣваются здѣсь и стихи, изображающіе торжество дня, или подвиги празднуемаго Святаго, вѣрою во Христа совершившаго славное на землѣ и взошедшаго съ нимъ въ его небесную обитель. Священникъ возглашаетъ изъ алтаря святость единаго, въ Троицѣ славимаго Бога: «яко святъ еси, Боже нашъ, и тебѣ славу возсылаемъ», предоставляя Діакону, отъ лица Церкви, окончить славословіе, въ знакъ общаго согласія священнослужителей и народа. Лики же начинаютъ трисвятую пѣснь: «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный помилуй насъ».

Съ сею молитвою священнослужители отходятъ въ самую внутренность алтаря, какъ бы во глубину боговѣдѣнія, отколѣ истекла намъ тайна Пресвятыя Троицы; Пресвитеръ, благословивъ за престоломъ горнее мѣсто, съ желаніемъ мира всей паствѣ, садит-

ся для слушанія посланій Апостольскихъ, а Діаконъ исполняетъ церковь куреніемъ ѳиміама, предъ чтеніемъ Божественныхъ словесъ Евангельскихъ, которыя самъ долженъ возвѣщать съ амвона. Но, прежде нежели начаться сему спасительному чтенію, молитъ Священникъ: «чтобы человѣколюбивый Владыка возсіялъ, въ сердцахъ нашихъ, нетлѣнный свѣтъ своего богоразумія, и отверзъ наши мысленныя очи для разумѣнія Евангельскихъ проповѣданій, и вложилъ въ насъ страхъ блаженныхъ своихъ заповѣдей, дабы, поправъ всѣ плотскія похоти, мы проходили духовное жительство, мудрствуя и дѣйствуя все къ его благоугожденію».

Послѣ чтенія Евангелія, Діаконъ, возбуждая всѣхъ, воззвать отъ всея души и отъ всего помышленія къ Господу Вседержителю, Богу отцевъ нашихъ, продолжаетъ опять молиться, о властяхъ мірскихъ и духовныхъ, Христолюбивомъ воинствѣ, и всей братіи, присовокупляя еще молитву: «о святѣйшихъ Патріархахъ, благочестивыхъ Царяхъ, благовѣрныхъ Царицахъ, создателяхъ храма или обители, и всѣхъ прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ; о плодоносящихъ и добродѣющихъ во святомъ храмѣ, труждающихся, поющихъ, предстоящихъ людяхъ, ожидающихъ отъ Господа великія и богатыя милости». Здѣсь же прилагаются иногда особенныя молитвы о усопшихъ, если за нѣкоторыхъ исключительно приносится жертва.

Доселѣ могли присутствовать въ храмѣ и тѣ, которые только оглашены ученіемъ вѣры, но еще не посвящены въ самыя ея таинства. Прежде ихъ удаленія, милосердая Церковь приноситъ о нихъ послѣднюю молитву, устами вѣрныхъ: чтобы Господь

помиловалъ и огласилъ ихъ словомъ истины, открылъ имъ Евангеліе правды, соединилъ ихъ святой своей Апостольской Церкви, спасъ, помиловалъ, заступилъ и сохранилъ своею благодатію, и когда, по гласу Діакона, оглашенные преклоняютъ главы свои Господу, Пресвитеръ молитъ: «ниспославшаго на спасеніе роду человѣческому единороднаго Сына своего, призрѣть на рабовъ своихъ оглашенныхъ, и сподобить ихъ, во время благопріятное, бани обновленной жизни, оставленія грѣховъ и одежды нетлѣнія, сопричесть ихъ къ избранному своему стаду, дабы и они съ нами славили пречестное и великолѣпное имя Отца и Сына и Святаго Духа».

Тогда исходятъ изъ храма оглашенные, вѣрные же призываются опять къ молитвѣ; но и вѣрные, подъ прикрытіемъ сего спасительнаго имени, остающіеся въ храмѣ, могутъ ли безъ трепета въ немъ оставаться?—Пусть каждый заглянетъ внутрь своего сердца и размыслитъ: какого наказанія достоинъ, если, по изгнаніи изъ храма людей, не посвященныхъ еще въ таинства Христіанскія, онъ, съ полнымъ вѣдѣніемъ, равнодушно или неблагоговѣйно пребудетъ, во время ихъ совершенія, или же еще станетъ искушать, холоднымъ невѣріемъ, приносимаго предъ его очами, въ видѣ безкровной жертвы, Христа Бога?—Недостаточно быть только званными на сію божественную трапезу, какъ о томъ свидѣтельствуетъ страшная притча Христова, о брачномъ пиршествѣ, которое сдѣлалъ Царь для сына своего, и послалъ рабовъ своихъ приглашать званныхъ на бракъ, они же не захотѣли придти (Матѳ. XXII). «Тогда сказалъ Царь рабамъ своимъ: брачный пиръ готовъ, а званые не были достойны, и такъ подите

на перекрестки дорогъ, и всѣхъ, кто пройдетъ, зовите на бракъ. Рабы, исшедъ на распутія, собрали всѣхъ, кого ни нашли, злыхъ и добрыхъ, и пиръ наполнился возлежащими; Царь же, взойдя посмотрѣть возлежащихъ, увидѣлъ тамъ человѣка не въ брачную одежду одѣтаго, и сказалъ ему: другъ мой, какъ ты вошелъ сюда не въ брачной одеждѣ?—онъ же молчалъ. Тогда сказалъ Царь рабамъ своимъ: связавъ ему руки и ноги, возьмите и ввергните его во тьму внѣшнюю; тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ; ибо много званыхъ и мало избранныхъ». Не такая же ли горькая участь ожидаетъ и насъ, если, съ оскверненною одеждою души нашей, явимся на сей искупительный бракъ? И не завиднѣе ли участь оглашенныхъ, изводимыхъ только до времени, нежели такъ называемыхъ вѣрныхъ, извергаемыхъ навѣки?— Посему и возбуждаетъ ихъ Діаконъ, опять и опять, двумя приготовительными молитвами, съ возгласомъ: «премудрость», дабы они постигли, до какого человѣколюбиваго средства снизошла для нихъ Премудрость Божія. Священникъ же втайнѣ молитъ: «сдѣлаться достойнымъ, неосужденно приносить мольбы и жертвы о своихъ грѣхахъ и людскихъ невѣдѣніяхъ».

Еще умилительнѣе тайная молитва его, во время Херувимской пѣсни: «никто изъ связавшихся, плотскими похотьми и сластьми, недостоинъ приближаться или служить тебѣ, Царю славы, ибо и самимъ небеснымъ Силамъ велико и страшно служить тебѣ. Такъ начиная, онъ проситъ укрѣпить его, силою Святаго Духа, къ священнодѣйствію и не отринуть принесенныхъ даровъ, и возсылаетъ славу Христу Богу, который вмѣстѣ есть и приносящій и приносимый, и пріемлющій и раздаваемый».

Столь же глубокимъ чувствомъ проникнута и Херувимская пѣснь, приготовляющая Церковь къ зрѣлищу искупительнаго шествія таинственнаго Агнца на его закланіе, отъ мѣста предложенія жертвы къ престолу, на коемъ она должна совершиться: «образуя таинственно Херувимовъ, и воспѣвая животворящей Троицѣ трисвятую пѣснь, всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе, дабы намъ поднять Царя всѣхъ, невидимо дорѵносимаго Ангельскими чинами: аллилуія».

Во время пѣнія отверзаются опять царскія врата, затворенныя послѣ чтенія Евангелія, и Діаконъ, куреніемъ ѳиміама, приготовивъ путь грядущей жертвѣ, какъ бы небесныя облака, для ея перенесенія, отходитъ вмѣстѣ съ Пресвитеромъ къ жертвеннику. Священникъ же возлагаетъ на плечо его воздухъ, осѣнявшій дары, а на главу дискосъ, съ приготовленнымъ Агнцемъ, во исполненіе Херувимской пѣсни: «яко да Царя всѣхъ подымемъ, Ангельскими невидимо дорѵносима чинми», ибо Діаконъ представляетъ лице Ангела; самъ онъ пріемлетъ въ руки чашу, исполненную вина и воды, и такимъ образомъ оба знаменательно исходятъ изъ сѣверныхъ дверей, громко поминая Благочестивѣйшаго Императора, власти мірскія и духовныя, и всѣхъ православныхъ Христіанъ. Вѣрные же мысленно представляя себѣ, въ семъ таинственномъ шествіи, Грядущаго на вольную страсть, преклоняются благоговѣйно предъ несомыми дарами, прося втайнѣ, чтобы Господь помянулъ ихъ въ царствіи небесномъ, какъ нѣкогда разбойника на крестѣ; ибо скоро уже исполнится жертва и престолъ, на который поставляется Агнецъ, будетъ служить ему Голгоѳою. Посему Священникъ, снявъ съ главы Діакона дискосъ, уже со-

зерцаетъ сіе таинственное погребеніе, говоря: «благообразный Іосифъ, съ древа снявъ пречистое тѣло твое, плащаницею чистою обвилъ и благоуханіями, во гробѣ новомъ, покрывъ положилъ». Но въ тоже время исповѣдуетъ онъ и вездѣсущее Божество погребеннаго: «во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ, и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняя не-описаннѣ», и предвидитъ всю славу, какою облечется гробъ сей: «яко живоносецъ, яко рая краснѣйшій воистину, и всякаго чертога царскаго явися свѣтлѣйшій, Христе, гробъ твой, источникъ нашего воскресенія». Тогда затворяются врата царскія и задергивается предъ ними завѣса, въ знаменіе глубокой тайны нашего искупленія, непостижимой бренному уму человѣческому, безъ небеснаго откровенія.

Когда же Пресвитеръ поставитъ на престолъ дискосъ и чашу, осѣнитъ ихъ воздухомъ, и покадитъ θиміамомъ, съ псаломными стихами царственнаго Пророка, то, чувствуя свое недостоинство, для принесенія подобной жертвы, смиренно обращается онъ къ Діакону: «помяни мя брате и сослужителю». Діаконъ же, съ равнымъ смиреніемъ, проситъ его молитвы и, внявъ укрѣпляющія слова: «Духъ святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя», исходитъ къ народу, чтобы исполнить молитву нашу Господеви.

Онъ воспоминаетъ о предложенныхъ честныхъ дарахъ, и опять о святомъ храмѣ и съ вѣрою въ него входящихъ, о избавленіи насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды, и сохраненіи благодатію Божіею; но къ симъ молитвамъ присоединяетъ другія, болѣе

возвышенныя, относящіяся уже единственно до благъ вѣчныхъ и о которыхъ умиленно взываютъ вѣрные: «подай Господи».

Прежде всего испрашиваютъ они совершенія всего дня свято, мирно и безгрѣшно, и Ангела мирнаго, вѣрнаго наставника, хранителя душъ и тѣлесъ; потомъ прощенія и оставленія грѣховъ и прегрѣшеній, добраго и полезнаго душамъ нашимъ, и мира всему міру, чтобы окончить прочее время жизни въ мирѣ и покаяніи. Памятуя послѣдній день свой, просятъ и о Христіанской кончинѣ нашей жизни безболѣзненной, непостыдной, мирной, и о добромъ отвѣтѣ на страшномъ судилищѣ Христовомъ, и предаютъ самихъ себя и другъ друга и всю жизнь Христу Богу. Услышавъ изъ устъ Священника желаніе мира всей Церкви, Діаконъ возбуждаетъ всѣхъ возлюбить другъ друга для единомысленнаго исповѣданія, лики же доканчиваютъ: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицы единосущной и нераздѣльной»; а Священникъ, во свидѣтельство сей любви ко Христу Богу и къ братіямъ своимъ во Христѣ, цѣлуетъ Св. дары и престолъ и сослужителей, если не одинъ совершаетъ тайны, говоря имъ: «Христосъ посреди насъ».

Такъ, прежде торжественнаго исповѣданія вѣры нашей, предъ всею Церковію, исполняется послѣднее завѣщаніе Христово на прощальной вечери: «заповѣдь новую я даю вамъ: любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ, такъ и вы любите другъ друга; потому и узнаютъ, что вы мои ученики, ежели будете имѣть любовь между собою» (Іоан. XIII, 34, 35). Но дабы ученики, вѣрные ему по любви взаимной, знали кому они вѣруютъ и что о немъ должны

исповѣдывать міру: ибо «если кто исповѣдаетъ меня предъ человѣками, сказалъ Спаситель, и я исповѣдую его предъ Отцемъ моимъ небеснымъ» (Матѳ. X, 32), тогда же отдергивается завѣса вратъ царскихъ, въ знакъ открытія міру тайны воплощенія; снимается и воздухъ съ предложенныхъ даровъ, который надъ ними колеблетъ Священникъ, знаменуя наитіе освящающаго Духа. Въ это время Діаконъ, по древнему обычаю, строго наблюдавшемуся, чтобы язычники или оглашенные не проникали въ недоступныя для нихъ тайны, восклицаетъ: «двери, двери» какъ бы еще обращаясь къ притворникамъ внѣшнихъ дверей храма; потомъ же присовокупляетъ и къ предстоящимъ: «премудростію вонмемъ», т. е. будемъ внимательнѣе, ибо намъ, посвященнымъ, откроется премудрость Божія. Тогда лики громогласно поютъ Сѵмволъ или исповѣданіе вѣры Вселенской Церкви, которое каждый Христіанинъ долженъ знать и разумѣть твердо, чтобы не постыдиться предъ лицемъ Ангеловъ и человѣковъ; ибо не горькая ли неблагодарность быть равнодушнымъ къ дѣлу нашего искупленія, изложенному въ краткихъ словахъ Сѵмвола?

Чтобы еще болѣе утвердиться въ семъ исповѣданіи, какъ на твердомъ камнѣ, и сдѣлаться достойными зрѣлища безкровной жертвы Христовой, Діаконъ возглашаетъ послѣ Сѵмвола: «станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонмемъ, святое возношеніе въ мирѣ приносити» и, съ такимъ же духовнымъ убѣжденіемъ, обращается Священникъ, изъ внутренности алтаря, къ народу. Пожелавъ ему сперва: «благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любовь Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа», онъ восклицаетъ вслухъ всей Церкви: «горѣ имѣимъ серд-

ца»! и внемлетъ страшное слово, отъ лица всѣхъ: «имамы ко Господу». Если бы въ сію, столь торжественную минуту, открылись, какъ откроются въ послѣдній день, всѣ помышленія человѣковъ,—не содрогнулись ли бы трепетомъ уста, равнодушно повторяющія: «имамы ко Господу», и уши, равнодушно внемлющія сему за всѣхъ данному отвѣту, когда въ виду самой жертвы, приносимой о грѣхахъ нашихъ. Христіане дерзаютъ произносить ложное увѣреніе, что сердца ихъ принадлежатъ Богу, сердца, быть можетъ, исполненныя въ ту минуту самыхъ темныхъ помышленій и самыхъ порочныхъ чувствованій!

Не тщетно взывалъ Давидъ: «отъ тайныхъ моихъ очисти мя, Господи»; ибо часто тайные помыслы борются въ насъ, съ впечатлѣніями внѣшней святыни, и одолѣваютъ, если малодушно попустимъ себя покоряться ихъ власти. Потому, Церковь, прежде нежели вознести благодарныя молитвы Господу, о нашемъ спасеніи, заботливо ударяетъ въ заключенныя двери нашего сердца, и сотрясаетъ съ насъ пагубный сонъ, взывая: «горѣ имѣимъ сердца»! и исполнивъ материнскій долгъ сей, опять возбуждаетъ насъ устами Священника: «благодаримъ Господа»; на сіе вѣрные, изъ глубины признательнаго сердца, отвѣтствуютъ: «достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй».

Пресвитеръ между тѣмъ возноситъ, втайнѣ у престола, сіи благодаренія отъ лица всего міра, иногда только прерывая возгласами сокровенную молитву къ Богу, неизреченному, невидимому, непостижимому, всегда неизмѣнно сущему, все вызвавшему изъ небытія въ бытіе и не отступившему отъ

дѣла творенія, доколѣ насъ падшихъ паки не возвелъ на небо, даровавъ намъ будущее царствіе. За всѣ сіи благодѣянія, явленныя и неявленныя, благодаритъ онъ Господа, и за самую службу, которую соизволяетъ принять отъ рукъ нашихъ, хотя и предстоятъ ему тысящи Архангеловъ и тьмы Ангеловъ, Херувимы и Серафимы, многоочитые и шестокрылатые, «побѣдную пѣснь поющіе, вопіющіе, взывающіе и глаголющіе».

Тогда подымается, изъ средины церкви, торжественная пѣснь Серафимовъ, которую нѣкогда слышалъ Пророкъ Исаія, въ притворѣ Соломонова храма, исполненнаго славы Божіей: «святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы твоея». Но Ангельская пѣснь сія, касаясь земли, кончается отголоскомъ отроковъ Еврейскихъ, которые, встрѣтивъ нѣкогда, съ пальмами въ рукахъ, Господа славы въ смиренномъ образѣ человѣка, воскликнули ему у вратъ Іерусалимскихъ: «осанна въ вышнихъ! благословенъ грядый во имя Господне: осанна въ вышнихъ».

Священникъ продолжаетъ втайнѣ прославлять, съ сими блаженными Силами, Трисвятаго, человѣколюбиваго Владыку, такъ возлюбившаго міръ, что и Сына своего единороднаго отдалъ за грѣхи міра, дабы всякій вѣрующій въ него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную: Сына, который, пришедъ на землю и исполнивъ все свое о насъ смотрѣніе, въ ночь когда былъ преданъ, или лучше, когда самъ себя предалъ за жизнь міра, взявъ хлѣбъ въ святыя свои пречистыя и непорочныя руки, благодаривъ и благословивъ, освятивъ, преломивъ, далъ святымъ своимъ ученикамъ и Апостоламъ, глаголя: «пріимите,

ядите: сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ»; также и чашу по вечери, глаголя: «пійте отъ нея вси: сія есть кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ».

Громко произноситъ Священникъ собственныя слова Христовы, о тѣлѣ и крови, и громко отвѣтствуетъ ему народъ «аминь, аминь», т. е. истинно, истинно, въ залогъ несомнѣнной вѣры, что такими будутъ преложенные Св. дары, хлѣба и вина, по наитіи на нихъ Духа Святаго.

Но прежде сего преложенія, воспоминая спасительную заповѣдь Христову, о тѣлѣ и крови, и все ради насъ бывшее и будущее: его крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, восхожденіе на небеса, сѣденіе одесную Отца, второе и славное паки пришествіе,—Пресвитеръ приноситъ Богу, отъ лица всей Церкви, святые дары сіи, крестообразно подымаемые съ престола руками Діакона, и возглашаетъ: «Твоя отъ твоихъ, тебѣ приносяще, о всѣхъ и за вся»; а лики взываютъ: «тебе поемъ, тебе благословимъ, тебе благодаримъ, Господи, и молимтися Боже нашъ».

Теперь наступила самая страшная, самая возвышенная минута Литургіи,—совершеніе тайны, въ которую и Ангелы желаютъ проникнуть, освященіе даровъ, чрезъ призываніе на нихъ Духа Святаго, ниспосланнаго въ третій часъ Апостоламъ, и существенное преложеніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы, дабы всѣ вѣрные, всѣхъ странъ и временъ, могли столь же искренно имъ пріобщаться, какъ и сами Апостолы на вечери тайной, отъ руки Господа, въ трезвеніе души, во оставленіе грѣховъ,

въ пріобщеніе Святаго Духа, во исполненіе царствія небеснаго, въ дерзновеніе къ Богу, не въ судъ и не въ осужденіе.

По совершеніи столь неизреченнаго таинства, Священнослужители и вся Церковь, съ благоговѣйнымъ трепетомъ, простираются долу предъ Господомъ и Спасомъ, во плоти присутствующимъ на престолѣ, подъ видами хлѣба и вина, и тогда опять, какъ на проскомидіи, но уже предъ лицемъ самого закланнаго Агнца, воспоминается вся его Церковь, торжествующая и воинствующая, и всѣ въ вѣрѣ почившіе, Праотцы, Отцы, Патріархи, Пророки, Апостолы, Проповѣдники, Евангелисты, Мученики, Исповѣдники, Воздержники и всякая душа праведная; наипаче же (изрядно) воспоминается о пресвятой, пречистой, преблагословенной, славной Владычицѣ нашей Богородицѣ и приснодѣвѣ Маріи, и лики воздаютъ ей должную хвалу: «Достойно есть, яко воистинну, блажити тя, Богородицу, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего, честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ, безъ истлѣнія Бога Слова родшую, сущую Богородицу тя величаемъ».

Пресвитеръ продолжаетъ воспоминать втайнѣ Предтечу Крестителя Іоанна, и славныхъ Апостоловъ и всѣхъ Святыхъ, коихъ молитвами проситъ Бога посѣтить насъ и помянуть всѣхъ усопшихъ, въ надеждѣ воскресенія живота вѣчнаго. Потомъ же поминаетъ и всѣхъ живыхъ, всякое Епископство православныхъ, и весь священническій чинъ, всю Каѳолическую Церковь, Благочестиваго Государя и Августѣйшій Домъ его, палату и воинство, дабы мы, въ тишинѣ ихъ, пожили тихое и мирное житіе

во всякомъ благочестіи и чистотѣ, и возглашаетъ какъ служитель алтаря, о своихъ духовныхъ властяхъ: «въ первыхъ помяни, Господи, Святѣйшій правительствующій Сѵнодъ, ихъ же даруй святымъ твоимъ Церквамъ, въ мирѣ, цѣлыхъ, честныхъ, здравыхъ, долгоденствующихъ, право правящихъ слово твоея истины»; Лики отвѣтствуютъ: «и всѣхъ и вся»; ибо въ сіе время Діаконъ читаетъ втайнѣ, у престола, имена живыхъ, о коихъ приносится жертва; Священникъ же, не преставая отъ ревностной молитвы за всю вселенную, проситъ Господа ниспослать на всѣхъ свои милости, и помянуть градъ, въ коемъ живемъ, и всякій градъ и страну, и вѣрою въ нихъ живущихъ, плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ, плодоносящихъ и добродѣющихъ во святыхъ церквахъ и поминающихъ убогія. «И даждь намъ, возглашаетъ онъ наконецъ, единѣми усты и единѣмъ сердцемъ, славити и воспѣвати пречестное и великолѣпное имя твое, Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ»; ибо сія есть Христіанская цѣль всякой молитвы, достойной Господа, «желающаго всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити» (1 Тим. 2, 4); и поелику нѣтъ спасенія, безъ вѣры въ распятаго за насъ Искупителя, Священникъ оканчиваетъ молитву Апостольскимъ желаніемъ: «да будутъ милости великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со всѣми вами».

Опять исходитъ къ народу Діаконъ, опять повторяетъ молитвы, произнесенныя послѣ великаго входа, прежде всего приглашая вѣрныхъ, помянувши всѣхъ Святыхъ, помолиться о принесенныхъ и освященныхъ дарахъ, «дабы человѣколюбецъ Богъ,

принявъ ихъ во святый и пренебесный, мысленный свой жертвенникъ, въ воню благоуханія духовнаго, ниспослалъ намъ божественную благодать и даръ Святаго Духа»; и оканчиваетъ эктенію, испрашивая «соединеніе вѣры и причастія Святаго Духа, чтобы предать самихъ себя и другъ друга и всю нашу жизнь Христу Богу». Тогда Пресвитеръ приготовляетъ себя и народъ, къ сему ближайшему общенію, чрезъ самую божественную изъ всѣхъ молитвъ, данную отъ Господа ученикамъ своимъ, когда просили научить ихъ молиться, и выражающую, въ краткихъ словахъ, все о чемъ, съ сыновнею любовію, долженъ *смиренно молить* человѣкъ небеснаго Отца своего. Посему, съ чрезвычайнымъ благоговѣніемъ, приступаетъ къ сей богодухновенной молитвѣ, возглашая: «и сподоби насъ, Владыко, со дерзновеніемъ, неосужденно смѣти призывати тебе, небеснаго Бога Отца, и глаголати»; вѣрные же, исполненные не рабскаго страха, но дерзновенія сыновняго къ Богу, назвавшему себя ихъ Отцемъ, взываютъ: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя твое», и проч.

Еще однажды обращается Священникъ къ народу, съ желаніемъ мира, предъ самымъ пріобщеніемъ умиротворяющей жертвы, и тогда какъ народъ, по приглашенію Діакона, преклоняетъ главы свои Господу, благодаритъ онъ невидимаго Царя, за множество его милостей, умоляя даровать каждому то, что ему нужно ко благу, дѣлаясь спутникомъ плавающихъ и путешествующихъ, исцѣляя недугующихъ какъ врачъ душъ и тѣлесъ, благодатію, щедротами и человѣколюбіемъ единороднаго Сына своего.

Видя Пресвитера, готовымъ приступить къ

исполненію тайны и уже простирающаго руки къ божественному тѣлу, Діаконъ (предварительно сложившій на себѣ крестообразно орарь свой, какъ слагаютъ крила Ангелы, закрывающіе ими небесныя лица предъ неприступнымъ свѣтомъ Божества), восклицаетъ народу: «вонмемъ» и входитъ въ святилище; а Пресвитеръ, поднявъ горѣ Голгоѳскую жертву, какъ бы на высоту креста, произноситъ во услышаніе вѣрнымъ: «святая святымъ», чтобы всѣ размыслили, сколь должны они быть святы, для принятія предлежащей святыни. На сей призывъ, съ умиленіемъ сокрушеннаго сердца и сознаніемъ своей грѣховности, они отвѣтствуютъ: «единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, въ славу Бога Отца, аминь».

Приносящій жертву, со страхомъ и благоговѣніемъ, раздѣляетъ ее на четыре части, говоря: «раздробляется и раздѣляется Агнецъ Божій, раздробляемый и нераздѣляемый, всегда ядомый и никогда не истощаемый, но освящающій причащающихся ему» и опуская одну часть въ потиръ, для соединенія обоихъ видовъ таинства, т. е. тѣла съ кровію, онъ сохраняетъ двѣ части для пріобщенія мірянъ, одну же раздѣляетъ для собственнаго пріобщенія съ сослужителемъ. Потомъ, съ благоговѣніемъ, вливаетъ въ чашу нѣсколько теплой воды, для бо̀льшаго подобія теплоты крови, истекшей на крестѣ, вмѣстѣ съ водою, изъ ребръ Искупителя. Діаконъ же произноситъ при возліяніи: «теплота вѣры исполнь Духа Святаго», и приступаетъ къ престолу, прося Пресвитера преподать ему честное тѣло Господа Іисуса Христа; оба, склонившись на престолъ, держа въ рукѣ божественное тѣло, произносятъ надъ нимъ

сердечное исповѣданіе вѣры своей въ Распятаго: «вѣрую Господи и исповѣдую, яко ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ» и испрашиваютъ оставленія всѣхъ своихъ прегрѣшеній, чтобы быть причастниками его вечери тайной, не съ лобзаніемъ Іуды, но съ вѣрою разбойника, исповѣдавшаго на крестѣ: «помяни мя, Господи, во царствіи твоемъ». Вкусивъ тѣла, Пресвитеръ приступаетъ къ чашѣ и пріобщаетъ сперва себя, а потомъ Діакона, «честной и святой крови Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, во оставленіе грѣховъ своихъ и въ жизнь вѣчную».

Если есть причастники, то и для нихъ раздробляетъ Священникъ остальныя двѣ части святаго агнца, погружая ихъ въ потиръ; если же нѣтъ, то безъ раздробленія и въ слѣдъ за тѣмъ опускаетъ туда и всѣ прочія частицы, прежде вынутыя и на дискосѣ лежащія, при чтеніи трогательныхъ воскресныхъ пѣсней: «воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному; кресту твоему покланяемся, Христе, и святое воскресеніе твое поемъ и славимъ; ты бо еси Богъ нашъ, развѣ тебѣ иного не знаемъ; се бо пріиде крестомъ радость всему міру.—Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія»!—«О Пасха велія и священнѣйшая, Христе, о мудросте и Слове Божій и сило! подавай намъ искреннѣе тебѣ пріобщатися, въ невечернемъ дни царствія твоего»: ибо такъ знаменательна и спасительна сія Пасха, и такъ необходима для нашей духовной жизни, временной и вѣчной, что и тамъ, на небесахъ, по обѣщанію Спасителя, будетъ она служить намъ

таинственною пищею, и посему, съ какою духовною жаждою, должны мы желать ее на землѣ!

Погружая въ потиръ части, вынутыя за живыхъ и усопшихъ, Пресвитеръ или Діаконъ воспоминаетъ тѣхъ, за которыхъ онѣ принесены были, говоря: «отмый Господи, грѣхи поминавшихся здѣсь, кровію твоею честною, молитвами Святыхъ твоихъ». Здѣсь видимо является божественная важность жертвы, и духовный союзъ міра видимаго съ невидимымъ; ибо грѣхи поминаемыхъ омываются тою же искупительною кровію, которую пролилъ за насъ Спаситель на крестѣ; Святые же, память коихъ соединена была съ памятью живыхъ и усопшихъ, на проскомидіи, предстательствуютъ о упомянутыхъ, своими молитвами, въ залогъ небесной любви своей и въ подражаніе той любви, по которой всеблагій Богъ предалъ единороднаго своего Сына, за грѣхи міра, дабы всякій вѣрующій въ него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную.

Тогда отверзаются, въ послѣдній разъ, врата царскія какъ бы врата небесныя, еще для бо̀льшаго торжества; ибо ими исходитъ Царь славы и Господь силъ, чтобы дать себя въ снѣдь вѣрнымъ и, столь человѣколюбнымъ общеніемъ съ ними, возвести ихъ въ домъ Отца своего, гдѣ приготовилъ имъ много обителей. Съ чашею Божественныхъ тѣла и крови, становится, въ дверяхъ царскихъ, Діаконъ и громко взываетъ ко всей Церкви: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите». Въ древнія времена вся Церковь обыкновенно приступала къ святому причастію; не приступавшихъ же спрашивали: что̀ могло быть виною такого ихъ охлажденія къ хлѣбу небесному, ниспосланному имъ для жизни вѣчной, когда еже-

дневно молятъ они о хлѣбѣ насущномъ, для поддержанія временной?—Вѣрные, встрѣчая Господа своего, посреди церкви новаго Іерусалима, взываютъ къ небу, какъ нѣкогда отроки Еврейскіе во вратахъ древняго: «благословенъ грядый во имя Господне!» но еще съ бо̀льшимъ сознаніемъ, ибо уже не называютъ его сыномъ Давида, а Богомъ: «Богъ Господь, и явися намъ» и приготовившіе себя постомъ и молитвою къ его принятію, приступаютъ благоговѣйно, съ твердымъ исповѣданіемъ его Божества и съ теплою вѣрою благоразумнаго разбойника, перваго наслѣдника рая. Лики поютъ имъ въ назиданіе: «тѣло Христово пріимите и источника безсмертнаго вкусите, аллилуія», и услышавъ благословеніе Пресвитера: «спаси, Боже, люди твоя и благослови достояніе твое», громко исповѣдуютъ обрѣтенное ими спасеніе: «видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, нераздѣльной Троицѣ покланяемся, та бо насъ спасла есть».

Когда уже, чрезъ принесенную жертву и пріобщеніе ею вѣрныхъ, исполнилась, предъ всею Церковію, тайна смотрѣнія Господа о родѣ человѣческомъ, Пресвитеръ, возвращаясь къ престолу, исповѣдуетъ и небесное его отшествіе къ Отцу, говоря: «вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава твоя», и, какъ бы знаменуя сіе вознесеніе, поставляетъ упраздненный дискосъ на главу Діакона, который, безмолвно показавъ оный народу въ дверяхъ царскихъ, относитъ на жертвенникъ. Самъ же Пресвитеръ, поднявъ потиръ еще исполненный Св. даровъ, произноситъ у престола: «благословенъ Богъ нашъ» и обратившись къ Церкви: «всегда, нынѣ и

присно и во вѣки вѣковъ», въ знаменіе того, что Господь обѣщалъ быть съ нами, во всѣ дни до скончанія вѣка. Потиръ переносится на жертвенникъ, гдѣ самъ Священникъ, или Діаконъ, по совершеніи Литургіи, благоговѣйно употребляетъ Св. дары, дабы ничего не оставалось отъ принесенной жертвы.

При послѣднемъ появленіи Св. даровъ, во вратахъ царскихъ, лики привѣтствуютъ ихъ псаломными хвалами Царя Пророка: «да исполнятся уста наша хваленія твоего, Господи, яко да поемъ славу твою; соблюди насъ во твоей святыни, весь день поучатися правдѣ твоей, аллилуія».

Еще разъ исходитъ къ народу Діаконъ, чтобы побудить его достойно возблагодарить Господа, за пріятіе божественныхъ, святыхъ, пречистыхъ, безсмертныхъ, небесныхъ и животворящихъ, страшныхъ Христовыхъ таинъ и, испросивъ о совершеніи всего дня, свято, мирно, безгрѣшно, предать самихъ себя и другъ друга и всю нашу жизнь Христу Богу.

Въ сіе время Священникъ, возсылая славу Тріединому Богу, осѣняетъ крестообразно, Евангеліемъ, антиминсъ или платъ, дотолѣ бывшій распростертымъ на престолѣ, для совершенія на немъ безкровной жертвы. Потомъ исходитъ самъ на средину церкви для прочтенія отпустительной заамвонной молитвы, возглашая прежде: «съ миромъ изыдемъ», и проситъ Господа, «благословляющаго благословляющихъ его, спасти людей своихъ, сохранить исполненіе своей Церкви, освятить любящихъ его благолѣпіе, и не оставить насъ, на него уповающихъ, даруя миръ всему міру, ибо всякое даяніе благое и всякій даръ совершенный исходитъ свыше отъ него, Отца свѣтовъ».

Слѣдуя внушенію Пресвитера, лики громогласно восклицаютъ: «буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка»; а чтецъ благоговѣйно читаетъ псаломъ Давида, благословляющій Господа на всякое время. Псаломъ сей служитъ назидательною проповѣдью вѣрнымъ, о тепломъ упованіи на Бога: «Я взыскалъ Господа и услышалъ меня, восклицаетъ Давидъ, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избавилъ меня; приступите къ нему и просвѣтитеся, и лица ваши не постыдятся. Сей нищій воззвалъ, и Господь услышалъ его; ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся его и избавитъ ихъ. Вкусите и видите, яко благъ Господь; блаженъ мужъ, уповающій на него. Богатые обнищали и взалкали; ищущіе же Господа не лишатся всякаго блага. Пріидите чада, продолжаетъ отечески царственный Пророкъ, страху Господню научу васъ. Кто есть человѣкъ хотящій жить, любящій видѣть благіе дни?—Удержи языкъ твой отъ зла и уста твои, чтобы не глаголали лести, уклонися отъ зла и сотвори благое; взыщи мира и послѣдуй за нимъ, ибо очи Господни обращены на праведныхъ, и уши его къ молитвѣ ихъ. Гнѣвъ же лица Господня на творящихъ злое, дабы потребить отъ земли память ихъ. Близокъ Господь къ сокрушеннымъ сердцемъ, и смиренныхъ духомъ спасетъ. Многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ избавитъ ихъ, хранитъ всѣ кости ихъ и ни едина не сокрушится. Смерть же грѣшниковъ люта, и ненавидящіе праведнаго согрѣшатъ; но Господь избавитъ души рабовъ своихъ, и не прегрѣшатъ всѣ уповающіе на него».

По окончаніи назидательнаго псалма, Пресвитеръ, воззвавъ ко Христу Богу, исполненію всего

Закона и Пророковъ, исполнившему надъ нами все смотрѣніе Отца своего, изрекаетъ, его благодатію и человѣколюбіемъ, благословеніе Господне на всю Церковь и, послѣ краткаго славословія, отпускаетъ народъ, съ упованіемъ и надеждою «что Христосъ, истинный Богъ нашъ, молитвами пречистой своей Матери и всѣхъ Святыхъ, помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и человѣколюбецъ».

Таково умилительное и вмѣстѣ страшное совершеніе безкровной жертвы Христовой, объемлющее собою всю его на землѣ искупительную жизнь, и столь важно для насъ, призванныхъ къ участію въ его спасеніи, быть участниками и таинственнаго зрѣлища спасительной страсти его, за грѣхи наши и всего міра.

ПИСЬМО VI.

Окончивъ такимъ образомъ, хотя и весьма несовершенно, толкованіе литургіи, коснусь вкратцѣ и другихъ церковныхъ службъ. По примѣру небесныхъ Силъ, непрестанными гимнами славящихъ Творца, и по заповѣди Апостольской: провождать время въ псалмахъ и пѣніи и пѣсняхъ духовныхъ, святые Отцы, первыхъ вѣковъ Христіанства, постановили семь различныхъ временъ дня и ночи, для молитвы тѣхъ, кои посвятили себя исключительно на служеніе Богу; и понынѣ молитвы сіи наблюдаются, частію отдѣльно, частію слитыя вмѣстѣ, особенно въ церквахъ приходскихъ, въ которыя народъ не можетъ собираться слишкомъ многократно.

Въ самую *полночь* подымались, для первой молитвы, Христіане, какъ бы по зову страшной трубы послѣдняго суда, на встрѣчу Жениха грядущаго въ полунощи, который велѣлъ бодрствовать, по невѣдѣнію тайнаго часа его пришествія. По краткомъ отдыхѣ вновь соединялись они, для *утренняго* всенароднаго исповѣданія грѣховъ своихъ, словами псалмовъ, испытывающихъ и открывающихъ тайны человѣческаго сердца, и для благодаренія Господу, хвалебными пѣснями; на великомъ славословіи, съ наступленіемъ дня, въ самый *первый* часъ его, они молитвенно предавали себя Богу, и въ *третьемъ* часѣ, памятуя сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, призывали благодать его. Распятіе Спасителя, въ *шестомъ* часу дня бывшее, и его крестная смерть въ *девятомъ*, своими торжественными воспоминаніями, отзывались также въ благочестивомъ днѣ Христіанъ, и послѣ Божественной литургіи, соединявшей ихъ, общеніемъ тѣла и крови, съ своимъ Искупителемъ, благодарственныя *вечернія* молитвы заключали свято протекшій день.

Но въ первыя три столѣтія жестокихъ гоненій Церкви, когда Христіане укрывались для молитвы въ подземельяхъ, или стекались ночью, для памяти мучениковъ, на мѣста, орошенныя ихъ святою кровію, всѣ сіи разновременныя служенія непосредственно сливались въ одно продолжительное бдѣніе; оно приняло отъ самаго времени названіе *всенощнаго*, по Гречески *παννυχὶς*, и поелику нѣкоторыя молитвы онаго посвящены были памяти усопшихъ, то названіе панихиды усвоено у насъ исключительно поминовенію преставльшихся. И донынѣ, въ церквахъ бѣдствующаго Востока подъ игомъ Магометанъ, боль-

шею частію ночь посвящена Божественной службѣ; въ нашей же торжествующей Церкви, вечернія и утреннія молитвословія, соединяемыя вмѣстѣ, наканунѣ большихъ праздниковъ и воскресныхъ дней, служатъ духовнымъ приготовленіемъ къ торжеству дня и пріобщенію Христовыхъ таинъ.

Я постараюсь объяснить тебѣ постепенный ходъ *всенощной* (состоящей изъ трехъ главныхъ частей: *вечерни*, *утрени и перваго* часа), ибо ты чаще бываешь на этомъ служеніи, предъ великими праздниками, нежели на будничныхъ службахъ; тогда же простая *вечерня*, соединенная съ *повечеріемъ*, поется отдѣльно отъ *утрени*, предшествуемой *полунощницею*, безъ торжественныхъ обрядовъ и безъ чтенія пророчествъ и Евангелія, знаменующихъ предпраздненственныя бдѣнія.

При самомъ началѣ всенощной отверзаются царскія врата, какъ бы небеснаго царствія, и Священникъ возглашаетъ славу Святой Троицѣ, открывая вѣрующимъ сію неисповѣдимую глубину естества Божія; вслѣдъ за тѣмъ онъ призываетъ ихъ поклониться Тому, чрезъ кого единственно тайна сія сдѣлалась доступна человѣкамъ: «Христу Цареви и Богу нашему». Тогда Священникъ, съ кадиломъ въ рукахъ, предшествуемый Діакономъ, несущимъ свѣтильникъ, идетъ кругомъ всей церкви и въ притворъ, чтобы никакая часть храма не лишена была свѣта благодати Христовой и исполненія Святаго Духа, образуемаго ѳиміамомъ. Огонь и ѳиміамъ, въ сію торжественную минуту, напоминаютъ также Творческій гласъ: «да будетъ свѣтъ» и Духа Божія, носившагося надъ бездною во дни творенія, ибо, во все время сего хода, лики поютъ великолѣпный пса-

ломъ Давида: «благослови душе моя Господа, Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло, вся премудростію сотворилъ еси», изображающій, въ самыхъ вдохновенныхъ стихахъ, дивную картину мірозданія: Господь одѣвается свѣтомъ какъ ризою, простираетъ небо какъ шатеръ, и полагаетъ облака на восхожденіе свое, ходитъ на крыліяхъ вѣтра, творитъ Ангеловъ своихъ пламенемъ огненнымъ; основываетъ землю на тверди ея и даетъ ей одѣяніемъ бездну; воды боятся гласа его грома и данъ имъ предѣлъ, его же не прейдутъ: источники въ дебряхъ напояютъ звѣрей сельныхъ, при нихъ обитаютъ небесныя птицы; земля же насытится отъ плода дѣлъ своихъ, и хлѣбъ сердце человѣка укрѣпитъ; солнце познало западъ свой и наступила ночь, во тмѣ коей скитаются дубравные звѣри взыскать себѣ отъ Бога пищу; но возсіяетъ солнце и они въ ложахъ своихъ лягутъ, тогда выходитъ человѣкъ на дѣланіе свое до вечера.—Далѣе восторженный Давидъ уже прямо обращаетъ рѣчь свою къ Господу: «исполнилась вся земля твари твоей; всѣ отъ тебя чаютъ исполниться благами: отвратишь лице и возмятутся, отымешь духъ и исчезнутъ; но пошлешь Духа твоего и созиждутся и обновишь лице земли; призираешь на землю и трясется, прикасаешься горамъ и дымятся: буди слава Господня во вѣки; пою Богу моему доколѣ есмь, да усладится ему бесѣда моя,... яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси».

Но недолго наслаждался человѣкъ симъ чистымъ созерцаніемъ дѣлъ Божіихъ; онъ палъ своею гордостію и рай сладости ему заключился;—это скорое изгнаніе изображается закрытіемъ царскихъ вратъ,

вслѣдъ за окончаніемъ псалма. Послѣ первой эктеніи, оба хора поютъ избранные стихи трехъ первыхъ псалмовъ, какъ бы увѣщательныя рѣчи, низлетающія изъ утраченнаго рая: «блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ,—и путь нечестивыхъ погибнетъ. Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся ему съ трепетомъ; блажени вси надѣющіися нань. Воскресни Господи, спаси мя Боже мой; яко Господне есть спасеніе и на людяхъ его благословеніе его». Каждый выразительный стихъ сей отдѣленъ Ангельскимъ припѣвомъ: *аллилуія*. Потомъ и хоръ, подражая изгнанному Адаму, какъ бы отъ лица всего человѣчества, подвигнутаго душевною болѣзнію о своемъ паденіи, восклицаетъ:

«Господи, воззвахъ къ тебѣ, услыши мя, услыши мя Господи, внегда воззвати ми къ тебѣ. Да взыдетъ молитва моя, какъ θиміамъ предъ тобою: воздѣяніе рукъ моихъ вмѣсто вечерней жертвы». Въ сію минуту является Діаконъ съ кадиломъ, знаменуя онымъ тѣ жертвы, какія приносились Богу отъ начала міра и предобразовали грядущую, искупительную жертву Богочеловѣка, а лицемъ своимъ представляя служителей Божіихъ, которые посылались въ міръ, для возвѣщенія о Мессіи. Между тѣмъ хоръ продолжаетъ взывать: «изведи изъ темницы душу мою, исповѣдатися имени твоему», и начинаетъ уже прибавлять, къ стихамъ псалмовъ, другіе стихи новозавѣтные, изображающіе празднество дня, какъ бы въ радостномъ ожиданіи искупленія: «аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ? яко у тебе очищеніе есть; отъ стражи утреннія до нощи, отъ стражи утреннія да уповаетъ Израиль на Господа». Провидя наконецъ скорое спасеніе, онъ вос-

клицаетъ: «яко у Господа милость и многое у него избавленіе, и Той избавитъ Израиля отъ всѣхъ беззаконій его; хвалите Господа вси языцы». Тогда, при новомъ отверстіи царскихъ вратъ, воспѣваетъ славу Тріединому Богу, вмѣстѣ съ пѣснію о воплощеніи, и въ то же время является изъ алтаря Священникъ, въ образѣ обѣщаннаго Спасителя, предшествуемый Діакономъ съ кадиломъ, какъ Предтечею, и при возгласѣ: «премудрость» входитъ вновь во святая святыхъ; а лики поютъ трогательный гимнъ Софронія, Патріарха Іерусалимскаго:

«О тихій свѣтъ святыя славы, безсмертнаго небеснаго Отца, святаго и блаженнаго, Іисусе Христе! Мы, пришедшіе на западъ солнца, увидя свѣтъ вечерній, поемъ Отца, Сына и Св. Духа Бога. Ты одинъ достоинъ, во всѣ времена, быть воспѣваемъ гласами преподобныхъ: Сыне Божій, дающій жизнь, за сіе міръ тебя славитъ».

Выразительный гимнъ сей ясно изображаетъ, какъ, на закатѣ первобытнаго свѣта, даннаго міру, и уже на вечерѣ человѣчества, возсіялъ для него новый, тихій свѣтъ, въ кроткомъ лицѣ Спасителя, ради немощи смертныхъ умѣрившаго въ себѣ безсмертную славу небеснаго Отца. Послѣ сего гимна читаются, наканунѣ праздниковъ, пророчества и притчи или *пареміи*, подобіями, извлеченными изъ ветхаго завѣта, предзнаменующія событія новаго и, вслѣдъ за сугубою эктеніею, доканчиваются стихиры, прерванныя торжественнымъ входомъ священнослужителей.

Тогда Священникъ и Діаконъ, предшествуемые двумя свѣщниками, и самъ Архіерей, если онъ присутствуетъ, окруженный всѣмъ духовенствомъ, выходятъ на литію въ притворъ, по древнему мило-

сердному обычаю, чтобы и кающіеся, коимъ запрещенъ былъ входъ въ церковь, могли, хотя на краткое время, участвовать въ общей молитвѣ; посему Діаконъ молится о всякой душѣ Христіанской, озлобленной и кающейся и милости Божіей требующей, призывая ходатайство всѣхъ небесныхъ Силъ и святыхъ угодниковъ, а Іерей проситъ, чтобы Господь, даруя намъ оставленіе грѣховъ, умирилъ нашу жизнь.

Потомъ, поелику Христіане, послѣ долгихъ вечернихъ молитвъ готовились начинать утреннія, Настоятель входилъ обратно въ трапезу и посреди оной благословлялъ хлѣбы, пшеницу, вино и елей, для подкрѣпленія утомленныхъ, и сей древній обрядъ сохранился донынѣ, въ благословеніи хлѣбовъ, на концѣ вечерни, что также воспоминаетъ ту духовную пищу, какую ниспослалъ намъ Господь, въ словесахъ Писанія.

Вечерня приближается къ концу, но чѣмъ умилительнѣе можно было довершить ее, если не молитвою св. Симеона Богопріимца, который, по стольким годамъ ожиданія, удостоясь наконецъ видѣть Мессію, радостно воскликнулъ: «нынѣ отпущаешь раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ, ибо очи мои видѣли спасеніе твое, которое ты уготовилъ предъ лицемъ всѣхъ людей, свѣтъ во откровеніе язычникамъ и славу народа твоего Израиля».

Воспоминается и Ангельскій привѣтъ Пресвятой Дѣвѣ, по вечернему времени сего событія: «Богородице Дѣво, радуйся благодатная Маріе, Господь съ тобою: благословенна ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего, яко Спаса родила еси душъ нашихъ» и, съ громкимъ благословеніемъ

имени Господня и преподаніемъ Божія благословенія, отъ Настоятеля народу, оканчивается вечерня.

28 Октября 1835 г.
Петербургъ.

ПИСЬМО VII.

Послѣ торжественнаго окончанія вечерни тихо начинается утреня. По древнему обряду должны погашаться всѣ лампады, кромѣ малаго свѣта въ алтарѣ и предъ иконами Спасителя и Божіей Матери, и, среди всеобщаго безмолвія и мрака, внезапно раздается одинъ только голосъ: «слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе». Трижды повторяемый, онъ напоминаетъ Ангельскій привѣтъ Виѳлеемскимъ пастырямъ, въ ночь рождества Спасителя. Потомъ избранный чтецъ, уединенно посреди церкви, возглашаетъ дважды: «Господи, устнѣ мои отверзеши и уста моя возвѣстятъ хвалу твою», чтобы тѣмъ приготовить къ бо̀льшему вниманію слушающихъ, и начинаетъ *шестопсалміе*, которое должно выражать внутреннюю бесѣду Христіанина со Христомъ, словами утреннихъ шести псалмовъ: посему чтеніе это всегда совершается съ особеннымъ благоговѣніемъ, и Священникъ выходитъ предъ царскія врата, присовокупить свои тайныя молитвы къ моленію паствы.

Въ первомъ псалмѣ изображается твердое упованіе души на Бога: «Господи, что ся умножиша стужающіи ми? мнози возстаютъ на мя, мнози гла-

голютъ душѣ моей: нѣсть спасенія ему въ Бозѣ его. Ты же, Господи заступникъ мой еси, слава моя и возносяй главу мою», а на концѣ: «азъ уснухъ и спахъ, востахъ яко Господь заступитъ мя». Второй псаломъ: «Господи, да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене», есть вопль болѣзненной души, преслѣдуемой бѣдствіями міра и взывающей: «не остави мене, Господи Боже мой, не отступи отъ мене; вонми въ помощь мою, Господи спасенія моего». Третьимъ псалмомъ выражается утренняя утѣшительная молитва: «Боже, Боже мой, къ тебѣ утренюю; возжада къ тебѣ душа моя, прильпе душа моя по тебѣ, мене же пріятъ десница твоя».

Слава и тройное аллилуія, въ честь Пресвятой Троицы, отдѣляютъ сіи первые три псалма, отъ трехъ послѣдующихъ, въ коихъ Давидъ, то представляя нищету свою Богу, вопіетъ: «Господи Боже спасенія моего, во дни воззвахъ и въ нощи предъ тобою, да внидетъ предъ тя молитва моя, приклони ухо твое къ моленію моему; нищь есмь азъ и въ трудѣхъ отъ юности моея, вознесжеся, смирихся и изнемогохъ»; то, проникнутый благодарностію, при воспоминаніи всѣхъ благодѣяній Божіихъ, побуждаетъ душу свою: «благословлять Господа и всею внутренностію своей имя святое его и не забывать всѣхъ воздаяній его». Здѣсь, изображая величіе Божіе, трогательно памятуетъ онъ и собственное ничтожество: «яко Той позна бытіе наше, помяну яко персть есмы; человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный, тако оцвѣтетъ; яко духъ пройдетъ въ немъ и не будетъ и не познаетъ къ тому мѣста своего; милость же Господня, отъ вѣка и до вѣка, на боящихся его».—

Наконецъ, въ послѣднемъ псалмѣ, еще однажды проситъ Господа: «услышать его въ правдѣ своей и не внити въ судъ съ рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ нимъ всякъ живый; Духъ твой благій наставитъ мя на землю праву», и опять, слава и аллилуія, заключаютъ псалмы; Діаконъ же начинаетъ великую эктенію. «Богъ Господь и явися намъ» поютъ громко и радостно оба хора и, какъ бы готовясь на его срѣтеніе, восклицаютъ: «благословенъ грядый во имя Господне»! изображая въ пѣніи *тропаря*, торжество дня, возбудившее ихъ духовную радость.

За симъ слѣдуетъ продолжительное чтеніе двухъ *каѳисмъ* псалтыря, съ краткими на концѣ ихъ эктеніями, для возстанія къ молитвѣ, ибо самое Греческое слово, *каѳисма*, или сидѣніе, показываетъ, что въ обителяхъ иночествующей братіи дозволено было сидѣть во время ихъ чтенія. На двадцать подобныхъ каѳисмъ раздѣленъ стопятидесятипсаломный псалтырь, прочитываемый весь, въ теченіи недѣли и дважды въ недѣли великаго поста; каждая состоитъ изъ нѣсколькихъ псалмовъ и трижды прерывается, возглашеніемъ славы Трисвятому Богу и пѣснію *аллилуія*. Сіе чтеніе составляло въ древности сущность всей утрени и перешло во всѣ Церкви Востока, отъ монашествующей братіи Египта. Тамъ отшельники собирались въ субботу изъ отдаленныхъ пустынь и, послѣ пятидневнаго уединенія, проводили всю ночь на воскресеніе въ стихословіи псалтыря, прерываемаго также вдохновенными молитвами святыхъ Игуменовъ, каковы были Макарій, Антоній, Пахомій и другіе, сіявшіе пустынною славою своихъ добродѣтелей и чудесъ.

Вотъ наступило время *полиелея*, какъ бы полдень

всего служенія; ибо названіе *полиелея*, означающее *многое* освѣщеніе, показываетъ, что въ сію торжественную минуту, когда и самъ Архіерей готовится выдти на средину церкви, для чтенія Евангелія, вся церковь должна быть ярко освѣщена свѣтомъ лампадъ и еще ярче духовнымъ свѣтомъ благовѣстія, чтобы насладиться, не только слышаніемъ, но самымъ зрѣніемъ Евангелія исходящаго къ народу, изъ тайной внутренности алтаря.

Съ открытіемъ царскихъ вратъ, оба хора попеременно воспѣваютъ избранные стихи изъ 19-й каѳисмы, съ умилительнымъ припѣвомъ: *аллилуія*, какъ бы исключительно посвященнымъ утреннему служенію. «Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа», восклицаетъ одинъ ликъ, а другой въ отвѣтъ ему: «благословенъ Господь отъ Сіона, живый во Іерусалимѣ»—и опять первый призываетъ «исповѣдайтеся Господеви, яко благъ, яко въ вѣкъ милость его», а другой поясняетъ слова сіи, прибавляя: «исповѣдайтеся Богу небесному», но то же убѣжденіе въ устахъ у обоихъ: «яко въ вѣкъ милость его».

Во время пѣнія исходитъ изъ алтаря со всѣмъ духовенствомъ Епископъ, въ образѣ самого Спасителя, который, по выраженію псалмопѣвца, живетъ среди славословій Израилевыхъ. Онъ обходитъ всю церковь съ благовоннымъ кадиломъ, предшествуемый свѣтильниками, не забывая и притвора, ибо всѣхъ просвѣщаетъ свѣтъ Христовъ и посѣщаетъ благодать его. Въ то же время, если бдѣніе сіе совершается въ честь какого либо праздника Господня, или въ честь Божіей Матери и святыхъ угодниковъ, приносится, на аналоѣ, икона праздника, и вокругъ нея все духовенство величаетъ Господа, или Пречи-

стую Дѣву, или Святыхъ, а хоръ отвѣчаетъ тѣмъ же величаніемъ, съ припѣвами стиховъ псаломныхъ. Если же всенощная сія только воскресная, то всѣ пѣснопѣнія ея посвящены памяти дивнаго возстанія Спасителева и, чтобы оно сильнѣе напечатлѣлось въ сердцѣ вѣрующихъ, Епископъ, посреди церкви, или Священникъ, когда онъ одинъ служитъ, въ алтарѣ, всегда читаютъ Евангеліе о воскресеніи и о событіяхъ божественныхъ послѣ воскресенія. Такихъ воскресныхъ Евангелій, собранныхъ изъ всѣхъ Евангелистовъ и поперемѣнно благовѣствуемыхъ, числомъ одиннацать.

Но прежде Евангелія о воскресеніи, въ ожиданіи радостной вѣсти, воспоминается раннее пришествіе Мѵроносицъ и Учениковъ къ упраздненному гробу и самое изумленіе небесныхъ Силъ, при возрѣніи на Божественнаго мертвеца, все собою оживившаго. «Ангельскій соборъ удивися, зря тебе въ мертвыхъ вмѣнившася, смертную же, Спасе, крѣпость разорившя, и съ собою Адама воздвигша, и отъ ада вся свобождша». Такъ Ангелы, но не такъ Мѵроносицы: «Мѵроносицы жены, съ мѵры пришедшія ко гробу твоему, Спасе, рыдаху; Ангелъ же къ нимъ рече, глаголя: что̀ съ мертвыми живаго помышляете? яко Богъ бо воскресе отъ гроба».

И сіи два противоположныя впечатлѣнія, Ангеловъ и человѣковъ, соединяются въ одну пѣснь, трогательнымъ восклицаніемъ: «благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ», которое Церковь поетъ и надъ усопшимъ Христомъ, и надъ усопшими во Христѣ, въ тойже надеждѣ воскресенія; а вслѣдъ за тѣмъ всѣ вѣрные призываются поклониться, вмѣстѣ съ Серафимами, поющими трисвятое Отцу и его Сыну и Святому Духу.

Тогда читаются или поются три антифона св. Іоанна Дамаскина, по примѣру Давида, излившаго стремленіе души своей къ Богу, изъ юдоли плача; всѣхъ же умилительнѣе антифонъ пѣваемый въ праздники: «отъ юности моея мнози борютъ мя страсти, но самъ мя заступи и спаси, Спасе мой. Ненавидящіи Сіона посрамитеся отъ Господа; яко трава бо огнемъ будете изсохше. Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается, свѣтлѣется Тройческимъ единствомъ, священно-тайнѣ».

Когда же, по прочтеніи Евангелія, оно представляется народу, для поклоненія и цѣлованія, лики, уже какъ очевидцы востанія, возглашаютъ: «воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся святому Господу Іисусу;—Ты бо еси Богъ нашъ, развѣ тебе иного не знаемъ; се бо пріиде крестомъ радость всему міру;—распятіе бо претерпѣвъ, смертію смерть разрушилъ» и, прибѣгая къ молитвамъ Апостоловъ и Богородицы, ради очищенія множества согрѣшеній нашихъ, воспоминаютъ псаломъ покаянія: «помилуй мя Боже». Архіерей же или Іерей послѣ литіи Діакона, во дни праздниковъ, помазываетъ елеемъ духовной радости приходящихъ поклониться святой иконѣ.

За симъ немедленно слѣдуетъ чтеніе и пѣніе *канона* или *правила*, составленнаго изъ *девяти пѣсней*, въ честь праздника или Святаго. Каноны сіи приняты были въ составъ утренняго служенія, въ седьмомъ и осьмомъ столѣтіи, и большая часть ихъ написаны краснорѣчивымъ Дамаскинымъ и другомъ его Космою, Епископомъ Маіумы, которые обогатили ими Церковь, на торжественные дни ея, и опредѣлили самый напѣвъ ихъ, на восемь разныхъ

гласовъ, понедѣльно пѣваемыхъ. Первый стихъ каждой пѣсни называется *ирмосомъ* или *связью* всѣхъ другихъ, по образцу его писанныхъ, и основная мысль его заимствуется изъ пѣсней ветхозавѣтныхъ. Такъ первый ирмосъ напоминаетъ всегда гимнъ Моисея на прехожденіе Чермнаго моря: «поемъ Господеви, славно бо прославися»; второй же обличеніе его на Іудеевъ, по прошествіи пустыни: «вонми небо и возглаголю» и, какъ обличеніе грѣховъ, поется только во дни великаго поста. Образцемъ третьяго послужила молитва Анны, матери Самуила. Послѣ сей пѣсни произносится малая эктенія, какъ равно послѣ шестой и девятой; число же всѣхъ пѣсней напоминаетъ девять чиновъ Ангельскихъ. Пророки Аввакумъ, Исаія и Іона, внушили три послѣдующіе ирмоса; за тѣмъ слѣдуютъ: *кондакъ*, краткое изложеніе праздника или доблестей Святаго, и *икосъ*, что значитъ уподобленіе, такъ какъ сія пѣснь составляется большею частію изъ уподобленій; наконецъ пространное описаніе самой причины торжества или дѣяній Святаго, собранное въ *синаксарь*.—Седьмой и осьмой ирмосы воспоминаютъ всегда подвигъ и хвалебный гимнъ трехъ отроковъ въ пещи Вавилонской, прославлявшихъ Бога отцевъ своихъ и призывавшихъ, среди пламени, всѣ творенія, превозносить вмѣстѣ съ ними Господа во вѣки. Поелику же девятый ирмосъ основанъ на пророчествѣ Захаріи, о сынѣ своемъ Предтечѣ, и посвященъ исключительно памяти воплощенія, то, предъ онымъ, Діаконъ, съ кадиломъ въ рукахъ, какъ бы воспоминая посѣщеніе Богоматери дому Захаріи, приглашаетъ вѣрныхъ возвеличить пѣснями Матерь Свѣта, и хоръ ее прославляетъ собственною ея молитвою, какую

произнесла она при цѣлованіи Елисаветы: «величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ», а въ припѣвахъ превозноситъ ее: «честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ». Потомъ, вслѣдъ за канономъ, читаются и поются еще три хвалебные псалма, перемѣшанные съ праздничными стихирами.

Тогда какъ въ сихъ псалмахъ вся тварь, небо и земля, совокупляются воспѣвать славу Творца своего,—врата алтаря. заключенныя во время канона, вновь отверзаются и Священникъ полагаетъ начало великому славословію, возгласомъ: «слава тебѣ показавшему намъ свѣтъ». Въ древности, Настоятель произносилъ слова сіи къ собранію вѣрныхъ, когда, по всенощномъ бдѣніи, видѣлъ наконецъ, что заря уже занималась на востокѣ, и Христіане, прежде нежели разойтись, исповѣдывали еще однажды, въ одномъ великомъ и общемъ славословіи, собранномъ изъ пѣсней обоихъ завѣтовъ, Божество Искупителя; они начинали словами Ангеловъ, прославившихъ Виѳлеемскаго младенца, и кончали трисвятою пѣснію Серафимовъ, видѣнныхъ Исаіею, и славою Пресвятой Троицѣ.

Ты знаешь пѣснь сію, любезный другъ, отъ начала до конца, и можно ли не знать ее, не умиляться сердцемъ, при ея воззваніяхъ къ кроткому Агнцу, вземлющему грѣхи міра и сѣдящему одесную Отца! Давидъ и Евангелисты отзываются въ каждомъ стихѣ. Надобно слышать ее на Востокѣ, чтобы имѣть ясное понятіе о ея торжественности; у насъ просто поютъ оба хора, а тамъ, поелику обѣдня не отдѣляется отъ утрени, то Архіерей, сошедшій съ своей каѳедры на средину церкви и облачившійся, во время пѣнія хвалебныхъ стиховъ, принимаетъ

въ руки свѣщники и, осѣняя народъ, возглашаетъ: «слава тебѣ показавшему намъ свѣтъ»; а все духовенство, вокругъ него, начинаетъ пѣть вмѣстѣ съ ликами: «слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе, хвалимъ тя, благословимъ тя, кланяемтися, славословимъ тя, благодаримъ тя, великія ради славы твоея, Господи Царю небесный, Боже Отче Вседержителю. Господи Сыне единородный, Іисусе Христе, и Святый Душе! Господи Боже, Агнче Божій, Сыне Отечь, вземляй грѣхи міра, помилуй насъ; вземляй грѣхи міра, пріими молитву нашу; сѣдяй одесную Отца, помилуй насъ, яко ты еси единъ святъ, ты еси единъ Господь, Іисусъ Христосъ, во славу Бога Отца, аминь».

Сугубая эктенія и молитва, съ преклоненіемъ главы, за коею слѣдуетъ благословеніе Настоятеля, кончаютъ утреню; первый же часъ, читаемый опять во мракѣ, какъ шестопсалміе, заставляетъ Христіанина углубиться въ самого себя, при слышаніи первоначальныхъ основныхъ молитвъ, какія пріучаются лепетать младенческія уста наши: «Святый Боже, Отче нашъ, честнѣйшую Херувимъ; Иже на всякое время и на всякій часъ, на небеси и на земли поклоняемый и славимый Христе Боже нашъ». Потомъ еще однажды выходитъ Настоятель, изъ заключеннаго алтаря, и молитъ: «чтобы Христосъ, свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ, знаменовалъ на насъ свѣтъ лица своего» и прерывая его тихое моленіе, громко и торжественно возглашаютъ оба лика, побѣдительную пѣснь Божіей Матери: «Взбранной воеводѣ».

31 Октября 1835 г.
С.-Петербургъ.

VIII. ВОСКРЕСНАЯ ВСЕНОЩНАЯ.

Торжественна и вмѣстѣ умилительна воскресная всенощная служба, когда благоговѣйно совершается она, въ благолѣпномъ храмѣ, при стройномъ пѣніи ликовъ и внимательномъ чтеніи!—Тогда, въ тишинѣ ночи, смѣняются одинъ за другимъ, предъ мысленнымъ взоромъ, таинственные образы воскресенія Господня и нашего!—Въ сей божественной службѣ, Святая Церковь, съ материнскою любовію, озаботилась направить всѣ наши мысли и чувства къ столь высокому предмету созерцанія духовнаго, дабы въ сердцѣ и умѣ, глубже напечатлѣлся спасительный догматъ о вѣчной во Христѣ жизни, для руководства временной! И съ какою мудростію раскрываетъ она, въ пѣсняхъ духовныхъ, сію глубокую тайну воскресенія, истощая сокровища своего богословія, чтобы болѣе яркими чертами изобразить намъ радостное событіе Воскресенія Христова, вызывающее насъ изъ мрака плачевной юдоли!

Подвижникъ плачевной юдоли Палестинской, инокъ Іоаннъ Дамаскинъ, глубоко проникнутый суетою временнаго и славою грядущаго нетлѣнія, былъ творцемъ сихъ возвышенныхъ гимновъ, которые, въ неизмѣнномъ порядкѣ, совершаютъ церковный кругъ свой, возвращаясь чрезъ каждыя восемь недѣль, и собраны въ одну книгу подъ именемъ *Октоиха* или *Осмогласника*. Достойно вниманія и то, какъ премудро вплетены пѣснопѣнія, на вечерни и на утрени, въ стройную величественную ткань *Всенощной*, образуя ея стихиры и каноны, между пѣнія псалмовъ и молитвъ, и соединяя все въ одну

неподражаемую, по истинѣ божественную службу, достойную прославляемаго ею воскресенія.

Всенощная начинается: «славою святой, единосущной, животворящей и нераздѣльной Троицы» и вслѣдъ за симъ первымъ возгласомъ священнослужителя, призывающаго всѣхъ: «придти поклониться и припасть ко Христу Царю и Богу нашему», раскрывается величественная картина мірозданія, псаломными стихами Царя Пророка, который внушаетъ душѣ каждаго: благословить Господа, облекшагося въ велелѣпоту своихъ твореній!

«Благослови душе моя Господа, Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло, во исповѣданіе и въ велелѣпоту облекся еси»!

«Одѣяйся свѣтомъ яко ризою, простираяй небо яко кожу».

«Творяй Ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный».

«Яко возвеличишася дѣла твоя Господи, вся премудростію сотворилъ еси»!

Послѣ великой эктеніи Діакона, приглашающаго вѣрныхъ къ общественной молитвѣ, читается первая *кависма* изъ псалтыря, раздѣленная по обычаю на три части, и нѣкоторые ея стихи поются вначалѣ, для бо̀льшаго впечатлѣнія въ сердцѣ слушающихъ;—какое глубокое назиданіе въ сихъ первыхъ стихахъ, коими открывается Боговдохновенная книга Давида, изучившаго всѣ изгибы человѣческаго сердца!

«Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ,—аллилуія».

«Яко вѣсть Господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ,—аллилуія».

«Работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся ему съ трепетомъ,—аллилуія».

«Воскресни Господи, спаси мя Боже мой! аллилуія».

«Господне есть спасеніе, и на людѣхъ твоихъ благословеніе твое,—аллилуія».

Для большаго умиленія, каждый изъ сихъ стиховъ заключается хвалебнымъ «аллилуія». Тогда на обоихъ клиросахъ, поперемѣнно начинаютъ пѣть псаломъ, собственно вечерній: «Господи воззвахъ къ тебѣ услыши мя, услыши мя Господи, внегда возвати ми къ тебѣ».

«Да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою, воздѣяніе руку моею, жертва вечерняя».

Между сими ветхозавѣтными стихами, выражающими жажду души, которая ищетъ исторгнуться изъ своего заточенія, воспѣвается отрадная пѣснь Воскресенія, избавившаго насъ и праотцевъ. Мы послѣдуемъ одному только *первому гласу* сихъ *воскресныхъ* гимновъ, во все теченіе всенощной, изъ коего можно имѣть ясное понятіе и о прочихъ семи.

«Изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени твоему», взываетъ Давидъ, и Церковь ему отвѣтствуетъ новозавѣтнымъ своимъ исповѣданіемъ:

«Вечернія наши молитвы пріими святый Господи и даруй намъ оставленіе грѣховъ, яко единъ еси явлей міру воскресеніе».

«Мене ждутъ праведницы дондеже воздаси ми», опять восклицаетъ Царь Пророкъ, и уже оправданные собрались по гласу Церкви: «Обыдите людіе Сіонъ и обымите его, и дадите славу въ немъ Воскресшему изъ мертвыхъ, яко той есть Богъ нашъ, избавлей насъ отъ беззаконій нашихъ»!

«Изъ глубины воззвахъ къ тебѣ Господи, Господи услыши гласъ мой»! Такъ изъ глубины, еще необновленнаго бытія, взывалъ Давидъ, и вотъ уже пришло спасеніе обновленнымъ: «Пріидите людіе, воспоимъ и поклонимся Христу, славяще его изъ мертвыхъ воскресеніе, яко той есть Богъ нашъ, отъ прелести вражіей міръ избавлей».

Къ симъ воскреснымъ гимнамъ пустынножителя Палестинскаго, вторящаго Царю Іудейскому, присовокупилъ свое сердечное изліяніе благочестивый Патріархъ Цареградскій Анатолій, соединивъ память о крестѣ съ радостію воскресенія; но и его пѣсни соединены съ псаломными стихами.

«Да будутъ уши твои внемлющѣ гласу моленія моего».

«Веселитеся небеса, вострубите основанія земли, возопійте горы веселіе: се бо Еммануилъ грѣхи наши на крестѣ пригвозди и, животъ даяй, смерть умертви, Адама воскресивый, яко человѣколюбецъ».

«Аще беззаконія назриши Господи, Господи, кто постоитъ? яко у тебе очищеніе есть».

«Плотію, волею распеншагося насъ ради, пострадавша и погребенна и воскресша изъ мертвыхъ, воспоимъ глаголюще: утверди православіемъ Церковь твою, Христе, и умири жизнь нашу, яко Богъ и человѣколюбецъ».

«Имени ради твоего потерпѣхъ тя Господи, потерпѣ душа моя въ слово твое, упова душа моя на Господа».—«Живопріемному твоему гробу предстоящще недостойніи, славословіе приносимъ неизреченному твоему благоутробію, Христе Боже нашъ; яко крестъ и смерть пріялъ еси безгрѣшне, да мірови даруеши воскресеніе яко человѣколюбецъ».

Вообще служба вечерняя, какъ предшествующая утренней, имѣетъ цѣлію ознакомить насъ съ празднествомъ наступающаго дня, и потому, въ первыхъ ея стихахъ, оно уже представлено яркими чертами. Такъ напримѣръ, въ три воскресенія предшествующія великому посту, поются за всенощною слѣдующіе стихи: на первой:— «Не помолимся фарисейски братіе, ибо возносяй себе смирится; смиримъ себе предъ Богомъ, мытарски пощеніемъ зовуще: очисти ны Боже грѣшныя».

На второй, воспоминающей намъ покаяніе блуднаго сына, поется: «Объятія отчія поспѣши мнѣ отверсти; расточительно изжилъ я житіе мое, взирая на неизживаемое богатство твоихъ щедротъ, Спасе, нынѣ да не презриши обнищавшаго моего сердца; ибо къ тебѣ Господи съ умиленіемъ взываю: согрѣшихъ, Отче, на небо и предъ тобою».

На третьей, страшно раздается въ слухъ нашъ труба послѣдняго суда: «Возгласятъ трубы, и истощатся гробы и воскреснетъ все естество человѣческое въ трепетѣ!... Книги разгнутся, явлены будутъ дѣла человѣковъ предъ нестерпимымъ судилищемъ; возшумитъ же юдоль вся страшнымъ скрежетаніемъ и плачемъ, видя всѣхъ согрѣшившихъ, по праведному суду, отпускаемыхъ на вѣчныя муки и тщетно плачущихся»!

За *стихирами воскресными* слѣдуютъ иныя, въ честь Матери воплощеннаго Сына Божія, или въ память угодниковъ Божіихъ, чествуемыхъ въ тотъ день. Онѣ заключаются такъ называемымъ *догматикомъ*, или особенною пѣснію во славу пречистой Дѣвы, ибо тутъ вмѣщается догматъ о воплощеніи Господа нашего, дабы повторяемый часто на служ-

бахъ церковныхъ, болѣе утверждался онъ въ сердцѣ вѣрныхъ.

Глубокъ и возвышенъ догматикъ перваго гласа, воспѣвающій: «Всемірную славу, процвѣтшую отъ человѣковъ и родившую Владыку, небесную дверь, Марію Дѣву, безплотныхъ пѣснь и украшеніе вѣрныхъ: ибо она явилась небомъ и храмомъ Божества; она, разрушивъ враждебную преграду, водворила миръ и отверзла царствіе; имѣя ее утвержденіемъ вѣры, мы имѣемъ поборникомъ родившагося отъ нея Господа. И такъ дерзайте людіе Божіи, ибо всесильный Сынъ ея побѣдитъ враговъ».

Но что знаменуетъ самый *входъ* священнослужителей, предшествуемыхъ свѣтильникомъ, во время пѣнія сего вечерняго *догматика?*—Таинственное явленіе Сына Божія міру, погруженному во мракъ язычества!—Посему, для бо̀льшаго напоминанія нашему сердцу, кроткаго къ намъ сошествія Господа нашего, не въ нестерпимомъ для насъ блистаніи Божества, но въ тихомъ свѣтѣ славы Отчей, поется, вслѣдъ за догматикомъ, исполненный мыслей и чувствъ, вечерній *гимнъ* Софронія, Патріарха Іерусалимскаго:

«Свѣте тихій святыя славы безсмертнаго, Отца небеснаго, святаго блаженнаго, Іисусе Христе! пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца, Сына и Святаго Духа Бога. Достоинъ еси, во вся времена, пѣтъ быти гласы преподобными, Сыне Божій, животъ даяй, тѣмъ же міръ тя славитъ».

Невольное умиленіе проливаетъ въ сердце каждаго, сія трогательная пѣснь, если только кто вникнетъ въ ея таинственный смыслъ: изъ какого, по истинѣ вечерняго сумрака, вызванъ былъ міръ весь

тихимъ свѣтомъ небесной славы того, кто, по словамъ Писанія, не сломилъ трости надломленной и не угасилъ дымящагося льна, хотя, паче громовъ Синайскихъ, возгласилось его ученіе въ концы вселенной! Посему, когда входятъ священнослужители опять въ алтарь и становятся за престоломъ, у горняго мѣста, то, какъ бы изъ глубины богословія, возглашается *прокимень* или предлежащій пѣнію *стихъ*, знаменующій славу явившагося Божества, и стихъ этотъ повторяется клиромъ.

«Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся; облечеся Господь въ силу и препоясася: ибо утверди вселенную яже не подвижится. Дому твоему подобаетъ святыня въ долготу дней».

Сугубая эктенія Діакона, возбуждаетъ насъ, послѣ сего прокимена, къ усугубленной молитвѣ, съ утроеннымъ «Господи помилуй», для бо̀льшаго умиленія сердецъ нашихъ; тутъ читается и краткая, но трогательная вечерняя молитва.

«Сподоби, Господи, въ вечеръ сей, безъ грѣха сохранитися намъ. Благословенъ еси Господи, Боже Отецъ нашихъ, и хвально и прославлено имя твое во вѣки аминь», и прочее.

Тогда начинается опять, на обоихъ клиросахъ, пѣніе *воскресныхъ стихиръ*, соотвѣтствующихъ стихамъ псаломнымъ.

«Страстію твоею, Христе, отъ страстей свободихомся и воскресеніемъ твоимъ, изъ истлѣнія избавихомся: Господи слава тебѣ».

«Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся» — «Да радуется тварь, небеса да веселятся, руками да восплещутъ языцы съ веселіемъ: Христосъ бо Спасъ нашъ, на крестѣ пригвозди грѣхи наша и смерть

умертвивъ, животъ намъ дарова, падшаго Адама всероднаго воскресивый, яко человѣколюбецъ».

«Ибо утверди вселенную, яже не подвижится».— «Царь сый небесе и земли, непостижиме, волею распялся еси за человѣколюбіе, его же адъ срѣтъ долѣ, огорчися, и праведныхъ души пріемше возрадовашася, Адамъ же, видѣвъ тя Зиждителя въ преисподнихъ, воскресе. О чудесе! како смерти вкуси всѣхъ жизнь? но яко же восхотѣ міръ просвѣтити, зовущій и глаголющій: воскресый изъ мертвыхъ, Господи слава тебѣ».

Умилительная молитва Симеона Богопріимца, который столь долго ждалъ своего отпущенія изъ сей юдоли, читается предъ окончаніемъ вечерни: «Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ», и потомъ поется пѣснь Богородичная, составленная изъ привѣта Ангельскаго и Матери Предтечевой: «Богородице Дѣво радуйся» и проч.

Поучительнымъ псалмомъ Давида: «Благословлю Господа на всякое время», заключается вечерня, какъ и открылась она его же псалмомъ: «Благослови душе моя Господа», дабы въ началѣ и въ концѣ божественной службы, какъ и всей нашей жизни, душа наша научалась благословлять Творца своего. И сколько назиданія въ этомъ псалмѣ, въ которомъ слышимъ поученіе отъ лица Церкви, устами Давида!

Благословеніе Іерея полагаетъ предѣлъ между службою вечернею и утреннею; при ея началѣ съ благоговѣніемъ читаются, посреди общаго молчанія, шесть избранныхъ псалмовъ, никогда не отлагаемыхъ, какъ основаніе утрени, кромѣ пасхальныхъ дней. Но прежде нежели начать шестопсалміе,

трижды возглашаетъ чтецъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе». Есть обычай въ пустынныхъ обителяхъ, для бо̀льшаго умиленія, гасить въ это время всѣ свѣчи, кромѣ лампадъ передъ иконами, дабы въ полумракѣ безъ всякаго развлеченія, глубже падали на сердце слова Царя Пророка. Таковы сіи шесть избранныхъ псалмовъ, съ которыми полезно ознакомиться каждому:

«Господи, что ся умножиша стужающіи ми».

«Господи, да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене».

«Боже, Боже мой, къ тебѣ утреннюю, возжада тебе душа моя».

«Господи, Боже спасенія моего, во дни воззвахъ и въ нощи предъ тобою».

«Благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя имя святое его».

«Господи, услыши молитву мою, внуши моленіе мое во истинѣ твоей, услыши мя въ правдѣ твоей и не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ живый».

Подобно какъ при началѣ вечерни, послѣ перваго ея псалма, такъ и на утрени послѣ шестопсалмія, великая эктенія Діакона возбуждаетъ къ молитвѣ вѣрныхъ, а вслѣдъ за нею поется торжественно: «Богъ Господь и явися намъ, благословенъ грядый во имя Господне», и тропарь воскресный:

«Камени запечатану отъ Іудей, и воиномъ, стрегущимъ пречистое тѣло твое, воскресъ еси тридневенъ, Спасе, даруяй мірови жизнь: сего ради Силы небесныя вопіяху ти жизнодавче: слава воскресенію твоему, Христе, слава царствію твоему, слава смотрѣнію твоему, человѣколюбче».

Потомъ слѣдуетъ чтеніе *каѳисмъ*, второй и третьей, потому что первая уже читалась на вечерни. Онѣ состоятъ, каждая изъ нѣсколькихъ псалмовъ, и раздѣлены на три части, краткимъ пѣніемъ славы и аллилуія. Послѣ каждой изъ каѳисмъ, есть такъ называемые *сѣдальны*, или стихи, которые дозволялось пѣть сидя, какъ и самую читать каѳисму, означающую по Гречески *сидѣніе*. Сѣдальны сіи исполнены также мыслію воскресенія; таковъ первый изъ нихъ:

«Гробъ твой, Спасе, воины стрегущіи мертви отъ облистанія явльшагося Ангела бывше, проповѣдующа женамъ воскресеніе; тебе славимъ тли истребителя, тебѣ припадаемъ воскресшему изъ гроба и ада потребителю». Въ томъ же духѣ и другіе сѣдальны.

Краткая эктенія заключаетъ каѳисмы и здѣсь открывается, вмѣстѣ съ царскими дверьми, яркій свѣтъ, какъ символъ воскресенія, изливающійся изъ глубины святилища на всю Церковь, среди гимновъ и чтенія Евангелія: это есть самое торжественное время утрени, называемое *полиелеемъ* отъ многаго освѣщенія. Лики поютъ, на два клира, избранные стихи изъ псалмовъ, коихъ полное чтеніе бываетъ только въ обителяхъ.

«Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа, аллилуія. Благословенъ Господь отъ Сіона, живый во Іерусалимѣ, аллилуія. Исповѣдайтеся Господеви яко благъ, яко въ вѣкъ милость его, аллилуія. Исповѣдайтеся Богу небесному, яко въ вѣкъ милость его, аллилуія».

Вслѣдъ за тѣмъ возглашается трогательная пѣснь Мѵроносицъ, пришедшихъ съ ароматами рано ко гробу, и уже не обрѣтшихъ тѣлеси Господа Іисуса.

Этимъ выражается, какъ бы самое ихъ пришествіе къ упраздненному гробу, и съ тѣмъ вмѣстѣ изумленіе Ангеловъ и человѣковъ о воскресшемъ. Но каждая пѣснь отдѣлена отъ другой, погребальнымъ стихомъ, который слышится обыкновенно при отпѣваніи усопшихъ: «Благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ», ибо и здѣсь, ради помазанія погребальнаго, притекли Мѵроносицы, хотя, вмѣсто искомаго ими мертвеца, поклонились онѣ радуяся живому Богу.

«Ангельскій соборъ удивися, зря тебе въ мертвыхъ вмѣнившася, смертную же, Спасе, крѣпость разоривша и съ собою Адама воздвигша, и отъ ада вся свобождша».

«Почто мѵра съ милостивными слезами, о ученицы, растворяете? блистаяйся во гробѣ Ангелъ Мироносицамъ вѣщаше: видите вы гробъ и уразумѣйте, Спасъ бо воскресе отъ гроба».

«Зѣло рано Мѵроносицы течаху ко гробу твоему рыдающія, но предста къ нимъ Ангелъ и рече: рыданія время преста, не плачите, воскресеніе же Апостоломъ рцыте».

«Мѵроносицы жены, съ мѵры пришедшія, ко гробу твоему, Спасе, рыдаху; Ангелъ же къ нимъ рече, глаголя: что съ мертвыми живаго помышляете? яко Богъ бо воскресе отъ гроба».

Въ концѣ сихъ полупогребальныхъ, полувоскресныхъ пѣсней, всѣ вѣрные призываются къ поклоненію славимаго въ Троицѣ Бога.

«Поклонимся Отцу, и его Сынови, и Святому Духу, Святѣй Троицѣ во единомъ существѣ, съ Серафимы зовуще: святъ, святъ, святъ еси Господи»!

Во время сего трогательнаго пѣнія, которое

исполняетъ насъ ожиданіемъ радостнаго возстанія нашего Господа, какъ бы въ самый день Пасхи (ибо каждая воскресная утреня есть ея подобіе), священнослужители, со свѣтильникомъ и кадиломъ, обходятъ храмъ: они исполняютъ ѳиміамомъ, какъ бы ароматами Мѵроносицъ, всю церковь, готовую сдѣлаться свидѣтельницею воскресенія своего Господа.

Но вотъ однако, прежде чтенія воскреснаго Евангелія, слышатся умилительные *антифоны*, выражающіе стремленіе души къ Богу, крѣпкому, живому, которые составлены изъ стиховъ псаломныхъ и новозавѣтныхъ, отшельниками плачевной юдоли и обители Студійской. Это какъ бы послѣдній отголосокъ земной скорби, предъ радостною вѣстію воскресенія!—О какъ дорого каждое слово божественной службы, которое можно сказать необходимо для духовной ея полноты! Таковы антифоны перваго гласа:

«Внегда скорбѣти ми, услыши моя болѣзни, Господи тебѣ зову».

«Пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, внѣ сущимъ суетнаго міра».

«Святому Духу честь и слава, якоже Отцу подобаетъ, купно же и Сыну, сего ради да поемъ Троицѣ единодержавіе».

Тогда возглашается, во глубинѣ алтаря, надъ престоломъ, какъ бы надъ самымъ камнемъ гроба Христова, воскресное Евангеліе. Такихъ воскресныхъ зачалъ одиннадцать, читаемыхъ по порядку и, чрезъ каждыя одиннадцать недѣль, возвращается кругъ ихъ; посему, посѣщающіе постоянно храмы Божіи, постепенно слышатъ, одно за другимъ, всѣ обстоятельства радостнаго воскресенія; премудро устроила это святая Церковь. Самое Евангеліе выносится потомъ

изъ алтаря, для всенароднаго лобызанія, какъ бы во свидѣтельство воскресенія, и посему лики поютъ ему въ срѣтеніе радостную пѣснь:

«Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному; кресту твоему покланяемся, Христе, и святое воскресеніе твое поемъ и славимъ: ты бо еси Богъ нашъ, развѣ тебе иного не знаемъ: имя твое именуемъ. Пріидите вси вѣрніи, поклонимся святому Христову воскресенію: се бо пріиде крестомъ радость всему міру; всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе его: распятіе бо претерпѣвъ, смертію смерть разруши».

Послѣ сего Церковь прибѣгаетъ къ молитвамъ Богородицы и Святыхъ Апостолъ, какъ свидѣтелей воскресенія, дабы Господь, по ихъ молитвамъ, очистилъ согрѣшенія наши; во всѣ же недѣли великаго поста, для бо̀льшаго возбужденія къ покаянію, поются, умилительныя стихиры.

«Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче, утреннюетъ бо духъ мой ко храму святому твоему, храмъ носяй тѣлесный весь осквернѣнъ: но яко щедръ очисти, благоутробною твоею милостію».

«На спасенія стези настави мя, Богородице, студными бо окаляхъ душу грѣхми и въ лѣности все житіе мое иждихъ: но твоими молитвами избави мя отъ всякія нечистоты».

«Множества содѣянныхъ мною лютыхъ, помышляя окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго: но надѣяся на милость благоутробія твоего, яко Давидъ вопію ти: помилуй мя Боже, по велицѣй твоей милости».

Молитвенное воззваніе Діакона, къ предстательству всѣхъ святыхъ Божіихъ, заключаетъ сіе пѣніе,

слѣдующее за чтеніемъ Евангелія. Тогда начинается чтеніе *воскреснаго канона*, раздѣленнаго по обычаю на девять пѣсней, и первый стихъ каждой пѣсни, называемый *ирмосомъ* или связію прочихъ, поется, будучи составленъ въ подражаніе ветхозавѣтныхъ пѣсней пророческихъ. Канонъ выражаетъ на утрени, подобно какъ стихиры на вечерни, собственно празднество дня, и потому къ стихамъ воскреснымъ присоединяются другіе, напоминающіе о крестѣ Господнемъ, и еще иные въ честь Богоматери и празднуемыхъ Святыхъ. Здѣсь предлагается нѣсколько стиховъ воскресныхъ и крестныхъ, чтобы хотя немного ознакомить съ духовною красотою канона: «Слава Господи, святому воскресенію твоему» или «кресту твоему честному», произноситъ чтецъ предъ каждымъ стихомъ, чтобы назначить къ чему онъ относится. Вотъ два первыхъ *воскресныхъ* стиха:

«Иже руками пречистыми, отъ персти, благодѣтельно создавъ мя исперва, распростеръ руки свои на крестѣ, и отъ земли взываетъ тлѣнное мое тѣло, еже воспріялъ отъ Дѣвы».

«Умерщвленіе подъялъ еси мене ради, душу смерти предалъ еси, иже вдохновеніемъ Божественнымъ душу ми вложивый, и, отрѣшивъ вѣчныхъ узъ и совоскресивъ, нетлѣніемъ прославилъ еси».

Вотъ и два *крестныхъ* стиха первой пѣсни канона, исполненные вдохновенія богословскаго:

«Христосъ обожаетъ мя воплощаяся, Христосъ мя возноситъ смиряяся, Христосъ безстрастна мя содѣлываетъ, стражда жизнодавецъ естествомъ плоти; тѣмже воспѣваю благодарственную пѣснь, яко прославися».

«Христосъ возноситъ мя распинаемь, Христосъ

совоскрешаетъ мя умерщвляемь, Христосъ жизнь мнѣ даруетъ; тѣмже съ веселіемъ, рукама плеща, пою Спасителю побѣдную пѣснь, яко прославися».

Приведу еще нѣкоторые стихи канона, изъ различныхъ его пѣсней, для желающихъ познать ихъ красоту; затрудняешься только, который изъ нихъ предпочесть, по чрезвычайной красотѣ всѣхъ.

«Богъ сый мнѣ, блаже, падшаго ущедрилъ еси, и снити ко мнѣ благоволивъ, вознеслъ мя еси распятіемъ, еже вопити тебѣ святый: храме одушевленный неизреченныя твоея славы, человѣколюбче».

«Иже на свое рамо заблуждаемое овча вземшему, и низложившему древомъ его грѣхъ, Христу Богу возопіимъ: воздвигнувый рогъ нашъ, святъ еси Господи».

«Кто сей Спасъ, иже изъ Эдома исходя, вѣнецъ нося терновенъ, очервлену ризу имый, на древѣ вися?—Израилевъ есть сей Святый, во спасеніе наше и обновленіе».

«Видите людіе непокоривіи, и устыдитеся: его же бо, яко злодѣя, вы вознести на крестъ у Пилата испросисте, умовреднѣ, смерти разрушивъ силу, боголѣпно воскресъ изъ гроба».

Христосъ, будущихъ благъ явився Архіерей, грѣхи наша разорилъ есть и, показавъ страненъ путь своею кровію, въ лучшую и совершеннѣйшую вниде скинію, предтеча нашъ во святая».

«Пастыря овцамъ великаго и Господа, Іудеи древомъ крестнымъ умертвиша: но той, яко овцы, мертвыя во адѣ погребенныя, державы смертныя избави».

«О богатство и глубино премудрости Божія!—премудрыя объемляй Господь, отъ сихъ коварства избавилъ есть насъ: пострадавъ бо волею, немощію

плотскою, самъ своею крѣпостію животворяй, мертвыя воскресилъ есть».

«Богъ сый соединяется плотію насъ ради, и распинается и умираетъ, погребается, и паки воскресаетъ, и восходитъ свѣтло съ плотію своею Христосъ ко Отцу: съ нею же пріидетъ и спасетъ благочестно тому служащія».

«Согрѣшеніемъ первозданнаго, Господи, лютѣ уязвихомся, раною же исцѣлихомся твоею, еюже за ны уязвился еси Христе: ты бо крѣпость немощствующихъ и исправленіе».

«Падаетъ прельстився Адамъ, и преткнувшись сокрушается, надеждою оболганъ сый древле обоготворенія; но возстаетъ, соединеніемъ Слова обожаемь, и страстію безстрастіе пріемлетъ, на престолѣ яко Сынъ славится, сѣдяй со Отцемъ же и Духомъ».

Послѣ *шестой* пѣсни читаютъ *кондакъ*, и *икосъ* или сокращенное содержаніе мысли всего *канона*, и потомъ опять слѣдуютъ его вдохновенныя *пѣсни*, въ которыхъ пѣніе *ирмосовъ*, перемѣшанное съ чтеніемъ, доставляетъ для слуха и мысли пріятное разнообразіе.

«Убояся земля, сокрыся солнце и померче свѣтъ, раздрася церковная божественная завѣса, каменіе же разсѣдеся: на крестѣ бо виситъ праведный, хвалимый отцевъ Богъ, и препрославленъ».

«Древле убо проклята бысть земля, Авелевою очервленившеся кровію, братоубійственною рукою; Боготочною же твоею кровію благословися окроплена и взыграющи вопіетъ: отцевъ Боже благословенъ еси».

«Иже волею вся творяй и претворяяй, обращаяй сѣнь смертную въ вѣчную жизнь, страстію твоею, Слове Божій, тебе непрестанно, вся дѣла Господня, Господа поимъ, и превозносимъ во вся вѣки».

«Пріидите людіе, поклонимся мѣсту, на немже стоястѣ пречистыя нозѣ, и на древѣ божественніи Христовы длани животворящія простршася, на спасеніе всѣхъ человѣковъ, и гробъ животный обстояще, поимъ: да благословитъ тварь всякая Господа, и превозноситъ во вся вѣки».

Такъ какъ *девятая* пѣснь канона посвящена Пречистой Дѣвѣ, то предъ нею воспѣвается собственная молитва Богоматери, которую произнесла она, когда праведная Елисавета привѣтствовала ее какъ Матерь Господа:

«Величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ».

Вся сія вдохновенная молитва перенесена изъ Евангелія въ утреннюю службу и, между каждымъ ея стихомъ, святая Церковь привѣтствуетъ своимъ величаніемъ Пречистую Дѣву:

«Честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ, безъ истлѣнія Бога Слово рождшую, сущую Богородицу тя величаемъ».

За симъ слѣдуютъ опять окончательные стихи *девятой* пѣсни канона, не уступающіе красотой первымъ, ибо весь онъ, какъ одно величественное цѣлое, проникнутъ славою воскресенія.

«О како, людіе беззаконніи и непокоривіи, лукавая совѣщавше, гордаго и нечестиваго оправдиша, праведнаго же на древѣ осудиша, Господа славы! его же достойно величаемъ».

«Спасе, агнче непорочне, иже міра грѣхи вземый, тебе славимъ воскреснаго тридневно, со Отцемъ и божественнымъ твоимъ Духомъ, Господа славы: его же благословяще величаемъ».

«Прославися неизреченною силою твоею крестъ

твой, Господи, немощное бо твое паче силы всѣмъ явися; имже сильніи убо низложени быша на землю, и нищіи къ небеси возводими бываютъ».

Послѣ краткой *ектеніи*, заключающей канонъ, читаются или поются *стихи хвалебнаго псалма*, оканчивающаго псалтирь, перемѣшанные съ *воскресными*, дабы симъ, двузавѣтнымъ хваленіемъ, достойно довершить утреннюю службу, начатую также псалмами.

«Хвалите Бога во Святыхъ его, хвалите его во утвержденіи силы его».

«Крестъ претерпѣвый, и смерть упразднивый, и воскресый изъ мертвыхъ, умири нашу жизнь Господи, яко единъ всесиленъ».

«Хвалите его на силахъ его, хвалите его по множеству величествія его».

«Ада плѣнивый и человѣка воскресивый, воскресеніемъ твоимъ Христе, сподоби насъ чистымъ сердцемъ, тебе пѣти и славити.

«Хвалите его во гласѣ трубнѣмъ, хвалите его во псалтири и гуслѣхъ».

«Боголѣпное твое снисхожденіе славяще, поемъ тя Христе: родился еси отъ Дѣвы и неразлученъ былъ еси отъ Отца, пострадалъ еси яко человѣкъ и волею претерпѣлъ еси крестъ, воскреслъ еси отъ гроба, яко отъ чертога произшедъ, да спасеши міръ, Господи слава тебѣ».

«Хвалите его въ тимпанѣ и лицѣ, хвалите его во струнахъ и органѣ».

«Егда пригвоздился еси на древѣ крестнѣмъ, тогда умертвися держава вражія; тварь поколебася страхомъ твоимъ и адъ плѣненъ бысть державою твоею; мертвыя отъ гробъ воскресилъ еси и разбойнику рай отверзлъ еси, Христе Боже нашъ, слава тебѣ».

Послѣ сего торжественный возгласъ священнослужителя: «*Слава тебѣ показавшему намъ свѣтъ*», знаменуетъ для насъ явленіе зари воскреснаго дня, потому что въ первыя времена Христіанства и донынѣ, въ нѣкоторыхъ пустынныхъ обителяхъ, бдѣніе *всенощное*, въ полномъ смыслѣ сего слова, начинаясь отъ захожденія солнца, продолжалось *во всю ночь*, до его восхода.

Кто не знаетъ дивной пѣсни: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе», которую Ангелы принесли съ неба пастырямъ Виѳлеемскимъ, а люди только дополнили на землѣ, молитвенными своими воззваніями къ Агнцу Божію, вземлющему грѣхи міра? и какъ умилительны сіи воззванія человѣческой немощи!

«Хвалимъ тя, благословимъ тя, кланяемтися, славословимъ тя, благодаримъ тя, великія ради славы твоея, Господи Царю небесный, Боже Отче вседержителю; Господи Сыне единородный, Іисусе Христе, и Святый Душе! Господи Боже, Агнче Божій, Сыне Отечь, вземляй грѣхъ міра, помилуй насъ; вземляй грѣхи міра, пріими молитву нашу; сѣдяй одесную Отца помилуй насъ; яко ты еси единъ святъ, ты еси единъ Господь, Іисусъ Христосъ, въ славу Бога Отца, аминь».

Высокій гимнъ сей, начатый славословіемъ Ангельскимъ, заключается также ангельскою пѣснію, возвѣщающею намъ славу Трисвятаго Бога: «Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ». Она возглашается трижды и вслѣдъ за нею поется, предъ *сугубою* эктеніею Діакона, еще *тропарь воскресный*: «Днесь спасеніе міру бысть, поемъ воскресшему изъ гроба и начальнику жизни

нашея: разрушивъ бо смертію смерть, побѣду даде намъ и велію милость».

Благословеніемъ и отпускомъ священнослужителя оканчивается собственно утренняя служба; но такъ какъ первые Христіане имѣли благочестивый обычай освящать молитвою начало каждаго дня, то къ *утрени* присоединяется еще *первый часъ*, составленный изъ *трехъ псалмовъ*, *тропарей* праздничныхъ и нѣкоторыхъ болѣе употребительныхъ молитвъ. На концѣ же всего Богослуженія поется *побѣдная пѣснь* Богоматери, «Взбранной Воеводѣ», т. е. свыше превозмогающей всѣ брани, дабы она, какъ безневѣстная Мать Христа Бога, избавила насъ отъ всякихъ бѣдъ, имѣя непобѣдимую державу.

«Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ, благодарственная восписуемъ ти раби твои Богородице: но яко имущая державу непобѣдимую, отъ всякихъ насъ бѣдъ свободи, да зовемъ ти: радуйся Невѣсто неневѣстная».

Таковъ торжественный ходъ *воскресной всенощной*, которая приготовляетъ насъ достойно встрѣтить самый день воскресенія и его божественную литургію, дабы мы, безъ разсѣянности въ молитвѣ, не только тѣломъ, но и всею душею, присутствовали при совершеніи страшныхъ Христовыхъ таинъ. Зная немощь человѣческой природы, не безъ глубокой цѣли, положили Святые Отцы, еще наканунѣ воскреснаго дня, приготовлять насъ къ духовному его празднованію, посредствомъ всенощнаго бдѣнія, возводящаго умъ и сердце ко Христу Богу! И сколько ущерба для нашей души опускать сію божественную службу и не удѣлять для нея, отъ мимотекущей суеты, двухъ краткихъ часовъ вечернихъ, которые погружаютъ

въ забвеніе временнаго и въ созерцаніе вѣчнаго: ибо она мысленно вводитъ насъ въ небесное царство распятаго ради насъ и воскресшаго человѣколюбца, Господа нашего и Спаса Іисуса Христа, которому слава во вѣки.

ПИСЬМО IX.

Еще одно Божественное служеніе не было предметомъ бесѣды нашей: я хочу говорить о *литургіи преждеосвященной*, которая исключительно совершается во дни великаго поста, и вѣрно часто поражала тебя, своими трогательными обрядами и молитвами.

Учрежденіе оной относится къ первымъ вѣкамъ Христіанства; но полагаютъ, что окончательное образованіе далъ ей святый Григорій великій, Папа Римскій, называемый Двоесловъ, въ VI вѣкѣ, еще прежде отдѣленія Римской Церкви отъ Церкви Вселенской. Она совершается въ среды и пятки святой четыредесятницы, которая, какъ подражаніе сорокадневнаго поста Христова и приготовленіе къ церковному воспоминанію его страданій, была у древнихъ Христіанъ въ такомъ уваженіи, что отцы Церкви, ради сердечнаго сѣтованія и сокрушенія духа, не дерзали совершать въ плачевные дни сіи торжественнаго служенія; полная же литургія дозволена только въ субботы и воскресенія, посвященныя памяти мірозданія и возстанія Господня. «Дни великаго поста суть время покаянія, говоритъ Соборъ Лаодикійскій, и потому каждый долженъ размышлять о своихъ со-

грѣшеніяхъ, а не уклоняться на празднества, чтобы прежде времени не насытиться радости духовной».

Въ началѣ воспрещено было приступать даже къ источнику небеснаго утѣшенія, Божественнымъ тайнамъ, въ первые пять дней каждой недѣли поста; но когда въ послѣдствіи, немощь духовная благочестивыхъ Христіанъ, обыкшихъ ежедневно пріобщаться своему Искупителю, не могла переносить столь тяжкаго лишенія, Церковь оказала имъ милосердіе; она разрѣшила, въ два дня недѣли, посвященные памяти преданія и распятія Спасителя, выносить на вечерни, для поклоненія и причащенія вѣрныхъ, Божественные дары, прежде освященные на литургіи воскресной и соблюдаемые на сіе въ ковчегѣ; отселѣ приняла свое начало и названіе *литургія преждеосвященныхъ* даровъ. Посему чинъ ея совершенно отличенъ отъ обѣдни святыхъ Василія и Златоуста; она состоитъ собственно изъ вечерни, предшествуемой часами, и нѣкоторой части обыкновенной литургіи, кромѣ важнѣйшаго, то есть освященія самыхъ даровъ, и хотя менѣе торжественна, но внушаетъ не менѣе страха и благоговѣнія: ибо при самомъ ея началѣ присутствуетъ уже закланный агнецъ Божій, подъ видомъ хлѣба напоеннаго виномъ, которые освящены и преложились въ тѣло и кровь Христовы, во время полной литургіи.

Самые часы отличны отъ тѣхъ, которые обыкновенно читаются предъ обѣднею: чтеніе ихъ гораздо продолжительнѣе; кромѣ положенныхъ трехъ псалмовъ, на каждомъ часѣ читается еще по каѳисмѣ, дважды прерываемой и оканчиваемой славою Пресвятой Троицѣ и троякимъ аллилуія, подобно какъ на утрени, а на шестомъ часѣ еще статья изъ про-

рочествъ. При концѣ сихъ каѳисмъ, Священникъ выходитъ изъ алтаря и творитъ предъ царскими вратами три земные поклона, повторяемые всѣми вѣрными, произнося основный стихъ каждаго часа, который выражаетъ, что̀ побудило Христіанъ освящать именно часъ сей молитвою.

Третій утѣшительно напоминаетъ сошествіе Св. Духа: «Господи, иже Пресвятаго твоего Духа, въ третій часъ, Апостоламъ твоимъ ниспославый, того благій не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихтися».

Поразительна молитва къ Распятому на *шестомъ* часѣ: «иже въ шестый день же и часъ, на крестѣ пригвождей, въ раи, дерзновенный Адамовъ грѣхъ, и согрѣшеній нашихъ рукописаніе раздери, Христе Боже, и спаси насъ».

Умилительна послѣдняя: «иже въ *девятый* часъ, насъ ради плотію смерть вкусивый, умертви плоти нашея мудрованіе, Христе Боже, и спаси насъ».

И чтобы еще болѣе смирить сіе суетное мудрованіе, предъ окончаніемъ каждаго часа, Священникъ опять выходитъ къ народу, и воздѣвъ къ небу руки, съ тремя земными поклонами, произноситъ высокую молитву св. Ефрема Сиряни̇на, глубоко постигшаго тайну смиренія, когда изъ сокрушенной души его истекли сіи трогательныя прошенія:

«Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, уныні̇я, любоначалія и празднословія не даждь ми.—Духъ же цѣломудрія, смиреномудрія, терпѣнія и любве, даруй ми рабу твоему.—Ей Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь».

Произнесши сперва сію молитву по частямъ, Священникъ даетъ время безмолвной молитвѣ, съ малыми поклонами, и въ заключеніе вновь произноситъ ту же молитву, всю и нераздѣльно, сопровождаемую однимъ земнымъ поклономъ.

Все на сей Божественной службѣ должно призывать насъ къ покаянію; послѣ св. Ефрема, Василій Великій, на концѣ девятаго часа, молитъ: «чтобы долготерпѣливый Господь, приведшій насъ до сего часа, въ который, вися на животворящемъ древѣ, открылъ входъ въ рай благоразумному разбойнику, самъ бы очистилъ насъ, недостойныхъ возрѣть на высоту небесную; ибо мы ходили въ воляхъ сердецъ нашихъ и въ суетѣ исчезли дни наши, и далъ бы намъ сложить съ себя ветхаго человѣка, чтобы облечься въ новаго и пожить Богу».—Тогда оба хора, подражая спасительнымъ словамъ распятаго разбойника, съ нимъ вопіютъ: «во царствіи твоемъ помяни насъ Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ»! Потомъ поперемѣнно напоминаютъ другъ другу тѣ добродѣтели, какія могутъ открыть врата сего царствія, и поютъ девять блаженствъ Евангельскихъ: нищихъ духомъ, плачущихъ, кроткихъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, милостивыхъ, чистыхъ сердцемъ, миротворцевъ, изгнанныхъ правды ради и поносимыхъ ради Господа, и обѣщая имъ многую мзду на небесахъ, между каждымъ стихомъ, повторяютъ молитву благоразумнаго разбойника. Они еще трижды припадаютъ къ Пресвятой Троицѣ, съ тою же мольбою, дабы глубже напечатлѣлась въ сердцѣ: «помяни насъ Господи, помяни насъ Владыко, помяни насъ Святый, егда пріидеши во царствіи твоемъ».

Начинается самая вечерня и до малаго входа священнослужителей и пѣсни: «Свѣте тихій», совершается по обыкновенному чину. Иногда только, когда празднуется, въ великопостные дни, память Мучениковъ и посему разрѣшается чтеніе Апостола и Евангелія, Діаконъ во время хода, вмѣсто кадила, несетъ въ рукахъ Евангеліе какъ на литургіи.

Но прежде сего, во время пѣнія вечернихъ стиховъ: «Господи, воззвахъ къ тебѣ», Священникъ, наполнивъ благоволеніемъ ѳиміама весь алтарь, вынимаетъ изъ стоящаго на престолѣ ковчега, прежде-освященный хлѣбъ, *тѣло Христово*, напоенное его *кровію*, возлагаетъ на дискосъ, благоговѣйно кадитъ, троекратно обходя престолъ и, поднявъ на голову, несетъ, предшествуемый Діакономъ съ кадиломъ, на жертвенникъ; тамъ вливаетъ также въ чашу вино и воду, не освящаемыя въ послѣдствіи, но только явственнѣе дополняющія второй видъ таинства.

Послѣ вечерняго пѣнія: «Свѣте тихій» чтецъ, посреди церкви, читаетъ двѣ пареміи, одну изъ книги Бытія, повѣствующую вначалѣ паденіе Адамово, заблужденія его потомковъ и послѣдовавшія за оными казни; другую же изъ притчей Соломона, гадательно предъявляющихъ уже нѣкій свѣтъ грядущаго Христа. Дабы знаменательнѣе выразить сей переходъ, отъ мрака къ свѣту, между обѣими пареміями, Священникъ, держа въ рукахъ кадило и свѣтильникъ, который стоялъ предъ святыми Дарами, изъ царскихъ вратъ осѣняетъ крестообразно народъ, съ сими таинственными словами: «премудрость прости, свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ». Сей зримый свѣтъ долженъ отчасти замѣнить вѣрнымъ свѣтъ слова Евангельскаго, коего лишены они во

дни плача, а вмѣстѣ и напоминаетъ имъ, о томъ Божественномъ свѣтѣ, которому скоро поклонятся въ преждеосвященныхъ Дарахъ.

Для бо̀льшаго умиленія, вслѣдъ за паремiями, три отрока, какъ три Ангела, напоминая также и трехъ Еврейскихъ отроковъ, воспѣвшихъ славу Божію посреди Халдейской пещи, отдѣляются отъ прочаго хора и становятся предъ царскими вратами, гдѣ, чувствительнымъ сердцу напѣвомъ, повторяютъ вечерній стихъ: «да исправится молитва моя».—Тотъ же стихъ поперемѣнно поется также и на клиросѣ, а въ промежуткахъ воспѣваются еще слѣдующіе стихи псалма, спасительные всякому, кто только будетъ дѣйствовать въ духѣ сихъ прошеній. «Господи, воззвахъ къ тебѣ услыши мя, услыши мя Господи, внегда воззвати ми къ тебѣ; положи Господи храненіе устомъ моимъ и дверь огражденія о устнѣхъ моихъ; не уклони сердца моего въ словеса лукавствія, непщевати вины о грѣсѣхъ» (не вымышлять извиненія во грѣхахъ).

Благочестивое же собраніе молящихся Христіанъ, чувствуя съ сокрушеннымъ сердцемъ, сколь далеко отстоятъ всѣ ихъ дѣянія отъ сихъ возвышенныхъ моленій, на колѣнахъ внимаетъ имъ. Оно подражаетъ смиренію мытаря, который, въ притворѣ храма, бія себя въ перси, произносилъ только: «Боже милостивъ буди мнѣ грѣшнику»! и уповаетъ, подобно ему, обрѣсти оправданія не отъ дѣлъ своихъ, но отъ сознанія своего недостоинства. А Священникъ, во время пѣнія стиховъ стоитъ, съ кадиломъ въ рукахъ, предъ престоломъ и, чрезъ восходящее облако ѳиміама, видимыми образами напоминаетъ, чтобы во время сей вечерней жертвы и воздѣянія

рукъ нашихъ къ Богу, самая молитва прямо возносилась къ нему, подобно ѳиміаму; при послѣднемъ же повтореніи стиха сего самъ, отдавая кадило, преклоняетъ колѣна со всею Церковію.

Съ половины великаго поста Діаконъ, на сугубой эктеніи, послѣ молитвы объ оглашенныхъ, приглашаетъ вѣрныхъ помолиться также и о братіяхъ, готовящихся къ просвѣщенію; ибо въ первыя времена Церкви, нѣкоторые изъ оглашенныхъ, болѣе пріуготовленные къ принятію святаго крещенія, были просвѣщаемы онымъ преимущественно въ великую субботу. Молитвы сіи изображаютъ духовныя ихъ нужды: просвѣщеніе разума и благочестія, баню пакибытія и одежду нетлѣнія, порожденіе водою и духомъ, совершеніе вѣры и сопричтеніе къ святому избранному стаду. Потомъ и они должны выходить изъ храма, ибо «нынѣ Силы небесныя съ нами невидимо служатъ, се бо входитъ Царь славы, се жертва тайная совершенна дорѵносится».

Въ сію торжественную минуту, свѣтильникъ, являющійся въ сѣверныхъ дверяхъ алтаря, извѣщаетъ вѣрныхъ о пришествіи Царя ихъ, въ видѣ жертвы, несомаго на главѣ Пресвитера, которому предшествуетъ Діаконъ, устилающій путь его ѳиміамомъ, и всѣ падаютъ ницъ благоговѣйно предъ непостижимымъ таинствомъ, какъ падалъ Исаія предъ нестерпимою славою Сѣдящаго на Херувимахъ, и страшное безмолвіе водворяется въ церкви. Слегка слышатся только на возвышеніи, кругомъ алтаря, надъ главами приникшими къ помосту, тихія мѣрныя стопы трехъ идущихъ, иногда останавливающіяся, или звукъ потрясеннаго кадила предъ Дарами, и мнится—нынѣ Силы небесныя съ нами

невидимо служатъ!—Такою робостію проникаютъ звуки сіи трепетное сердце, а поднявшійся хоръ начинаетъ, еще надъ простертыми долу, призывную пѣснь: «съ вѣрою и любовію приступимъ, да причастницы жизни вѣчныя будемъ, аллилуія».

Всѣ встаютъ, ибо жертва уже на престолѣ, готовая «датися въ снѣдь вѣрнымъ», которыхъ приготовляетъ къ ея принятію исшедшій изъ алтаря Діаконъ, молитвами о вѣчныхъ благахъ, Пресвитеръ же молитвою Господнею «Отче нашъ», и вслѣдъ за тѣмъ задергивается завѣса съ возгласомъ: «преждеосвященная святая святымъ». Ликъ по обычаю отвѣчаетъ: «единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ» и, во время причащенія священнослужителей, поетъ въ назиданіе Церкви: «вкусите и видите яко благъ Господь: аллилуія». Когда же Діаконъ призываетъ къ пріобщенію, во вратахъ алтаря, еще убѣдительнѣе взываетъ ликъ, пророческими словами Давида: «благословлю Господа на всякое время, хвала его во устѣхъ моихъ: хлѣбъ небесный и чашу жизни вкусите и видите яко благъ Господь, аллилуія». По отнесеніи святыхъ Даровъ на жертвенникъ, поется обычный стихъ: «да исполнятся уста наша хваленія твоего Господи; соблюди насъ во твоей святыни, весь день поучатися правдѣ твоей, аллилуія».

Особенно замѣчательна, глубокимъ смысломъ своихъ прошеній, заамвонная молитва, въ которой Пресвитеръ проситъ: «чтобы Вседержитель, введшій насъ въ пречестные дни сіи, къ очищенію душъ и тѣлесъ, къ воздержанію страстей и къ надеждѣ воскресенія, далъ бы намъ подвизаться подвигомъ добрымъ, теченіе поста совершить, вѣру нераздѣльну

соблюсти, главы невидимыхъ зміевъ сокрушить, явиться побѣдителями грѣха и неосужденно достигнуть и поклониться святому воскресенію».

А я, желая тебѣ искренно исполненія всѣхъ сихъ прошеній, на время останавливаюсь, ибо, постепеннымъ объясненіемъ Богослуженія, непримѣтно коснулся и самаго поста, который вначалѣ не былъ предметомъ бесѣдъ нашихъ. Мнѣ бы весьма хотѣлось однако, изложить предъ тобою и трогательныя красоты великопостнаго служенія, исполненныя таинственнаго смысла; онѣ всѣ заключаются въ книгѣ, называемой *тріодію постною*, и если ты мнѣ изъявишь на то свое желаніе, не замедлю приступить къ дѣлу, чтобы тѣмъ доказать тебѣ, какъ все, относящееся до блага души твоей, близко и моей собственной.

3 Ноября 1835 г.
С.-Петербургъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

—

НАСТАВЛЕНІЕ О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ НОВООБРАЩЕННЫМЪ ИЗЪ ЯЗЫЧЕСТВА.

Когда ты входишь въ Церковь для молитвы, входи съ благоговѣніемъ, какъ въ домъ Божій, гдѣ во время Божественной службы, повторится предъ твоими глазами все то, чему тебя учили твои Христіанскіе наставники, о спасительномъ за насъ страданіи Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа.

И такъ, прежде всего старайся быть достойнымъ сего священнаго зрѣлища и, по мѣрѣ силъ твоихъ, исполни то, что внушаетъ намъ Евангеліе Христово. Оно говоритъ: «если принесешь даръ твой къ алтарю и тутъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ нѣчто на тебя, оставь тамъ даръ твой предъ алтаремъ, и пойди прежде примирись съ братомъ твоимъ, и тогда приди и принеси даръ твой» (Матѳ. V, 23, 24). Посему и ты входи всегда съ миромъ, какъ въ отношеніи твоихъ ближнихъ, такъ и собственной твоей совѣсти, потому что ты услышишь, въ первыхъ словахъ Божественной службы: «миромъ Господу помолимся».

Евангеліе говоритъ тебѣ о дарѣ предъ алтаремъ:—какой же это даръ?—Ты видишь, что даже язычники, въ домахъ своихъ и божницахъ, воспоминаютъ своихъ умершихъ праотцевъ и родителей; но они заблуждаются, принося имъ самимъ жертвы слѣдующія Божеству. Ты же какъ Христіанинъ, наученный истинной вѣрѣ, приноси духовную жертву Богу, о душахъ твоихъ усопшихъ отцевъ и братій, и о здравіи и спасеніи живыхъ. А чтобы жертва твоя была дѣйствительна, она должна быть принесена руками того, кто имѣетъ на сіе право, и неиначе какъ въ Церкви.

Посему принеси Священнику въ алтарь хлѣбъ, называемый *просфорою*, прежде начатія Божественной службы, которая именуется иначе *обѣднею* или *литургіею*, и попроси его помянуть съ молитвою, предъ жертвенникомъ, какъ бы предъ Божіимъ престоломъ, твоихъ отцевъ и братій, живыхъ или усопшихъ, чтобы Господь даровалъ имъ прощеніе грѣховъ, какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей. Это отчасти и будетъ духовный *даръ* Богу, ибо онъ такъ благъ, что принимаетъ, какъ бы себѣ, все то, что мы дѣлаемъ для ближнихъ нашихъ.

Принеси съ собою въ церковь и другой даръ, угодный Богу, *милостыню* для нищихъ, или раздай ее на дорогѣ если нѣтъ ихъ въ церкви, потому что они также братія твои, происходящіе съ тобою одинаково отъ перваго человѣка Адама, который созданъ былъ отъ Бога невиннымъ и согрѣшилъ. Нищіе сіи, если они не Христіане, не менѣе должны заслуживать твое состраданіе, ибо они, какъ рожденные Адамомъ, будучи такіе же грѣшники какъ и ты, не знаютъ подобно тебѣ Искупителя человѣ-

ческаго рода, Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія, который сошелъ на землю и пострадалъ на крестѣ, чтобы спасти насъ и искупить отъ грѣховъ.

Ты можешь принести съ собою еще и третій даръ, *свѣчи*, которыя возжешь предъ иконами Господа Іисуса Христа и пречистой его Матери и Святыхъ, ему угодившихъ въ сей жизни и имъ прославленныхъ въ будущей. Возженіемъ сего свѣта ты выражаешь свое къ нимъ глубокое благоговѣніе и то внутреннее пламя, которое должно горѣть въ твоемъ сердцѣ, при воспоминаніи о ихъ святой жизни, служащей тебѣ образцемъ.

При входѣ въ церковь осѣни себя *знаменіемъ креста* съ сею молитвою: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго», въ память того креста, на которомъ распятъ былъ за тебя твой Спаситель, и симъ знаменіемъ, какъ самымъ сильнымъ оружіемъ, огради себя отъ всякой нечистой мысли, и направь весь свой умъ и сердце къ молитвѣ, ибо человѣкъ, приступающій къ Богу, долженъ забывать человѣческое, чтобы только помышлять о божественномъ.

Вотъ ты взошелъ въ церковь. Ты видишь, что она раздѣлена на двѣ главныя части: одна выше другой, отдѣлена отъ нея и доступна только однимъ священнослужителямъ, которые совершаютъ службу свою предъ престоломъ и не въ обыкновенныхъ одеждахъ, а въ священныхъ ризахъ; что же все сіе значитъ?

Алтарь отдѣленъ отъ прочей церкви для того, что ты, какъ непосвященный, недостоинъ взирать на высокія *таинства*, въ немъ совершаемыя; потому онъ и возвышенъ надъ помостомъ. На *жертвенникѣ*, стоящемъ по лѣвую сторону, приготовляется

жертва, приносимая за грѣхи твои, а на *престолѣ* она совершается; потому и долженъ ты почитать его, какъ бы самый престолъ Божій; *врата*, къ нему ведущія, называются *царскими*, какъ бы входъ въ небесное царствіе, ибо ими входитъ и исходитъ къ тебѣ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ образѣ жертвы; осѣняются они и *завѣсою*, для бо̀льшей сокровенности таинства, тебѣ недоступнаго.

Но оно доступнѣе *священнослужителямъ*, для сего исключительно посвященнымъ, *Архіерею* или *Священникамъ* его совершающимъ, и *Діаконамъ* при немъ служащимъ; всѣ они облекаются на сіе служеніе въ особенныя *ризы*, чтобы тѣмъ показать: какимъ образомъ, приступая къ святынѣ, должно имѣть свѣтлую, чистую совѣсть и возвышаться духомъ до созерцанія божественныхъ предметовъ.

Ты же, хотя издали, мысленно послѣдуй за ними и, видя сколь священно ихъ служеніе предъ Богомъ, почитай и люби ихъ, какъ своихъ *наставниковъ* въ вѣрѣ, какъ своихъ *отцевъ духовныхъ*, которые пріемлютъ отъ тебя грѣхи твои и приносятъ за нихъ жертву.

Прежде начала божественной службы и во время приготовленія къ оной священнослужителей въ алтарѣ, положено чтеніе, такъ называемыхъ *часовъ*, т. е. возвышенныхъ молитвъ на разные часы дня, собранныхъ вмѣстѣ, чтобы и тебя приготовить къ благочестивому вниманію, для предначинаемой литургіи, если только ты вникнешь и уразумѣешь сіи молитвы.

Обѣдня или *литургія* начинается благословеніемъ царства Пресвятыя Троицы, *Отца и Сына и Святаго Духа*, которыхъ ты, какъ Христіанинъ православный, научился исповѣдывать, при святомъ *крещеніи*,

для того чтобы достигнуть нѣкогда сего *небеснаго царствія*, обѣщаннаго намъ Спасителемъ нашимъ, Господомъ Іисусомъ Христомъ.

Потомъ Діаконъ произноситъ, во услышаніе всего народа, краткія молитвенныя воззванія, о благахъ временныхъ и вѣчныхъ, на которыя *хоръ* поющихъ, отъ лица всего народа, отвѣчаетъ благоговѣйно: «Господи помилуй»! Такъ и ты, хотя не вслухъ, но втайнѣ, на каждую сію молитву говори въ твоемъ сердцѣ: «Господи помилуй»! ибо ты долженъ, отъ всей глубины души твоей, молиться: о свышнемъ мирѣ и спасеніи души твоей; за всѣ святыя Христіанскія Церкви разсѣянныя по всему міру; за ту Церковь, въ которую ты самъ входишь, со страхомъ Божіимъ и благоговѣніемъ; за Святѣйшій Синодъ, собраніе верховныхъ Пастырей Русской Церкви, посвящающихъ и посылающихъ тебѣ духовныхъ наставниковъ, отцевъ твоихъ; за благочестивѣйшаго Государя Императора, Покровителя и защитника православной вѣры.

Ты долженъ также молиться, о всякомъ градѣ и странѣ и вѣрою въ нихъ живущихъ; о изобиліи плодовъ земныхъ для общаго пропитанія, о плавающихъ, путешествующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ; о избавленіи всѣхъ, отъ всякой скорби, гнѣва и нужды, заступленіемъ и благодатію Божіею, и наконецъ ты долженъ ежедневно и ежечасно, предавать самого себя и всѣхъ твоихъ близкихъ Христу Богу, при заступленіи Пречистой его Матери и всѣхъ Святыхъ, которые непрестанно молятъ его о душахъ нашихъ, какъ истинные заступники и ходатаи наши предъ небеснымъ престоломъ.

Таковъ возвышенный смыслъ первыхъ молит-

венныхъ воззваній, произносимыхъ Діакономъ предъ царскими вратами; будь къ нимъ внимателенъ, ибо онъ за тебя ихъ произноситъ; онъ научаетъ тебя молиться Богу, когда ты, какъ младенецъ, не умѣешь открыть уста свои; если же чего и недоразумѣешь или не дослышишь, говори только, въ простотѣ твоего сердца, но съ теплою вѣрою: «Господи помилуй, Господи помилуй»! и молитва твоя дойдетъ къ Богу, ибо Богъ твой близъ тебя, а Церковь его есть нарочно устроенное имъ сокровище, въ которое онъ пріемлетъ молитвы, приносимыя смотря по силамъ каждаго.

Посреди сихъ первыхъ молитвъ, ты уже услышишь и краткое *исповѣданіе вѣры*, которому тебя научали въ *Катихизисѣ* твои наставники духовные, совершающіе теперь предъ тобою божественную службу; и хоръ поющихъ за тебя возглашаетъ сіе исповѣданіе: какимъ образомъ единородный Сынъ Божій, будучи безсмертенъ, изволилъ для нашего спасенія сдѣлаться человѣкомъ, родившись отъ Пречистой Богородицы Дѣвы Маріи, и распялся за насъ, чтобы смертію своею попрать нашу смерть.

Послѣ сего открываются въ первый разъ предъ тобою врата царскія, и ты видишь торжественное шествіе Священника и Діакона, со святымъ *Евангеліемъ*, дабы ты чрезъ сіе вспомнилъ, какъ нѣкогда самъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, явился въ міръ, для проповѣди того спасительнаго Евангелія, о которомъ и до тебя достигла благая вѣсть. Посему, какъ нѣкогда тѣ, которые видѣли самого Господа, и ты призываешься къ нему сими словами: «пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу; спаси насъ Сыне Божій, воскресшій изъ мертвыхъ, насъ

поющихъ тебѣ *аллилуія*», т. е. похвалу или славу, и слава сія воздается въ молитвахъ, каждому изъ трехъ лицъ Святыя Троицы, для того чтобы ты болѣе утвердился въ семъ основномъ ученіи Христіанской вѣры, безъ котораго никто не можетъ называться Христіаниномъ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный помилуй насъ; слава Отцу и Сыну и Святому Духу».

За симъ слѣдуетъ чтеніе *Апостольскихъ посланій*, которыми Апостолы просвѣтили міръ, когда они обошли всю вселенную, чтобы научить ее истинной вѣрѣ во Св. Троицу, Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго. Чтеніе божественныхъ *дѣяній* Христовыхъ, предлагается намъ во услышаніе изъ его *Евангелія*, вслѣдъ за посланіями Апостольскими, дабы мы научались подражать ему и любить нашего Спасителя, за его къ намъ неизреченную любовь, какъ дѣти отца своего.

Тогда закрываются на время царскія врата, изъ которыхъ къ намъ истекла благая вѣсть Евангельская, и Діаконъ возглашаетъ опять молитвы къ Богу отцевъ нашихъ, чтобы, по великой своей милости, помиловалъ насъ; повторяя прежнія прошенія, онъ присоединяетъ къ нимъ еще молитвы за усопшихъ отцевъ и братьевъ нашихъ, которыхъ мы никогда не должны забывать, дабы и насъ воспоминали дѣти наши предъ престоломъ Божіимъ. Онъ молится и о всѣхъ предстоящихъ въ храмѣ и ожидающихъ отъ Господа великихъ и богатыхъ милостей, и хоръ отвѣтствуетъ за народъ, тройственнымъ: «Господи помилуй», чтобы умножилась ревность молящихся, усугубленіемъ сего воззванія къ Господу, при каждой молитвѣ.

По благости Божіей ты Христіанинъ и принадлежишь къ числу вѣрующихъ; но есть другіе, которые еще находятся во тьмѣ язычества, ибо еще не получили свѣта Христова въ святомъ крещеніи, подобно тебѣ. Есть нѣкоторые, которые только готовятся принять Св. крещеніе уже въ зрѣломъ возрастѣ, а не въ младенчествѣ. Такія лица называются *оглашенными*, ибо до нихъ достигъ только гласъ истинной вѣры, но они еще не приняли ее, въ таинствѣ крещенія, которое одно только можетъ омыть насъ отъ грѣховъ и сдѣлать насъ истинными чадами Божіими на землѣ;—посему они еще не могутъ присутствовать при совершеніи таинствъ церковныхъ: къ нимъ призываются одни только вѣрные Христіане, а не окрещенные должны удаляться изъ церкви по гласу Діакона: «оглашенные изыдите»; но прежде за нихъ молятся вѣрные, дабы Господь помиловалъ ихъ, и просвѣтилъ словомъ истины, и соединилъ съ своею Церковію. И ты помолись о нихъ усердно Богу, благодаря его отъ всего сердца, за то, что ты самъ уже принадлежишь къ числу спасаемыхъ, а потомъ, когда Діаконъ призываетъ къ молитвѣ уже однихъ только вѣрныхъ, повторяя опять вкратцѣ нѣсколько изъ прежнихъ прошеній, собери все твое вниманіе духовное, ибо предъ тобою будетъ совершаться только то, что могутъ созерцать одни вѣрные.

Ты слышалъ ученіе о Ангелахъ благихъ, свѣтлыхъ, непрестанно предстоящихъ престолу Божіему, которые носятъ различныя наименованія, по степени ихъ славы: Архангеловъ, Херувимовъ и Серафимовъ. Теперь, когда приближается торжественное время совершенія таинъ Христовыхъ, Церковь вну-

шаетъ тебѣ: уподобиться симъ блаженнымъ Духамъ, въ благоговѣніи къ святынѣ. «Мы, которые въ тайнѣ образуемъ собою Херувимовъ, воспѣвающихъ трисвятую пѣснь животворящей Троицѣ, отложимъ нынѣ всякое попеченіе житейское, дабы поднять Царя всѣхъ Христа, невидимо носимаго Ангельскими чинами».

Во время сего пѣнія, Священнослужители исходятъ изъ алтаря, со священными сосудами, которые переносятъ съ жертвенника на престолъ: Священникъ несетъ *чашу*, а Діаконъ держитъ надъ головою, на блюдѣ или *дискосѣ*, священный хлѣбъ, предназначенный для совершенія жертвы и называемый посему *Агнцемъ*, ибо онъ изображаетъ Христа, принесеннаго въ жертву за грѣхи наши и, послѣ освященія Даровъ, послужитъ для причастія вѣрныхъ. Посему преклони благоговѣйно предъ *Св. Дарами* голову, и поелику Священнослужители громко поминаютъ, во время сего шествія, власти духовныя и мірскія и всѣхъ православныхъ Христіанъ, молись и ты внутренно, чтобы помянулъ тебя Господь въ царствіи своемъ.

Послѣ сего знаменательнаго хода, закрытіе царскихъ вратъ и опущеніе завѣсы означаетъ, что тайна, долженствующая совершиться въ алтарѣ, уже недоступна не только тлѣннымъ очамъ твоимъ, но и слабому разуму, и что только издали, съ чистою вѣрою, можно ей поклониться, не стараясь проникнуть въ то, что свыше твоего разума, ибо божественное не вмѣщается въ человѣческомъ понятіи.

Но дабы, во время совершенія таинъ, тебѣ недоступныхъ, назидать тебя молитвами, исходитъ изъ заключеннаго алтаря Діаконъ, внушая: исполнить

твою молитву Господу; однако молитвы сіи, сообразно съ возвышенною минутою божественной службы, должны болѣе относиться къ благамъ вѣчнымъ нежели временнымъ, и потому онъ молится: о провожденіи всего и всякаго дня свято, мирно и безгрѣшно; объ Ангелѣ мирномъ, вѣрномъ хранителѣ душъ и тѣлесъ нашихъ; о прощеніи и оставленіи грѣховъ нашихъ; о всемъ добромъ и полезномъ для душъ нашихъ; о скончаніи прочаго времени нашей жизни въ мирѣ и покаяніи, и наконецъ о христіанской кончинѣ нашей жизни, безболѣзненной, непостыдной, мирной, и о добромъ отвѣтѣ на страшномъ судилищѣ Христовѣ; ибо сіе должно быть всегдашнею и единственною цѣлію нашей жизни, которую мы всѣ должны предавать Христу Богу.

Послѣ сихъ мирныхъ прошеній, на которыя отвѣчаетъ хоръ, уже не обычными словами: «Господи помилуй», а другими прямо просительными: «подай Господи», Діаконъ, услышавъ изъ устъ Священника желанія мира всей Церкви, возбуждаетъ всѣхъ вѣрныхъ христіанъ: «возлюбить другъ друга, дабы единомысленно исповѣдывать», и хоръ, въ знакъ сего единомыслія, доканчиваетъ слова его: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную».

За симъ краткимъ исповѣданіемъ слѣдуетъ, по воззванію Діакона, болѣе пространное подъ именемъ *Символа*: т. е. образца вѣры. Ты наученъ ему и повторяешь ежедневно, на утренней и вечерней молитвѣ, но хорошо ли уразумѣлъ смыслъ его?—Слѣдуй мысленно за словами и исповѣдуй не токмо устами, но и отъ всего сердца: «Вѣрую во единаго *Бога Отца* Вседержителя, Творца неба и земли, всего

видимаго и невидимаго; вѣрую и во единаго *Господа Іисуса Христа, Сына Божія* единороднаго, рожденнаго отъ Отца прежде всѣхъ вѣковъ». Дабы ты лучше понялъ его божественное рожденіе, превышающее нашъ разумъ, Символъ объясняетъ тебѣ: что сей Сынъ Божій есть Богъ истинный, рожденный отъ Бога истиннаго, какъ свѣтъ отъ свѣта, а не сотворенный подобно прочей твари, которая имъ создана; Онъ же, какъ Богъ, единаго существа съ Отцемъ своимъ.

Далѣе Символъ вѣры, въ краткихъ чертахъ, раскрываетъ тебѣ и земную жизнь Сына Божія: какимъ образомъ, для нашего спасенія и за насъ человѣковъ, снизшелъ Онъ съ небесъ и благоволилъ принять на Себя плоть нашу, отъ Дѣвы Маріи, содѣйствіемъ Св. Духа, и сдѣлался истиннымъ человѣкомъ; распялся за насъ, во время правительствовавшаго въ Іерусалимѣ областнаго начальника Пилата, страдалъ и погребенъ былъ совершенно какъ человѣкъ, но какъ Богъ воскресъ, въ третій день изъ мертвыхъ, такъ какъ о немъ сіе предсказано было, за многія столѣтія, въ книгахъ Св. Писанія; и не только воскресъ, но и вознесся на небеса, отколѣ снизшелъ, и сидитъ одесную Отца своего и опять снидетъ на землю, уже не въ образѣ уничиженія, но со славою, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ, ибо его царствію не будетъ конца.

«Вѣрую, говоритъ Символъ, и въ третіе лице Св. Троицы, *Духа Святаго*, Господа животворящаго, который отъ Отца исходитъ, и со Отцемъ и Сыномъ поклоняется и славится; онъ глаголалъ чрезъ Пророковъ, которые нѣкогда возвѣстили долженствовавшее совершиться спасеніе міру чрезъ Сына Божія».

«Вѣрую и во единую, святую, Соборную и Апостольскую *Церковь*, которая есть хранительница чистаго ученія о Богѣ, преданнаго ей Богомъ самимъ, чрезъ Св. Писаніе и преданія Апостольскія и Св. Отцевъ, отъ коихъ оно перешло непрерывно и до твоихъ духовныхъ наставниковъ въ вѣрѣ. Посему, сходно съ симъ небеснымъ, чистымъ ученіемъ, а не иначе, исповѣдуй единое *крещеніе*, и вмѣстѣ съ симъ первоначальнымъ *таинствомъ*, и прочія *шесть* за нимъ слѣдующія, по благодати того же Св. Духа, въ нихъ дѣйствующаго, а именно: *миропомазаніе*, которымъ запечатлѣваются въ тебѣ дары духовные, послѣ того какъ ты обмылъ грѣхи свои въ водахъ крещенія; *причащеніе*, чрезъ которое ты входишь въ сообщеніе съ самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, чрезъ вкушеніе его божественныхъ тѣла и крови, приготовивъ себя прежде къ ихъ принятію, исповѣданіемъ грѣховъ твоихъ въ таинствѣ *покаянія*; *бракъ*, которымъ сочетаешься законно съ созданною отъ Бога помощницею для воспитанія себѣ подобныхъ во славу его; *елеосвященіе*, святымъ елеемъ при соборной молитвѣ, исцѣляющее твои недуги, тѣлесные и душевные, и напутствующее тебя къ вѣчной жизни, и наконецъ таинство *священства*, которое, благодатію Духа Святаго, передаетъ мужамъ избраннымъ власть и силу, сообщать дары духовные вѣрнымъ и быть блюстителями *Церкви Христовой*.

Символъ утверждаетъ наконецъ вѣру твою въ Господа Бога и его Церковь, упованіемъ ожидающаго всѣхъ насъ *воскресенія* мертвыхъ, въ прославленномъ тѣлѣ, и *жизни будущаго вѣка*, къ которой ты долженъ уже отселѣ стремиться, чистыми и праведными дѣлами временной своей жизни.

Послѣ пѣнія Символа вѣры Діаконъ возвращается въ алтарь, чтобы служить Священнику при совершеніи таинъ, возбудивъ тебя прежде, къ доброму стоянію въ церкви, со страхомъ и вниманіемъ, для мирнаго приношенія безкровной жертвы. Пастырская забота одушевляетъ и Священника во глубинѣ алтаря, когда онъ, пожелавъ тебѣ сперва духовныя блага, отъ каждаго лица Св. Троицы: *благодать* Господа нашего Іисуса Христа, *любовь* Бога Отца и *причастіе* Св. Духа, внушаетъ всѣмъ, чтобы обратили сердца свои только къ небесному, и достойно возблагодарили за то Бога.—И хоръ поющихъ, какъ бы увѣренный въ твоемъ внутреннемъ расположеніи, за тебя отвѣтствуетъ: «имамы (т. е. сердца наши) ко Господу» и «достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ единосущной и нераздѣльной». Священникъ, вознося все выше и выше свои молитвы, громогласно напоминаетъ тебѣ объ Ангелахъ, Серафимахъ, «побѣдную, т. е. торжественную пѣснь поющихъ, вопіющихъ, взывающихъ и глаголющихъ» къ Богу, и ты слышишь самую пѣснь сію. «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, т. е. Богъ силъ, исполнившій небо и землю славы своея».

Теперь, по истинѣ, стань со страхомъ и внемли: какъ будетъ приноситься за тебя жертва Христова, во внутренности святилища! Ты слышалъ, изъ божественнаго Евангелія и изъ ученія духовныхъ наставниковъ: какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ ту самую ночь, въ которую онъ былъ преданъ, однимъ изъ учениковъ своихъ, въ руки Іудеевъ, чтобы пострадать за грѣхи наши, собравъ своихъ Апостоловъ на тайную вечерю, взялъ предъ ними

хлѣбъ, благословилъ его и, преломивъ, далъ имъ вкушать, говоря: «пріимите и ядите, сіе есть тѣло мое, за васъ ломимое во оставленіе грѣховъ»; также подалъ имъ и чашу, говоря: «пейте отъ нея всѣ, сія есть кровь моя, новаго завѣта, за васъ и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ». Сіи самыя дивныя слова Спасителя нашего, произноситъ въ слухъ всѣхъ Священникъ, стоящій предъ престоломъ и указывающій на предложенные *святые дары*, хлѣбъ и вино, чтобы напомнить тебѣ о вечери Христовой, къ которой ты готовишься приступить.

Потомъ онъ поднимаетъ ихъ крестообразно съ престола, какъ жертву готовую принестися за весь міръ, восклицая: «Твоя отъ твоихъ, тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся»! и совершаетъ сію жертву, призываніемъ на нее Духа Святаго, и благословеніемъ, силою коего освященный хлѣбъ прелагается въ *истинное тѣло Христово*, за тебя пострадавшее на крестѣ, а вино въ чашѣ въ *истинную кровь Христову*, за тебя пролитую со креста. Онъ самъ простирается на землю, со страхомъ и благоговѣніемъ предъ симъ величайшимъ таинствомъ; и ты также, помышляя о неизреченныхъ къ тебѣ щедротахъ Бога Спаса твоего, смиренно преклонись на землю, во время пѣнія: «Тебя поемъ, тебя благословимъ, тебя благодаримъ Господи и молимся тебѣ Боже нашъ», ибо это есть самая важная и торжественная минута изъ всей Литургіи,—*совершеніе таинъ!*

По совершеніи оныхъ, воспоминаетъ надъ ними Священникъ всѣхъ живыхъ и усопшихъ, за которыхъ онѣ приносятся, начиная отъ Святыхъ благоугодившихъ Богу, и наипаче (изрядно) о пресвятой, пречистой, преблагословенной, славной Владычицѣ

нашей Богородицѣ и присно Дѣвѣ Маріи, которой воздаютъ должную хвалу поющіе лики, величая ее: «Честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею Серафимъ», ибо она истинно выше, по благодати, всѣхъ безъ сравненія небесныхъ Ангельскихъ Силъ, и достойна на землѣ всякаго ублаженія, какъ родившая Спаса душъ нашихъ.

Въ молитвѣ за живыхъ, воспоминаетъ Священникъ и о духовной власти, о Святѣйшемъ Сѵнодѣ, и проситъ Господа: «дабы всѣ единымъ сердцемъ и едиными устами, славили и воспѣвали всечестное и великолѣпное имя, Отца и Сына и Св. Духа», и для сего желаетъ всѣмъ: «милостей великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа», ибо только по его благодати, можетъ сіе исполниться.

Тогда опять выходитъ, изъ заключеннаго алтаря, Діаконъ и возбуждаетъ: «помянувъ все святое, опять обратиться къ молитвѣ, дабы Господь, принявъ нашу жертву въ свой небесный жертвенникъ, ниспослалъ намъ божественную благодать и дары Св. Духа»; онъ повторяетъ тѣ же высокія прошенія, о духовныхъ благахъ, которыя ты уже слышалъ прежде совершенія таинъ. Священникъ, почитая всѣхъ молящихся, уже достаточно приготовленными къ принятію сихъ благъ, взываетъ къ Господу: «чтобы онъ сподобилъ насъ, неосужденно, смѣть призывать его, какъ небеснаго Бога и Отца, и глаголать къ нему сію молитву, которую нѣкогда самъ Спаситель передалъ своимъ Апостоламъ, когда они просили его научить молиться: «*Отче нашъ!*»

И ты наученъ былъ сей молитвѣ, прежде многихъ другихъ молитвъ; ты знаешь ее на изусть и повторяешь ежедневно, утромъ и вечеромъ; но хо-

рошо ли ты вникнулъ въ божественный смыслъ ея?—Чувствуешь ли, какъ *близокъ* Богъ Христіанскій призывающимъ имя его, ибо Онъ не таковъ, какъ страшные боги язычниковъ, для нихъ недоступные и чуждые; нѣтъ, онъ къ тебѣ близокъ, ибо онъ *Отецъ твой*, который не пощадилъ для тебя Сына своего Единороднаго, и нисходитъ къ единенію съ тобою, въ своемъ Духѣ Святомъ, которымъ тебя исполняетъ чрезъ таинства церковныя. Что можетъ быть тѣснѣе сего союза?—Тебѣ не страшно говорить съ земнымъ отцемъ твоимъ; не чуждайся и Небеснаго, говори ему только съ сыновнею любовію и простотою сердца: «Отецъ нашъ, живущій на небесахъ, да святится имя твое, да пріидетъ царствіе твое, да будетъ воля твоя, какъ на небесахъ, такъ и на землѣ». Но когда же это все будетъ?—когда ты самъ будешь исполнять волю его, отказавшись отъ порочныхъ влеченій собственной воли; когда ты будешь освящать добродѣтелями жизнь свою, во имя Отца твоего небеснаго, который приметъ тебя въ царствіе свое и, по благости своей, изберетъ собственное твое сердце своимъ жилищемъ и престоломъ, на коемъ воцарится въ тебѣ.

Далѣе чего ты просишь?—насущнаго хлѣба, и не желай излишняго, помышляя о жизни вѣчной болѣе нежели временной; проси оставленія грѣховъ своихъ и по истинѣ получишь, если заплатишь тѣмъ же оставленіемъ должникамъ своимъ; и Господь тебя избавитъ отъ искушеній и всѣхъ бѣдъ, ради твоего смиренія.

Послѣ тайной молитвы надъ преклонившими главы, по гласу Діакона, Священникъ, задернувъ завѣсу, возглашаетъ: «*святая святымъ*», т. е. свя-

тые дары для святыхъ людей, чтобы ты чувствовалъ, съ какимъ благоговѣніемъ и чистотою, должно приступать къ такой святынѣ;—ты же, проникнутый своимъ недостоинствомъ, повторяй мысленно вмѣстѣ съ хоромъ: «единъ святъ, единъ Господь, Іисусъ Христосъ., во славу Бога Отца, аминь».

Въ сіе время Священнослужители, внутри алтаря приступаютъ благоговѣйно къ *причащенію* святыхъ и страшныхъ таинъ Христовыхъ. Послѣдуй и ты мысленно во внутрь святилища, какъ бы на самую вечерю Христову съ его учениками, и, если ты самъ готовишься къ пріобщенію Св. таинъ, то, доколѣ еще есть время, опущена завѣса и закрыты врата царскія, отвергай сердцемъ всѣ грѣхи твои, которые наканунѣ исповѣдалъ въ таинствѣ покаянія, предъ духовнымъ своимъ отцемъ, сокрушайся о нихъ и моли Господа дать тебѣ довольно твердости, чтобы не повторять ихъ. Съ такимъ расположеніемъ душевнымъ приступай къ *причащенію тѣла* и *крови* Христовыхъ, когда, съ открытіемъ царскихъ вратъ, возгласитъ Діаконъ: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите».

Но отъ тебя потребуется прежде устное исповѣданіе сей вѣры; внимай словамъ, какія будешь произносить вслѣдъ за Священникомъ, предъ чашею предъ лицемъ Христовымъ: «Вѣрую Господи и исповѣдаю, что ты во истину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедшій въ міръ спасти грѣшниковъ, изъ коихъ я первый. Еще вѣрую, что сіе есть самое пречистое тѣло твое и сія есть самая честная кровь твоя; и такъ молюсь тебѣ: помилуй меня и прости мнѣ всѣ согрѣшенія мои, вольныя и невольныя,

словомъ или дѣломъ, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ содѣланныя мною, и сподоби меня неосужденно причаститься пречистыхъ твоихъ таинъ, во оставленіе грѣховъ и жизнь вѣчную».

Вспомни, что умоляя Господа принять тебя причастникомъ своей вечери, ты обѣщаешь ему не открывать таинъ его врагамъ его, ни давать ему лобзанія, подобно предавшему его Іудѣ, но какъ разбойникъ, увѣровавшій въ него на крестѣ, исповѣдывать: «помяни мя Господи во царствіи твоемъ» дабы не въ осужденіе было тебѣ сіе причащеніе святыхъ таинъ, но во исцѣленіе души и тѣла.

Тогда, осѣнивъ себя знаменіемъ креста и сложивъ крестообразно руки, дерзай приблизиться къ спасительной чашѣ и принять тѣло Христово и вкусить безсмертнаго источника, по истинѣ, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную, и опять съ благоговѣніемъ преклонись предъ ними, когда Священникъ, относя ихъ съ престола на жертвенникъ, въ память вознесенія на небеса Господа, покажетъ тебѣ еще однажды Св. дары, во вратахъ царскихъ, и возгласитъ: «всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ»; ибо ты точно, по словамъ поющаго хора, «видѣлъ свѣтъ истинный, пріялъ въ себя Духа небеснаго, обрѣлъ вѣру истинную и покланяешься нераздѣльной Троицѣ, которая спасла тебя», и потому моли ее: «исполнить уста твои хваленія Господу, дабы ты могъ весь день воспѣвать славу его».

Въ послѣдній разъ исходитъ Діаконъ, послѣ пріобщенія страшныхъ Христовыхъ таинъ, и, испросивъ у Господа теченіе всего дня мирное, святое и безгрѣшное, напоминаетъ, чтобы мы предали самихъ себя и другъ друга Христу Богу, а Священникъ по-

срединѣ церкви, читаетъ отпустительную молитву, для мирнаго исшествія изъ храма. Ставъ потомъ въ царскихъ вратахъ, въ послѣдній разъ благословляетъ онъ народъ и, возгласивъ славу Богу, подаетъ всѣмъ утѣшительное упованіе: что «Христосъ, истинный Богъ нашъ, ради молитвъ пречистой своей Матери и всѣхъ Святыхъ, помилуетъ и спасетъ насъ, какъ благій и человѣколюбецъ».

КНИГА II.

О ВЕЛИКОМЪ ПОСТѢ И ПАСХѢ.

ПИСЬМО I.

И такъ, по твоему желанію, продолжая бесѣды наши, любезный другъ, мы вступаемъ нынѣ на пространное поприще *великаго поста*. Не думай однако, чтобы я привелъ тебя къ нѣкоей безводной пустынѣ, на отдаленномъ краю коей, съ нетерпѣніемъ, будешь ты ожидать появленія *свѣтлаго праздника*. Нѣтъ, и сію мнимую для тебя пустыню оживили, благодатными водами, святые Отцы Церкви, и ее обратили они въ землю воздѣланную, усѣянную цвѣтами Іисуса Христа, ибо вертоградарями были: Дамаскинъ и Косма, Студиты и Андрей Критскій, свѣтильники своего вѣка и послѣдующихъ, возсіявшіе изъ глубины уединенныхъ келлій. Прежде нежели приступимъ къ раскрытію трудовъ ихъ, я уже могу заранѣе обратить къ тебѣ, какъ бы отъ ихъ лица, сіи сладостныя слова блаженнаго Іеронима къ своему другу:

«Посмотри, я собралъ для тебя удивительныя мѣста изъ Святаго Писанія и я, такъ сказать, сплелъ тебѣ душистый вѣнокъ покаянія, изъ лучшихъ Евангельскихъ цвѣтовъ; возложи его на чело твое, пріими

кроткій духъ и крылія голубицы, и полети искать покоя и примиренія у Господа, сего столь милосердаго Отца».

По истинѣ, благая Церковь, заботясь о спасеніи дѣтей своихъ, семью недѣлями великаго поста и тремя имъ предшествующими, какъ будто написала (если только позволено такъ выразиться) *поэму* всего человѣчества, рѣзко обозначивъ три его грани: паденіе, искупленіе и послѣдній судъ. Все же пространство сей трогательной поэмы наполнила она, то горькимъ плачемъ покаянія, то псаломными восторгами, то пророческимъ вдохновеніемъ о грядущемъ спасеніи, то самымъ изображеніемъ страданій Искупителя, уже не только въ пѣсняхъ духовныхъ, но и въ обрядахъ, для бо̀льшаго впечатлѣнія. Весь наружный человѣкъ долженъ содѣйствовать внутреннему, въ дѣлѣ своего спасенія: и ухо его должно слышать, и око видѣть, и молиться уста, и руки подыматься къ небу, и припадать колѣна, и смиряться къ землѣ гордое чело, и наконецъ постится алчная утроба, влекущая долу высокіе помыслы духа.

За три недѣли до великаго поста, уже начинается духовное приготовленіе, и притча, о Мытарѣ и Фарисеѣ, научаетъ насъ сокрушенной молитвѣ, безъ киченія духа. Потомъ, въ другой воскресный день, притча, о блудномъ сынѣ, приведетъ каждаго, не совсѣмъ ожесточеннаго грѣшника, въ сокрушеніе о грѣхахъ своихъ, или если сего не довольно, то въ слѣдующую недѣлю заставитъ его содрогнуться чтеніе страшнаго Евангелія, о послѣднемъ судѣ. И вся сырная недѣля, провождаемая нами, по большей части, въ увеселеніяхъ, посвящена памяти сего суда. Но наканунѣ Церковь сострадательно воспоминаетъ,

въ молитвахъ, души всѣхъ преставльшихся, которыя, по насильственной или внезапной кончинѣ, не могли въ свое время воспользоваться молитвами и таинствами, и сіе творитъ для того, чтобы ни одна ввѣренная ей душа не предстала на судъ, безъ спасительнаго щита ея. Въ концѣ же сырной недѣли, для поощренія вѣрныхъ, воспоминаетъ пустынныхъ подвижниковъ, пребывавшихъ въ постѣ и молитвѣ.

Наконецъ, послѣднее воскресеніе, предъ самымъ постомъ, открываетъ входъ къ нему, повѣствованіемъ о грѣхопаденіи праотца Адама, дабы мы знали, что̀ оплакивать во дни плача, и еще болѣе возчувствовали, изъ какой бездны извлекъ насъ Искупитель, когда, на концѣ дней сихъ, будемъ прославлять побѣду его надъ смертію; и посему, въ первые четыре дня поста, читается съ умиленіемъ великій канонъ покаянія.

Не безъ высокой цѣли учредила Церковь праздновать и возстановленіе честныхъ иконъ, въ первый воскресный день великаго поста, называемый обыкновенно *недѣлею Православія*, возбуждая насъ, симъ торжествомъ, къ возобновленію въ падшемъ человѣкѣ образа Божія, чрезъ теплую вѣру въ Іисуса Христа. Когда же, зная по опыту немощь человѣческую, видитъ она, что силы тѣлесныя начинаютъ изнемогать отъ подвиговъ поста, то на серединѣ его выноситъ, для подкрѣпленія вѣрныхъ, крестъ Господень, знаменіе побѣды, и на пятой недѣлѣ поддерживаетъ снова унывающихъ, чтеніемъ великаго канона покаянія, и примѣромъ духовныхъ подвиговъ Маріи Египетской, и похвалою Богоматери, скорой помощницы въ скорбяхъ нашихъ.

Утѣшительное воскресеніе Лазаря, какъ пред-

вѣстіе общаго возстанія мертвыхъ, и торжественный входъ Спасителя въ Іерусалимъ, освѣжая духовною радостію душу, даютъ ей и новыя силы къ перенесенію трудныхъ подвиговъ страстной седмицы; а сія одна, обширными созерцаніями, объемлетъ весь міръ, видимый и невидимый, всю глубочайшую связь неба и земли, столь рѣзко разрозненныхъ, жизни и смерти, столь по видимому несодружимыхъ, все поприще страданій Богочеловѣка, которое только вѣчность можетъ измѣрить, хотя оно чудесно заключено въ немногихъ земныхъ дняхъ, и наконецъ внезапно переноситъ насъ, отъ плача ветхаго Адама надъ гробомъ Адама новаго, къ свѣтлому и свѣтоносному «Христосъ воскресе»!

Вся же святая, великая четыредесятница подражаетъ, числомъ дней, и сорокодневному посту Моисея на Синаѣ, для пріятія ветхаго завѣта, и сорокодневному посту Иліи Пророка на Хоривѣ, услышавшаго гласъ Господень въ легкомъ дыханіи эѳира, послѣ бурь и громовъ, и сорокодневному посту самого Спасителя, на горѣ искушенія, предъ началомъ благовѣствованія новаго завѣта. Вся она есть, какъ бы десятина цѣлаго года, изъ числа дней нашей жизни, удѣленная сокрушеннымъ сердцемъ въ жертву Господу.

Но такъ какъ, въ семи недѣляхъ великаго поста, болѣе сорока дней, то ты можешь спросить: отъ котораго же и до котораго дня простирается четыредесятница? Должно знать, что Церковь, отъ временъ Апостольскихъ, не употребляетъ всей строгости поста, не только въ день воскресный, какъ посвященный радостному воскресенію Христову, но и въ субботній, какъ посвященный воспоминанію

сотворенія міра, и колѣнопреклоненія въ сіи дни не употребляются въ церкви. Посему нѣкоторые изъ древнихъ Палестинскихъ Отцевъ пустыни, присоединяя сырную къ семи послѣдующимъ, и исключая изъ сего времени всѣ субботы и воскресенія, такимъ образомъ производили число сорока дней, въ строгомъ смыслѣ постныхъ. Вообще же православная Церковь, держась преданія Апостольскаго, ограничиваетъ, подъ именемъ *четыредесятницы* только первыя шесть недѣль поста, не прилагая къ нимъ, Лазарева и Вербнаго воскресенія, какъ дней торжественныхъ, что составляетъ сряду полное число сорока дней, и потому поется въ Вербную субботу: «душеполезную совершивше четыредесятницу, и святую седмицу страсти твоея просимъ видѣти человѣколюбче». А великіе дни страстной седмицы, ради страшнаго воспоминанія Господнихъ страданій, Церковь чтитъ отдѣльно отъ прочихъ недѣль, особенными молитвами и обрядами, какъ вѣнецъ всего поста и преддверіе Пасхи.

Къ симъ возвышеннымъ, драгоцѣннымъ днямъ великаго поста, какъ бы исключительно дарованнымъ намъ для нашего спасенія, призываю я нынѣ все твое вниманіе. Не поскупимся временемъ на молитву, которое мы часто расточаемъ, и доколѣ не исчезли въ суетѣ дни наши, воздадимъ должную десятину ихъ Богу, все намъ даровавшему.

II. О ПОСТѢ.

«Отверзошася божественнаго покаянія преддверія; приступимъ усердно, очистивши тѣлеса, брашенъ и страстей отложенія творяще, яко послушницы Христа, призвавшаго міръ въ царствіе небесное, десятины всего лѣта приносяще всѣхъ Царю, яко да и воскресеніе его любовію узримъ».

Такъ поучительно встрѣчаетъ насъ Св. Церковь, въ преддверіи Великаго Поста, приглашая насъ, погруженныхъ въ грѣховную жизнь, пожертвовать, на покаяніе и очищеніе наше, хотя десятую часть цѣлаго года, проводимаго нами въ непрестанной суетѣ; и это даже не даромъ, но въ цѣну нашего спасенія, въ цѣну будущей жизни. Какой же на сіе отвѣтъ? какъ пріемлется сіе приглашеніе?— «*мнози суть звани*», по изреченію Господней притчи, «*мало же избранныхъ*» (Лук. XIV, 18, 20). Нѣкоторые, подъ предлогомъ немощи, хотятъ уклониться отъ поста, ясно заповѣданнаго въ Св. Писаніи ветхаго и новаго Завѣта; а другіе, перетолкованіемъ самыхъ словъ Евангельскихъ, ищутъ себя оправдать въ неисполненіи заповѣди поста.

Обыкновенныя ихъ возраженія состоятъ въ томъ, что лучше дѣлать добрыя дѣла, нежели поститься и грѣшить, какъ будто бы несоблюденіе поста облегчитъ ихъ отъ возможности грѣшить, и перевѣсъ грѣха останется на сторонѣ постящихся. Еще говорятъ: что хотя и упоминается въ Евангеліи о постѣ, но не опредѣленъ самый родъ пищи, и изъ сего заключаютъ, что можно совсѣмъ не заботиться о постѣ. Нѣкоторые почти кощунствуютъ надъ изрече-

ніями Евангельскими, прилагая къ себѣ слова и искажая по произволу ихъ полный смыслъ, большею частію по невѣдѣнію подлиннаго текста. Такъ напр. они ссылаются на слова Ап. Павла: «*предлагаемое ядите*, или: *брашно насъ не поставитъ предъ Богомъ*», и проч. и, на основаніи сихъ неправильно понятыхъ совѣтовъ Апостольскихъ, открываютъ широкое поле своему чревоугодію, какъ бы утверждаясь на заповѣди самого божественнаго Павла. Не будетъ ли полезно для людей неопытныхъ, но желающихъ узнать истину, прояснить сіи тексты, представивъ ихъ въ совершенной полнотѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извлечь изъ Св. Писанія новаго завѣта то, что въ немъ наиболѣе внушается намъ о постахъ?

Раскроемъ сперва божественное Евангеліе и вникнемъ, что̀ тамъ сказано о постѣ: «*Іисусъ же, исполнь Духа Свята, возвратися отъ Іордана и ведяшеся Духомъ въ пустыню, дній четыредесять искушаемъ отъ діавола, и не ястъ ничесоже во дни тыя, и скончавшимся имъ, послѣди взалка*» (Лук. IV, 1, 2). И такъ, тотчасъ послѣ крещенія, предъ началомъ божественной своей проповѣди, самъ Господь, Духомъ ведется въ пустыню, для сорокодневнаго поста. Если же Господь принялъ на себя образъ человѣческій, дабы во всемъ показать намъ благой примѣръ: то конечно не безъ особой цѣли, въ началѣ благовѣстія, полагаетъ постъ четыредесятницы. Но скажутъ: одинъ Господь могъ совершить ее безъ пищи. Этого и не требуется отъ человѣка, хотя и были избранные мужи въ ветхомъ завѣтѣ, подобно Моусею и Иліи, которые предварили самого Господа, силою его благодати, на поприщѣ сороко-

дневнаго поста; были и въ новомъ завѣтѣ угодники Божіи, которые силою тогоже Духа сдѣлались подражателями Господу въ пустыни, неядѣніемъ чрезъ все время четыредесятницы. Довольно часто можно встрѣтить и теперь людей между пустынниками, вкушающихъ только единожды въ седмицы Великаго Поста; Церковь же, снисходя къ нашей немощи, какъ опытный врачъ духовный, опредѣлила намъ самый родъ и мѣру пищи, необходимой для поддержанія тѣлесныхъ силъ, если только мы хотимъ врачевать душу по ея спасительнымъ заповѣдямъ.

А дабы мы ясно видѣли, изъ самаго Евангелія, что заповѣдь поста существуетъ для всѣхъ вѣрующихъ, мы встрѣчаемъ тамъ неоднократныя о немъ напоминанія самого Господа. Такимъ образомъ, при началѣ евангельской проповѣди о блаженствахъ, онъ даетъ наставленіе, какимъ образомъ должно поститься безъ лицемѣрія: «*Егда же поститеся, не будите якоже лицемѣры, сѣтующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся человѣкомъ постящеся; аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою. Ты же, постяся, помажи главу твою и лице твое умый, яко да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ*» (Матѳ. VI, 16—18).

Когда однажды спросили Господа: для чего ученики Іоанновы и Фарисейскіе постятся, а твои не постятся? онъ отвѣчалъ имъ: «*еда могутъ сынове брачніи, дондеже женихъ съ ними есть, поститися? елико время съ собою имутъ жениха, не могутъ поститися; пріидутъ же дніе, егда отъимется отъ нихъ женихъ, и тогда постятся въ тыи дни*» (Марк. II, 18, 20). Спросили ученики Господа своего однажды,

когда изгналъ онъ духа нечистаго изъ отрока: «*яко мы не возмогохомъ изгнати его?—и рече имъ: сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ*» (Марк. IX, 29). Не великое ли это свидѣтельство самого Господа Іисуса, что власть надъ духами нечистыми даруется только тѣмъ, которые сами, молитвою и постомъ, умертвили плоть свою и сдѣлались вмѣстилищемъ Духа Святаго?—И кого же назвалъ всенародно, Господь Іисусъ, бо̀льшимъ изъ всѣхъ рожденныхъ женами? (Лук. VII, 28).—Не Предтечу ли своего, Іоанна Крестителя, который всю свою жизнь провелъ въ пустынѣ, «*ядый акриды и медъ дивій*»? (Марк. 1, 6).

Хотящіе «оправдитися фарисейски» думаютъ однако найдти, и въ словахъ Господа, одно изреченіе, которое кажется имъ благопріятнымъ: «*не входящее во уста сквернитъ человѣка, но исходящее изъ устъ, то сквернитъ человѣка*» (Матѳ. XV, 11), хотя Господь объясняетъ значеніе сей рѣчи. Причина, почему она была сказана, подробнѣе изложена у Евангелиста Марка, и тутъ можно ясно видѣть, какъ произвольно приводятъ изреченіе сіе, себѣ въ о́правданіе, нарушители поста, хотя оно нисколько къ нему не относится. Фарисеи, увидѣвъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ Господа, неумытыми руками ядущихъ хлѣбъ, осуждали ихъ, ибо Фарисеи и всѣ Іудеи не ѣдятъ, не умывъ рукъ, держась преданія старцевъ; также пришедши съ торга не ѣдятъ, неомывшись, и другихъ многихъ держатся преданій, какъ то: омываютъ чаши, кувшины, котлы и скамьи (Марк. VII, 2). По причинѣ сего осужденія фарисейскаго, Господь напомнилъ книжникамъ слова Пророка Исаіи о лицемѣрахъ, которые чтутъ Бога

только устами, когда ихъ сердце далеко отстоитъ, ибо они отмѣняютъ заповѣди Божіи, чтобы сохранить преданія человѣческія, омывая кувшины и чаши и многое сему подобное, и присовокупилъ: что ничто входящее извнѣ не сквернитъ человѣка, ибо проходитъ чрево и извергается, но исходящее изнутри сквернитъ человѣка, такъ какъ изнутри исходятъ всѣ помыслы злые и всякое зло.

Здѣсь, какъ видно, нѣтъ ни одного слова о постѣ, ни какого-либо дозволенія нарушать оный; ибо Господь, какъ творецъ закона, не пришелъ нарушить оный, но исполнить всякую его іоту или черту (Матѳ. V, 17, 18). Откуда же могли заимствовать столь неправильное примѣненіе словъ Господнихъ, тѣмъ паче, что и въ православной Церкви, нарушеніе поста почитается преслушаніемъ заповѣди, а не оскверненіемъ человѣка?—Вотъ какъ произвольно употребляютъ, въ свою пользу, тексты евангельскіе тѣ, которые не даютъ себѣ въ нихъ отчета.

Прежде нежели вникнемъ въ то, что проповѣдали намъ Св. Апостолы, въ богодохновенныхъ посланіяхъ, *о постѣ*, посмотримъ въ книгѣ ихъ Дѣяній, какъ соблюдали они сами сію заповѣдь, принятую ими отъ Божественнаго ихъ Учителя, не только словомъ, но и дѣломъ; ибо Господь, по свидѣтельству Евангелиста Луки, *«начатъ творити же и учити»* (Дѣян. I, 1). Мы видимъ, что всѣ Апостолы единодушно пребывали въ молитвѣ и моленіи и преломленіи хлѣба; а гдѣ вечеря Христова, тамъ и воздержаніе. Во свидѣтельство того, что ихъ общественная молитва была всегда соединена съ постомъ, можно видѣть примѣръ Антіохійской Церкви: *«служащимъ же имъ и постящимся, рече Духъ Святый:*

отдѣлите ми Варнаву и Савла на дѣло, на неже призвахъ ихъ. Тогда, постившеся и помолившеся и возложше руки на ия, отпустиша ихъ» (Дѣян. XIII, 2).

И Петръ Апостолъ, когда имѣлъ таинственное видѣніе, о допущеніи язычниковъ въ лоно Христовой Церкви, стоялъ на молитвѣ, не вкушая пищи до шестаго часа (Дѣян. X, 9). Такъ каждое великое событіе и служеніе ознаменовано было постомъ, въ Церкви Апостольской.

Достойно вниманія и то, что первый язычникъ, обратившійся къ Господу, Корнилій сотникъ Римскій, чрезъ котораго отверзлась дверь всѣмъ язычникамъ, милостынею, молитвою и постомъ, достигъ царствія Божія. Ему явился Ангелъ съ утѣшительнымъ словомъ, что молитва и милостыня его взошли на память Богу, и велѣлъ призвать Симона, нарицаемаго Петра, дабы услышать отъ него спасительные глаголы, и когда Апостолъ, пришедши въ домъ сотника, спрашивалъ: что было причиною его посольства?—Корнилій отвѣчалъ: *«отъ четвертаго дне даже до сего часа бѣхъ постяся, и въ десятый часъ моляся въ дому моемъ, и се мужъ ста предо мною, въ одеждѣ свѣтлѣ, и рече: Корниліе, услышана бысть молитва твоя и милостыни твоя помянушася предъ Богомъ. Посли убо во Іоппію, и призови Симона, иже нарицается Петръ, иже пришедъ возглаголетъ тебѣ* (Дѣян. X, 30, 32).

Не странное ли по истинѣ дѣло, что нѣкоторые Христіане находятъ совершенно излишнимъ постъ, и даже вовсе исключили его изъ своихъ постановленій церковныхъ, какъ бы нѣчто человѣческое, когда мы видимъ, изъ самыхъ книгъ божественнаго Писанія, что постъ, какъ дѣятельное по-

собіе къ молитвѣ, послужилъ даже во спасеніе язычникамъ?—Корнилій, сотникъ Римскій, слѣдственно обязанный строгою воинскою службою, а не какой-либо праздный человѣкъ, добровольно постился до девятаго часа дня (что̀ соотвѣтствуетъ, по нашему исчисленію времени, тремъ часамъ по полудни), и тогда явился ему на молитвѣ, умерщвлявшему плоть свою, безплотный Ангелъ съ глаголомъ спасенія. Если же, быть можетъ, скажутъ, что въ первые вѣка Христіанства, постъ собственно состоялъ въ совершенномъ воздержаніи отъ пищи до вечера, а не въ опредѣленіи самой пищи (которое однако, по уставу Церкви, также сопряжено съ воздержаніемъ до трехъ четвертей дня, а иногда и до вечера): то спросимъ у отринувшихъ уставъ церковный о постѣ: соблюдаютъ ли они по крайней мѣрѣ Апостольскій примѣръ неядѣнія до вечера?—А если нѣтъ, то пусть скажутъ: кто же разрѣшилъ ихъ и отъ сего древняго порядка? Положа руку на сердце, пусть сознаются они сами, право ли поступаютъ предъ Богомъ и предъ судомъ собственной совѣсти, неблагопріятно смотря на другихъ болѣе послушныхъ Церкви?

Теперь разсмотримъ изреченія посланій Апостольскихъ о нашемъ предметѣ. Вся почти XIV глава посланія къ Римлянамъ разсуждаетъ о пищѣ; но она нисколько не относится къ посту Христіанскому, хотя на ней думаютъ утвердиться желающіе его нарушить. Предваривъ насъ въ началѣ, чтобы мы попеченіе о своей плоти не простирали до похоти, Ап. Павелъ говоритъ: *«немощнаго въ вѣрѣ принимайте безъ споровъ о мнѣніи, ибо иной увѣренъ, что можно все пѣсть, а другой, будучи слабѣе, пѣстъ овощи:*

ядый не ядущаго да не укоряетъ, и не ядый ядущаго да не осуждаетъ» (Рим. XIV, 1, 2, 3).

Дабы уразумѣть, къ чему относятся слова сіи, должно обратиться къ толкованію Св. Іоанна Златоустаго, который открываетъ настоящій смыслъ ихъ: «Знаю, что слова сіи для многихъ трудны къ уразумѣнію. Посему, нужно напередъ изложить, что̀ подало поводъ къ симъ наставленіямъ, и что̀ хочетъ исправить Апостолъ этими словами. Что̀ же такое хочетъ онъ исправить?—Многіе изъ увѣровавшихъ Іудеевъ, и по принятіи вѣры, имѣя совѣсть связанную закономъ, наблюдали строгую разборчивость въ пищѣ, потому что не осмѣливались вовсе отступить отъ закона. Притомъ, дабы воздерживаясь только отъ свинаго мяса, не подпасть за то нареканію, они стали уже воздерживаться отъ всего мяснаго и ѣсть одни овощи, подъ тѣмъ видомъ, что наблюдаютъ постъ, а не Іудейскую разборчивость въ пищѣ по закону. Съ другой стороны, были и болѣе совершенные въ вѣрѣ, которые сами нисколько не наблюдали подобной разборчивости въ пищѣ, и еще наблюдавшихъ оную отягощали и огорчали, своими укоризнами и обличеніями, и даже ввергали въ уныніе. Посему, блаженный Павелъ опасался, чтобы они, имѣя намѣреніе исправить не важный недостатокъ, не испортили всего; чтобы, желая отъучить немощныхъ въ вѣрѣ отъ разборчивости въ пищѣ, не довели ихъ до отпаденія отъ вѣры, и прежде времени стараясь все возвести къ совершенству, не разстроили бы того добра, какого надлежало ожидать отъ нихъ въ это время: то-есть непрестанными своими укоризнами не поколебали бы ихъ въ исповѣданіи Христовомъ, такъ что послѣ этого нельзя было бы

исправить ни того, ни другаго. Смотри же, какъ благоразумно дѣйствуетъ Апостолъ, и, съ свойственною ему мудростію, заботится о пользѣ той и другой стороны» (*).

Но хотя совѣты Апостольскіе относились къ соблюдавшимъ еще постъ Іудейскій, а не Христіанскій, изъ нихъ также можно извлечь полезное наставленіе и для Христіанъ, позволяющихъ себѣ нарушать заповѣдь церковную о постахъ, съ крайнимъ соблазномъ для ихъ немощной братіи: «*Ежели же за пищу огорчается братъ твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи своею пищею того, за кого Христосъ умеръ. Для пищи не разрушай дѣла Божія: все чисто, но худо тому, кто ѣстъ на соблазнъ. Лучше не ѣсть мяса и не пить вина, и не дѣлать ничего такого, отъ чего братъ твой претыкается, или соблазняется или изнемогаетъ*» (Рим. XIV, 15, 20, 21).

Какъ мудры и предусмотрительны слова Апостола! Часто люди неопытные, видя людей, выше себя поставленныхъ и свѣдущихъ, нарушающими заповѣди церковныя, которыя для нихъ кажутся неважными, чрезъ столь опасный примѣръ, склоняются къ нарушенію другихъ болѣе важныхъ заповѣдей, не отличая меньшаго отъ бо̀льшаго, ибо первое преслушаніе отверзаетъ имъ широкую дверь ко всѣмъ тяжкимъ преступленіямъ.

Въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ находятся два извѣстныя изреченія Апостола Павла, на которыя любятъ ссылаться нарушители поста, для своего оправданія: «*брашно насъ не поставитъ предъ*

(*) Злат. толк. на посл. къ Римл. ст. 558.

Богомъ»; и «*предлагаемое ядите*»; но они такъ ясно оговорены предъидущими и послѣдующими словами Апостола, какъ относящіеся единственно къ идольскимъ жертвамъ, что надобно привести только полный текстъ, дабы убѣдиться, что они не могутъ быть вовсе примѣняемы къ заповѣди о постѣ. Глава VIII начинается сими словами: «*что касается до жертвъ идольскихъ, мы знаемъ, потому что всѣ мы имѣемъ знаніе; но знаніе надмеваетъ, а любовь назидаетъ*».

(Ст. 4). «И такъ, касательно употребленія въ пищу жертвъ идольскихъ, мы знаемъ, что идолы въ мірѣ ничто, и нѣтъ инаго Бога, кромѣ единаго; (7) но не у всѣхъ есть такое знаніе; нѣкоторые и понынѣ, съ совѣстію признающею идоловъ, ядятъ, какъ жертвы, идольское, и совѣсть ихъ, будучи немощна, тѣмъ сквернится. Пища не приближаетъ насъ къ Богу (брашно же насъ не поставляетъ предъ Богомъ); ибо ѣдимъ ли, ничего не пріобрѣтаемъ отъ того; не ѣдимъ ли, ничего не теряемъ. Берегитесь, однакожъ, чтобы сія свобода ваша не послужила соблазномъ для слабыхъ. Ибо если кто увидитъ, что ты, имѣя знаніе, сидишь за столомъ въ капищѣ: то совѣсть его, какъ слабаго, не расположитъ ли его ѣсть жертвы идольскія? и отъ знанія твоего погибнетъ слабый братъ, за котораго Христосъ умеръ. Такимъ образомъ, согрѣшая противъ братьевъ и уязвляя немощную совѣсть ихъ, вы противъ Христа согрѣшаете. И потому, если пища соблазняетъ брата моего, не стану ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата моего» (I Кор. VIII, 8—13).

И здѣсь опять, хотя сказанное относится къ мясу жертвъ идольскихъ, есть однако совѣтъ христіанской любви: о несоблазненіи пищею совѣсти брата; это

можетъ быть съ пользою примѣнено къ тѣмъ, которые вкушаютъ мясо во дни, заповѣданные Церковію для поста, такъ какъ этимъ, не менѣе идольскихъ жертвъ соблазняется совѣсть немощныхъ братьевъ, наученныхъ съ дѣтства послушанію матери своей Церкви.

Говоря далѣе въ главѣ X-й о томъ же предметѣ, Апостолъ такъ выражается: «не можете пить чашу Господню и чашу бѣсовскую; не можете быть участниками въ столѣ Господнемъ и въ столѣ бѣсовскомъ. Все (мнѣ) позволено, но не все полезно; все (мнѣ) позволено, но не все назидаетъ. Никто не ищи своего, но (каждый) пользы другаго. Все, что продается, на торгу, ѣшьте безъ всякаго изслѣдованія, для спокойствія совѣсти: ибо Господня земля и что наполняетъ ее. Ежели кто изъ невѣрующихъ позоветъ васъ, и вы къ нему захотите пойти: то все предложенное вамъ ѣшьте, безъ всякаго изслѣдованія, для спокойствія совѣсти» (I Кор. X, 20—27).

Относится ли это хотя сколько-нибудь къ посту?—Апостолъ говоритъ: если кто изъ *невѣрующихъ* пригласитъ васъ, то предлагаемое ядите, а не то, чтобы кто-либо изъ *вѣрныхъ* предложилъ вамъ нарушить заповѣдь поста. Весьма благоразуменъ совѣтъ Апостольскій: первобытные Христіане, разсѣявшись по вселенной для проповѣди слова Божія, находились безпрестанно между язычниками: слѣдственно, не могли соблюдать всѣхъ уставовъ ветхозавѣтныхъ, которые соблюдалъ однако самъ Апостолъ, будучи въ Іерусалимѣ, какъ это видно изъ книги Дѣяній (Дѣян. XXI, 26). Дѣло проповѣди могло бы пострадать отъ необщительности Христіанъ съ язычниками, посему и разрѣшено имъ было, но только въ

домѣ невѣрныхъ, а не у вѣрныхъ, не соблюдать различія пищи и вкушать все предлагаемое; однако и тутъ присоединенъ опять совѣтъ любви: «но когда вамъ кто скажетъ: это жертва идольская, то не ѣшьте для того, кто объявилъ вамъ, и для совѣсти, ибо Господня земля и что наполняетъ ее» (I Кор. X, 28).

Самъ Апостолъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ часто *въ посту* (2 Кор. XI, 27). А мы вѣрные, не заботясь о соблазнѣ младшихъ о Христѣ братій, безъ всякой необходимости, подъ самыми ничтожными предлогами, большею частію для угожденія нашей плоти, нарушаемъ постъ и, какъ щитомъ, прикрываемъ себя неправильно примѣняемыми словами Апостола: «*все предлагаемое ядите*».

До какой степени была уважаема заповѣдь поста въ первые вѣка Христіанства, могутъ служить намъ свидѣтельствомъ правила, извѣстныя подъ именемъ *Апостольскихъ*, потому что они дѣйствительно сохранились намъ отъ Св. Апостоловъ и ихъ ближайшихъ послѣдователей—мужей Апостольскихъ. Ясно въ нихъ обозначенъ постъ Четыредесятницы, а также среды и пятка, на память преданія и распятія Господня.

Правило 69-е: «Аще кто Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или иподіаконъ, или чтецъ, или пѣвецъ, не постится во Св. Четыредесятницу предъ Пасхою, или въ среду, или въ пятокъ, кромѣ препятствія отъ немощи тѣлесныя: да будетъ изверженъ; аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ».

Я уже говорилъ, что нелюбители поста оправдываются тѣмъ, что постъ временъ Апостольскихъ различенъ былъ отъ нашего. Но кто доказалъ, что постъ Апостольскій ограничивалъ только время пи-

щи, а не касался качества ея? Если бы кто, постясь до вечера, сѣлъ за мясной, тучный и лакомый столъ: не сказала ли бы ему совѣсть, что онъ насмѣхается надъ своимъ постомъ? Можно ли сіе думать о Христіанахъ Апостольскихъ временъ?—Впрочемъ, пусть бы наши нелюбители поста согласились поститься по-апостольски, такъ, чтобы воздерживаться отъ пищи до вечера, или вовсе не ѣсть; но такъ какъ они сего не исполняютъ, то слѣдуетъ ли имъ отвергать не строгость, а снисхожденіе, которое оказываетъ намъ Церковь въ опредѣленіи извѣстнаго рода пищи, во время поста, для однообразія и порядка, дабы немощные могли слѣдовать за болѣе крѣпкими въ исполненіи заповѣди? Между-тѣмъ грустно видѣть отступленіе отъ порядка церковнаго, который гораздо больше заключаетъ въ себѣ важности, нежели сколько предполагаютъ пренебрегающіе его наружными формами: потому что всякое стройное общество, равно церковное какъ и гражданское, необходимо должно быть подчинено какому-либо внѣшнему порядку, строго соблюдаемому для того, чтобы оно не рушилось.

Возьмемъ для примѣра училище. Можетъ ли быть, чтобы тамъ не были опредѣлены не только часы на занятія, на отдыхъ и на пищу, но и самая пища, большею частію однообразная?—Иначе нельзя было бы свести счета ни времени, ни деньгамъ.—Въ строю воинскомъ, не покажутся ли странными для неопытнаго, всѣ повороты и командныя слова?—и однако, если бы они всѣ не исполнялись въ точности, нельзя было бы сдвинуть съ мѣста полка, и если бы сверхъ того не соблюдалась строжайшая подчиненность, при всѣхъ малѣйшихъ приказаніяхъ началь-

ства, все войско обратилось бы въ нестройную толпу, которая бы не въ силахъ была выдержать напора непріятелей.—Тоже можно сказать и о воинствѣ Христовомъ, которое необходимо должно быть въ повиновеніи у своихъ пастырей и строго исполнять всѣ заповѣди церковныя, чтобы противостоять нападеніямъ опаснаго врага душъ нашихъ, о которомъ непрестанно предостерегаетъ насъ Церковь. Если мы, будучи больны, слушаемъ съ покорностію предписанія врачей, совѣтующихъ намъ не только воздержаніе въ пищѣ, но даже самый ея родъ, для бо̀льшаго успѣха ихъ лѣкарствъ: будемъ ли непокорны опытному гласу врачей духовныхъ, когда они, вмѣстѣ съ постомъ, заповѣдали и самый его образъ?

Напрасно люди, не желающіе сознаться въ своемъ малодушіи, стараются оправдать себя мнимою маловажностію такихъ постановленій, и даже словами Св. Писанія. Однако во главѣ его, на первыхъ страницахъ Библіи, мы уже видимъ *постъ* заповѣданный Адаму, запрещеніемъ извѣстнаго плода, и нарушеніе сей заповѣди есть начало первороднаго грѣха, ради коего самъ Господь долженъ былъ сойти на землю, чтобы возстановить человѣка.—Вотъ какъ важно маловажное, по видимому, невоздержаніе въ пищѣ!—потому что, по словамъ одного нашего духовнаго витіи, когда дѣло касается до нарушенія заповѣди Божіей, одно и тоже «сорвать яблоко съ дерева, что̀ и солнце съ тверди небесной». Постъ же не есть заповѣдь человѣческая, хотя такимъ его домогаются представить тѣ, которые не имѣютъ довольно твердости, чтобы соблюдать его; они думаютъ стать выше въ его собственныхъ понятіяхъ, а на самомъ дѣлѣ становятся ниже: потому

что преодолѣніе чувственной своей природы выше произвольнаго послабленія всѣмъ ея прихотямъ, а послушаніе заповѣдямъ еще выше поста и молитвы.

Самое распредѣленіе пищи, во дни поста, не основано на какомъ-либо произволѣ, но примѣнено уставомъ церковнымъ къ немощи нашей, на основаніи священныхъ образцовъ. Весьма естественно лишеніе всякой пищи животной, особенно мяса, во дни, исключительно посвященные молитвѣ. До сихъ поръ, въ пустынныхъ обителяхъ Востока, на Аѳонѣ, Синаѣ и въ Палестинѣ, равно какъ и въ нашихъ строгихъ обителяхъ, постною пищею называется собственно одна растительная, и только въ нѣкоторые дни праздничные, случающіеся посреди поста, бываетъ разрѣшеніе на рыбу. Это снисхожденіе, непримѣтно вкравшимся обычаемъ, обратилось также въ облегченный видъ поста, который милостиво терпитъ Церковь, чтобы строгостію не испугать немощныхъ чадъ своихъ; но не должно употреблять во зло ея снисхожденіе, отъ умаленнаго поста переходя совершенно къ его нарушенію. Важно послушаніе ея уставамъ; по сему соблюдающіе постъ, хотя и не въ той мѣрѣ строгости, какъ онъ заповѣданъ, но съ чувствомъ смиреннаго послушанія, достойны также уваженія, какъ и строгіе постники. Если же спросятъ: почему рыба можетъ быть принимаема за постную пищу, хотя имѣетъ въ себѣ животное начало?—то этому, быть можетъ, слѣдуетъ искать начальную причину въ повѣсти Евангельской. Дважды насыщаетъ Господь двумя рыбами и нѣсколькими хлѣбами многія тысячи народа въ пустынѣ. Въ самый день своего воскресенія, являясь ученикамъ своимъ, сквозь затворенныя

двери, уже въ прославленномъ тѣлѣ, вкушаетъ онъ предъ ними отъ пчелъ сотъ и рыбы печеной часть, и потомъ явившись въ третій разъ, на озерѣ Тиверіадскомъ, самъ даетъ имъ вкусить отъ рыбъ, дивно пойманныхъ, по его Божественному манію. Безъ сомнѣнія, по симъ примѣрамъ, этотъ родъ пищи, какъ болѣе утонченный и принятый самимъ Господомъ, даже послѣ его воскресенія, былъ допущенъ Церковію, какъ нѣкоторое снисхожденіе, во дни поста, безъ нарушенія онаго; не хорошо самочинно идти далѣе, нарушая предѣлы отеческіе, ибо ничто намъ такъ не опасно, какъ собственное разсужденіе, по древней лести діавольской нашимъ праотцамъ, вовлекшей ихъ въ погибель: «*будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое*» (Быт. II, 6).

Нѣкоторые отговариваются еще тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, лучше вкусить умѣренно пищи скоромной, нежели объѣдаться постною, какъ будто бы объяденіе всегда на сторонѣ постящихся, а не самихъ нарушителей воздержанія; въ этомъ случаѣ можно опять имъ напомнить, какъ и въ другихъ, что послушаніе паче поста и молитвы, и что слабый постникъ едва ли не пріятнѣе Богу самочиннаго воздержника, нарушающаго уставъ церковный мнимою своею умѣренностію. Напрасно еще говорятъ поблажающіе себѣ, что не въ постѣ, а въ добрыхъ дѣлахъ состоитъ спасеніе, какъ будто бы Церковь почитаетъ постъ единственнымъ средствомъ ко спасенію. Нѣтъ, она очень ясно поучаетъ, насъ пѣснями духовными, во дни великой Четыредесятницы, въ чемъ состоитъ истинный постъ:

«Отъ брашенъ постящися, душе моя, и отъ страстей не очистившися, всуе радуешися неяденіемъ;

аще бо не вина ти будетъ къ исправленію, яко ложная возненавидѣна будеши отъ Бога и злымъ демонамъ уподобишися, николиже ядущимъ; не убо согрѣшающи постъ непотребенъ сотвориши, но неколибима къ стремленіямъ безмѣстнымъ пребывай, мнящи предстояти распятому Спасу, паче же сраспятися тебе ради распеншемуся, вопіющи къ нему: помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ».

Вотъ и другой умилительный стихъ, пѣваемый на первой недѣлѣ поста: «постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеви: истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей очищеніе, оглаголанія, лжи и клятвопреступленія; сихъ оскудѣніе постъ истинный есть и благопріятный».

Или еще, что поется на первой литургіи преждеосвященныхъ Даровъ: «постящеся, братіе, тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ: разрѣшимъ всякій союзъ неправды, всякое списаніе неправедное раздеремъ, дадимъ алчущимъ хлѣбъ и нищія, безкровныя введемъ въ домы, да пріимемъ отъ Христа Бога велію милость».

При окончаніи дней великой Четыредесятницы, заключимъ нынѣ разсужденіе наше о постѣ, краснорѣчивыми словами великаго его проповѣдника, Св. Іоанна Златоустаго (*): «Когда мы отпустимъ отъ себя какого-нибудь гостя, который провелъ съ нами нѣсколько дней, котораго мы радушно приняли и дѣлили съ нимъ бесѣду и столъ: то на другой день послѣ его ухода, какъ накрытъ будетъ столъ, тотчасъ

(*) 1-я Бесѣда объ Аннѣ.

вспоминаемъ объ немъ и о взаимной бесѣдѣ и обращаемся мыслію къ нему, съ великою любовію; такъ точно поступимъ и въ отношеніи къ посту. Онъ пробылъ съ нами сорокъ дней, мы приняли его радушно и отпустили; теперь же, когда намѣреваемся мы предложить духовную трапезу, вспомнивъ объ немъ и о всѣхъ благахъ, происшедшихъ отъ него для насъ. Ибо не только самый постъ, но и воспоминаніе объ немъ можетъ принести намъ весьма великую пользу. Какъ любимые нами, не только когда бываютъ у насъ, но и когда приходятъ намъ на умъ, доставляютъ намъ великое удовольствіе: такъ и дни поста, собранія, общія собесѣдованія и другія блага, какія мы получали отъ него, радуютъ насъ и воспоминаніемъ; и если мы вспомнимъ о всѣхъ этихъ благахъ въ совокупности, то и въ настоящее время получимъ великую пользу. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы принудить васъ къ посту, но чтобы убѣдить не предаваться забавамъ и не вести себя какъ большая часть людей, если только можно назвать людьми этихъ малодушныхъ, которые, какъ бы освободившись отъ узъ и вырвавшись изъ какого-нибудь тяжкаго заключенія, говорятъ другъ другу: «наконецъ-то мы переплыли это скучное море поста»! А другіе, болѣе этихъ слабые, боятся и за будущую Четыредесятницу. Это происходитъ отъ того, что они во все остальное время, безъ мѣры, предаются забавамъ, роскоши и пьянству. Если бы мы всѣ прочіе дни постарались проводить честно и скромно, то и прошедшій постъ полюбили бы, и наступающій приняли бы съ большимъ удовольствіемъ. Ибо какого блага нѣтъ намъ отъ поста?—вездѣ тишина и чистая ясность, и домы

не свободны ли отъ шума, бѣготни и всякой тревоги? Но прежде еще домовъ, душа постящихся вкушаетъ спокойствіе; да и городъ весь являетъ такое же благоустройство, какое бываетъ въ душѣ и въ домахъ; ни вечеромъ не слышно поющихъ, ни днемъ шумящихъ и пьянствующихъ; не слышно ни крика, ни драки, но вездѣ видно великое спокойствіе. А теперь не такъ, но съ самого ранняго утра крикъ, шумъ и бѣганье поваровъ, великій чадъ какъ въ домахъ, такъ и въ душахъ, отъ того, что забавами поджигаются внутри насъ страсти и раздувается пламень порочныхъ вожделѣній. По этому должны мы жалѣть о прошедшемъ постѣ, ибо онъ всѣ эти страсти обуздывалъ; и пусть самый трудъ поста мы сложили съ себя, за то не прекратимъ любви къ нему и не изгладимъ памяти объ немъ».

ПИСЬМО III.

Сперва я начерталъ тебѣ все теченіе великаго поста, чтобы ты, однимъ взглядомъ, могъ обнять сію духовную лѣстницу, ведущую насъ отъ земли на небо, подобно той, которую видѣлъ во снѣ странствовавшій Іаковъ; теперь же мы будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ ея ступеняхъ, ибо и на нихъ стоятъ земные Ангелы и небесные человѣки, Отцы пустыни и Церкви, святыми молитвами своими облегчающіе намъ трудное восхожденіе; на верху же лѣстницы самъ Господь—наша Пасха. Въ семъ письмѣ изложу я тебѣ, нѣсколько пространнѣе, *три* первыя *предуготовительныя* недѣли и соберу умилительныя

красоты *вечернихъ стихиръ*, *утреннихъ каноновъ* и *синаксаріевъ*, болѣе выражающія порывы сердца къ Богу и сознаніе нашей немощи. Это будетъ какъ бы нѣкая духовная *аѳологія*, тотъ душистый вѣнокъ покаянія, о коемъ говоритъ Іеронимъ.

«Не помолимся фарисейски, братіе; ибо возносяй себе смирится; смиримъ себе предъ Богомъ, мытарски пощеніемъ зовуще: очисти ны, Боже, грѣшныя».

Сими смиренными словами начинается *тріодь постная* и сообразно сему первому вечернему стиху ея, поется на утрени, предъ канономъ, умилительный тропарь:

«Покаянія отверзи ми двери, жизнодавче, утренюетъ бо духъ мой ко храму святому твоему, храмъ носяй тѣлесный весь осквернѣнъ: но яко щедръ очисти, благоутробною твоею милостію».

Должно однако объяснить тебѣ значеніе самаго слова *тріодь*; прочти его въ синаксаріѣ: «Въ настоящій день съ Богомъ и тріодь начинаемъ, которую, по движенію Святаго Духа, благоприлично сложили изъ пѣсней многіе святые Богоносные Отцы наши. Но прежде всѣхъ умыслилъ тріодь, т. е. три *пѣсни*, во образъ Святой и живоначальной Троицы, великій писатель Косма, сочинивъ по три пѣсни, для каждаго дня великой седмицы святыхъ страстей Господа и Бога нашего Іисуса Христа. Послѣ него, подражая ему въ ревности, другіе Отцы, наипаче же Ѳеодоръ и Іосифъ Студиты, написали духовныя пѣсни и для прочихъ седмицъ великой четыредесятницы. Мысль же святыхъ сихъ была: всею книгою тріодію вкратцѣ воспомянуть, отъ самаго начала, благодѣянія Божіи къ человѣкамъ и изложить ихъ для памяти всѣхъ. Какъ предъ сраженіемъ воеводы, при-

мѣрами и рѣчами, возбуждаютъ воиновъ, отгоняя лѣность и боязнь и уныніе: такъ и божественные Отцы, чтобы очистить закоснѣвшія въ душахъ нашихъ страсти, возбуждаютъ насъ быть готовыми на подвиги поста; но поелику первое оружіе добродѣтели есть покаяніе и смиреніе, а преградою къ нимъ служатъ гордость и киченіе, то прежде всего предлагается намъ настоящая притча, о *Мытарѣ* и *Фарисеѣ*, изъ божественнаго Евангелія».

Еще чувствительнѣе для сердца синаксарій, о *блудномъ сынѣ*, читаемый во вторую недѣлю: «есть люди, имѣющіе на душѣ много тяжкихъ грѣховъ, предавшіеся страстямъ отъ юнаго возраста, которые впали во глубину зла и приходятъ въ отчаяніе, (а вина отчаянія гордость); но со всѣмъ тѣмъ они не хотятъ обратиться къ добродѣтели, напротивъ же, укрѣпляя на себѣ узы порока, еще въ горшую впадаютъ пагубу. Къ такимъ людямъ святые Отцы имѣютъ состраданіе и, желая ихъ спасти, предлагаютъ здѣсь сію притчу, чтобы съ корнемъ исторгнуть страсть отчаянія и возбудить къ добродѣтели, показавъ согрѣшившимъ богатство благости и человѣколюбія Божія: ибо изъ сей притчи Христовой явствуетъ, что никакой грѣхъ не можетъ побѣдить благоутробія Господа».

Всѣ стихи, и вечерніе и утренніе сей недѣли, какъ бы тайные упреки нашей совѣсти, потрясаютъ душу, и тщетно бунтуетъ гордое сердце, уста невольно готовы повторять: «объятія отчія поспѣши мнѣ отверсти: расточительно изжилъ я житіе мое, взирая на неизживаемое богатство твоихъ щедротъ, Спасе; нынѣ да не презриши обнищавшаго моего сердца, ибо къ тебѣ Господи, съ

умиленіемъ, взываю: согрѣшихъ, Отче, на небо и предъ тобою».

И дабы еще болѣе напомнить намъ, что мы только странники на землѣ чуждой, Церковь, въ теченіи трехъ недѣль до великаго поста, кладетъ намъ въ уста жалобную пѣснь плѣнниковъ Вавилонскихъ, пронзающую сердце своимъ трогательнымъ напѣвомъ и тоскою по родинѣ, коею она исполнена. За каждымъ выразительнымъ стихомъ псалма, слѣдуетъ тихое аллилуія, какъ бы зовъ Ангельскій, чуть слышимый сквозь плачъ земной.

«На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона; на вербіихъ посредѣ его обѣсихомъ органы наша: яко тамо вопросиша ны плѣншіи насъ, о словесѣхъ пѣсней, и ведшіи насъ о пѣніи: воспойте намъ отъ пѣсней Сіонскихъ. Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей? аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя; прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима, яко въ началѣ веселія моего. Помяни, Господи, сыны Едомскіе, въ день Іерусалимль глаголющіе: истощайте, истощайте до основанія его! Дщи Вавилоня окаянная, блаженъ иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ; блаженъ, иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень».

Сія пѣснь, сильная и поразительная какъ воспоминаніе, представляется еще болѣе возвышенною, какъ иносказаніе: Вавилонъ, *смѣшеніе*, есть образъ смѣшаннаго множества страстей и грѣховъ, которые господствуютъ въ мірѣ, берутъ въ плѣнъ невнимательную душу и порабощаютъ ее; Іерусалимъ, *городъ мира*, значитъ состояніе души, собравшейся

изъ разсѣянія и обратившейся къ Богу,—миръ непорочной или покаяніемъ очищенной совѣсти. Ахъ, другъ мой, не забудемъ сего Іерусалима, постараемся не забывать его! Мысль о сокрушеніи младенцевъ Вавилонскихъ о камень, которая была бы слишкомъ жестока въ буквальномъ значеніи, есть напротивъ самая чистая въ иносказаніи; это значитъ: блаженъ, кто имѣетъ довольно твердости сокрушать, о камень вѣры, едва раждающіяся дурныя мысли и желанія, прежде нежели онѣ вырастутъ въ злые дѣла и навыки.

Еще одинъ образецъ милосердія являетъ благая Церковь, равно заботясь о живыхъ и мертвыхъ, и синаксарій субботній, предъ сырною недѣлею, пространнѣе о томъ свидѣтельствуетъ: «въ сей день божественные Отцы узаконили совершать память всѣхъ, отъ вѣка скончавшихся благочестиво человѣковъ; ибо многіе пріяли безвременную смерть на странствіи, въ морѣ и непроходимыхъ горахъ, въ стремнинахъ и пропастяхъ и заразахъ, гладомъ, отъ пожаровъ, на льдахъ, и въ браняхъ, и отъ стужи, и претерпѣли иныя всякія смерти; равномѣрно убогіе и немощные не могли воспользоваться пѣніемъ узаконенныхъ псалмовъ. По сему святые Отцы, движимые человѣколюбіемъ, положили въ Соборной Церкви, совершать общую ихъ память; день же избранъ субботній, ибо суббота значитъ упокоеніе, а слѣдующее воскресеніе посвящено памяти *втораго Христова пришествія*.

Но уже на вечерни сей субботы душъ, страшно раскрывается предъ нами картина послѣдняго суда, начертанная живою кистью Пророковъ, какъ бы очевидцевъ: «возгласятъ трубы, и истощатся гробы,

и воскреснетъ все естество человѣческое въ трепетѣ!—Книги разгнутся, явлены будутъ дѣла человѣковъ предъ нестерпимымъ судилищемъ; возшумитъ же юдоль вся, страшнымъ скрежетаніемъ плача, видя всѣхъ согрѣшившихъ, по праведному суду, отпускаемыхъ на вѣчныя муки и тщетно плачущихся».

И вотъ, при видѣ сего грознаго зрѣлища, пробуждается наконецъ голосъ покаянія: «увы мнѣ, мрачная душа! доколѣ отъ злыхъ не отрѣваешься? доколѣ льешь слезы уныніе? что̀ не помышляешь о страшномъ часѣ смерти? что̀ не трепещешь вся страшнаго судилища Христова? какой отвѣтъ ему дашь? дѣла твои предстоятъ на обличеніе твое, дѣянія, какъ доносители, обличаютъ тебя. Впрочемъ, о душа, время настало, бѣги, предускори, вѣрою возопи: согрѣшила, Господи, согрѣшила тебѣ, но знаю, о человѣколюбецъ, твое благоутробіе; пастырь добрый, не отлучи меня отъ стоящихъ одесную тебя, ради великой твоей милости».

О томъ же взываетъ, и на утреннемъ канонѣ, Ѳеодоръ Студитъ, творецъ его: «Боже, когда пріидешь, во тмахъ и тысящахъ Ангельскихъ небесныхъ началъ, и меня окаяннаго сподоби встрѣтить тебя, Христе, на облакахъ».

«Во юдоли плача, когда на мѣстѣ, избранномъ тобою, возсядешь, многомилостивый, сотворить праведный судъ, не объяви моихъ тайныхъ и не посрами меня предъ Ангелами, но пощади меня, Боже, и помилуй».

Благоразумно положили святые Отцы совершать память сего втораго страшнаго пришествія, послѣ двухъ снисходительныхъ притчей, о мытарѣ и блудномъ, дабы кто либо, увѣдавъ Божіе человѣколюбіе,

не предался лѣности, говоря: человѣколюбивъ Богъ, и когда ни вздумаю оставить грѣхъ, еще успѣю все исполнить. Они же, устрашая чаяніемъ будущей казни, хотятъ лѣностныхъ возбудить къ добродѣтели, дабы не взирали на одно только человѣколюбіе Божіе, но видѣли бы въ Господѣ и праведнаго судію, который каждому воздаетъ по дѣламъ его.

Послѣ сего великаго воспоминанія о судѣ, какъ нѣкое предочищеніе, полагается предъ самымъ началомъ поста, *сырная недѣля*, отъ воздержанія мясъ постепенно приводящая къ совершенному посту, чтобы и тѣло наше не почувствовало вдругъ слишкомъ рѣзкой перемѣны въ пищѣ: ибо святые Отцы проникали во всѣ немощи человѣческія и, заботясь о спасеніи души, не почитали низкимъ для себя попещись и о слабости естества человѣческаго; посему поется въ первый день сей недѣли: «отверзлось преддверіе божественнаго покаянія; приступимъ усердно, очистивъ тѣлеса, отлагая брашна и страсти, какъ послушники Христа, призвавшаго міръ въ царствіе небесное: принесемъ десятину всего лѣта Царю всѣхъ, да съ любовію и воскресеніе узримъ».

Но сей постъ, къ которому призываетъ насъ Церковь, глубоко объясненъ ею въ стихирахъ среды и пятка: «о душа моя, постящаяся отъ брашенъ и отъ страстей не очистившаяся, напрасно радуешься неядѣнію; если оно не послужитъ тебѣ виною къ исправленію, какъ лживая, будешь ты возненавидѣна Богомъ, и уподобишься злымъ демонамъ, никогда не ядущимъ. И такъ не сдѣлай тщетнымъ поста, продолжая грѣшить, но будь неколебима стремленіемъ порочнымъ, мысленно предстоя распятому Спасу и сораспинаясь пострадавшему ради тебя,

взывай къ нему: помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ».

Въ сіи два дня сырной недѣли уже начинается служба великопостная съ поклонами; вмѣсто литургіи, читаются только часы, съ вечернею, и двѣ статьи пророчествъ Пророка Іоиля, о постѣ и судѣ въ среду, и Пророка Захаріи въ пятницу, о обѣтованіяхъ Божіихъ Израилю и очищеніи. Особенно замѣчательны вдохновенныя рѣчи Іоиля.

«Такъ глаголетъ Господь: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, въ постѣ и въ плачѣ и рыданіи, и расторгните сердца ваши, а не ризы ваши, и обратитесь къ Господу Богу вашему, ибо онъ милостивъ, и щедръ, и долготерпѣливъ, и многомилостивъ, и жалѣетъ о злыхъ дѣлахъ; кто знаетъ: не обратится ли, и не сжалится ли, и не оставитъ ли за собою благословеніе, и жертву, и возліяніе, которые приносите Богу нашему? Вострубите трубою въ Сіонѣ, освятите постъ, проповѣдайте исцѣленіе, соберите народъ, освятите церковь, изберите старѣйшинъ, совокупите сосущихъ младенцевъ; да изыдетъ женихъ отъ ложа своего и невѣста изъ чертога своего; на ступеняхъ жертвенника пусть восплачутся жрецы, служащіе Господу, и рекутъ: пощади, Господи людей твоихъ».

Еще торжественнѣе другое пророчество его о судѣ: «такъ глаголетъ Господь: да возстанутъ и взыдутъ всѣ языки на юдоль Іосафатову, ибо я тамъ сяду и разсужу всѣ языки, сущіе окрестъ. Обнажите серпы, ибо предстоитъ обрѣзаніе винограда; войдите для топтанія, ибо исполнено точило; изливаются подточилія, ибо умножились ихъ злобы. Гласы прогласилися на полѣ судебномъ, ибо близокъ день

Господень на юдоли судебной! солнце и луна померкнутъ, и звѣзды скроютъ свѣтъ свой, Господь же отъ Сіона воззоветъ и отъ Іерусалима дастъ гласъ свой, и потрясется небо и земля».

Посмотри, съ какою любовію привѣтствуетъ Церковь своихъ избранныхъ, въ субботу, посвященную ихъ памяти: «пріидите всѣ вѣрные, воспоемъ лики преподобныхъ Отцевъ: Антонія верховнаго, Евѳимія свѣтлаго, и каждаго, и всѣхъ вкупѣ, и мысленно обтекая ихъ гражданства, какъ бы другой рай сладости, воскликнемъ: вотъ древеса, которыя насадилъ Богъ нашъ: они цвѣли и принесли Христу плоды нетлѣнной жизни, питая души наши».

«Радуйся Египетъ вѣрный, радуйся Ливія преподобная, радуйся Ѳиваида избранная; радуйтесь всякое мѣсто и градъ и страна, воспитавшіе гражданъ небеснаго царствія, возрастившіе ихъ въ воздержаніи и болѣзняхъ, и показавшіе ихъ Богу совершенными мужами желаній; они явились свѣтилами душъ нашихъ, просіявъ мысленно во всѣ концы, зарею чудесъ и знаменіемъ своихъ дѣяній».

Отъ сего новаго Эдема, духовно насажденнаго Отцами пустыни, Церковь, высокими пѣснопѣніями, внезапно переходитъ къ утраченному раю и, наканунѣ поста, воспоминаетъ о горькомъ пресыщеніи Адама: «Создатель мой, Господь, взявъ меня, персть отъ земли, оживилъ дуновеніемъ живоноснымъ, и почтилъ на землѣ начальствомъ, надъ всѣми видимыми, и общежитіемъ Ангеловъ; сатана же льстивый, употребивъ орудіемъ змія, снѣдію прельстилъ и лишилъ меня божественной славы, предавъ въ землю преисподней смерти; но воззови меня, благоутробный Владыко».

«Господи, по совѣту врага, преслушавъ твое божественное повелѣніе, совлекся я, окаянный боготканной одежды и облекся смоковнымъ листвіемъ и кожаными ризами, и былъ осужденъ снѣдать хлѣбъ трудный, земля же проклята была приносить мнѣ тернія и волчцы; но ты, въ послѣднія времена, воплотившійся отъ Дѣвы, воззвавъ меня, введи опять въ рай».

Внемли, какъ плачется горько Адамъ, возсѣвъ въ виду утраченнаго рая: «о лугъ блаженный, богонасажденные сады, красоты рая! нынѣ обо мнѣ проливайте слезы съ листьевъ, какъ изъ очей, о мнѣ обнаженномъ и чуждомъ Божіей славы».

«Пожалѣй, о рай, о твоемъ обнищавшемъ владыкѣ и, шумомъ листьевъ твоихъ, умоли Создателя, дабы не затворялъ тебя падшему».

Въ синаксаріѣ воскресенія пространно описано, святыми Отцами, въ назиданіе вѣрныхъ, *грѣхопаденіе Адамово*, и два великіе Святителя: Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, своими глубокими толкованіями, проливаютъ духовный свѣтъ на горькое измѣненіе первоначальнаго бытія нашего.

«Между тлѣніемъ и нетлѣніемъ былъ созданъ Адамъ, дабы получилъ то, что самъ изберетъ по произволу: Богу возможно было сотворить его и безгрѣшнымъ, но надобно было, чтобы человѣкъ совершилъ подвигъ произвольнаго выбора: для сего данъ былъ ему законъ,—прикасаться всѣхъ насажденій, но не сего, то есть древа познанія добра и зла. Можетъ быть, сіе значило: изъ размышленія о всѣхъ созданіяхъ извлекать познаніе Божественной силы, но не испытывать помысломъ естества Божія. Такъ любомудрствуетъ и св. Григорій Богословъ: Богъ

повелѣлъ Адаму помышлять умомъ о Божескомъ естествѣ, разсматриваемомъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, но отнюдь не испытывать, каковъ есть Богъ внутренно по естеству, гдѣ онъ и какъ все изъ ничего создалъ. Адамъ же, оставивъ все прочее, наипаче любопытствовалъ о Богѣ, усиливаясь подробно познать его естество, и будучи еще не совершеннымъ, простымъ и младенцемъ, впалъ въ искушеніе, ибо сатана, посредствомъ Евы, внушилъ ему мечтаніе самому сдѣлаться Богомъ. А великій и божественный Златоустъ говоритъ: что древо сіе имѣло, нѣкоторымъ образомъ, двоякую силу; онъ полагаетъ рай на землѣ, но разумѣетъ его вмѣстѣ духовнымъ и чувственнымъ, каковъ былъ самъ Адамъ, и что оба находились посреди тли и нетлѣнія, и соблюдаетъ такимъ образомъ слова писанія, въ тоже время не оставаясь при одной ихъ буквѣ».

На концѣ же сихъ трехъ предуготовительныхъ седмицъ, еще однажды, приглашаются къ подвигамъ вѣрныя чада Церкви.

«Поприще добродѣтелей открылось! хотящіе страдальчествовать войдите, препоясавшись добрымъ подвигомъ поста, ибо законно страдальчествующіе праведно вѣнчаются. Воспріявъ всеоружіе креста, воспротивимся врагу, имѣя вѣру, какъ нерушимую стѣну, и какъ щитъ молитву, а шлемомъ милостыню, и вмѣсто меча постъ, который отсѣкаетъ отъ сердца всякую злобу. Творящій сіе воспріиметъ истинный вѣнецъ отъ Царя всѣхъ, Христа, въ день судный».

ПИСЬМО IV.

Если, въ предъидущемъ письмѣ моемъ, я собралъ для тебя лучшіе отрывки, изъ духовныхъ пѣсней трехъ первыхъ недѣль до поста, и даже наполнилъ ими все письмо, то это для того, чтобы ты получилъ понятіе, о красотахъ языка церковнаго, мало намъ доступнаго. Не поскучай чтеніемъ сихъ избранныхъ пѣсней, ибо кромѣ достоинства внѣшняго, онѣ заключаютъ въ себѣ и внутреннее сокровище, располагая душу къ принятію всего благаго. Между тѣмъ мы достигли до первой великой недѣли четыредесятницы, и переходъ къ ней, по церковному пути, не будетъ для насъ столь разителенъ, какъ случается обыкновенно, послѣ шумныхъ увеселеній масляницы, къ сожалѣнію перешедшихъ изъ Запада въ наше отечество.

Сію первую недѣлю, святые Отцы, наипаче посвящали безмолвію и подвигамъ духовнымъ, какъ начатокъ поста, чтобы рѣшительнѣе сокрушить въ себѣ мірскіе навыки и предаться вполнѣ созерцанію духовному: ибо на всякомъ поприщѣ важенъ первый шагъ, и многіе удалялись на все теченіе поста въ глубочайшія пустыни. И у насъ издревле, сохранился благочестивый обычай, посѣщать другъ друга на сырной недѣлѣ, смиренно испрашивая предъ покаяніемъ взаимное прощеніе, но онъ обратился въ пиршества и гульбища.

Одинъ изъ великихъ отшельниковъ, соотечественникъ и почти современникъ св. Іоанна Дамаскина, святый Андрей, сперва просіявшій славою своихъ добродѣтелей въ пустынѣ Палестинской, а

потомъ, какъ ревнитель вѣры, на шестомъ Вселенскомъ Соборѣ въ Царьградѣ, и наконецъ на архипастырскомъ престолѣ Крита, сложилъ, въ уединеніи своего вертепа, умилительный *канонъ покаянія*, который съ любовію приняла Церковь. Она узаконила читать его, какъ вѣрное выраженіе чувствъ всякаго Христіанина, сокрушеннаго духомъ, дважды въ теченіи поста: на великомъ повечеріи первыхъ четырехъ дней его, по частямъ, и весь сполна, на утрени въ четвертокъ пятой недѣли; къ сему же присоединенъ и малый канонъ Маріи Египетской, бывшей образцемъ совершенства, какого можетъ достигнуть раскаянный грѣшникъ, при содѣйствіи благодати.

Изъ всѣхъ каноновъ, которыми столь богата наша Церковь, самый пространный и замѣчательный есть сей великій канонъ св. Андрея Критскаго, ибо онъ, духовными, весьма возвышенными созерцаніями, объемлетъ оба завѣта и въ особенномъ свѣтѣ поставляетъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ лицъ священной исторіи, извлекая назиданіе даже изъ ихъ паденій и растворяя плачъ ихъ собственными слезами. Каждая пѣснь начинается молитвеннымъ воззваніемъ, потомъ, какъ на нѣкое духовное зрѣлище выступаютъ предъ нами Праотцы, Патріархи, Судіи, Цари и Пророки ветхозавѣтные, связанные между собою цѣпію глубокихъ созерцаній; наконецъ, какъ бы изнемогая подъ бременемъ оныхъ, пустынный писатель обращается вновь на молитву и, въ изреченіяхъ Евангельскихъ притчей, ищетъ достойнаго выраженія души своей къ Богу.—Вся же девятая пѣснь, какъ вѣнецъ канона, исключительно посвящена воспоминанію дѣяній Спасителя. Я не

могу описать тебѣ подробно всего творенія, хочу однакоже представить нѣкоторыя разительныя черты, чтобы ты съ бо̀льшимъ вниманіемъ слушалъ его чтеніе.

«Откуду начну плакати окаяннаго моего житія дѣяній? кое ли положу начало, Христе, нынѣшнему рыданію? но яко благоутробенъ даждь ми прегрѣшеній оставленіе».

«Гряди, окаянная душе, съ плотію твоею, Зиждителю всѣхъ исповѣждся и устранися отнынѣ прежняго безсловесія и принеси Богу въ покаяніе слезы».

Такъ начинаетъ плачъ свой Андрей Критскій и хоръ, отъ лица народа, на каждый стихъ жалобно ему отвѣчаетъ: «помилуй мя, Боже, помилуй мя»!

И вотъ потекли изъ устъ его горькія, но вмѣстѣ высокія по духу обличенія: «мы поревновали преступленію праотца Адама, и подобно ему познали себя обнаженными отъ Бога; вмѣсто Евы чувственной, Евою мысленною былъ для насъ страстный помыслъ плоти, показующій сладкое, но напояющій горькимъ. Мы превзошли Каина убійствомъ, произвольно сдѣлавшись убійцами совѣсти душевной, и не принесли, подобно Авелю, ни чистой жертвы, ни житія непорочнаго Богу».

«Вонми небо и возглаголю, земля внушай гласъ, кающійся къ Богу и воспѣвающій его».

«Душа моя, ты одна разверзла всѣ хляби гнѣва Божія и потопила ими тѣло и жизнь, какъ нѣкогда потоплены земля и все оставшееся внѣ спасительнаго ковчега».

Послѣ сей страшной картины потопа нашихъ страстей, зоветъ онъ окаянную душу, не наслѣдовавшую ни благословенія Симова, ни пространнаго

владычества Іафетова, зоветъ, отъ языческой земли Харранъ, отъ грѣховъ ея, въ обѣтованную землю нетлѣнія, и велитъ ей быть вольнымъ пришельцемъ въ мірѣ, подобно Аврааму; уразумѣть новую жертву Исаака, тайно всесожженную Господу, и подражать его сердечному расположенію; беречься, чтобы ласкаемая плоть, какъ другая рабыня Агарь, не родила новаго Измаила, дерзости во грѣхѣ, который долженъ быть изгнанъ изъ дома Божія. Онъ даетъ ей образцемъ мирное житіе Священника Божія и Царя уединеннаго, Мельхиседека, который былъ подобіе Христово, велитъ бѣгать отъ возгарающейся чувственной похоти, какъ отъ пожара Содомскаго, и не озираться вспять, чтобы не сдѣлаться столпомъ сланымъ, какъ жена Лотова, но спасаться горѣ въ Сигоръ.

«Приближается, душа, конецъ приближается, и не радиши, не готовишися; время сокращается, близъ при дверяхъ судія есть; яко соніе, яко цвѣтъ, время житія течетъ,—что̀ всуе мятемся»?

Глубоко изображено видѣніе Іакова и страдальческое его поприще: «лѣствица, которую видѣлъ древле великій въ Патріархахъ, о душа моя, есть указаніе дѣятельнаго восхожденія и разумнаго возшествія; и такъ, если хочешь вступить въ жизнь дѣятельную, разумную и созерцательну̀ю,—то обновися».

«Подъ образами двухъ женъ Іакова, разумѣй двоякую жизнь, дѣятельную и созерцательную: Лія, какъ многочадная, изображаетъ дѣятельность, Рахиль же, какъ многотрудная—созерцаніе; но безъ трудовъ не будетъ успѣха, ни въ дѣятельности, ни въ созерцаніи».

Вотъ и великое лице Моисея является на обличеніе души. Она не убила, подобно ему, Египтянина, бійцу сына Израилева, то есть не умертвила въ себѣ чувственнаго помысла, отъ котораго страждетъ и изнемогаетъ умъ духовный: какъ же вселится, чрезъ покаяніе, въ пустыню оставленія страстей, чтобы тамъ быть въ созерцаніи Бога, котораго видѣлъ въ купинѣ неопалимой Моисей!—Жезлъ его, ударяющій море, былъ образцемъ креста божественнаго, коимъ и ты, душа, можешь совершить великое. «Да будутъ слезы мои купелію Силоама, восклицаетъ пѣвецъ, проникнутый величіемъ развивающихся предъ нимъ судебъ Божіихъ, да и я умою зѣницы сердца, и вижу мысленно тебя, свѣтъ превѣчный».

Цари Іуды и Пророки Израиля, одинъ за другимъ, сходятъ со ступеней своего престола, или выходятъ изъ глубины своихъ пустынь, чтобы, по зову пастыря Критскаго, бесѣдовать къ душѣ нераскаянной, или поражать ее своими дѣяніями. Величественъ, въ стихахъ канона, сей рядъ помазанниковъ Божіихъ, которые, какъ пѣстуны ветхаго завѣта, ведутъ ее въ новому, дабы она не предпочла кладези Хананейскихъ мыслей живымъ струямъ камня, точащаго Божію премудрость.

«Давидъ, избранный на царство, царски помазался рогомъ Божественнаго мѵра; и ты, о душа, если хочешь царствія вышняго, помажься слезами какъ мѵромъ».

Страшными примѣрами представляются ей Саулъ и Авессаломъ и Соломонъ, утратившій премудрость, Ровоамъ и Іеровоамъ, раздѣлившіе царство, и прокаженный святотатецъ Осія, и Ахавъ нечестивый, гонитель Пророковъ.

«Если, подражая ему, не покоришься словамъ Иліи Θесвитянина, то и тебѣ, о душа, заключится небо, и тебя постигнетъ гладъ Божій; но уподобися вдовицѣ Сарептской и напитай Пророчью душу».

«Дни мои исчезли, какъ сновидѣнія пробуждающагося, и я плачу на ложѣ моемъ, какъ Царь Іезекія, дабы приложилися мнѣ лѣта жизни: но какой Исаія предстанетъ тебѣ, о душа, если не всѣхъ Богъ»?

И къ сему жизнодавцу, Спасителю душъ, восходитъ наконецъ духовный дѣписатель, прешедши все ветхозавѣтное, вопія какъ разбойникъ: «помяни мя»! взывая какъ мытарь: «Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному»! подражая въ неотступности Хананеи и слѣпцамъ на распутіи: «помилуй мя сыне Давидовъ»! источая слезы, вмѣсто мура, на главу и ноги Христовы, подобно блудницѣ, и горько плача надъ собою, какъ Марѳа и Марія надъ Лазаремъ.

«Законъ изнемогъ, торжествуетъ Евангеліе; Христосъ вочеловѣчился, призвавъ къ покаянію разбойниковъ и блудницъ,—душа покайся! отверста уже дверь царствія и прежде тебя вторгаются въ нее мытари и фарисеи, и грѣшники кающіеся»!

Когда же, въ нѣкоемъ духовномъ ужасѣ, издали слѣдуя за чудесами Спасителя и умиляясь надъ каждымъ подвигомъ земной его жизни, доходитъ онъ до страшнаго заколенія,—крѣпость сердца его оскудѣваетъ и, вмѣстѣ со всею тварію, онъ умолкаетъ на трепещущей Голгоѳѣ, въ послѣдній разъ воскликнувъ:

«Судія мой и вѣдче мой, хотяй паки пріити со Ангелы, судити міру всему, милостивымъ твоимъ окомъ тогда, видѣвъ мя пощади; ущедри мя, Іисусе, паче всякаго естества человѣча согрѣшивша».

Внимая чтенію сего умилительнаго канона, не-

вольно воскликнешь изъ глубины сердца: «Господи, если бы мы не имѣли Святыхъ твоихъ, за себя молитвенниками, и твою благость, милующую насъ,— какъ дерзали бы мы воспѣвать тебя, Спаситель, котораго непрестанно славословятъ Ангелы».

И сію молитву произноситъ Церковь, вслѣдъ за хвалебнымъ псалмомъ, прерываемымъ трогательнымъ пѣніемъ: «Господи силъ съ нами буди»! на томъ же великомъ повечеріи, которое называется *меѳимонами*, отъ Греческаго: *меѳимонъ о Ѳеос*, «съ нами Богъ», ибо нѣсколько разъ стихъ сей повторяется.

Во все теченіе четыредесятницы, на утреннихъ и вечернихъ служеніяхъ, читаются книги ветхаго завѣта; такъ съ самой первой вечерни, предлагаются въ услышаніе вѣрнымъ: *книга Бытія и книга Притчей* Соломоновыхъ, поставляющая началомъ премудрости страхъ Господень. Одна, дѣписательная, открываетъ намъ высокое происхожденіе и первобытныя судьбы міра, другая, нравственная, руководствуетъ насъ въ дѣлахъ жизни. А на шестомъ часѣ, чтеніе Исаіи, столько же Евангелиста сколько и Пророка, ибо онъ ясно говоритъ, какъ бы современникъ, о грядущемъ Искупителѣ, соединяетъ собою оба завѣта. Сіи три книги, полнотою историческихъ, нравственныхъ и духовныхъ созерцаній, питаютъ душу на пути покаянія.

«Услыши небо и вонми земля», такъ начинаетъ Исаія, «ибо Господь возглаголалъ: сыновъ родилъ я и воспиталъ, а они меня отверглись; знаетъ волъ стяжавшаго и оселъ ясли господина своего; а Израиль меня не знаетъ и люди меня не уразумѣютъ!.... Измойтесь и чисты будьте, отымите лукавство отъ душъ вашихъ; научитесь добро творить, взыщите

правосудіе, избавьте обидимаго, судите сирому и оправдайте вдовицу, и тогда пріидите и состязимся, и если будутъ грѣхи ваши какъ багряница, какъ снѣгъ ихъ убѣлю».

Далѣе, отъ обличеній ветхаго человѣка, въ ветхомъ завѣтѣ, переходя къ отраднымъ чаяніямъ новаго человѣка, въ новомъ завѣтѣ, Пророкъ говоритъ: «въ послѣдніе дни явлена будетъ гора Господня и домъ Господень на верху горы, и вознесется превыше всѣхъ холмовъ, и пріидутъ къ нему всѣ языки, и пойдутъ языки многіе и рекутъ: пріидите и взыдемъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковля, и возвѣститъ намъ путь свой и пойдемъ по немъ. Такъ глаголетъ Господь: отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне отъ Іерусалима, и судить будетъ посреди языковъ и изобличитъ людей многихъ».

Въ среду сей великой недѣли совершается первая *преждеосвященная* литургія, соединенная съ вечернею, о коей я подробно говорилъ тебѣ, въ прежнихъ моихъ письмахъ. Трогательныя стихиры поются въ назиданіе Церкви, во время первой великопостной обѣдни, особенно располагающей душу къ молитвѣ.

«Братіе, постясь тѣлесно, станемъ поститься и духовно: развяжемъ всякой узелъ неправды, всякое писаніе неправедное раздеремъ, дадимъ алчущимъ хлѣбъ и нищихъ безкровныхъ введемъ въ домы, да пріимемъ отъ Христа Бога велію милость».

«Если есть какая добродѣтель или какая похвала, то онѣ подобаютъ Святымъ: они преклонили выю свою подъ мечъ, ради тебя, преклонившаго небеса и къ намъ сошедшаго; они изліяли кровь свою

ради тебя, истощившаго себя для насъ и пріявшаго образъ раба, и, подражая нищетѣ твоей, смирили себя даже до смерти. Ихъ молитвами, Боже, по множеству щедротъ твоихъ, помилуй насъ».

Особенно замѣчательно, въ день сей, чтеніе притчей, коими Соломонъ, научая насъ, говоритъ: «если ты призовешь премудрость, если подашь голосъ твой разуму, если громогласно будешь звать къ себѣ сокровенное духовное чувство, если будешь искать премудрости какъ сребра, и доискиваться какъ сокровища, то уразумѣешь страхъ Господень и обрѣтешь познаніе Божіе: ибо Господь даетъ премудрость и отъ лица его нисходитъ познаніе и разумъ. Если же пріидетъ премудрость въ мысль твою, если душа твоя найдетъ прекраснымъ нравственное духовное чувство,—то доброе намѣреніе сохранитъ тебя и святое помышленіе сбережетъ тебя; ибо правые вселяются на землѣ и святые останутся на ней, пути же нечестивыхъ погибнутъ».

Чтеніе Бытія, по днямъ, слѣдуетъ порядку самой книги, но достойно примѣчанія, что во дни литургіи, когда собирается болѣе народа въ храмъ, предложены два важнѣйшія сказанія, о судьбѣ всего человѣчества: въ среду, сотвореніе по образу Божію и по подобію, а въ пятницу, горькое его преслушаніе и изгнаніе изъ рая. Въ пятницу же, предъ окончаніемъ обѣдни, выносится посреди церкви и благословляется *коливо*, то есть вареныя хлѣбныя сѣмена съ сухими плодами, и поется *канонъ* на память св. Ѳеодора Тирона, бывшаго ратникомъ и мученикомъ во дни гоненій. Когда Іуліанъ отступникъ, ругаясь надъ Христіанами, велѣлъ однажды, чтобы все продаваемое для пищи, на торжищахъ

Царьградскихъ, окроплено было кровію идольскихъ жертвъ, тогда св. Ѳеодоръ явился во снѣ Патріарху, чтобы охранить вѣрныхъ отъ осквернения и предложилъ ему сію простую пищу, для употребления тайно въ домахъ: отселѣ Церковь установила совершать ежегодно воспоминаніе его благой помощи.

Другое продолжительное гоненіе подало поводъ къ другому торжеству, которымъ заключается сія великая седмица. Я хочу говорить о *недѣли православія*, или первомъ воскресеніи поста. Когда седьмой Вселенскій Соборъ, соединившійся, подобно первому, въ Никеи, при Царѣ Константинѣ и матери его Иринѣ и при св. Тарасіѣ, Патріархѣ Цареградскомъ, возстановилъ почитаніе святыхъ иконъ, которыя началъ нечестиво истреблять Левъ Изаврскій,—то не долго послѣ сего продолжались тишина и благоденствіе Церкви на Востокѣ; новые иконоборцы возстали между властителями Цареградскими, и послѣдній изъ нихъ, Ѳеофилъ, былъ самый жестокій.

По смерти его благочестивая супруга, Царица Ѳеодора, вмѣстѣ съ малолѣтнымъ сыномъ Михаиломъ, оставшись правителями потрясеннаго царства, избрали Патріархомъ св. Меѳодія, знаменитаго исповѣдника вѣры при ея гонителяхъ, и съ нимъ вмѣстѣ созвали духовный Соборъ въ Константинополѣ, для водворенія мира въ Церкви. Тогда, съ великимъ торжествомъ, возвращены были ей иконы и утвари, расхищенные нечестивыми. Память сего радостнаго событія празднуема была, молитвами о живыхъ и усопшихъ ревнителяхъ православія, и предохранительнымъ воспоминаніемъ народу отлученій отъ Церкви, въ разныя времена произнесенныхъ на раз-

личныя лжеученія, которыя православная Церковь, по необходимости, должна была отринуть, въ сильныхъ выраженіяхъ, потому что онѣ угрожали поврежденіемъ основанію вѣры. Она исполнила сей прискорбный долгъ изъ человѣколюбія, чтобы спасти многія тысячи неопытныхъ, обличеніемъ нѣсколькихъ коварныхъ обольстителей, и взяла себѣ въ примѣръ Апостола Павла, употребивъ, даже точное его выраженіе: «хотя бы и мы, или Ангелъ съ неба, сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы вамъ благовѣствовали, да будетъ анаѳема». Такъ говорилъ Апостолъ язычниковъ въ посланіи къ Галатамъ (гл. 1, ст. 8), описывая вслѣдъ за тѣмъ собственное обращеніе, изъ гонителя Церкви въ Апостола, и я совѣтую тебѣ прочесть еще разъ его убѣдительное посланіе. Сія вѣчная память благочестивымъ Царямъ и Патріархамъ, Греческой и Россійской Церкви, и сіе громогласное *отлученіе* ея отступниковъ (по гречески *анаѳема*), отъ тѣхъ временъ и донынѣ, постоянно совершается въ началѣ четыредесятницы, какъ назидательная картина грядущаго раздѣленія агнцевъ отъ козлищъ, самимъ небеснымъ Пастыремъ Христомъ, въ послѣдній день.

Церковь отражаетъ отъ своего общенія, какъ ядъ или язву отъ здраваго тѣла, отрицающихъ бытіе Божіе, утверждающихъ, что міръ сей самобытенъ, и что все въ немъ по случаю бываетъ, безъ промысла Божія, и не признающихъ благости, милосердія, премудрости Творца; отвергаетъ также не поклоняющихся единому Богу во Святой Троицѣ, невѣрующихъ пришествію на землю Сына Божія во плоти, не пріемлющихъ благодати искупленія, проповѣданнаго Евангеліемъ, какъ единственнаго сред-

ства къ спасенію, и невѣрующихъ, что Духъ Святый, умудрявшій Пророковъ и Апостоловъ, дабы возвѣстить намъ истинный путь, и донынѣ обитаетъ въ сердцахъ вѣрныхъ. Церковь отвергаетъ хулящихъ дѣвство Божіей Матери, отметающихъ безсмертіе души, кончину вѣка и грядушій судъ съ воздаяніемъ, святые таинства Церкви Христовой, Соборы Св. Отецъ и ихъ преданія, съ Божественнымъ откровеніемъ согласныя, и ругающихся надъ Св. иконами, которыя Церковь пріемлетъ, для воспоминанія дѣлъ Божіихъ и его угодниковъ и къ возбужденію благочестиваго имъ подражанія.—Наконецъ, она отсѣкаетъ отъ себя, не только невоздающихъ Божіе Богови, но и Кесарево Кесареви, и дерзающихъ на мятежи и измѣну противъ Помазанника Божія, и обличаетъ всѣхъ таковыхъ, какъ недостойныхъ членовъ, вредныхъ для внутренняго и внѣшняго ея мира.

V. НЕДѢЛЯ ПРАВОСЛАВІЯ.

Я только что возвратился изъ Казанскаго собора, съ торжества Православія, и пишу эти строки, преисполненный тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. Мнѣ казалось: предо мною раскрывалось въ лицахъ постепенное шествіе Церкви Православной, Соборной, отъ временъ Апостольскихъ и до нашихъ, въ которомъ *видѣна быша*, по словамъ псалма, *видѣна быша шествія Твоя, Боже.* Вся лѣтопись Церкви, съ древними и новѣйшими ея поборниками, царскаго и священнаго сана, Греческая и Русская, какъ-будто

развивалась въ постепенности исторической, предъ моими глазами. Вѣчная память ублажаемымъ донынѣ Константину и Еленѣ, двумъ Θеодосіямъ, Іустиніану и инымъ Императорамъ Византійскимъ, вмѣстѣ съ памятью нашихъ равноапостольныхъ Владиміра и Ольги, чрезъ царственныя степени Іоанновъ и Θеодоровъ, Михаила, Алексія и великаго Петра, съ благочестивыми усопшими изъ его семейства, сливала времена давноминувшія съ новѣйшими; она соединяла, въ мысляхъ моихъ, Церковь Вселенскую съ преданіями отечественными, и это было сладостно для слуха и сердца.

Пишу еще подъ вліяніемъ сихъ высокихъ впечатлѣній, потому что это торжество Православія, которое ежегодно повторяется въ первое Воскресеніе великой Четыредесятницы, въ память возстановленія чествованія святыхъ иконъ, представило моему воображенію какъ-бы продолженіе седьмаго Вселенскаго Собора въ лицахъ. Сонмъ Святителей, въ блестящихъ ризахъ, возсѣдалъ на высокомъ амвонѣ обставленномъ ихъ Діаконами, посреди великолѣпной колоннады Казанскаго собора, напоминающей древнія базилики Востока:—рядъ митроносныхъ Архимандритовъ и облаченныхъ Пресвитеровъ благоговѣйно предстоялъ, отъ святительскаго амвона до серебряной рѣшетки предъ иконостасомъ, посреди сжатой толпы народной, въ глубокомъ безмолвіи ожидавшей глаголъ Православія,—и этотъ глаголъ громко былъ возглашенъ Протодіакономъ, съ высокой каѳедры проповѣдниковъ слова Божія, предъ иконою великаго витіи и столпа Православія, Златоуста.—Не такъ ли живописуется на иконахъ нашихъ, коихъ празднуемъ обновленіе, и Вселенскіе Соборы, утвер-

дившіе догматы святой нашей вѣры, начиная отъ перваго Вселенскаго въ Никеи, при святомъ Царѣ Константинѣ, и до послѣдняго, опять въ Никеи, заключившаго священный сонмъ ихъ?

Но какъ различны бываютъ впечатлѣнія, часто впрочемъ происходящія отъ невѣдѣнія или неразумѣнія того, что поражаетъ мысли и взоры!—Когда я, въ этомъ торжествѣ Православія, видѣлъ одну только материнскую заботу святой Церкви, о душевномъ спасеніи всѣхъ ея чадъ, чрезъ обличеніе соблазновъ, съ теплою молитвою о обращеніи заблуждающихъ,—другимъ мнилось слышать тутъ одни только проклятія, какъ будто когда либо произноситъ ихъ Церковь! Они равнодушно пришли послушать эти мнимыя проклятія, какъ приходятъ на какое либо суетное зрѣлище, гдѣ легко пріемлются впечатлѣнія всѣхъ, самыхъ ужасныхъ событій, потому что еще заранѣе знаютъ, что это одно ихъ представленіе, а не самая истина вещей. Но если бы немного обдумали они важность его церковнаго дѣйствія, которому пришли безотчетно внимать, и вникли бы въ каждое слово страшныхъ для Христіанина отлученій отъ Церкви:—быть можетъ, не такъ бы легко о нихъ судили и не смѣшивали анаѳемъ съ проклятіями.

«Скоро ли начнутся проклятія»? съ улыбкою спросилъ меня, еще посреди обѣдни, одинъ изъ такихъ слушателей.—«Ихъ вовсе не будетъ», отвѣчалъ я.—«Какъ же, а анаѳемы»? возразилъ онъ.—«Это только явныя, но безъименныя отлученія тѣхъ, которые сами себя тайно уже отлучили отъ союза Церкви», отвѣчалъ я опять и тѣмъ окончилась моя невольная бесѣда. Странно однако, какъ люди, кото-

рые ежегодно слышатъ о сихъ анаѳемахъ и жаждутъ ихъ послушать, для удовлетворенія своего любопытства, не дадутъ себѣ труда тщательнѣе вникнуть, или по крайней мѣрѣ распросить у болѣе знающихъ: что такое анаѳема?—Это Греческое слово собственно не выражаетъ никакого проклятія, но заимствовано изъ древняго языка, гдѣ означало такіе предметы, которые были неприкосновенны, потому что исключительно посвящались храму, или людей, по какой либо особенной винѣ, отчужденныхъ изъ среды обществъ; и такъ самое слово *анаѳема*, составленное изъ двухъ ανα (отъ или воз) и θεμα (положенное), не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго, ибо употреблялось иногда и въ хорошемъ значеніи. А если въ послѣдствіи присоединилось къ нимъ народное понятіе о проклятіи: то это потому лишь, что первенствующіе Христіане, ради глубокаго своего благочестія, боялись всякаго общенія съ людьми, отлученными отъ Церкви, дабы не заразиться отъ нихъ духовно, какъ опасаются въ моровыхъ повѣтріяхъ прикоснуться къ чумному, чтобы не заразиться отъ него тѣлесно. Это весьма естественно: неужели здравіе душевное менѣе намъ драгоцѣнно тѣлеснаго? И не въ правѣ ли Церковь, какъ духовное общество, отлучать изъ среды своей тѣхъ, которые пренебрегаютъ ея догматы и уставы, когда всякое гражданское общество, начиная отъ государства и до малѣйшаго его сословія, тоже дѣлаетъ съ нарушителями своихъ правъ и законовъ?

Святая Церковь, осторожная во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, употребляетъ даже для сего торжественнаго отлученія то самое слово, которое ей заповѣдалъ, въ посланіи къ Галатамъ, великій Апостолъ язычни-

ковъ Павелъ: «*Аще мы, или Ангелъ съ небесе, благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ; якоже предрекохомъ и нынѣ паки глаголю: аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ*»! и, какъ бы предвидя словопрѣніе человѣческое, Апостолъ присовокупляетъ: «*аще бо быхъ еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ* (Галат. 1, 8, 9, 10).

Достойно вниманія, какъ премудро и снисходительно составлена служба недѣли Православія, и какъ дышетъ Христіанскою любовію каждое ея слово, такъ что развѣ одни только невнимательные, и потому невнимающіе, могутъ утверждать противное.— При самомъ началѣ, на обычной эктеніи, Діаконъ испрашиваетъ у Господа: дабы соблюлъ свою Церковь отъ всякихъ ересей и суевѣрій, оградилъ ее миромъ, утишилъ раздираніе ея, и силою Святаго Духа, обративъ всѣхъ отступниковъ къ познанію истины, сопричелъ ихъ къ призванному своему стаду и просвѣтилъ бы свѣтомъ своего Богоразумія мысли омраченныхъ невѣріемъ, а вѣрныхъ укрѣпилъ непоколебимыми въ правовѣріи.

За симъ слѣдуетъ избранное посланіе Апостольское, въ которомъ святый Павелъ умоляетъ Римлянъ: «блюстись отъ творящихъ распри и раздоры и уклоняться отъ нихъ; ибо таковые не служатъ Господу нашему Іисусу Христу, но своему чреву» (Рим. 16). И Евангеліе отъ Матѳея, вмѣстѣ съ милосердіемъ заповѣданнымъ Церкви, назидаетъ ее словомъ Господнимъ, какъ поступать въ отношеніи отступниковъ; ибо самъ Господь, сказавшій въ началѣ: «*блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ, пріиде бо Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго*», по-

велѣваетъ обличать согрѣшенія брата, сперва наединѣ, потомъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, и наконецъ предъ всею Церковью, а въ заключеніе говоритъ: «*Аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь; аминь бо глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ*» (Матѳ. гл. 18). Столь рѣшительно слово Евангельское, о непокоряющихся ученію святой Церкви!

Но дабы смягчить слова прещенія, словами милосердія, опять молитъ на эктеніи Діаконъ: дабы Господь, не хотящій смерти грѣшныхъ, но ожидающій ихъ обращенія и покаянія, обратилъ всѣхъ отступившихъ отъ святой его Церкви, дабы они, вкупѣ со всѣми вѣрными, прославляли Бога истиннаго, вѣрою и благочестіемъ, и дабы, по заповѣди намъ данной, о любви къ Богу и ближнимъ, истинная любовь сія царствовала въ душахъ нашихъ, съ прекращеніемъ всѣхъ беззаконій.

Первенствующій Святитель восполняетъ эктенію Діакона благодарственною молитвою къ Господу, подателю всѣхъ даровъ, который не отвращается отъ насъ ради беззаконій нашихъ; онъ исповѣдуетъ безпримѣрное милосердіе Божіе, чрезъ искупленіе наше и ниспосланную благодать Св. Духа, и проситъ, при умноженіи терній суеты и страстей, ересей и расколовъ, подвергающихъ насъ праведному суду Божію, не до конца прогнѣваться, но укрѣпить насъ въ правовѣріи и просвѣтить заблуждающихся, да обратятся къ Спасу своему; исправить жизнь ихъ, несогласную съ христіанскимъ благочестіемъ, дабы укоренилась въ сердцахъ спасительная вѣра, а

самимъ пастырямъ Церкви даровать святую ревность и попеченіе ихъ, о спасеніи заблудшихъ, растворить духомъ евангельскимъ, да всѣ достигнемъ совершенія вѣры, исполненія надежды и истинной любви, во славу Пресвятыя Троицы.

Тогда лишь, послѣ всѣхъ сихъ умилостивительныхъ, предварительныхъ молитвъ, восходитъ на каѳедру Протодіаконъ, и трижды возгласивъ: «*Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? ты еси Богъ, творяй чудеса!*», приглашаетъ насъ, празднующихъ Православія день, наипаче прославить виновника всѣхъ благъ Бога, который, послѣ горькаго паденія нашихъ праотцевъ въ раю, утѣшилъ свое достояніе радостнымъ обѣтованіемъ грядущаго спасенія, чрезъ свидѣтельства пророческія, и наконецъ, возглаголавъ намъ чрезъ единороднаго Сына и, утвердивъ силою Св. Духа, послалъ Апостоловъ проповѣдать во всю вселенную Евангеліе царствія. Онъ читаетъ громогласно изложеніе сего благовѣстія, вселенскій Символъ вѣры, и заключаетъ сими словами: «сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди».

Потомъ, свидѣтельствуя предъ всею Церковью, что мы пріемлемъ Соборы святыхъ Отецъ, ихъ преданія и писанія, божественному откровенію согласныя, возвѣщаетъ: что были однако, въ различныя времена, противники сему спасительному откровенію; но Господь ограждалъ отъ нихъ свою Церковь и разгонялъ враговъ Православія; посему и мы, какъ ублажаемъ по долгу подвизавшихся за оное, такъ и противящихся, если они не покаются и не послѣдуютъ священному писанію и преданію первенствующей Церкви,—отлучаемъ. За симъ слѣ-

дуютъ двѣнадцать анаѳемъ, которыя, конечно, каждый Христіанинъ одобритъ во глубинѣ своего сердца, ибо онѣ защищаютъ основные догматы нашей вѣры.

«Отрицающимъ бытіе Божіе и утверждающимъ, что міръ сей самобытенъ и все въ немъ безъ промысла и по случаю бываетъ—анаѳема»!

Неужели кто-либо отречется произнести сію анаѳему, равно какъ и послѣдующія?

«Произносящимъ хулы на Бога и не признающимъ его правды, милосердія, премудрости и всевѣдѣнія.

Не признающимъ единосущія и равночестія Сына со Отцемъ и Св. Духомъ, во Святой Троицѣ.

Безумно глаголющимъ, что не были необходимы для нашего спасенія—пришествіе на землю Сына Божія, его страданія и воскресеніе.

Не пріемлющимъ благодати искупленія, какъ единственнаго средства къ нашему оправданію.

Дерзающимъ сомнѣваться въ присно-дѣвствѣ Св. Маріи, Матери Божіей.

Невѣрующимъ, что Духъ Святый умудрилъ Пророковъ и Апостоловъ, утвердилъ насъ чудесами въ истинномъ пути спасенія, и доселѣ обитаетъ въ сердцахъ вѣрныхъ.

Отметающимъ безсмертіе души, кончину вѣка, будущій судъ и воздаяніе.

Отметающимъ всѣ святыя таинства, содержимыя Церковію.

Отвергающимъ Соборы святыхъ Отецъ и ихъ преданія, согласныя съ божественнымъ откровеніемъ.

Помышляющимъ, что не по благоволенію Божію,

царствуютъ православные Государи и не пріемлютъ при помазаніи на царство даровъ Св. Духа, но дерзающимъ противъ нихъ на бунтъ и измѣну, и наконецъ

Ругающимся надъ святыми иконами, которыми возбуждаются вѣрные къ подражанію угодникамъ Божіимъ».

И на каждое изъ сихъ возглашеній Діакона, отвѣтствуетъ весь церковный клиръ, троекратно, потрясающею душу и своды храма анаѳемой, которой страшное величіе невыразимо!

Тогда послѣ сихъ печальныхъ звуковъ, въ утѣшеніе вѣрующимъ, воспѣвается торжественно вѣчная память поборникамъ Православія, подвизавшимся за него словомъ и писаніемъ, житіемъ и страданіемъ, и во главѣ всѣхъ, стоитъ, какъ я уже сказалъ, великій равноапостольный Константинъ, съ своими благовѣрными преемниками и нашими ревнителями вѣры, начиная отъ Св. Владиміра, Царями и Патріархами, до нашихъ временъ. Умилительна эта вѣчная память, на разстояніи столькихъ вѣковъ: ибо Церковь благодарная не забываетъ оказанныхъ ей благодѣяній, и въ лонѣ ея живы духомъ и усопшіе. Не забыты и Восточные Вселенскіе Патріархи четырехъ престоловъ, послѣ нашихъ, и весь сонмъ Митрополитовъ и Епископовъ, и убіенные на брани за вѣру и отечество; и всѣхъ, въ благочестивой вѣрѣ скончавшихся, въ числѣ коихъ каждый можетъ обрѣсти своихъ присныхъ, не оставляетъ материнскою заботою Церковь. Многолѣтіе настоящему державному Блюстителю православія, Благочестивѣйшему Государю Императору, всему Царственному Дому и освященному Собору, и всѣмъ

православнымъ Христіанамъ, слѣдуетъ за благою памятью о усопшихъ, и все это заключается опять милосердною молитвою: «дабы Святая Троица, утвердивъ ихъ въ православіи, и не повинующихся святой Церкви хульниковъ къ ней обратила, дабы и они пришли въ познаніе вѣчной истины, молитвами Богородицы и всѣхъ Святыхъ».

Какой еще милости желать можно, послѣ такого милосерднаго дѣйствія Церкви, неправедно осуждаемой невѣдущими ея чиноположенія?

При пѣніи торжественнаго гимна великаго Амвросія: «Тебе Бога хвалимъ»—сонмъ Святителей благоговѣйно прикладывался къ святымъ иконамъ, во свидѣтельство законнаго ихъ чествованія, и со всѣмъ клиромъ возвратился внутрь святилища, изъ коего исходилъ къ паствѣ, для утвержденія въ ней слова истины.—Невольно повторяли уста стихи хвалебнаго гимна, великолѣпно изобразившаго, какъ на небесахъ всѣ силы ихъ, Херувимы и Серафимы, непрестанно восхваляютъ Господа, а на землѣ ликъ Апостольскій, и Пророческое хвалебное число и все Мученическое воинство, со всею Вселенскою Церковію исповѣдуютъ Царя славы Христа. И мы вмѣстѣ съ ними воскликнемъ: «на тя Господи уповахомъ, да не постыдимся во вѣки. Аминь»!

ПИСЬМО VI.

«Постную пучину преплыти тихо сподоби мя, Христе, утишая волны мысли моея, и въ пристанище воскресенія окорми».

Такъ начинаю я письмо сіе, любезный другъ, въ которомъ хочу вкратцѣ изложить порядокъ остальныхъ церковныхъ службъ святой четыредесятницы, чтобы не обременить твоего вниманія, ибо по двумъ предшествующимъ письмамъ, ты уже можешь судить, сколь обильны красотами духовными и сіи пять послѣдующихъ недѣль поста; такъ напримѣръ: «предложивъ духовную трапезу, постъ научаетъ насъ обильно насыщаться ею: вкусимъ, какъ брашна, живительные дары Духа, и піемъ, какъ питіе, струи слезъ боготочныхъ и, возвеселившись, непрестанно принесемъ хвалу Богу».

«Какъ наречемъ васъ, о Святые?—Херувимами? ибо на васъ почіетъ Христосъ; Серафимами? ибо непрестанно его прославляете; Ангелами ли? ибо вы чуждались своего тѣла; Силами ли? ибо вы творите чудеса;—многія ваши имена и еще большія дарованія; молите о спасеніи душъ нашихъ».

Равно возвышенны, въ продолженіе сего времени, и чтенія ветхозавѣтныхъ книгъ, особенно на второй недѣлѣ, Пророка Исаіи, когда онъ созерцалъ Господа на горнемъ престолѣ, и шестокрылатыхъ Серафимовъ, окрестъ его вопіющихъ: «святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь вся земля славы его»!—Тогда, посреди дыма и гласа исполнявшихъ храмъ, одинъ изъ Серафимовъ, горящимъ углемъ съ алтаря, коснулся устъ Пророка, и очищенный дерзнулъ на зовъ Господа: «кого пошлю къ людямъ моимъ»? воскликнуть: «се азъ есмь»!

И вотъ что вдохновенныя уста сіи чудно возвѣстили о Христѣ: «яко отроча родился намъ, Сынъ, и дадеся намъ, его же начальство бысть на рамѣ его, и нарицается имя его: великаго совѣта Ангелъ,

чуденъ совѣтникъ, Богъ крѣпкій, властелинъ, князь міра, отецъ будущаго вѣка».

За симъ премудрый Соломонъ, пророчески изображаетъ тайную вечерю, подъ видомъ притчи, на третьей недѣлѣ: «Премудрость создала себѣ домъ и утвердила столповъ седмь, заклала свои жертвы и растворила въ чашѣ своей вино и уготовила свою трапезу; послала рабовъ своихъ съ высокимъ проповѣданіемъ: кто безуменъ да уклонится ко мнѣ, и требующимъ ума говоритъ: пріидите и пейте вино, которое я растворила вамъ, оставьте безуміе и будьте живы, дабы во вѣкъ воцариться, и взыщите разума, да будете живы, и управьте себя на путь вѣдѣнія».

Какъ первое воскресеніе поста посвящено памяти, о торжествѣ Церкви противъ иконоборцевъ, такъ и второе воспоминаетъ подвиги св. Григорія, Архіепископа Ѳессалонійскаго, на частномъ Соборѣ въ Царьградѣ, противъ ереси Варлаама и Акиндина, которые не признавали божественности свѣта преображенія Христова. Третіе же воскресеніе посвящено поклоненію честнаго креста Господня, и вся слѣдующая недѣля называется *крестопоклонною*. Синаксарій сего воскресенія, весьма краснорѣчиво и трогательно, описываетъ картину торжества.

«Когда проходящіе долгій и жестокій путь, утомленные трудомъ, обрѣтутъ гдѣ либо, обильными листьями одѣтое тѣнистое древо, они, присѣвъ немного, отдыхаютъ и, какъ будто опять сдѣлавшись юными, совершаютъ остальной путь: такъ и нынѣ, въ постное время, посреди прискорбнаго пути и подвига, насажденъ святыми Отцами живоносный

крестъ, подающій прохлажденіе и покой, и утружденныхъ творящій легкими и мужественными къ довершенію труда. И какъ бываетъ при Царевомъ пришествіи, что ему предносятъ знамена и скипетръ, потомъ же и самъ онъ приходитъ, радуясь и веселясь о побѣдѣ, и вмѣстѣ съ нимъ веселятся всѣ ему послушные: такъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, неуклонно хотящій показать побѣду надъ смертію и со славою явиться въ день воскресенія, предпослалъ скипетръ свой, царское знаменіе, животворящій крестъ, исполняющій насъ радости и прохлады, дабы мы были сколь возможно готовыми воспріять самого Царя и восхвалить свѣтлаго побѣдителя; предпослалъ же посреди седмицъ святой четыредесятницы, ибо она подобно горькому источнику, по причинѣ сокрушенія и бывающей намъ отъ поста горести и печали. Какъ нѣкогда божественный Моисей вложилъ древо въ средину горькаго источника и усладилъ его, такъ нынѣ Богъ, проведшій насъ сквозь мысленное Чермное море отъ Фараона, животворящимъ древомъ честнаго креста, услаждаетъ горесть поста четыредесятницы и утѣшаетъ насъ, пребывающихъ въ пустынѣ, доколѣ не возведетъ, своимъ воскресеніемъ, къ мысленному Іерусалиму. И поелику крестъ называется и есть древо жизни, и сіе древо было насаждено посреди рая Эдемскаго, то божественные Отцы прилично насадили, посреди святой четыредесятницы, крестное древо, напоминая вмѣстѣ и невоздержаніе Адамово и исцѣленіе онаго настоящимъ древомъ, ибо вкушая отъ него не умираемъ, но еще болѣе оживляемся».

Таково знаменованіе церковнаго обряда, совершаемаго на утрени сей недѣли, послѣ великаго сла-

вословія. При умилительномъ пѣніи: *«святый Боже»*, Священникъ, предшествуемый Діакономъ съ кадиломъ, выноситъ изъ алтаря, на главѣ своей, крестъ, украшенный цвѣтами, которые напоминаютъ намъ, что терновый вѣнецъ Распятаго процвѣлъ для насъ розами и лиліями полей. Онъ возлагаетъ его на уготованный аналой, посреди церкви, и простирается предъ нимъ трижды, со всѣмъ народомъ, при трогательномъ восклицаніи: «кресту твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресеніе твое славимъ».

Тогда поются, на оба хора, стихиры крестныя, и величается спасительное древо, и призываются всѣ отечествія языковъ, къ его радостному поклоненію:

«Пріидите вѣрніи, животворящему древу поклонимся, на немъ же Христосъ, Царь славы, волею руки распростеръ, вознесе насъ на первое блаженство, ихъ же прежде сластію украдъ врагъ, изгнаны отъ Бога сотвори. Пріидите вѣрніи, древу поклонимся, имъ же сподобихомся невидимыхъ врагъ сокрушити главы; пріидите вся отечествія языкъ, крестъ Господень пѣснями почтимъ: радуйся кресте, падшаго Адама совершенное избавленіе; о тебѣ вѣрнѣйшіи Цари наши хвалятся, яко твоею силою Измаильтескія люди державно покоряюще: тя нынѣ со страхомъ Христіане цѣлующе, на тебѣ пригвоздившагося Бога славимъ, глаголюще: Господи, на томъ пригвоздивыйся, помилуй насъ, яко благъ и человѣколюбецъ».

«Днесь Владыка твари и Господь славы на крестѣ пригвождается и въ ребра прободается, желчи и оцта вкушаетъ сладость церковная; вѣнцомъ отъ тернія облагается, покрываяй небо облаки, одеждою

облачится поруганія и заушается бренною рукою, рукою создавый человѣка; по плещема біенъ бываетъ одѣваяй небо облаки; заплеваніе и раны пріемлетъ, поношенія и заушенія, и вся терпитъ мене ради осужденнаго, избавитель мой и Богъ, да спасетъ міръ отъ прелести, яко благоутробенъ».

«Днесь пророческое исполняется слово: се бо поклоняемся на мѣсто, идѣже стоясте нозѣ твои Господи, и древо спасенія вкусивше, грѣховныхъ страстей свободу улучихомъ, молитвами Богородицы, едине человѣколюбче».

Въ два послѣдующія воскресенія великаго поста предлагаются, въ назиданіе вѣрнымъ, духовные подвиги двухъ великихъ пустынножителей: въ четвертое—святаго Іоанна Лѣствичника, который проведя девяностолѣтнюю жизнь въ созерцаніи на горѣ Синайской, оставилъ намъ свое высокое твореніе, подъ названіемъ *Лѣствицы*. Лѣствица сія, тридцатью ступенями, по числу лѣтъ земнаго возраста Христова до времени его явленія міру, изображаетъ постепенно духовное усовершенствованіе Христіанина, и есть зерцало житія иноческаго, запечатлѣнное собственнымъ примѣромъ Іоанна.

Дивная жена св. Марія Египетская, изъ бездны порока внезапно переступившая въ состояніе раскаянія, въ храмѣ Іерусалимскомъ, и потомъ достигшая совершенства духовнаго, въ пустынѣ Іорданской, и даже силы чудодѣйственной, является намъ въ пятое воскресеніе, какъ разительный примѣръ благодати Божіей надъ кающимся грѣшникомъ, приглашая и насъ къ разрѣшенію отъ страстей. Большая часть сей пятой недѣли поста убѣдительно насъ къ тому призываетъ; повторяется также чтеніе великаго кано-

на Андрея Критскаго, ибо уже близки великіе дни страданій Господнихъ.

Въ субботу, Церковь торжественно прибѣгаетъ къ покрову Божіей Матери, обращая почти всю утреню въ одинъ умилительный акаѳистъ Пресвятой Дѣвѣ, взбранной воеводѣ вѣрныхъ, съ частыми изъ глубины сердца восклицаніями: «радуйся невѣсто неневѣстная»! Нѣкогда, при Царѣ Ираклiѣ и Патріархѣ Сергiѣ, ея заступленіемъ, спасена была столица Греческая, отъ губительной осады Сарацинъ и Скиѳовъ, въ сіи самые дни поста, и тогда, собравшіеся во Влахернскомъ храмѣ клиръ и народъ, совершили, въ честь ея благодарственное пѣснопѣніе, не садясь для отдыха въ теченіи цѣлой ночи; отъ сего и произошло названіе *несѣдальнаго*, по Гречески *акаѳистъ*.

Поелику въ семъ пѣснопѣніи, между хвалебными восклицаніями въ честь Пресвятой Дѣвы, возвышенно изображено таинство воплощенія Сына Божія: то Церковь узаконила, для памяти и назиданія грядущихъ родовъ, въ опредѣленный день, совершать сіе служеніе называемое *похвалою* Богородицы, а свободному усердію сыновъ своихъ поручила частое возобновленіе акаѳиста, въ особенныхъ церковныхъ и домашнихъ молитвахъ.

«Радуйся, поютъ ей вѣрные, цвѣтъ неувядаемый, древо принесшее яблоко благовонное, сладкоуханная лилія, пріятное кадило молитвы, одушевленный рай, облакъ всесвѣтлый, свѣтило незаходимаго свѣта, звѣзда являющая солнце, колесница сущаго на Херувимахъ, корабль хотящихъ спастися, отишіе въ пучинѣ скорбей, пристанище житейскихъ плаваній, столпъ огненный, вводящій человѣчество въ вышнюю жизнь».

Шестая недѣля великаго поста есть, какъ бы нѣкое отдохновеніе на трудномъ его поприщѣ, ибо два послѣднія дня ея: *суббота Лазаря и вербное воскресеніе* празднуются, и всѣ каноны и стихиры прочихъ дней приготовляютъ мысленно къ радостному срѣтенію Христову, съ ваіями добродѣтелей, отваливъ камень ожесточенія отъ сердца.

«Марѳѣ и Маріи подражая, вѣрные, пошлемъ ко Господу божественныя дѣянія, какъ молитвы, дабы онъ, пришедъ, воскресилъ нашъ умъ, мертвъ лежащій, во гробѣ лѣности безчувственно, и отнюдь не ощущающій божественнаго страха, и не имѣющій въ себѣ жизненныхъ силъ; воззовемъ ко Господу: Господи щедрый, ты, страшнымъ твоимъ предстаніемъ, оживилъ древле друга твоего Лазаря,—такъ и всѣхъ насъ оживи, имѣющій велію милость».

На сей недѣлѣ кончается чтеніе книги Бытія, трогательною повѣстію о Іосифѣ, который какъ образъ Христа, проданъ былъ братіями и узнанъ ими въ Египтѣ, и повѣстію погребенія Іакова въ землѣ обѣтованной. Въ тоже время Исаія, яркими пророчествами, указуетъ на самаго Христа, восклицая:

«Такъ глаголетъ Господь: се я далъ тебя въ завѣтъ рода, во свѣтъ языкамъ, дабы ты былъ имъ во спасеніе, даже до послѣднихъ земли. Такъ глаголетъ Господь, избавившій тебя Богъ Израилевъ: освятите уничижающаго душу свою, которымъ гнушаются рабы князей языческихъ; Цари узрятъ его и возстанутъ князья и поклонятся ему Господа ради, ибо вѣренъ Святый Израилевъ, и я избралъ тебя».

Пророчества Софоніи и Захаріи, читаемыя на вечерни ваій, столь же ясно предвозвѣщаютъ пришествіе Господа, въ обрадованный Сіонъ, и даже са-

мыя обстоятельства его вербнаго торжества: «радуйся, дщерь Сіона, проповѣдуй дщерь Іерусалимская, се Царь твой грядетъ къ тебѣ, праведенъ и спасая; онъ кротокъ и возсѣлъ на подъяремника и жребца юнаго».

Воздвигается и умирающій Патріархъ Іаковъ, на смертномъ одрѣ своемъ, чтобы возвѣстить будущее двѣнадцати сынамъ своимъ и Христа грядущаго отъ Іуды: «призвалъ Іаковъ сыновъ своихъ и рекъ имъ: соберитеся, да возвѣщу вамъ, что срѣтитъ васъ въ послѣдніе дни, соберитеся и послушайте меня, сыновья Іаковли, послушайте отца вашего. Іуда, тебя похвалятъ братія твои; руки твои на раменахъ враговъ твоихъ, поклонятся тебѣ сыновья отца твоего; скименъ (дѣтище) львовъ Іуда, отъ лѣторасли возшелъ ты, сынъ мой, возлегъ и уснулъ какъ левъ и скименъ,—кто возбудитъ его? Не оскудѣетъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, доколѣ не пріидетъ предуставленный ему Умиротворитель, и Сей есть чаяніе языковъ».

Столь высокими пророчествами встрѣчаетъ Церковь вербное торжество, въ день воскресенія Лазарева, которое узаконила праздновать наканунѣ, потому что оно близко предшествовало страданіямъ Христовымъ и служитъ утѣшительнымъ увѣреніемъ общаго всѣхъ возстанія;—такъ поется: «общее воскресеніе, прежде твоея страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвигъ еси Лазаря, Христе Боже; тѣмъ же и мы, яко отроцы, побѣды знаменіе носяще, тебѣ побѣдителю смерти вопіемъ: осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне».

На память сего радостнаго пришествія Господа и мы, пріемля въ руки освященныя вербы, исхо-

димъ какъ бы на срѣтеніе кроткому Царю, грядущему на вольную страсть, взывая: «днесь благодать Святаго Духа насъ собра и вси, вземши крестъ твой, глаголемъ: осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне»!

А святая Церковь, какъ благая мать, руководя насъ къ сему духовному торжеству, глубокими созерцаніями поясняетъ намъ, что̀ значатъ сіи вѣтви, и какъ должно встрѣтить съ ними Христа: «восплещемъ согласно вѣрные, принося Христу, подобно отрокамъ, вѣтви добродѣтелей; распростремъ и мы, на пути его, одежды боголюбезныхъ дѣлъ и таинственно его пріимемъ».

ПИСЬМО VII.

Приступая къ описанію богослуженія страстной седмицы, я невольно останавливаюсь, пораженный величіемъ предмета, котораго, быть можетъ, неосторожно коснулся: ибо сію великую седмицу наипаче украсила Церковь, возвышенными пѣснями и знаменательными обрядами, и премудрымъ расположеніемъ Пророческихъ и Евангельскихъ чтеній, такъ чтобы даже и разсѣянный Христіанинъ, созерцаніемъ одной сей недѣли, былъ приготовленъ къ срѣтенію Пасхи, и чтобы день Господень, по словамъ Писанія, не пришелъ къ нему нежданно «яко тать нощію».

Каждый день страстной седмицы, есть какъ бы шагъ въ вѣчность, ибо, ея днями, постепенно обозначены послѣдніе дни земной жизни Христовой и

съ ними идутъ они ровною стопою:—какой страшный отголосокъ событій! Сколь же внимательны должны мы быть къ симъ искупительнымъ днямъ, ибо и мы призваны идти, въ путь земной и небесный, вслѣдъ за Христомъ!

«Грядый Господь къ вольной страсти, Апостоламъ глаголалъ на пути: се восходимъ во Іерусалимъ и предается Сынъ человѣческій, какъ о немъ писано есть. Пріидите и мы, очищенными мыслями, сопутствуемъ ему и сораспнемся, и будемъ ради его мертвы житейскимъ страстямъ, да съ нимъ и оживемъ, и услышимъ его вопіющаго: я уже болѣе не восхожу въ земной Іерусалимъ для страданій, но къ Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему, и возвышу васъ съ собою въ горній Іерусалимъ, въ царство небесное».

«Господи, ты рекъ своимъ ученикамъ: взирая на меня, не мудрствуйте высокое, но руководитесь смиреніемъ; пійте чашу мою, которую я пію, да и вы прославитесь со мною въ царствіи Отца».

«Богатый Божествомъ пришелъ я, самъ Создатель, послужить обнищавшему Адаму, коего образъ волею на себя принялъ и, безстрастный по Божеству, восхотѣлъ я положить за него душу».

Сими возвышенными увѣщаніями, какъ бы отъ лица самого Спасителя, срѣтаетъ насъ великая седмица его страданій, на первой утрени, руководя подобными назиданіями и въ послѣдующіе дни. Органами же столь высокихъ созерцаній служатъ два духовные пѣвца, оба пустынники, оба святители, но одинъ оставившій паству для уединенія, другой же изъ безмолвія восшедшій на каѳедру: Косма Маіумскій и Андрей Критскій вторятъ другъ

другу, утренними и вечерними *трипѣснцами*, какъ бы нѣкими антифонами, пересылаемыми отъ утра къ вечеру и отъ вечера къ утру; оба они, подобно двумъ свѣтиламъ, озаряютъ священные дни сіи.

На каждой утрени возбуждаемся мы, отъ сна грѣховнаго къ духовнымъ подвигамъ, рукою благодѣтельной Церкви, которая заблаговременно толчетъ въ затворенныя двери нашего сердца, чтобы грядущій Господь не засталъ насъ спящими непробудно.

«Се женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща; недостоинъ же паки, его же обрящетъ унывающа: блюди убо, душе моя, не сномъ отяготися, да не смерти предана будеши и царствія внѣ затворишися; но воспряни зовущи: святъ, святъ, святъ еси Боже, Богородицею помилуй насъ».

Мы же, пробужденные симъ спасительнымъ зовомъ и чувствуя свое недостоинство, плачемъ, какъ Адамъ предъ дверями рая, какъ невѣста, оставленная предъ брачнымъ чертогомъ: «чертогъ вижу, Спасе, твой украшенный, и одежды не имамъ да вниду въ онь; просвѣти и одѣяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя».

Сообразно съ величіемъ дней возвышается и богослуженіе: къ часамъ и вечернѣ, которые, во все теченіе поста, совершались въ понедѣльники и вторники, присоединяется преждеосвященная обѣдня, подобно какъ бываетъ въ среду. Измѣняется и самое чтеніе книгъ ветхаго завѣта, хотя соблюденъ тотъ же порядокъ.

Вмѣсто Исаіи, является на шестомъ часѣ Пророкъ *Іезекіиль*, исполненный страшныхъ, таинствен-

ныхъ видѣній, которыя видѣлъ онъ, на водахъ Ховарскихъ, во дни плѣненія Вавилонскаго. Онъ видитъ, на огненныхъ колесахъ, движимыхъ Духомъ, дивные образы животныхъ, шестокрылатыхъ, многоочитыхъ, съ четырмя ликами: орла, тельца, льва и человѣка, которые даны Церковію символами Евангелистамъ; онъ видитъ ихъ, стоящихъ лицемъ на всѣ страны, и всюду стройно идущихъ и возносящихся надъ землею, а надъ ними сіяніе славы Господней, въ подобіи человѣческомъ; видитъ и таинственную книгу, которую даетъ ему вкушать Ангелъ, и находитъ ее сладкою.

Такъ и за вечернею, чтеніе Бытія кончилось: древній Іаковъ погребенъ уже въ землѣ обѣтованной; открывается вторая книга Моисеова, *Исходъ* изъ Египта, подъ именемъ коего писаніе всегда знаменуетъ царство грѣха, строго воспрещая къ нему обращаться сынамъ Израиля. Рожденіе Моисея и его чудное спасеніе въ колыбели, на водахъ Нила, и воспитаніе при дворѣ Фараона, и бѣгство въ пустыню Мадіамскую, гдѣ его ожидали откровенія Божіи; все сіе предлагается намъ въ первые три дня.

Краснорѣчиво говоритъ также нашему сердцу многострадальный *Іовъ*, въ замѣнъ Соломоновыхъ притчей. Мы постепенно видимъ три разительные эпохи его жизни: сперва является онъ во всемъ блескѣ земнаго благополучія, богатый имуществомъ, богатый дѣтьми, за коихъ ежедневно молитъ, дабы не погрѣшили предъ Господомъ, хвалимый Ангелами и возбудившій зависть діавола, который проситъ о испытаніи праведника бѣдствіями. И вотъ, въ промежуткѣ чтеній, для насъ протекъ одинъ только день, а для Іова день сей какъ бы цѣлая вѣчность,—

такъ внезапно исчезло его благоденствіе: хищники расхитили стада, пустынный вѣтеръ обрушилъ на дѣтей храмину; но Іовъ не ропщетъ: «Господь даде, Господь отъя»! восклицаетъ онъ, раздирая свои одежды. Въ третій день онъ уже сидитъ предъ нами, на гноищѣ, покрытый язвами, терзаемый упреками жены и друзей, и посреди всѣхъ сихъ искушеній, Іовъ смиренъ сердцемъ «и не даде безумія Богу».

Воспоминаніе сего невиннаго страдальца, во всѣ дни недѣли, и въ первый день память *Іосифа*, проданнаго братьями, ввереннаго въ темницу между двухъ преступниковъ, изъ коихъ одинъ спасается, другой гибнетъ, и наконецъ вознесеннаго надъ всѣмъ Египтомъ, который онъ чудно питаетъ хлѣбомъ,— воспоминаніе сіе возводитъ насъ, древними образами Христа, къ самымъ страданіямъ Христовымъ.

Но свыше всѣхъ книгъ ветхаго завѣта питаетъ душу, въ великіе дни сіи, чтеніе Евангельское; каждый день на утрени и на обѣдни, внимаемъ мы современнымъ дѣяніямъ Христовымъ: въ понедѣльникъ о изсушеніи имъ смоковницы, за ея неплодіе, и пророчество его о кончинѣ міра, а потому Церковь предостерегая насъ, поетъ: «братіе, убоявшись проклятія смоковницы, изсохшей за ея неплодіе, принесемъ плоды достойные покаянія, Христу подающему намъ великую милость».

Во вторникъ изъ Евангельскихъ притчей, о пяти мудрыхъ и пяти безумныхъ дѣвахъ, не возжегшихъ свѣтильники на срѣтеніе жениху, и талантахъ, дарованныхъ отходящимъ владыкою рабамъ своимъ, извлекаются также назидательныя стихиры.

«Пріидите, вѣрные, поработаемъ усердно Владыкѣ, ибо онъ раздаетъ рабамъ своимъ богатства; каждый да умножитъ въ себѣ талантъ благодати: одинъ пусть принесетъ мудрость, какъ плодъ благихъ дѣлъ, другой да совершаетъ служеніе просвѣщенія; вѣрный пусть сообщается словомъ тому, кто не вѣдаетъ таинствъ, и богатый да расточаетъ убогимъ: такъ усугубимъ мы данное намъ въ займы и, какъ вѣрные строители благодати, сподобимся радости Владычней».

Въ среду, на утрени, постепенное чтеніе Евангелиста *Матѳея* прерывается Евангеліемъ *Іоанна*, въ коемъ Спаситель, предъ самымъ страданіемъ прославляется свыше, небеснымъ гласомъ, и возвѣщаетъ вольную смерть свою; а на литургіи опять повѣствуетъ Апостолъ Матѳей, о блаженной женѣ, пролившей мѵро на главу и ноги Іисусовы, и тѣмъ помазавшей его на смерть; посему поется:

«Тебя сына Дѣвы, Богомъ познала блудница и съ плачемъ къ тебѣ взывала, ибо сотворила дѣла достойныя слезъ: разрѣши долгъ мой, какъ я разрѣшила власы; возлюби любящую, праведно ненавидимую, и я, вмѣстѣ съ мытарями, проповѣдаю о тебѣ, благодѣтелѣ человѣковъ».

Но Церковь не довольствуется краткими Евангельскими чтеніями, для столь великихъ дней; нѣтъ, она желаетъ, одною седмицею, замѣнить шесть предъидущихъ, въ теченіи коихъ лишены были вѣрные утѣшительнаго благовѣстія, и потому, въ первые три дня, на часахъ, прочитываются всѣ четыре Евангелія: Матѳея и Марка въ понедѣльникъ, Луки и Іоанна во вторникъ и среду. Такимъ образомъ, не одни страданія Христовы, но вся жизнь, весь новый

завѣтъ его, повторяются памяти предъ искупительною Пасхою, подобно какъ и въ ветхомъ завѣтѣ, Моисей повторилъ Израильтянамъ всѣ заповѣди Божіи, *Второзаконіемъ*, предъ тѣмъ какъ другой *Іисусъ*, Навинъ, долженствовалъ ввести ихъ, чрезъ Іорданъ, въ землю обѣтованную.

Таковы *три первые дня* страстной недѣли, сходные между собою богослуженіемъ; но три послѣдующіе носятъ на себѣ разительный отпечатокъ молитвъ и обрядовъ, исключительно присвоенныхъ каждому изъ нихъ, сообразно съ важностію воспоминаній.

Измѣненіе сіе начинается уже съ самой утрени *великаго четверткa*, во время коей оставляется обычное чтеніе псалтиря и, послѣ Евангелія отъ Луки о *вечери тайной*, канонъ св. Космы, ее воспѣвающій, замѣняетъ великопостный трипѣснецъ; а на первомъ часѣ предлагается пророчество *Іеремiино* о страданіяхъ Господнихъ: «Я же, какъ агнецъ незлобивый, ведомый на заколеніе, не примѣчалъ, что на меня умыслили помыслъ лукавый глаголющіе: пріидите и вложимъ древо въ хлѣбъ его, и истребимъ его отъ земли живыхъ, и да не помянется болѣе имя его».

О томъ же пророчествуетъ *Исаія*, на вечерни, которая въ сей день совершается вмѣстѣ съ литургіею великаго Василія, ибо вечернее время соотвѣтствуетъ самому часу *вечери тайной*: «Господь даетъ мнѣ языкъ наученія чтобы разумѣть, когда подобаетъ изрекать слово. Рамена я далъ на раны, и ланиты мои на заушенія, лица же не отвратилъ отъ стыда заплеваній, и Господь, Господь помощникъ мнѣ былъ; сего ради не устыдился, но положилъ лице свое, какъ твердый камень, и разумѣлъ, что не буду постыженъ, ибо приближается оправдающій меня».

И стихиры великаго четвертка выражаютъ, съ одной стороны козни Іудейскія и вѣроломство Іуды, съ другой терпѣніе Агнца Божія: «Уже стекается соборище Іудейское, да предастъ Содѣтеля и Зиждителя всѣхъ Пилату. О беззаконные! о невѣрные! они готовятъ на судъ грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ; исцѣляющаго страсти страстямъ обрекаютъ! Господи, долготерпѣливый, велія твоя милость, слава тебѣ».

«Агнецъ, котораго проповѣдалъ Исаія, грядетъ на вольное заколеніе и плечи даетъ на раны, ланиты на заушенія, лица же не отвратилъ отъ стыда заплеваній, и на смерть неблаговидную осуждается: безгрѣшный, все пріемлетъ волею, да всѣмъ даруетъ изъ мертвыхъ воскресеніе».

Въ сей день, воспоминающій кроткое преподаніе новаго завѣта, за мирною вечерею, запечатлѣнное кровію Богочеловѣка, противуполагается картина ветхаго завѣта, даннаго Моисею посреди бурь и громовъ Синайскихъ, и книга *Исхода*, огненными чертами, живописуетъ дивное событіе: «Въ третій день, при наступленіи утра, раздались гласы и были молніи и облакъ мрачный на горѣ Синайской; сильно раздавался гласъ трубный и убоялись всѣ люди въ станѣ Израильскомъ. Моисей извелъ народъ, въ срѣтеніе Богу изъ стана, и поставилъ подъ горою: гора же дымилась, ради схожденія Божія на нее въ огнѣ, и восходилъ дымъ, какъ дымъ пещный, и ужаснулись всѣ люди; сильно и громко истекали трубные гласы: Моисей глаголалъ, Богъ же отвѣтствовалъ ему гласомъ.

Вслѣдъ за сею предлагается другая, таинственная бесѣда Бога съ человѣкомъ, опять сквозь бурю

и облакъ. Господь говоритъ Іову, когда уже начиналъ онъ, отъ продолженія бѣдствій, колебаться сомнѣніемъ о правдѣ Божіей, и вопрошаетъ его: испыталъ ли онъ премудрость Божію въ дѣлахъ творенія? гдѣ былъ человѣкъ, когда Господь основалъ землю и всѣ Ангелы его восхвалили?—Слѣдуетъ великолѣпный рядъ картинъ мірозданія: какъ заградилъ Господъ врата изливающагося моря, и далъ ему въ одѣяніе облака, и повилъ его мглою и, положивъ ему предѣлы, рекъ: «доселѣ дойдеши и не прейдеши и въ тебѣ сокрушатся волны твои». Каждый изъ вопросовъ разителенъ, своимъ необъятнымъ величіемъ, бренному человѣчеству, и изнемогающій подъ симъ бременемъ Іовъ наконецъ восклицаетъ то, что долженъ воскликнуть, изъ глубины сердца, а не суетнаго ума, всякій дерзкій испытатель судебъ Божіихъ: «вѣмъ Господи, яко вся можеши, невозможно же тебѣ ничтоже»! И тогда, послѣ сознанія своего ничтожества, вмѣстѣ со смиреннымъ Іовомъ, и онъ возможетъ сказать Господу: «прежде я только слышалъ о тебѣ слухомъ уха, нынѣ же око мое видитъ тебя».

О семъ утѣшительномъ видѣніи Бога, который сдѣлался намъ доступнымъ въ образѣ человѣческомъ и, сообщеніемъ собственнаго тѣла и крови, далъ намъ новый завѣтъ, для *обновленія* нашего, трогательно повѣствуетъ въ своемъ посланіи, на литургіи, Апостолъ Павелъ; а Евангелистъ Матѳей, отъ вечери тайной проводитъ насъ къ началу страданій Господнихъ, къ болѣзненной молитвѣ во мракѣ Елеона, и горькому преданію и отреченію Петра. На столь страшномъ мѣстѣ останавливается Евангеліе и обличеніе Іуды, вмѣстѣ съ сокрушенною молитвою

разбойника, на сей литургіи, замѣняетъ даже Херувимскую торжественную пѣснь: «Вечери твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя пріими, не бо врагомъ твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія ти дамъ яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдаю тя: помяни мя Господи во царствіи твоемъ».

И обычная похвальная пѣснь Богоматери уступаетъ *ирмосу* утренняго канона, чтобы напоминовеніемъ вечери Христовой болѣе приготовить сердце къ ея пріятію: «пріидите вѣрные, на горнемъ мѣстѣ, насладимся Владычнимъ угощеніемъ и безсмертною трапезою, возвышенными умами, изъ слова, научаясь познанію восшедшаго паки ко Отцу Богу Слова, котораго величаемъ».

Когда Архіерей совершаетъ торжественное служеніе великаго четвертка, то, какъ носящій на себѣ образъ Христовъ, дополняетъ онъ изображеніе тайной его вечери, повтореніемъ, послѣ литургіи, смиреннаго *умовенія* ногъ ученикамъ. Посреди церкви, на возвышенномъ амвонѣ, разоблачается Святитель, въ кругу двѣнадцати сидящихъ Пресвитеровъ и, слѣдуя словамъ Евангелія отъ Іоанна, громогласно читаемаго Діакономъ съ каѳедры, беретъ лентіонъ, возливаетъ воду въ умывальницу и омываетъ имъ ноги. Для совершеннаго подобія, чтеніе Евангелія переходитъ, изъ устъ Діакона въ уста Архіерея и старшаго изъ сослужащихъ; симъ послѣднимъ повторяются слова Апостола Петра, претящаго омыть себѣ ноги, самимъ же Архіереемъ отвѣтъ Христовъ; наконецъ, вновь облачившись, садится онъ посреди Пресвитеровъ и, доканчивая чтеніе Евангелія, говоритъ имъ отъ лица Господня: «вы глашаете мя Учителя и Господа, и добрѣ глаголете, есмь бо; аще убо

азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и Учитель, и вы должни есте другъ другу умывати нозѣ, образъ бо дахъ вамъ, да яко же азъ сотворихъ вамъ и вы творите. Аминь, аминь, глаголю вамъ, нѣсть рабъ болій Господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его; аще сія вѣсте, блажени есте, аще творите я».

ПИСЬМО VIII.

Наступилъ великій пятокъ, со всѣми воспоминаніями страстей Господнихъ; онъ стоитъ, между знаменательными днями сей недѣли, какъ нѣкій возвышенный крестъ, пріосѣняющій субботній гробъ Христовъ: до такой степени исполненъ онъ весь скорбію и славою креста! каждый часъ его есть мѣра искупительныхъ страданій Богочеловѣка; ихъ отголосокъ отзывается въ каждомъ глаголѣ его духовныхъ пѣсней, пророчествъ и Евангелій.

Одна его утреня есть уже повѣсть всѣхъ страданій Христовыхъ, исторически расположенныхъ въ *двѣнадцати* Евангеліяхъ: всѣ событія пятка являются въ хронологическомъ порядкѣ, отрывками избранными изъ всѣхъ Евангелистовъ, начиная отъ трогательной бесѣды Господа, прощающагося съ учениками послѣ вечери тайной, и послѣдней его молитвы предъ разлукою, въ такой цѣлости сохраненныхъ любящимъ сердцемъ Іоанна: «нынѣ прославися Сынъ человѣческій и Богъ прославися о немъ», и до послѣдней злобы Фарисеевъ уже надъ умершимъ, которые, по словамъ Матѳея: «шедше утвердиша гробъ, знаменавше камень съ кустодіею».

Тоже самое чтеніе, о страданіяхъ, предлагается опять на *царскихъ часахъ*, особенно для сего дня составленныхъ изъ псалмовъ, относящихся къ страданіямъ Христовымъ, но только въ другомъ порядкѣ: тамъ соблюдалась въ повѣствованіи постепенность событій, здѣсь же напротивъ выступаютъ, въ видѣ свидѣтелей, четыре Евангелиста, одинъ за другимъ, повторяя то же великое событіе, но разнствуя только въ изреченіяхъ. Это самое даетъ имъ признакъ достовѣрныхъ свидѣтелей, которые согласны въ существѣ дѣла, потому что вѣрно повѣствуютъ то, что вѣрно знаютъ; разнятся же иногда въ словахъ, ибо говорятъ что знаютъ, а не то, въ чемъ взаимно условились. Наконецъ, на *вечерни*, которая, молитвами и обрядами, живописуетъ самое *распятіе и погребеніе* Господне, исторія дня сего, прежде представленная въ раздѣленныхъ чтеніяхъ, сливается въ одно чтеніе, составленное изъ трехъ Евангелистовъ, и происшествія протекаютъ, однимъ непрерывнымъ потокомъ, предъ нашими очами.

Таково премудрое расположеніе Евангельскихъ чтеній; не уступаетъ оному выборъ, изъ посланій Апостольскихъ и книгъ ветхозавѣтныхъ, и самыхъ антифоновъ и стихиръ, на утрени, часахъ и вечерни; торжество же литургіи не совершается въ день сей, какъ ради сокрушенія и плача Церкви, такъ и по той глубокой мысли, что жертва Голгоѳская, принесенная Спасителемъ въ великій пятокъ, есть единственная и заключаетъ въ себѣ всѣ жертвы всѣхъ алтарей.

Между первыми шестью Евангеліями утрени, пятнадцать возвышенныхъ антифоновъ, частію извлеченныхъ изъ псалмовъ и пророчествъ, частію

изъ сердечныхъ сокровищъ пѣвцевъ духовныхъ, потрясаютъ душу умилительными стихами.

«Представимъ чистыми наши чувства Христу и, какъ друзья его, пожертвуемъ для него нашими душами, и не станемъ угнетать себя попеченіями житейскими, вмѣстѣ съ Іудою, но во внутреннихъ храминахъ нашихъ возопіемъ: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, отъ лукаваго насъ избави».

Антифонъ сей вполнѣ соотвѣтствуетъ своему наименованію, ибо онъ противуполагаетъ миръ Христіанскій злобѣ Іудейской, выраженной въ первомъ стихѣ его, словами пророческаго псалма: «Князи людстіи собрашася на Господа и на Христа его».

Другіе антифоны заключаютъ въ себѣ также прорицанія ветхозавѣтныя о Христѣ: «поставиша тридесять сребренниковъ, цѣну цѣненнаго, его же оцѣниша отъ сыновъ Израилевыхъ».

«Даша въ снѣдь мою желчь и въ жажду мою напоиша мя оцта».

«Раздѣлиша ризы моя себѣ и о одеждѣ моей меташа жребій».

Посреди столь разительныхъ, своею ясностію пророчествъ, пріявшихъ исполненіе въ сей великій пятокъ, еще иные антифоны выражаютъ дивную противуположность Божества и страждущаго человѣчества, въ одномъ лицѣ Христовомъ.

«Днесь виситъ на древѣ повѣсившій на водахъ землю, вѣнцомъ изъ тернія вѣнчается Ангеловъ Царь, облекается въ ложную багряницу одѣвающій облаками небо, заушеніе пріемлетъ освободившій въ Іорданѣ Адама....! покланяемся страстямъ твоимъ, Христе, покажи намъ и славное свое воскресеніе».

И вотъ что, въ тѣхъ же пѣсняхъ, взываетъ, со креста, Распятый къ распинателямъ: «людіе мои, что̀ сотворилъ я вамъ, или чемъ васъ огорчилъ?— слѣпцевъ вашихъ я просвѣтилъ, прокаженныхъ очистилъ, разслабленнаго съ одра возставилъ.—Людіе мои, что сотворилъ я вамъ и что вы мнѣ воздали?—за манну желчь, за воду оцетъ, вмѣсто любви ко кресту меня пригвоздили; но я уже не терплю болѣе: призову моихъ язычниковъ, и тѣ меня прославятъ, со Отцемъ и Духомъ, и я имъ дарую жизнь вѣчную».

Ликъ Апостольскій вопіетъ также къ законоположникамъ Израилевымъ: «се храмъ, который вы распяли и предали гробу, но властію своею онъ воскресъ. Не обманывайтесь Іудеи; онъ есть спасшій васъ посреди Чермнаго моря и питавшій въ пустынѣ; онъ есть жизнь и свѣтъ и миръ міра».

Въ противоположность такому ихъ невѣрію: «малый гласъ испустилъ на крестѣ разбойникъ и великую обрѣлъ вѣру, въ одно мгновеніе спасся и первый взошелъ въ отверзшіяся врата рая. Господи, пріемшій его покаяніе, слава тебѣ».

Сколь же трогательные тропари предшествуютъ, и на царскихъ часахъ, чтенію четырехъ пророчествъ *Софоніи*, *Іереміи* и *Исаіи*. Послѣ нихъ, предъ каждымъ изъ Евангелистовъ, Апостолъ Павелъ, носящій на себѣ язвы Господа Іисуса, возвѣщаетъ о славѣ креста, имъ однимъ похваляясь, и объясняетъ намъ всю любовь Бога, давшаго пострадать за насъ Христу, который поставленъ Первосвященникомъ для очищенія грѣховъ нашихъ; онъ наконецъ восклицаетъ: «ежели отвергшійся закона Моисеева, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, безъ милосердія наказывается

смертію: то сколь жесточайшему, думаете, мученію повиненъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія, и не почитаетъ за святыню кровь завѣта, которою онъ освященъ, и ругается надъ духомъ благодати?— страшно впасть въ руки Бога живаго»!

Еще слухъ и сердце исполнены сими высокими впечатлѣніями, когда опять повторяются намъ всѣ страшныя обстоятельства распятія Господня, на великой вечерни, и даже въ самое время его событія; ибо у Евреевъ, какъ и теперь на Востокѣ, часы дня считались отъ восхожденія солнца, а потому шестый часъ распинанія соотвѣтствовалъ полдню; девятый же, когда предалъ духъ Спаситель, третьему, и такимъ образомъ мы, въ одно время съ Аримаѳеемъ, приступаемъ къ погребенію божественнаго тѣла; но прежде пріуготовляютъ насъ къ оному таинственныя пѣсни и пареміи.

«Вся тварь измѣнялась отъ страха, зря тебя на крестѣ висящаго, Христе; солнце омрачилось и потрясліись основанія земли, все сострадало создавшему все! Господи, волею насъ ради пострадавшій, слава тебѣ».

Такъ возглашаетъ одна стихира и ей вторитъ другая: «страшное и преславное таинство днесь зрится; неосязаемому прикасаются, вяжется разрѣшающій отъ клятвы Адама; испытующій сердца и утробы неправедно испытуется; въ темницу затворенъ затворившій бездну; Пилату предстоитъ тотъ, кому съ трепетомъ предстоятъ небесныя силы; рукою созданія заушается Создатель; на крестъ осуждается Судія живыхъ и мертвыхъ; во гробъ заключается раззоритель ада! О незлобивый Господи, все терпящій милосердно и всѣхъ спасающій отъ клятвы, слава тебѣ».

На *паремiяхъ*, Пророки Моисей и Исаія выступаютъ, какъ бы на нѣкое духовное преніе, противупоставляя другъ другу, одинъ несказанную славу, другой несказанное уничиженіе Господа; но сіи обѣ, мнимыя только крайности, теряются въ необъятности безконечнаго существа Божія, ибо ограниченному человѣческому разуму равно непостижимо состояніе уничиженія Господа, какъ и состояніе его славы. Издали только можно созерцать ее, въ безмолвномъ ужасѣ, подобно Моисею, когда сей отважнѣйшій изъ всѣхъ молитвенниковъ, дерзновенно молилъ Господа показать ему славу свою, и скрылся отъ лица Божія, въ разсѣлинахъ камней Синая.

И кроткій Исаія, еще за восемь вѣковъ до его воплощенія, напрягаетъ силы духа, чтобы вынести зрѣніе Бога, хотя умѣрившаго неприступный свѣтъ, сквозь облаченіе умаленнаго образа человѣческаго; но посреди жалостнаго созерцанія всѣхъ его страданій, за грѣхи міра, проникнутый ужасомъ, онъ восклицаетъ: «родъ же его кто исповѣсть»?

«Такъ глаголетъ Господь: се уразумѣетъ отрокъ мой и вознесется и много прославится! ужаснутся о тебѣ многіе,—такъ обезславится отъ человѣкъ видъ твой и слава твоя отъ сыновъ человѣческихъ; такъ удивятся о немъ языки многіе, и Цари заградятъ уста свои; ибо его узрятъ тѣ, коимъ не возвѣщали о немъ, и неслышавшіе о немъ уразумѣютъ. Господи, кто вѣровалъ слуху нашему, и мышца Господня кому открылась? Мы возвѣстили имъ отрока, какъ корень въ землѣ жаждущей; нѣтъ вида ему, ни славы, и мы зрѣли его, и не имѣлъ онъ вида, ни красоты: но видъ его умаленъ и безчестенъ, паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ,—человѣкъ въ язвѣ сущій и

вѣдущій терпѣть болѣзнь; всѣ отвращаютъ лице свое отъ него, онъ поруганъ и вмѣненъ за ничто. Сей грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ; а мы думали, что онъ наказанъ отъ Бога язвою и трудомъ; онъ же мучимъ былъ за грѣхи наши и за беззаконія наши терзаемъ; наказаніе нашего міра на немъ, язвою его мы исцѣлѣли. Всѣ мы какъ овцы заблудились, человѣкъ совратился съ пути своего, и для нашихъ грѣховъ предалъ его Господь; и онъ посреди оскорбленій, не отверзаетъ устъ своихъ, какъ овца ведется на заколеніе, безгласенъ какъ агнецъ предъ стригущимъ; въ уничиженіи его совершился судъ,—родъ же его кто изъяснитъ»!

Апостолъ Павелъ разрѣшаетъ, своимъ посланіемъ, таинственное недоумѣніе обоихъ Пророковъ; онъ примиряетъ между собою славу и безславіе Господа—*словомъ крестнымъ*: «ибо слово о крестѣ, для погибающихъ есть безуміе, а для насъ спасаемыхъ—сила Божія; ибо написано: уничтожу мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ ниспровергну. Гдѣ мудрецъ, гдѣ книжникъ, гдѣ искусный въ состязаніяхъ вѣка сего? не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе? ибо когда міръ, своею мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей, тогда благоугодно было Богу спасти вѣрующихъ—невѣжествомъ проповѣди. Іудеи требуютъ чудесъ, а Еллины ищутъ мудрости: но мы проповѣдуемъ Христа распятаго,—для Іудеевъ соблазнъ, для Еллиновъ безуміе, для самихъ же призванныхъ, Іудеевъ ли или Еллиновъ,—Христа, Божію силу и Божію премудрость; потому что безумное Божіе мудрѣе человѣковъ и немощное Божіе крѣпче человѣковъ».

Между тѣмъ, во время чтенія сихъ возвышен-

ныхъ писаній и Евангелія, протекли для насъ, въ благоговѣйномъ созерцаніи, самые часы страданія Господня и наступилъ девятый часъ погребенія. Тогда, въ лицѣ Іосифа Аримаѳейскаго, Епископъ, окруженный священнымъ Соборомъ, сперва наполняетъ благовоніемъ кадила святый алтарь, въ память тѣхъ ароматовъ, коими обвилъ погребатель божественное тѣло; потомъ подымаетъ его подобіе, *плащаницу*, съ престола, на коемъ, какъ на Голгоѳѣ, совершается всегда таинственная жертва Агнца; онъ несетъ на главѣ плащаницу, изъ зимней церкви въ лѣтнюю, и храмъ сей обращается въ святый гробъ, до радостнаго дня Пасхи: вѣрные же сопутствуютъ Святителю, какъ нѣкогда благочестивыя жены Іосифу, зрѣвшія гдѣ полагали Господа; а, въ ожиданіи сего знаменательнаго шествія, лики поютъ погребальную пѣснь: «Тебя, одѣвающагося свѣтомъ какъ ризою, Іосифъ, снявъ съ древа, съ Никодимомъ, и видя мертвымъ, нагимъ, непогребеннымъ, милосердый плачъ подъялъ и рыдая восклицалъ: увы мнѣ, сладчайшій Іисусе, котораго еще недавно солнце, узрѣвъ на крестѣ висяща, обложилось мракомъ и земля поколебалася страхомъ, и раздиралась церковная завѣса!—се нынѣ вижу тебя, ради насъ пріявшаго смерть. Какъ погребу тебя, Боже мой, или какою плащаницею обовью? какими руками прикоснуся не тлѣнному твоему тѣлу, или какія пѣсни воспою исходу твоему всещедрый?—величаю страданія твои, пѣснословлю и погребеніе твое съ воскресеніемъ, взывая: Господи слава тебѣ».

Таинственнымъ ожиданіемъ наполнена вся чрезвычайная утреня великой Субботы, достойная

быть преддверіемъ Пасхи. Христосъ во гробѣ посреди церкви, вокругъ, въ черныхъ ризахъ, стоятъ священнослужители, но отверсты врата алтаря, какъ бы въ срѣтеніе Божественному мертвецу, и пѣніе погребальное безпрестанно прерывается воскресными гимнами, а возженныя въ рукахъ народа свѣчи проливаютъ свѣтъ по всему храму, какъ зарю того невещественнаго свѣта, который возсіяетъ заутра изъ гроба.

При самомъ началѣ утрени, послѣ шестопсалмія, тропарь выражаетъ сіе смѣшеніе плача и ликованій: «благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое тѣло твое, плащаницею чистою обвивъ и вонями, во гробѣ новѣ, покрывъ, положи».

«Егда снисшелъ еси къ смерти, животе безсмертный, тогда адъ умертвилъ еси блистаніемъ божества; егда же и умершія отъ преисподнихъ воскресилъ еси, вся силы небесныя взываху: Жизнодавче Христе Боже нашъ, слава тебѣ».

«Мѵроносицамъ женамъ, при гробѣ представъ Ангелъ вопіяше: мѵра мертвымъ суть прилична, Христосъ же истлѣнія явися чуждъ».

Около плащаницы начинается другое смѣшеніе ветхозавѣтныхъ пѣсней Давида съ новозавѣтными похвалами Христу; сперва запѣваютъ ихъ оба лика, потомъ одинъ чтецъ или пѣвецъ откликаетъ другому стихъ похвалъ, на каждый стихъ псалма, и такъ переплетается ими вся семнадцатая каѳисма, какъ многотканный покровъ, возложенный праотцемъ Давидомъ, на тридневное ложе его Божественнаго сына.

«Блажени непорочніи, въ путь ходящіи въ законѣ Господнемъ», восклицаетъ Давидъ и ему отвѣт-

ствуютъ: «жизнь во гробѣ положился еси, Христе, и Ангельскія воинства ужасахуся, снисхожденіе славяще твое», и снова Царь: «блажени испытающіи свидѣнія его, всѣмъ сердцемъ взыщутъ его».

Иногда сіи разновременныя пѣсни текутъ, одна близъ другой, взаимно чуждые по разности своихъ предметовъ; иногда же чудно сходятся между собою и, на разстояніи многихъ вѣковъ, Церковь какъ бы отвѣчаетъ недоумѣвающему Пророку.

«Въ заповѣдяхъ твоихъ поглумлюся и уразумѣю пути твоя», говоритъ онъ, и ему поясняются пути сіи: «истинный небесе и земле Царь, аще и во гробъ малый самъ заключися, познался еси всей твари».

На три статьи раздѣлена такимъ образомъ вся каѳисма, и на концѣ ея, какъ и въ началѣ, воспѣвается тропарь, но уже обычный воскресный, изображающій радость Ангеловъ и смятеніе Мѵроносицъ: «благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ».

Канонъ субботній выражаетъ тоже возвышенное смятеніе неба и земли: «Спасе мой! силы небесныя и преисподнія, помышляя о тебѣ, сущемъ горѣ на престолѣ и долу во гробѣ, недоумѣвали о твоей вольной смерти, ибо свыше всякаго ума являешься мертвымъ ты, начальникъ жизни».

«Ужаснися страхомъ небо и да подвижутся основанія земли! се въ мертвецахъ вмѣняется живущій въ вышнихъ и въ малый гробъ странно пріемлется».

На девятой пѣсни трогательно возглашаетъ какъ бы изъ самаго гроба, Божественный Сынъ къ Матери, видѣвшей его на крестѣ: «не рыдай мене

Мати, зрящи во гробѣ, его же безъ сѣмени во чревѣ зачала еси сына; востану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно, яко Богъ, вѣрою и любовію тя величающія».

Пѣснь сія переноситъ насъ, отъ недоступныхъ созерцаній его Божества, къ нѣжнымъ, болѣе понятнымъ чуствамъ его человѣчества, и она повторяется на литургіи, вмѣсто обычной похвалы Пресвятой Дѣвы.

Послѣ великаго славословія, при тихомъ пѣніи трисвятой пѣсни, совершается опять торжественный ходъ съ плащаницею, и хотя кажется обрядъ сей есть отчасти повтореніе вечерняго, чтобы тамъ, гдѣ Священники соборно служили наканунѣ съ Архіереемъ, они могли бы, и у себя въ церквахъ, совершить оный для прихожанъ,—однако же духовное значеніе утренняго хода отлично отъ вечерняго. Тогда, подражая Іосифу, мы только предавали гробу божественное тѣло; здѣсь же торжественнымъ несеніемъ плащаницы кругомъ церкви, съ хоругвями, знаменуется, что и во время земнаго своего отдыха, Господь дѣйствовалъ какъ побѣдитель, ограждая свою Церковь сокрушеніемъ ада. И другое таинственное дѣйствіе изображаетъ мертвенная плащаница, когда возвратясь въ храмъ священнослужители, прежде нежели возложить ее на одръ, приносятъ къ царскимъ дверямъ алтаря, предъ лице престола,—то именно, что язвенный ради насъ Господь, никогда не отлучался, Божествомъ своимъ, отъ престола славы Отчей.

По совершеніи хода, надъ тѣмъ же гробомъ, готовымъ упразднiться, возглашаетъ свидѣтель грядущаго возстанія мертвыхъ, Пророкъ Іезекіиль: «на

мнѣ была рука Господня и, Духомъ Господнимъ, извела и поставила меня среди поля, полнаго костей человѣческихъ, и обвела окрестъ ихъ, и много ихъ было на лицѣ поля, и сухи всѣ. Духъ рекъ ко мнѣ: сынъ человѣческій, оживутъ ли кости сіи?—и я воскликнулъ: Господи, ты знаешь! и снова голосъ: сынъ человѣческій, прорцы на кости сіи и скажи имъ: кости сухія, услышьте слово Господне, се глаголетъ Адонаи Господь костямъ симъ: духъ жизни вдохну я въ васъ, и дамъ вамъ жилы, и наведу на васъ плоть и простру по васъ кожу, и дамъ вамъ духъ мой, и оживете и узнаете, что я Господь; и я прорекъ, какъ заповѣдалъ мнѣ Господь, и, вмѣстѣ съ моимъ глаголомъ, былъ гласъ и землетрясеніе: совокуплялись кости, кость къ кости, каждая къ своему составу; смотрѣлъ я—и явились на нихъ жилы, и плоть росла, и простиралась сверху кожа; но въ нихъ не было духа. Ко мнѣ былъ голосъ: прорцы о духѣ, прореки сынъ человѣческій и скажи духу: такъ глаголетъ Адонаи Господь: отъ четырехъ вѣтровъ пріиди духъ и дохни на мертвыхъ сихъ, да оживутъ, и я прорекъ, какъ заповѣдалъ мнѣ Господь, и взошелъ въ нихъ духъ жизни, и ожили всѣ, и стали на ногахъ своихъ—соборъ многій, великій».

И Апостолъ Павелъ, повсюду не отлучный гдѣ только возвѣщается о язвахъ Господа, умоляетъ насъ: «очистить себя отъ ветхаго кваса злобы и лукавства, и праздновать въ безквасіи истины и чистоты, чтобы принять съ вѣрою обѣтованнаго Духа».

Посреди сихъ радостныхъ ожиданій, Евангелистъ Матѳей еще разъ повѣствуетъ, о послѣдней злобѣ Іудеевъ мнившихъ, стражами и печатію, удер-

жать во гробѣ Сына Божія. Внимая сему, невольно приходитъ на мысль, какъ часто мелкій размѣръ ума человѣческаго, не обнимая и не покоряясь обширности судебъ Божіихъ, силится отвергнуть непостижимое. На концѣ же утрени Церковь ублажаетъ пѣснями погребателя Христова:

«Пріидите, ублажимъ Іосифа приснопамятнаго, въ нощи пришедшаго къ Пилату и живота всѣхъ испросившаго: даждь ми сего страннаго, иже не имѣетъ гдѣ главы подклонити; даждь ми сего страннаго, его же ученикъ лукавый на смерть предаде; даждь ми сего страннаго, его же мати зрящи на крестѣ висяща, рыдая вопіяше: увы мнѣ! увы мнѣ, чадо мое, увы мнѣ!—Симеономъ предреченное въ церкви, днесь сбыстся: твое сердце оружіе пройдетъ, но въ радость воскресенія твоего плачъ преложи».

По мѣрѣ приближенія таинственнаго конца страданій Христовыхъ, торжественнѣе становится богослуженіе, и Церковь, лишившая себя пріобщенія тѣла Господня, въ самый день его закланія, опять приступаетъ къ сему утѣшительному таинству въ субботу Божію. Она даже обильно преподаетъ дары Св. Духа крещеніемъ, которое издревле предпочтительно совершалось въ сей день, дабы встрѣтить Христа сонмомъ оправданныхъ его кровію.

Литургія Св. Василія Великаго соединяется съ вечернею и поется по уставу поздно, такъ чтобы могла окончиться часъ спустя по захожденіи солнца и какъ бы взойти въ предѣлы наступающаго радостнаго дня. По обычаю Церкви, вечерня наканунѣ праздника уже ему принадлежитъ, а не протекшему дню: посему и богослуженіе великой Субботы, стихирами и пареміями, частію изображаетъ субботній

подвигъ Спасителя, частію же его воскресеніе. Церковь, привыкшая всегда соединять память закланія Агнца съ памятію о его возстаніи, вечерними стихирами, уже сзываетъ насъ на поклоненіе готовому воспрянуть, и воспѣваетъ пораженіе ада:

«Обыдите людіе Сіонъ, и обымите его, и дадите славу въ немъ воскресшему изъ мертвыхъ, яко той есть Богъ нашъ, избавлей насъ отъ беззаконій нашихъ».

«Днесь адъ стеня вопіетъ: благо мнѣ, когда бы не принялъ рожденнаго Маріею, ибо онъ, наступивъ на меня, раззорилъ мою державу и врата мѣдныя сокрушилъ, и какъ Богъ воскресилъ души, искони мною плѣненныя».

Родъ же человѣческій воспѣваетъ: «всемірную славу, процвѣтшую отъ человѣковъ, и родившую Владыку, небесную дверь, Марію Дѣву, безплотныхъ пѣснь и украшеніе вѣрныхъ: ибо она явилась небомъ и храмомъ Божества; она, разрушивъ враждебную преграду, водворила миръ и отверзла царствіе; имѣя ее утвержденіемъ вѣры, мы имѣемъ поборникомъ родившагося отъ нея Господа. И такъ дерзайте людіе Божіи, ибо всесильный Сынъ ея побѣдитъ враговъ».

Вслѣдъ за стихирами читаются *пятнадцать паремій*, изъ книгъ ветхаго завѣта, предобразующихъ грядущее воскресеніе и славу Церкви. Книга Бытія, о началѣ міра, открываетъ сей рядъ возвышенныхъ созерцаній, дабы, въ предлежащемъ божественномъ мертвецѣ, съ ужасомъ узнали мы Творца вселенной, который одинъ только могъ, творческою силою своею, возобновить въ насъ свой утраченный образъ, вначалѣ имъ самимъ данный Адаму.

Потомъ Исаія торжествуетъ возстановленіе чело-

вѣчества, подъ сѣнію Церкви: «свѣтися, свѣтися, Іерусалиме, ибо твой свѣтъ пришелъ и слава Господня на тебѣ возсіяла; се тьма покроетъ землю и мракъ на язычникахъ, но тебя осѣняетъ Господь, и слава его на тебѣ узрится, и пойдутъ Цари свѣтомъ твоимъ и языки свѣтлостію твоею; возведи очи твои окрестъ и виждь собранныя чада твои, всѣ сыны твои пришли издалеча и дщери твои на рукахъ принесутся.—Кто сіи, ко мнѣ летящіе, какъ облака, какъ голубицы со птенцами?—они притекли ради имени святаго Господня и дабы прославиться Святому Израилеву».

Таинственный агнецъ пасхальный, данный Евреямъ въ память ихъ исхода изъ плѣна, и кровію коего они были избавлены отъ смерти, поразившей Египтянъ, предлагается здѣсь образомъ настоящаго Агнца Божія, а его тридневное погребеніе предзнаменуется тридневнымъ пребываніемъ во чревѣ китовомъ Пророка Іоны, посланнаго проповѣдывать покаяніе народу Ниневійскому, и, чтобы прямо указать на лице Іисусово, повѣствуется вслѣдъ за тѣмъ о другомъ Іисусѣ, Іисусѣ Навинѣ, который провелъ Израиля, чрезъ Іорданъ, въ землю обѣтованную.

Величественная картина прехожденія Чермнаго моря, посреди коего, по словамъ Апостола Павла, крестился весь народъ Израильскій въ Моисея, какъ мы во Христа, ибо Моисей былъ его образомъ, заключаетъ первую часть паремій, и оба лика, по примѣру Маріами и дѣвъ Израильскихъ, возглашаютъ попеременно: «поемъ Господеви, славно бо прославися»! а чтецъ повторяетъ по стихамъ всю вдохновенную пѣснь: «коня и всадника вверже въ море, поемъ Господеви; помощникъ и покровитель бысть

мнѣ во спасеніе, поемъ Господеви; сей мой Богъ и прославлю его, Богъ отца моего и вознесу его, поемъ Господеви; Господь сокрушаяй брани, Господь имя его, поемъ Господеви».

Въ послѣдующихъ пареміяхъ соединены образы закланія и воскресенія Господня, съ пророчествами о призваніи язычниковъ. Авраамъ готовится принести въ жертву единственнаго сына Исаака, въ предзнаменованіе единороднаго Сына Божія, пожертаго за міръ, и два величайшіе по чудесамъ Пророка, Илія и Елисей, каждый воскрешаютъ отроковъ, сими двумя примѣрами, приготовляя родъ человѣческій къ принятію воскресенія Христова.

Но если они оба благовѣствуютъ чудесами, то Пророки Софонія, Іеремія и Исаія, дѣйствуютъ словомъ. Всѣ три видятъ грядущую славу Церкви и сонмъ язычниковъ, ее восполняющій, а Іеремія обѣщаетъ новый завѣтъ народу Божію, начертанный въ мысляхъ и на сердцахъ; Исаія же обѣщаетъ сему народу новое имя, которымъ наименуетъ его Господь, и дастъ ему землею вселенную, и пастыря овцамъ Божіимъ, влагающаго имъ Духа Святаго. Онъ произноситъ даже тѣ слова, какія повторилъ самъ Іисусъ, во дни своего пришествія: «Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя, благовѣстити нищимъ посла мя; исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, нарещи лѣто Господне пріятно и день спасенія».

Чудное спасеніе трехъ отроковъ, отъ огненной смерти въ пещи Халдейской, описанное Даніиломъ, среди пламени воспѣвшихъ Бога отцевъ своихъ, заключаетъ возвышенный рядъ паремій, и опять оба лика вторятъ чтецу, возглашающему пѣснь ихъ:

«благословите вся дѣла Господня Господа, пойте и превозносите во вся вѣки».

Подобно какъ на утрени, Апостолъ Павелъ продолжаетъ свое возвышенное убѣжденіе: чтобы спогребшіеся со Христомъ, въ водахъ крещенія, и вмѣстѣ съ нимъ воскресшіе, ходили во обновленіи жизни и были бы мертвы грѣху, но живы Богу во Іисусѣ Христѣ; а Церковь, ради торжества крещенія, въ день сей совершавшагося надъ язычниками, подобно какъ и въ Лазареву субботу, вмѣсто трисвятой пѣсни возглашаетъ: «елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся, аллилуія».

Чтеніемъ Апостола заключается погребальный день субботній, и начинаетъ уже свѣтать денница воскресенія. Какъ бываетъ въ природѣ, что лучи еще не явившагося солнца заранѣе уже озаряютъ верхи горъ,—такъ освѣщается и Церковь, зарею солнца правды, готоваго воспрянуть: первый его отблескъ на *горнемъ* ея мѣстѣ, алтарѣ, и таинственный свѣтъ сей, какъ мѵро на главѣ, сходящее, по словамъ псалма, на браду, браду Ааронію, сходящее на ометы одежды его, проливается, сперва на одежды верховнаго Святителя, ближе и выспреннѣе другихъ, созерцающаго таинства, и на сослужащихъ ему Пресвитеровъ и Діаконовъ, которые внезапно измѣняютъ одежды черныя на бѣлыя, сходно съ убѣлившимися облаченіями престола и жертвенника, а потомъ и самый клиръ; четыре иподіакона, въ свѣтящихся ризахъ, приходятъ смѣнить черную стражу вокругъ плащаницы, какъ бы въ лицѣ Ангеловъ и ожидая Мѵроносицъ. Между тѣмъ, три отрока предъ нею, умилительно поютъ: «воскресни Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ».

И когда вслѣдъ за тѣмъ, выходитъ изъ алтаря Діаконъ благовѣствовать о воскресеніи, все такъ свѣтло и радостно въ церкви, какъ будто бы уже стоялъ посреди нея Воскресшій съ привѣтомъ: «миръ вамъ»! такъ все измѣнилось внезапно и небесная слава отразилась на землѣ.

Устами Діакона, Евангелистъ Матѳей, извѣщаетъ о пришествіи Мѵроносицъ къ упраздненному гробу, и о срѣтеніи ихъ Ангелами и самимъ Іисусомъ; не таитъ онъ и коварства Фарисеевъ, давшихъ сребренники воинамъ, чтобы разгласили о похищеніи тѣла; наконецъ возводитъ насъ мысленно, вслѣдъ за учениками въ Галилею, въ гору, поклониться Іисусу, и мы слышимъ послѣднія слова возносящагося Господа: «дадеся Ми всяка власть, на небеси и на земли; шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ вамъ, и се Азъ съ вами есмь, во вся дни, до скончанія вѣка. Аминь».

Тогда совершается литургія Св. Василія Великаго, и проникнутые таинственнымъ ужасомъ, послѣ всѣхъ сихъ необъятныхъ созерцаній, вмѣсто Херувимской пѣсни мы восклицаемъ: «да молчитъ всякая плоть человѣча, и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ: Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ; предходятъ же сему лицы Ангельстіи, со всякимъ началомъ и властію, многоочитіи Херувими и шестокрилатіи Серафими, лица закрывающе и вопіюще пѣснь: аллилуія».

ПИСЬМО IX.

Приближается наконецъ радостное, давно желанное утро, и какъ встрѣчаютъ его вѣрные? какъ проводятъ остатокъ Божіей Субботы? — въ чтеніи Дѣяній Апостольскихъ, не выходя изъ храма, какъ бы желая предварить даже самихъ Мѵроносицъ, и вмѣстѣ съ Ангеломъ отвалить камень отъ гроба Жизнодавца. Бьетъ полночь, и послѣдній гимнъ отдается субботѣ, опять слышится ея таинственный канонъ: «волною морскою кто древле покрылъ мучителя гонителя (Фараона), того, дѣти спасенныхъ (Іудеевъ), подъ землею скрыли (Христа); но мы, какъ дѣвы (Израильскія), поемъ Господу, славно бо прославися».

Съ канономъ престаетъ уже суббота, и настаетъ *воскресеніе*. Торжественно отверзаются царскія врата и, на главахъ священнослужителей, вносится плащаница въ алтарь и полагается на престолѣ. Пѣснь: «воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси», въ первый разъ слышится въ алтарѣ, еще затворенномъ: потому что великія судьбы человѣчества прежде открываются на небесахъ, нежели являются на землѣ. Потомъ священнослужители исходятъ съ крестомъ и хоругвями и, обходя вокругъ церкви, во мракѣ и тишинѣ ночи поютъ: «воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби, чистымъ сердцемъ тебе славити».

У западныхъ, заключенныхъ вратъ, останавливается приготовительное шествіе. Между тѣмъ пустѣетъ храмъ, за клиромъ слѣдуетъ народъ; дѣти

Адама стремятся къ новому Адаму, чтобы, при радостной вѣсти о его возстаніи, узкими вратами войти въ его новую жизнь, и здѣсь какъ первое лепетаніе младенца, раздается въ устахъ возрожденнаго человѣчества: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ».

Но на сей кликъ, сокрушившій вереи ада, не вдругъ отверзаются двери церковныя; нескорое ихъ открытіе выражаетъ радостное невѣріе учениковъ. Далѣе возглашается и пророческій псаломъ Давида: «да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его», и каждый стихъ псалма поясняется тѣмъ же убѣдительнымъ: «Христосъ воскресе»!

Наконецъ, начальствующій въ священнослуженіи, держа въ одной рукѣ крестъ съ изображеніемъ распятаго Христа, а въ другой кадильницу съ ѳиміамомъ, движеніемъ ея, начертываетъ знаменіе креста противъ затворенныхъ дверей храма, и онѣ отверзаются; начинается торжественный входъ изъ внѣшней тьмы во внутренній свѣтъ храма, по подобію шествія Христова, отъ преисподнихъ земли въ превыспренняя неба, съ избавленными имъ, когда входъ отверстъ былъ крестомъ его. Ликующій сонмъ съ побѣдною пѣснію, уже не останавливаясь, шествуетъ чрезъ всю церковь, прямо въ алтарь, отверстый на всю Пасху, ибо отнынѣ царствіе Божіе открыто вѣрнымъ; храмъ же внезапно весь озаряется свѣтомъ возженныхъ свѣчъ, а лики поютъ: «воскресенія день, просвѣтимся людіе, пасха, Господня пасха! отъ смерти бо къ жизни и отъ земли къ небеси, Христосъ Богъ насъ приведе, побѣдную поющія».

«Очистимъ чувствія и узримъ Христа, блистающаго неприступнымъ свѣтомъ воскресенія, и побѣдную пѣснь поюще, ясно да услышимъ рекущаго: радуйтеся».

«Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднуетъ міръ, видимый же весь и невидимый: Христосъ бо воста, веселіе вѣчное».

Изъ вдохновенной души Св. Іоанна Дамаскина излился божественный канонъ сей, вѣнецъ всѣхъ духовныхъ пѣсней; первая вняла ему, на юдоли плача, лавра Св. Саввы и радостно передала Вселенской Церкви. Вся пѣснь, какъ одинъ порывъ восторга; свѣтлыя мысли пѣвца обтекаютъ и небо и землю и бездны, ибо самъ онъ исполненъ Христомъ, все наполняющимъ.

«Нынѣ вся исполнишася свѣта: небо же и земля и преисподняя, да празднуетъ убо вся тварь востаніе Христово, въ немъ же утверждается».

Вторымъ ирмосомъ канона Дамаскинъ призываетъ вѣрныхъ: «пить новое питіе, чудесно текущее, не изъ безплоднаго камня (удареннаго жезломъ Моисея), но изъ гроба Христова, который струитъ источникъ нетлѣнія».

Какъ младенецъ, прильнувшій къ лону нѣжной матери, или держащійся за край ея одежды, чтобы всюду быть съ нею,—такъ пѣснопѣвецъ Іоаннъ не разлученъ отъ Искупителя, соединившись съ нимъ духомъ:

«Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебѣ: сраспинахся Тебѣ вчера, Самъ мя спрослави, Спасе, во царствіи Твоемъ».

Между каждымъ ирмосомъ во время стиховъ,

повторяемыхъ и раздѣляемыхъ многократнымъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ»! священнослужители поперемѣнно ходятъ, со крестомъ и кадиломъ и свѣтильниками, по всей церкви, наполняя ее ѳиміамомъ, какъ бы ранними ароматами Мѵроносицъ, которыя, со слезами искавъ мертвеца, поклонились радостно живому Богу.—Шествуя, онѣ возглашаютъ всюду: «Христосъ воскресе», чтобы никто не остался въ сомнѣніи, въ сію спасительную, свѣтозарную ночь, когда безначальный свѣтъ всѣмъ возсіялъ изъ гроба. Въ ирмосахъ же, то изображается видѣніе Пророкомъ Аввакумомъ Ангела, указавшаго день спасенія; то съ Исаіею приглашаются вѣрные «утренневать глубокую утреню, и вмѣсто мѵра принести пѣснь Владыкѣ, чтобы узрѣть Христа, правды солнце, всѣмъ жизнь возсіявшаго»; то открывается побѣдоносное торжество Его въ самой области ада:

«Снизшелъ еси въ преисподняя земли, и сокрушилъ еси вереи вѣчныя, содержащія связанныя, Христе, и тридневенъ, яко отъ кита Іона, воскреслъ еси отъ гроба».

«Смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало», восклицаетъ Дамаскинъ и поясняетъ, сколь для насъ велико торжество искупленія: «сей нареченный и святый день, единъ субботъ Царь и Господь, праздниковъ праздникъ и торжество есть торжествъ, въ онь же благословимъ Христа во вѣки».

Въ сей торжественной пѣсни ликуютъ оба Сіона, но несравненною славою вѣнчается новый предъ древнимъ: «возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь: се бо пріидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила,

отъ запада и сѣвера и моря и востока, чада твоя, въ тебѣ благословящая Христа во вѣки».

«Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія: ликуй нынѣ и веселися Сіоне, ты же чистая красуйся, Богородице, о востаніи рождества твоего».

Съ чѣмъ можно сравнить сію возвышенную утреню?—нѣкое духовное восхищеніе владѣетъ всѣми: каждый, въ порывѣ священной радости, хотѣлъ бы выразить свои чувства и, вмѣсто рѣчей, текутъ изъ устъ пѣсни; каждый готовъ былъ бы взыграть предъ Господомъ какъ Давидъ предъ знаменательнымъ кивотомъ, ибо люди Божіи видятъ нынѣ исполненіе древнихъ образовъ во Христѣ. Когда узникамъ, долго томившимся во мракѣ темницы, вдругъ отверзаются двери и является освободитель,—до изступленія доходитъ восторгъ ихъ: сбрасывая цѣпи, бросаются они къ ногамъ своего благодѣтеля, или въ объятія другъ другу, и скачутъ и плачутъ, и смѣются и поютъ, и прощаются взаимно, и молятся, и опять плачутъ, и опять поютъ;—такъ и наутрени Пасхи.

«Воскресенія день! и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обымемъ, рцемъ: братіе, и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ и тако возопіимъ: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ».

Съ сею пѣснію начинается взаимное лобзаніе; привѣтъ мира раздается по всей церкви, которая вся обращается въ единое тѣло Христово, связуемое духомъ Его любви, ибо въ подобныя минуты нельзя, по истинѣ, не отъ всей души, лобызать своего брата.

Тогда какъ святый Дамаскинъ, довольно уже возбудилъ восторга, своими божественными пѣсно-

пѣніями, мѣсто его занимаетъ другой церковный витія, святый Златоустъ, и въ краткомъ словѣ убѣждаетъ каждаго, кто благочестивъ, насладиться настоящимъ свѣтлымъ торжествомъ, и внити въ радость Господа своего. Дабы показать, сколь велика открывшаяся намъ милость Господня, онъ напоминаетъ притчу о наемникахъ, которые въ разное время пришли работать въ вертоградъ, но отъ щедроть домовладыки всѣ получили одинаковую плату за трудъ. Всѣхъ зоветъ онъ на трапезу Господню и никому не велитъ скорбѣть о своемъ убожествѣ, ибо явилось общее царство, никому не страшиться смерти, ибо Сошедшимъ въ адъ поруганъ адъ, мнившій пріять землю и срѣтившій небо: «гдѣ твое жало, о смерть? адъ, гдѣ твоя побѣда?—воскресъ Христосъ, и ты низвергся».

Таже духовная радость окрыляетъ часы Пасхи, они пролетаютъ въ пѣсняхъ, и каждая пѣснь гласитъ о побѣдѣ Христа надъ смертію и адомъ. За многократнымъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ», слѣдуетъ обычная воскресная пѣснь: «воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному; кресту твоему покланяемся, Христе, и святое воскресеніе твое поемъ и славимъ».

Потомъ воспѣвается пришествіе Мѵроносицъ, къ упраздненному гробу, и кондакъ утренняго канона, повторяемый на литургіи: «аще и во гробъ снизшелъ еси, безсмертне, но адову разрушилъ еси силу, и воскреслъ еси яко побѣдитель, Христе Боже, женамъ Мѵроносицамъ вѣщавый: радуйтеся! и твоимъ Апостоломъ миръ даруяй, падшимъ подаяй воскресеніе».

И наконецъ радостный тропарь, столь живо изображающій вездѣсущее Божество Христово, въ самый часъ его смерти: «во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ, и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй неописанный».

Сіи торжественныя пѣснопѣнія, во всю недѣлю Пасхи, замѣняютъ не только часы, но и полунощницу и начало вечерни: ибо въ свѣтлые дни сіи, вся служба божественная совершается на подобіе перваго дня. Неумолкаемое: «Христосъ воскресе»! равномѣрно открываетъ и заключаетъ литургію Пасхи, какъ радость, которую не могутъ вмѣстить въ сердцахъ своихъ вѣрные; при началѣ обѣдни также поется священнослужителями: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!» вокругъ престола, на которомъ простерта плащаница, оставляемая до дня Вознесенія, въ знаменіе того, что Господь, по воскресеніи изъ мертвыхъ, еще сорокъ дней пребывалъ на землѣ. Предъ концемъ богослуженія благословляется *артосъ* (по Гречески хлѣбъ), напоминающій, что Спаситель былъ для насъ хлѣбомъ жизни, и сей артосъ раздѣляется вѣрнымъ, въ послѣдній день Пасхи, ради общей ихъ любви во Христѣ.

Съ перваго дня Пасхи и до Вознесенія продолжается на литургіи чтеніе дѣяній Апостольскихъ, дабы Христіане могли слышать, какъ быстро распространилась проповѣдь о искупленіи, не смотря на всѣ гоненія и страданія, коимъ подвергались первыя чада новозавѣтной Церкви. Одна изъ самыхъ торжественныхъ минутъ литургіи, когда Епископъ совершаетъ ее соборно въ Пасху, есть чтеніе Евангелія, которымъ изображается вселенская проповѣдь

Апостоловъ, на всѣхъ языкахъ и ко всѣмъ народамъ. Какое же Евангеліе избрано въ день сей, для радостнаго благовѣстія?—начало отъ Іоанна, сего ученика Христова, возлежавшаго на лонѣ возлюбленнаго Учителя и столь ясно открывшаго намъ тайну его Божества: «Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово; сей бѣ искони къ Богу. Вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть еже бысть; въ томъ животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ; и свѣтъ во тьмѣ свѣтится и тьма его не объятъ».

Архіерей первый начинаетъ читать Евангеліе по Славянски на престолѣ, послѣ него сослужащіе Пресвитеры, по Еврейски, Гречески, Римски, на какихъ языкахъ была начертана надпись на крестѣ, а потомъ и на другихъ новѣйшихъ языкахъ, наслѣдовавшихъ спасеніе. Внѣ же алтаря становятся четыре Діакона, одинъ на амвонѣ лицемъ къ востоку, а прочіе у сѣверныхъ, южныхъ и западныхъ вратъ церкви, которая въ сіе время изображаетъ собою вселенную, ибо «во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ», и они возглашаютъ тоже Евангеліе по Славянски, оканчивая его сими словами: «яко законъ Моисеемъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть».

И на вечерни, которая изображаетъ вечернее явленіе Спасителя ученикамъ, послѣдовавшее сквозь затворенныя двери ихъ храмины, въ самый день воскресенія, Епископъ читаетъ Евангеліе о семъ утѣшительномъ событіи, стоя лицемъ къ народу, въ дверяхъ алтаря, какъ бы представляя тѣмъ образъ пришествія Христова, и Церковь слышитъ, изъ устъ его, дважды повторенный привѣтъ Спасителя, устрашеннымъ ученикамъ: «миръ вамъ»! послѣ чего онъ

тотчасъ сообщилъ имъ, чрезъ дуновеніе, даръ Духа Святаго, дающій власть вязать и рѣзрѣшать грѣхи; слышитъ также и о сомнѣніи отсутствовавшаго Апостола Ѳомы, который самъ себя лишилъ на время божественной радости, не восхотѣвъ повѣрить воскресенію Господа, доколѣ не вложилъ въ язвы Его перста своего. Но чрезъ восемь дней, по словамъ Іоанна, разрѣшается невѣріе и самого Ѳомы: онъ видитъ Господа, онъ влагаетъ перстъ свой въ язвы Его, и въ радостномъ восторгѣ восклицаетъ: «Господь мой и Богъ мой»! Іисусъ же, въ отвѣтъ ему, говоритъ: «яко видѣвъ Мя вѣровалъ еси; блажени не видѣвшіи и вѣровавше». А Іоаннъ, предвидя грядущее невѣріе, не столь легко разрѣшаемое, внушаетъ всѣмъ: «сія же писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій, и да вѣрующе животъ имате во имя его».

КНИГА III.

О СЕДМИ ТАИНСТВАХЪ.

ПИСЬМО I.

Описаніе молитвъ и обрядовъ Четыредесятницы и Пасхи, раскрывающихъ предъ нами тайну страданій и воскресенія Богочеловѣка, постепенно приводитъ къ созерцанію тѣхъ духовныхъ сокровищъ, которыя даровалъ Спаситель Своей Церкви, положивъ ей основаніемъ *седмь таинствъ*, по словамъ Писанія: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь».

Таинства сіи, недоступныя бренному уму нашему, что̀ показываетъ самое ихъ названіе, доступны однако же нашей вѣрѣ, какъ явствуетъ изъ тѣснаго ихъ соединенія съ жизнію человѣческою, во всѣхъ важнѣйшихъ ея эпохахъ. Сія самая, неизбѣжная и вмѣстѣ спасительная связь ихъ, побуждаетъ меня изложить предъ тобою, любезный другъ, тѣ молитвы и обряды, какими Церковь видимо поясняетъ невидимое таинствъ, и чрезъ наружную оболочку дѣлаетъ ихъ какъ бы осязаемыми чувствамъ, чтобы тѣмъ воскрылять духъ нашъ къ ихъ созерцанію.

Отъ лона матери уже воспринимаетъ насъ Церковь и, еще прежде нежели младенческіе годы наши ввѣрены опытнымъ пѣстунамъ, приближаются два

таинства къ самой колыбели, одно возраждающее, другое утверждающее, *крещеніе и миропомазаніе*. Онѣ, съ любовію пріявъ младенца, возвѣщаютъ, что иные родители, иные пѣстуны, не по плоти, а по духу, нужны новорожденному, не только въ міръ, но и во Христа; а третіе, божественное таинство *причащенія*, тогда же сообщаетъ ему Христа просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, научая вмѣстѣ, и какою духовною пищею долженъ питаться, во всю жизнь свою, сей новый гражданинъ небеснаго царствія.

Но младенецъ растетъ, вмѣстѣ съ годами развиваются страсти, не отъ дурной его природы, противъ повреждения коей, въ Адамѣ, даровано достаточное врачевство Христомъ, но отъ дурнаго направленія свободной воли; оно извлекаетъ новыя отрасли, изъ корня первороднаго грѣха, вмѣсто того, чтобы окончательно умерщвлять его, развитіемъ жизни благодатной. Тогда Церковь призываетъ опять человѣка на путь добродѣтели четвертымъ спасительнымъ таинствомъ *покаянія*, которое, подобно крещенію, омывшему отъ грѣха Адамова, очищаетъ предъ Богомъ отъ грѣховъ, содѣянныхъ въ жизни, если только мы искренно ихъ сознаемъ и оплачемъ.

Какъ благословеніе, далъ Богъ человѣку способность размножать родъ свой, но, съ паденіемъ Адама, грѣхъ и его проклятіе упали на сію способность и сдѣлали разсадникъ рода человѣческаго разсадникомъ первороднаго грѣха: посему, въ Христіанствѣ, необходимо было дать новое благословеніе, для рожденія подобныхъ себѣ во славу Творца, и Церковь благословляетъ юношу и дѣву, на супружескій союзъ ихъ, пятымъ таинствомъ *брака*.

Наконецъ, когда, какъ перезрѣвшій плодъ, или рано увядшій цвѣтокъ, готовится человѣкъ оставить землю своего странствія, и страшная вѣчность ему предстоитъ: заботливая Церковь не отпускаетъ его въ путь, безъ духовнаго подкрѣпленія, и шестое таинство *елеосвященія*, совершаемое надъ болящимъ, исцѣляетъ тѣло или располагаетъ душу къ ея отшествію.

Но чтобы, въ сонмѣ людей, были мужи, могущіе преподавать сіи спасительныя таинства, Церковь избираетъ достойнѣйшихъ изъ среды ихъ и, рукоположеніемъ, непрерывающимся отъ временъ Апостольскихъ, сообщаетъ имъ седьмое таинство *священства*, чрезъ которое и они, въ свою чреду, получаютъ силу сообщать братіи благодать Святаго Духа.

Таковы сіи седмь столповъ дома Премудрости, сіи седмь вѣтвей знаменательнаго подсвѣщника, пророчески поставленнаго Моисеемъ въ скиніи и Соломономъ въ храмѣ; они свѣтятъ міру и предстоятъ Церкви, какъ седмь высшихъ Духовъ, всегда блистающихъ на небесахъ у престола славы.

Мы же, съ должнымъ благоговѣніемъ, приступая нынѣ постепенно къ разсматриванію каждаго изъ седми таинствъ, въ той мѣрѣ, сколько они могутъ быть для насъ доступны, приготовимъ себя, чрезъ сіе созерцаніе, и къ благоговѣйному ихъ пріятію, когда нѣкоторыя изъ нихъ спасительно срѣтятъ насъ на жизненной дорогѣ, подобно Ангелу, руководившему юнаго Товію, на трудномъ пути его, въ Халдейской землѣ плѣненія.

ПИСЬМО II.

Прежде нежели приступить къ описанію богослуженія, совершаемаго при святомъ крещеніи, я долженъ однако тебѣ напомнить, что какъ вообще всѣ таинства имѣютъ силу сообщать намъ благодать Св. Духа, такъ и каждое изъ нихъ отдѣльно заключаетъ въ себѣ особенный даръ его, подъ какимъ либо чувственнымъ видомъ.

Такимъ образомъ, святое *крещеніе* омываетъ насъ отъ первороднаго грѣха, чрезъ наружное погруженіе въ водныя струи, при наитіи на нихъ благодати. Оно, творческою силою имени Отца и Сына и Св. Духа, возраждаетъ насъ къ новой жизни, уже не по ветхому праотцу, который заразилъ весь родъ свой духовною болѣзнію и тлѣніемъ грѣха, (потому что рожденное не можетъ быть совершеннѣе родившаго, и отъ зараженнаго источника естественно идетъ зараженный потокъ), но по новому человѣку, Христу Богу, который все Собою обновилъ и, собственнымъ принятіемъ крещенія, сообщилъ божественную силу таинству.

Какъ въ самую минуту крещенія Спасителева, видимо явилась міру троичность Лицъ единаго Божества: гласъ Отца возвѣстилъ о Сынѣ и Св. Духъ снисшелъ въ видѣ голубинѣ, и какъ Спаситель, посылая въ міръ Апостоловъ, повелѣлъ имъ: «шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа»—такъ и святая Церковь, ни на одну іоту не отступая отъ словъ Христовыхъ, производитъ въ число чадъ Его, тремя погруженіями, во имя каждаго лица Святой Троицы, что̀ самое со-

ставляетъ основаніе и сущность святаго крещенія; прочіе же молитвы и обряды только поясняютъ таинство или приготовляютъ къ нему вѣрующихъ.

Въ первые вѣка Церкви, готовящіеся къ святому крещенію назывались *оглашенными*, потому что оглашались первоначальнымъ ученіемъ вѣры; они не могли быть въ храмѣ, во время совершенія таинствъ; благонадежнѣйшіе изъ нихъ и уже назначенные къ просвѣщенію, приготовляемы были въ теченіи цѣлаго поста, молитвами и поученіями, къ принятію таинства, и, во время первой половины литургіи, позволялось имъ находиться въ притворѣ храма, до особой о нихъ молитвы.

Драгоцѣнный памятникъ, сихъ огласительныхъ поученій, остался намъ отъ четвертаго столѣтія, въ твореніи Св. Кирилла, Архіепископа Іерусалимскаго, который постепенно приготовлялъ рабовъ грѣха къ свободѣ усыновленія божественнаго, возраждая вѣрою ихъ души.

«Ужасное зло есть грѣхъ, говоритъ онъ, и болѣзнь души самая жестокая есть преступленіе закона, которое лишаетъ ее совершенно силъ и повергаетъ въ огонь вѣчный. Но что же самый грѣхъ?— это не есть врагъ, отважно нападающій на тебя человѣкъ, но негодная отрасль, изъ тебя прозябающая; когда забываешь Бога, тогда начинаешь мыслить злое и совершать дѣла беззаконныя. Впрочемъ не ты только самъ бываешь виновникомъ грѣха; первый виновникъ и отецъ зла есть діаволъ; это сказалъ Господь, а не я: «яко діаволъ исперва согрѣшаетъ» (I Іоанна 3, 8). Согрѣшилъ же онъ не потому, чтобы отъ природы получилъ необходимую наклонность ко грѣху; нѣтъ, онъ будучи сотворенъ

добрымъ, по собственному произволенію, сдѣлался діаволомъ и сатаною, отъ дѣйствій получивъ наименованіе противника; онъ возбуждаетъ похоти въ тѣхъ, которые ему повинуются: чрезъ него и праотецъ нашъ Адамъ изгнанъ изъ рая.—Но Тотъ, кто пролилъ за насъ драгоцѣнную кровь Свою, освободитъ насъ отъ грѣха; предайся только Ему вѣрою. Хочешь ли видѣть человѣколюбіе Божіе?—когда преслушалъ заповѣдь Адамъ первозданный, не могъ ли Богъ тогда же предать его смерти? и что же?—правосудіе изгоняетъ недостойнаго изъ рая, но Онъ поселяетъ грѣшника прямо рая, дабы видя откуда ниспалъ, могъ въ послѣдствіи спастися покаяніемъ».

«Великое, по истинѣ, есть дѣло крещеніе, и потому съ размышленіемъ къ нему приступай.—Такъ какъ человѣкъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ души и тѣла, то и очищеніе двоякое: безплотное для безплотнаго, и тѣлесное для тѣла; вода очищаетъ тѣло, а Духъ Святый запечатлѣваетъ душу, чтобы намъ приступить къ Богу, съ сердцемъ окропленнымъ и тѣломъ омытымъ водою чистою. И такъ, когда ты смотришь на воду, то не простую воду представляй себѣ, но отъ дѣйствія Св. Духа ожидай спасенія; ибо безъ того и другаго, невозможно тебѣ достигнуть совершенства; не я говорю сіе, но Господь Іисусъ Христосъ: «аще кто не родится свыше, водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе» (Іоан. 3, 5). Ни тотъ, кто крещается водою, но не удостоенъ Духа, не имѣетъ совершенной благодати; ни тотъ, кто хотя бы добръ былъ по дѣламъ, но не получилъ запечатлѣнія водою, не внидетъ въ царствіе небесное; слово дерзновенно, но не мое, ибо

такъ опредѣлилъ Господь: «иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ» (Мар. 16, 16).

«Если же кто желаетъ знать, почему чрезъ воду, а не чрезъ другую стихію, дается благодать, тотъ найдетъ разрѣшеніе сему въ Божественномъ писаніи. Вода есть нѣчто живительное и наилучшее изъ четырехъ видимыхъ стихій міра; небо есть жилище Ангеловъ, но небеса изъ воды: земля есть обиталище человѣковъ, но земля изъ воды и, прежде всего шестидневнаго устройства творенія, Духъ Божій носился надъ водою; начало міра вода, и начало спасенія Іорданъ; освобожденіе Израиля отъ Фараона совершилось посредствомъ моря, и освобожденіе міра отъ грѣховъ совершается чрезъ омовеніе водою, при содѣйствіи слова Божія. Гдѣ Богъ вступаетъ въ завѣтъ съ кѣмъ либо, тамъ и вода: съ Ноемъ заключенъ былъ завѣтъ, послѣ потопа, и знаменіемъ крещенія была умывальница, поставленная въ скиніи. Крещеніе есть конецъ ветхаго завѣта и начало новаго: освятилъ крещеніе Іисусъ, крестившись Самъ, будучи безгрѣшнымъ, для того чтобы крещающимся даровать божественную благодать и славу. И ты, нисшедши въ воду, мертвый грѣхами, и какъ бы погребшись въ оной, подобно Іисусу во гробѣ каменномъ, восходишь оживотворенный правдою, дабы ходить въ обновленіи жизни, и сія спасительная вода, въ одно время, для тебя и гробъ и матерь».

«О странное и чудное дѣло! восклицаетъ Св. Кириллъ, не истинно мы умерли, не истинно погребены были, ниже истинно воскресли, но въ наружномъ обрядѣ таинства—подражаніе, а въ самой

истинѣ и силѣ его—спасеніе. Христосъ былъ истинно распятъ, истинно погребенъ, истинно и воскресъ, а мнѣ, хотя я не болѣлъ и не страдалъ, спасеніе даруетъ по единому общенію своихъ страданій».

Нынѣ приготовленія къ таинству, состоящія въ предварительныхъ заклинаніяхъ противъ прелести діавола, которому работалъ міръ до Христа и еще работаетъ внѣ Христа, падаютъ на представительное лице воспріемниковъ младенца, съ тѣхъ поръ какъ распространеніе Христіанства призываетъ насъ еще младенцами, въ царствіе Божіе. Но и при самомъ началѣ Церкви, бывали частные случаи крещенія младенцевъ: такъ Апостолъ Петръ окрестилъ въ Яффѣ перваго изъ язычниковъ, сотника Римскаго Корнилія, со всѣмъ его домомъ отъ мала до велика. Вѣра крещающаго священника, родителей и воспріемниковъ, восполняетъ недостатокъ самопознанія въ младенцѣ; а благодать Божія, какъ милость свыше раздаваемая, не по заслугамъ, но по нашей вѣрѣ и по любви Христовой къ человѣчеству, пріемлетъ всякій возрастъ, ибо всѣ равно ея не достойны и одинаково нуждаются въ спасеніи.

Поелику же воспріемники, нѣкогда избираемые для назиданія новыхъ Христіанъ и огражденія ихъ отъ языческаго враждебнаго общества, нынѣ, не только обязаны научать истинамъ вѣры воспринимаемаго ими отъ купели, но даже, по его младенчеству, за него отрекаться и давать обѣты: то помысли, съ какою осторожностію должно принимать на себя столь священное званіе, и съ какою вѣрою не заочно, но лично, должно предстоять при совершеніи таинства, влекущаго за собою столь великую отвѣтственность. По истинѣ, воспріемникъ, постигающій

всю важность своего званія, есть настоящій духовный отецъ младенца, и узы таинственнаго родства, воспріятаго имъ предъ лицемъ Христовымъ, столь же священны, какъ и узы крови и простираются до нѣкоторой степени на плотскихъ его дѣтей, которыя дѣлаются братіями сыну духовному.

Священникъ, оглашавшій язычника, поставлялъ его лицемъ къ востоку, у дверей церкви, въ одномъ хитонѣ, и разрѣшалъ поясъ, показывая тѣмъ, что отнынѣ разрѣшается союзъ его съ міромъ, и что стоящій въ преддверіи истины, долженъ обратиться отъ мрака прежнихъ дѣлъ. Тогда, по троекратномъ дуновеніи въ лице его, для изгнанія духа лукавства, трижды осѣнялъ знаменіемъ креста, съ возложеніемъ руки на главу его и нарекалъ ему имя, съ молитвою: «чтобы Господь сохранилъ прибѣгшаго къ Его святому имени, исполнилъ его вѣры, надежды и любви, для разумѣнія истиннаго Бога, написалъ его въ книгу жизни и прославилъ въ немъ имя Пресвятой Троицы».

Сею молитвою начинается и надъ младенцемъ оглашеніе, за коимъ слѣдуютъ четыре заклинанія противъ прелести искусителя. На послѣднемъ, Священникъ, взывая къ Создателю человѣковъ, дабы отверзъ мысленныя очи новорожденному и далъ ему Ангела свѣтлаго, дуетъ на уста, чело и перси младенца, трижды произнося слова сіи: «изжени изъ него всякаго лукаваго и нечистаго духа, сокрытаго и гнѣздящагося въ сердцѣ его».

Здѣсь исчисляетъ онъ многоразличные виды обольщеній: духа прелести, духа лукавства, духа идолослуженія и всякаго лихоимства, духа лжи и всякія нечистоты, чтобы тѣмъ обнаружить человѣку его

тайнаго врага, и внушить необходимость совершеннаго съ нимъ разрыва, для искренняго соединенія со Христомъ. Послѣ сего, обращая на западъ крещаемаго, трижды его спрашиваетъ: «отрицаешися ли сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ ангелъ его, и всего служенія его и всея гордыни его»? и воспріемники отвѣчаютъ за младенца: «отрицаюся».

Но, не довольствуясь симъ отреченіемъ, чтобы еще болѣе разрушить союзъ съ духомъ прелести и неправды и показать, сколь должно быть осторожнымъ противъ его тайныхъ непримѣтныхъ обольщеній, Священникъ еще трижды спрашиваетъ: «отрекся ли еси сатаны»? и опять трижды ему отвѣчаютъ: «отрекохся». Въ засвидѣтельствованіе явной вражды велитъ онъ и дунуть и плюнуть на него, и тогда обращаетъ новопросвѣщаемаго, отъ темнаго запада къ свѣтлому востоку, съ утѣшительнымъ вопросомъ трижды повторяемымъ: «сочетаваешися ли Христу»? и внявъ трижды отвѣтъ: «сочетаваюся» еще трижды спрашиваетъ: «сочетался ли еси Христу»? требуя рѣшительнаго слова: «сочетахся».—«И вѣруеши ли Ему»? говоритъ наконецъ Священникъ, «вѣрую Ему яко Царю и Богу», отвѣтствуетъ воспріемникъ и произноситъ за младенца символъ вѣры.

Сіе испытаніе есть уже послѣднее; посему прежде нежели крещеніемъ облечь во Христа, Священникъ хочетъ слышать произвольную твердую исповѣдь Божества и вочеловѣченія Христова, дабы съ вѣрою принято было таинство, сообщаемое только вѣрою, а потому опять спрашиваетъ: «сочетался ли еси Христу и вѣруеши ли Ему»? и снова слышитъ тотъ же отвѣтъ и символъ. Тогда велитъ крещаемому поклониться Христу, какъ поклонился нѣкогда

прозрѣвшій слѣпецъ, исцѣленный Спасителемъ, и воспріемники поклоняются съ сими словами: «поклоняюся Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй».

Священникъ заключаетъ оглашеніе, молитвою къ Господу, хотящему всѣмъ человѣкамъ спастися и въ разумъ истины внити, чтобы сподобилъ раба своего благодати крещенія, исполнилъ его силы Святаго Духа, въ соединеніи Христу, и сдѣлалъ его чадомъ царствія.

Пріуготовивъ такимъ образомъ младенца къ пріятію крещенія, онъ приступаетъ къ освященію самой воды, наружнаго вида таинства, но прежде, умиленно и втайнѣ, молитъ Господа, испытующаго сердца и утробы, призрѣть собственныя его согрѣшенія, дабы возвѣщающій свободу другимъ самъ не остался рабомъ грѣха, и, не взирая на недостоинства Священнослужителя, утвердить новорожденнаго Христу во святой его Церкви.

Укрѣпленный смиреніемъ, онъ возвышаетъ голосъ: «велій еси Господи и чудна дѣла Твоя, и ни едино слово достойно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ»! и пространно возвѣщаетъ славу Божію, котораго поетъ солнце и славитъ луна, и слушаетъ свѣтъ, и трепещутъ бездны, коему присутствуютъ звѣзды и служатъ Ангельскія силы, закрывая крылами лица свои. Потомъ, нисходя съ ужасомъ къ неизглаголанному человѣколюбію Христову, не потерпѣвшему видѣть родъ человѣческій мучимый отъ діавола, и въ образѣ раба пришедшему спасти насъ, восклицаетъ: «Ты убо, человѣколюбче Царю, пріиди и нынѣ, наитіемъ Святаго Духа, и освяти воду сію», и испрашивая на нее всѣ благословенія Іордановы, знаме-

нуетъ трижды крестомъ съ сими словами: «да сокрушатся подъ знаменіемъ креста Твоего вся сопротивныя силы».

Наконецъ молится, чтобы духъ лукавый, наводящій омраченіе помысловъ и мятежныя мысли, не сошелъ съ крещаемымъ въ воду сію, которая да обратится въ воду избавленія, освященія, очищенія плоти и духа, ослабу узъ, оставленіе прегрѣшеній, просвѣщеніе души, баню новаго бытія, обновленіе духа, дарованіе сыноположенія, одежду нетлѣнія и источникъ жизни; молитъ, чтобы крещаемый, отложивъ ветхаго человѣка, облекся въ новаго и, погребшись со Христомъ въ водахъ крещенія, съ нимъ бы и воскресъ и причелся къ перворожденнымъ чадамъ на небеси.

Наступила самая минута совершенія таинства; но, предъ тѣмъ какъ погрузить младенца въ подобіе смерти Христовой, Пресвитеръ освѣщаетъ его на сіе таинственное погребеніе елеемъ, какъ мертвеца, ибо отнынѣ онъ уже мертвъ міру, но живъ Богу, а потому и елей сей называется елеемъ радованія, и помазуетъ перси, во исцѣленіе души и тѣла, уши во услышаніе вѣры, руки для подвиговъ и ноги во еже ходити по стопамъ заповѣдей.

Таинственный елей знаменуетъ также благую маслину Іисуса Христа, къ которой прививается крещаемый, какъ новая вѣтвь, будучи отвергнутъ навсегда отъ дикой маслины міра, и самыя воды купели освящаются крестообразно елеемъ, въ знаменіе мира Божія съ человѣками; ибо Господь, предобразуя грядущую благодать Свою, послалъ въ ковчегъ Ноя голубицу съ масличною вѣтвію.

Тогда взявъ обнаженнаго младенца и возложивъ

на главу его руки, Священникъ, взирая къ востоку, погружаетъ его трижды въ спасительныя воды, съ призываніемъ имени Отца и Сына и Св. Духа, и новое чадо Церкви возносится отъ купели, таинственно рожденное и усыновленное Богу, чрезъ Іисуса Христа, свыше всякаго слова. Оно облекается въ ризу правды, въ бѣлую одежду нетлѣнія, замѣнившую кожаныя ризы, какія далъ Господь согрѣшившему Адаму; а воспріемникамъ даются свѣчи, въ знаменіе того невещественнаго свѣта, который просвѣтилъ младенца и сдѣлалъ его способнымъ пріять другое цѣлительное таинство *мѵропомазанія*, т. е. совершенія въ вѣрѣ.

Подобно какъ при крещеніи, посредствомъ воды, духовно омывается человѣкъ отъ грѣха, такъ и подъ видомъ мѵра, коимъ помазывается тѣло, запечатлѣвается и утверждается возрожденный отъ купели, въ истинахъ вѣры, и ему сообщаются силы духовныя благодати, для подвиговъ, какіе требуются отъ Христіанина. И хотя Священникъ совершаетъ сіе второе таинство, вслѣдъ за первымъ крещенія, для того, чтобы новое чадо Церкви имѣло въ себѣ, уже при самомъ началѣ, орудія сильныя противоборствовать обольщеніямъ: но мѵро, чрезъ которое они сообщаются, должно быть предварительно освящено Епископомъ соборно, потому что Апостолы всегда совершали въ вѣрѣ новокрещаемыхъ, соборною молитвою, съ возложеніемъ рукъ. Такъ Петръ и Іоаннъ, были посланы, отъ всего сонма двѣнадцати, въ Самарію, для утвержденія, въ вѣрѣ пріявшихъ тамъ святое крещеніе и запечатлѣли ихъ дарами Св. Духа; и сами Апостолы, прежде нежели сошелъ на нихъ видимо Духъ Святый, по вознесеніи Христовомъ, и

сдѣлалъ ихъ учителями вселенной, были утверждены въ вѣрѣ Спасителемъ, въ день Его воскресенія, когда, явившись сквозь затворенныя двери храмины, Онъ дунулъ на нихъ и сказалъ: «пріимите Духъ Святъ».

Мѵро же употребляется для того, чтобы Епископъ, освятившій оное, могъ заочно освящать имъ крещаемыхъ, и чтобы видимо изобразить невидимое помазаніе Св. Духа, нисходящее на Христіанина, подобно тому помазанію, какимъ освящались ветхозавѣтные Священники, Цари и Пророки. Пресвитеръ, съ молитвою, постепенно знаменуя мѵромъ крестъ на всѣхъ частяхъ тѣла, на челѣ, очахъ, ноздряхъ, устахъ, ушахъ, персяхъ, рукахъ и ногахъ, говоритъ, при каждомъ помазаніи: «печать дара Духа Святаго, аминь». Съ сей только минуты принадлежитъ младенцу имя *Христіанина*, ибо и названіе Христа, т. е. *помазанника*, выражаетъ, что Спаситель былъ свыше помазанъ Духомъ Божіимъ, какъ Онъ самъ о себѣ возвѣщаетъ: «Духъ Господень на Мнѣ, его же ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя.

Священникъ совершаетъ трижды, съ воспріемниками несущими младенца, хожденіе кругомъ купели, противъ солнца, возглашая: «елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся», ибо новый воинъ, облекшійся во Христа, долженъ идти къ нему, солнцу правды, руководимый ученіемъ вѣры, не по привольному пути міра, склоняющемуся на западъ, но вопреки его стихіямъ и началамъ и собственнымъ страстямъ своимъ.

Послѣ сего знаменательнаго хода, чтеніе посланія Апостола Павла, къ Римлянамъ, объясняетъ намъ духовную силу таинства крещенія: «Всѣ мы,

крестившіеся во Іисуса Христа, погружались въ смерть Его; и такъ мы погреблися съ Нимъ крещеніемъ въ смерть, дабы, какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, славою Отца, такъ и мы ходили въ обновленной жизни, ибо если мы соединены съ Нимъ подобіемъ смерти, то должны быть соединены и подобіемъ воскресенія, зная то, что ветхій нашъ человѣкъ распятъ съ Нимъ, чтобы исчезло тѣло грѣха, дабы намъ не быть уже рабами грѣху, ибо кто умеръ, тотъ свободенъ отъ грѣха. Если же мы умерли со Христомъ, то вѣримъ, что намъ и жить съ Нимъ; зная, что Христосъ, воскресшій изъ мертвыхъ, уже не умираетъ, смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти; ибо когда Онъ умеръ, умеръ однажды для грѣха, а живя Онъ живетъ для Бога. Такъ и вы почитайте себя для грѣха мертвыми, а живыми для Бога, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ» (Рим. VI, 3—11).

Конецъ Евангелія отъ Матѳея свидѣтельствуетъ, послѣ чтенія Апостола, о самомъ учрежденіи таинства Христомъ: «Одиннадцать же учениковъ пошли въ Галилею на гору, куда повелѣлъ имъ Іисусъ, и увидя Его, поклонились Ему, а иные усумнились и, приближась, Іисусъ сказалъ имъ: дана Мнѣ всякая власть на небеси и на земли; и такъ идите научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я заповѣдалъ вамъ, и се Я съ вами, во всѣ дни, до скончанія вѣка, аминь».

Въ первобытной Церкви новокрещенный, не выходя почти изъ храма, семь дней носилъ бѣлую одежду, возложенную на него, въ отличіе и знакъ духовнаго торжества, а на восьмой день, Священникъ, съ молитвою разрѣшалъ ему поясъ одежды и, окро-

пивъ святой водою, омывалъ губою, какъ уже очищеннаго и совершеннаго, и постригалъ власы въ знакъ отложенія мертвыхъ дѣлъ. Онъ опять напоминалъ ему, сими обрядами, что облеченный въ свѣтлую ризу Христову, омовенный отъ грѣха и очищенный Его вѣрою, и постриженный во имя Его, долженъ быть чистымъ, во все теченіе жизни своей, соблюдая нескверною одежду нетлѣнія и обрѣзывая въ сердцѣ своемъ всѣ страсти житейскія.

Нынѣ, когда оба таинства вмѣстѣ совершаются надъ младенцемъ, присоединяется къ нимъ и окончательный обрядъ сей. Священникъ, испрашивая новорожденному соблюденіе даровъ Св. Духа и жизнь вѣчную, кропитъ его водою съ сими словами: «оправдался еси, просвѣтился еси, освятился еси, омылся еси, именемъ Господа нашего» и отираетъ его напоенною губою, воспоминая при семъ великія таинства, надъ нимъ совершившіяся.

Наконецъ онъ постригаетъ его крестообразно, во имя Пресвятой Троицы, и молитъ: чтобы на главу освященнаго вѣрою младенца, сошло благословеніе Божіе, по примѣру Давида, и чтобы, возрастая до сѣдинъ старости, онъ славилъ Господа и зрѣлъ, во всѣ дни своей жизни, благая Іерусалима.

ПИСЬМО III.

Послѣ двухъ возвышенныхъ таинствъ, которыя внезапно возводятъ человѣка, отъ тьмы грѣховной къ свѣту Христову, и дѣлаютъ его совершенно новымъ

созданіемъ, перерождая въ водахъ крещенія и запечатлѣвая мѵромъ дары Св. Духа,—послѣ сихъ таинствъ, Господь даровалъ намъ третіе, еще болѣе божественное (если только можно такъ выразиться): ибо Онъ благоволитъ, чтобы мы искренно Ему *пріобщались*, вкушеніемъ Его *тѣла и крови*, и въ сей духовной пищѣ обрѣтали ту силу, какая должна поддерживать насъ на пути къ вѣчной жизни.

Всякое торжество мира или союза, между человѣками, запечатлѣвается братскою трапезою, въ засвидѣтельствованіе взаимной любви, и угощающій не щадитъ своихъ сокровищъ, чтобы только показать всю силу своей преданности тѣмъ, которые пришли на дружественный зовъ его; но сокровища, какія предлагаются намъ на божественной трапезѣ Спасителя, свыше всего человѣческаго, какъ и самое естество Его. То, что многострадальный Іовъ пророчески приводилъ, будто бы во свидѣтельство своей благости и любви къ нему домашнихъ, которые, желая еще тѣснѣйшаго съ нимъ союза, восклицали: «о кто бы далъ намъ отъ плотей его насытиться!» (Іов. XXXI, 31) то самое дозволилъ сынамъ человѣческимъ, пострадавшій за нихъ Сынъ Божій, въ знаменіе Своей любви.

И какъ все ветхозавѣтное было только тѣнію, образомъ новаго завѣта, то и при дарованіи закона народу Израильскому, избранному Богомъ, чтобы приготовить міръ къ принятію Христову, дана ему была, въ память избавленія изъ плѣна Египетскаго, таинственная пища, *агнецъ пасхальный*, коего кровь, окроплявшая домы Іудеевъ, спасала ихъ отъ Ангела смерти, поражавшаго Египтянъ. И другая небесная пища дарована была спасеннымъ агнчею

кровію,—*манна*, сорокъ лѣтъ питавшая ихъ въ пустынѣ, доколѣ не взошли они въ обѣтованную землю, и манна сія была знаменіемъ того небеснаго хлѣба, какимъ питаетъ насъ Искупитель, на пути странствія въ свое царство. Онъ далъ намъ сію безсмертную пищу, какъ плодъ, созрѣвшій на Его крестномъ древѣ, которымъ Онъ возвратилъ насъ къ невинности Адамовой, подобно какъ и Адаму насаждено было въ раю древо жизни, дабы живъ былъ во вѣкъ (Быт. III, 22). И такъ повсюду образъ сей таинственной пищи: въ раю начало, и тѣнь ея въ пустынѣ, а совершеніе въ горницѣ Сіонской, гдѣ Спаситель, благословивъ и преломивъ хлѣбъ, сказалъ: «пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое» (Матѳ. XXVI, 36).

Но прежде нежели, грядущій на вольную страсть, установилъ сіе таинство, Онъ уже заблаговременно приготовлялъ умы къ его принятію, ученіемъ и предобразовательными чудесами. Такъ учреждалъ Господь и таинство крещенія; ибо прежде чѣмъ даровалъ ему благодатную силу омывать грѣхи, Онъ предпослалъ въ пустыню Іоанна, крестившаго только крещеніемъ покаянія, съ проповѣдію, что грядущій по немъ креститъ, уже не одною водою, но и Духомъ. И здѣсь Спаситель показалъ Себя заранѣе питателемъ народа, два раза чудесно размноживъ нѣсколько хлѣбовъ, на пять и на четыре тысячи людей, пріучая ихъ къ той мысли, что Онъ одинъ будетъ питать Собою вселенную. Когда же народы потекли вслѣдъ за Нимъ, для сей земной пищи, Онъ возвѣстилъ имъ, что пища, отъ Него ожидаемая, будетъ небесная, и что безъ нея нѣтъ истинной жизни: «Я есмь хлѣбъ живый, сшедшій съ небеси;

ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ же, который Я дамъ, есть плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра». Тогда Іудеи стали спорить между собою, говоря: какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть Свою?—Іисусъ же сказалъ имъ: «истинно, истинно говорю вамъ: если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни; ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную и Я воскрешу его въ послѣдній день; ибо плоть Моя истинно есть пища и кровь Моя истинно есть питіе; ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ. Какъ послалъ Меня живый Отецъ, и Я живу Отцомъ, такъ и ядущій Меня жить будетъ Мною; сей то есть хлѣбъ, сшедшій съ небеси, не такъ какъ отцы ваши ѣли манну и умерли: ядущій хлѣбъ сей жить будетъ во вѣкъ» (Іоан. VI, 15—58).

И многіе изъ жителей Капернаума, начатки будущихъ Капернаитовъ, по ихъ невѣрію, тогда же воскликнули въ лице самому Христу Богу: «жестоко есть слово сіе, кто можетъ его послушати»! Посему Спаситель, предвидя невѣріе и зная что человѣкъ, омраченный грубыми чувственными помыслами, не можетъ возвыситься духомъ, до тайны Его Божества, предварилъ учениковъ Своихъ: что никто не можетъ придти къ Нему, если сего не дано будетъ отъ Отца Его, и, желая отъ нихъ свободной вѣры, спросилъ: «не хотите ли и вы отойти»? но Петръ отвѣтствовалъ Ему, и за Апостоловъ и за всѣхъ вѣрующихъ: «Господи, къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни, и мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго» (ст. 65—69).

И такъ чистая и божественная жизнь, жизнь духовная, которую утратилъ человѣкъ, вкусивъ отъ плода древа познанія добра и зла, не можетъ быть вновь имъ пріобрѣтена иначе, какъ вкушеніемъ истиннаго хлѣба небеснаго, хлѣба жизни. Недостаточно одного вѣрованія въ слова Христовы, необходимо самое пріобщеніе Его тѣла и крови, столь ясно выраженное Господомъ, какъ первое условіе и залогъ вѣчной жизни. Божественная жизнь должна найдти для себя достойное вмѣстилище, въ самомъ естествѣ нашемъ, чтобы уничтожилось тлѣніе, врожденное въ насъ отъ первороднаго грѣха, и чтобы весь человѣкъ могъ воскреснуть въ послѣдній день, не только въ духѣ, но и въ прославленномъ тѣлѣ, ибо не одна душа, но душа и тѣло составляютъ человѣка; посему и Слово Божіе сдѣлалось для насъ пищею, подъ двумя самыми свойственными ея видами, хлѣба и вина. Весьма положительны слова Христовы: «если не вкусите плоти Сына человѣческаго и не піете крови Его, не будете имѣть въ себѣ жизни» (Іоан. VI, 53). Здѣсь нельзя сомнѣваться въ настоящемъ ихъ значеніи; остерегись же дать какой либо иной превратный смыслъ столь яснымъ изрѣченіямъ и видѣть нѣчто символическое, или нѣкое духовное пріобщеніе тамъ, гдѣ Спаситель возглашаетъ во услышаніе всѣмъ: «плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питіе» (ст. 55). Онъ долженъ пребывать въ насъ, какъ и мы въ Немъ, чтобы весь человѣкъ жилъ Его жизнію.

«Сіе творите въ Мое воспоминаніе» (Лук. XXII, 19), сказалъ Спаситель ученикамъ своимъ, и тѣмъ самымъ Онъ далъ имъ, еще до смерти, залогъ вѣчнаго Своего присутствія между ними, которое по-

томъ обѣщалъ при вознесеніи: «и се Я съ вами во всѣ дни, до скончанія вѣка» (Мат. XXVIII, 20). Учредивъ Апостоловъ священнодѣйствователями Своего новаго завѣта, и давъ имъ власть совершать, во имя Его, то что Самъ совершилъ предъ ними, Онъ сдѣлалъ возможнымъ, для всѣхъ человѣковъ, вкушеніе Своей плоти и крови, и такимъ образомъ безпрерывно возобновляется крестная Его жертва, дабы люди, всѣхъ мѣстъ и временъ, могли лично въ ней участвовать и дѣйствительно пріобщаться Сыну Божію, ибо сіе есть условіе ихъ вѣчной жизни.

Повтореніе тайной вечери Христовой есть божественная литургія, во время коей, при молитвѣ Священнослужителя, наитіемъ Св. Духа, прелагаются хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христовы, а вѣрные приступаютъ къ пріобщенію оныхъ. Поелику таинство сіе, возвѣщающее смерть Господню до его втораго пришествія, столь велико, что по словамъ Апостола Павла: «кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей или пить чашу Господню недостойно, виновенъ будетъ противъ тѣла и крови Господней, и ѣстъ и пьетъ осужденіе себѣ, не уважая тѣла и крови Господней» (1 Кор. XI, 27, 29), то внимательная Церковь, допуская къ страшному таинству невинныхъ младенцевъ, слѣдуетъ, въ отношеніи взрослыхъ, совѣту того же Апостола: «и такъ да испытываетъ себя человѣкъ и такимъ образомъ пусть ѣстъ хлѣбъ сей и пьетъ отъ чаши сей». (ст. 38.)

Но какъ будетъ испытывать себя самъ человѣкъ? какъ вникнетъ во всѣ изгибы кичливаго сердца и достойно оцѣнитъ всѣ грѣхи свои предъ Богомъ? Если онъ подлинно, какъ въ зеркалѣ, увидитъ свою мрачную душу, то не овладѣетъ ли имъ чувство от-

чаянія, которое навсегда заставитъ его отказаться, страха ради, отъ пріобщенія тѣла и крови и, этимъ самымъ лишеніемъ жизненной пищи, лишитъ его и вѣчной жизни? Съ другой стороны, по свойственной каждому наклонности оправдывать свои поступки, сколь многіе, съ внутреннимъ самодовольнымъ оправданіемъ, приступили бы къ таинству и сдѣлались повинными тѣлу и крови Господнимъ! Могли бы случиться и такіе люди, которые, чувствуя даже свое недостоинство, страха ради нареканія человѣческаго, дерзнули бы вкусить себѣ осужденіе, въ спасительномъ таинствѣ. Борьба внѣшняго человѣка съ внутреннимъ и совѣсти съ дѣяніями, едвали не затруднительнѣе еще самыхъ утонченныхъ тяжбъ міра сего, для разрѣшенія коихъ прибѣгаютъ къ посредничеству и суду безпристрастнаго лица, имѣющаго законную власть ихъ оканчивать; не подобнаго ли же посредничества требуетъ и человѣкъ, въ борьбѣ съ самимъ собою?

Все сіе предвидѣла благая Церковь, на все обратила свое материнское вниманіе, когда оградила страшное таинство *пріобщенія* и самихъ причащающихся, другимъ предохранительнымъ таинствомъ *покаянія*. Посредствомъ исповѣди человѣкъ, открывая душу свою самому Богу, предъ лицемъ посвященнаго Ему служителя, получаетъ отъ него разрѣшеніе въ грѣхахъ своихъ, если приноситъ въ нихъ искреннее раскаяніе, или запрещается ему приступать къ таинству тѣла и крови, властію свыше дарованною отъ Христа ученикамъ своимъ. «Пріимите Духъ Святый, сказалъ имъ Господь, кому простите грѣхи, тому простятся, на комъ оставите, на томъ останутся» (Іоан. XX, 22, 23), и еще прежде Петру:

«что свяжешь на земли, то будетъ связано на небесахъ, что разрѣшишь на земли, то будетъ разрѣшено на небесахъ» (Мат. XVI, 19). И какъ основаніемъ каждому изъ семи таинствъ Церкви служатъ, частію собственный примѣръ, частію слова Христовы, почерпнутыя изъ Евангелія, то и сіе четвертое таинство покаянія столь же ясно проявляется въ новомъ завѣтѣ, какъ самая его необходимость чувствуется въ собственномъ нашемъ сердцѣ.

Еще прежде проповѣди Спасителевой, мы уже слышимъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ Іоанна: «покайтеся, ибо приближилось царствіе небесное» (Мат. III, 2), и вся Іудея стремится на Іорданъ, исповѣдывать грѣхи свои Предтечѣ и принять отъ него предварительное крещеніе покаянія, чтобы потомъ достойно встрѣтить грядущаго Христа, имъ возвѣщаемаго, ибо одни чистые сердцемъ Бога узрятъ. И Спаситель безпрестанно окруженъ мытарями и блудницами, кающимися предъ Нимъ въ грѣхахъ своихъ и получающими разрѣшеніе, которые потомъ дѣлаются его усерднѣйшими послѣдователями, ибо имъ отпускаются грѣхи за многую любовь: «кому мало прощается, тотъ меньше любитъ», по словамъ Христовымъ (Лук. VII, 47).

И къ какому другому средству могли бы мы прибѣгнуть, для примиренія и общенія со Христомъ, если не чрезъ сіе спасительное таинство, утративъ однажды чистоту, дарованную намъ въ водахъ крещенія? Чѣмъ можемъ загладить проступки, въ которые вовлекаетъ насъ гордость духовная и плотская, если не смиреніемъ кичливаго сердца, чрезъ откровенное сознаніе грѣховъ нашихъ, предъ подобнымъ намъ человѣкомъ! Древніе Христіане, менѣе

насъ испорченные, слѣдуя заповѣди Апостольской: «исповѣдайте другъ другу согрѣшенія» (Іак. V, 16), ложились на прагѣ церковномъ и объявляли грѣхи свои въ слухъ всей братіи. Нынѣ же, когда отъ послабленія нравовъ, подобное сознаніе, предъ всѣми людьми, могло бы быть употреблено во зло: снисходительная Церковь не требуетъ общественнаго произвольнаго обличенія и довольствуется, чтобы кающіеся довѣряли грѣхи свои одному освященному лицу, какъ приходили нѣкогда исповѣдываться Іоанну и Апостоламъ; и если съ должною искренностію приступать къ сему таинству, то оно не только послужитъ къ разрѣшенію грѣховъ настоящихъ, но и преградою къ будущимъ. Какъ часто удерживаетъ отъ грѣха одна мысль, что должно будетъ открыть его духовнику, дабы, чрезъ добровольное сознаніе предъ однимъ лицемъ, обязаннымъ хранить тайну, избѣжать обличенія, предъ сонмомъ человѣковъ и Ангеловъ, на страшномъ судилищѣ Христовомъ.

Въ первобытныя времена кающіеся, отлученные отъ пріобщенія тѣла и крови Христовыхъ, за тяжкія согрѣшенія, раздѣлялись на четыре разряда. Одни не смѣли входить въ церковь и съ плачемъ просили молитвъ отъ проходящихъ; другіе стояли въ притворѣ и подходили подъ руку благословляющаго Епископа, вмѣстѣ съ готовящимися ко крещенію, и съ ними удалялись изъ храма; послѣдніе оставались и во время литургіи, но не приступали къ св. дарамъ, и сіе испытаніе, продолжавшееся иногда нѣсколько лѣтъ, смотря по степени вины, бывало сокращаемо по мѣрѣ усердія кающихся. И теперь возлагается церковное наказаніе или *эпитимія*, на тяжко согрѣшившихъ, чтобы, удаливъ ихъ

на время отъ божественнаго причастія, дать имъ возчувствовать вину свою и избѣжать осужденія недостойныхъ причастниковъ, виновныхъ въ тѣлѣ и крови Христовыхъ.—Но и тѣхъ, которыхъ Церковь почитаетъ достойными божественнаго таинства, и тѣхъ приготовляетъ она къ сей безсмертной трапезѣ, постомъ и молитвою, заблаговременно отвлекая ихъ помыслы отъ житейскаго, и внутренно очищая весь составъ бреннаго человѣка, дабы не опалился огнемъ причастія Христова.

Прежде, когда болѣе совершенства обрѣталось въ Христіанахъ, и вся жизнь ихъ была, какъ одно чистое говѣніе предъ Господомъ, они ежедневно или въ каждый воскресный день, подкрѣпляли себя на высокіе подвиги, небеснымъ хлѣбомъ Спасителя, какъ мы ежедневно поддерживаемъ грубое тѣло пищею; и когда, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, кто либо изъ Христіанъ не приближался къ св. дарамъ, Пресвитеры, по долгу своему, спрашивали ихъ: не имѣютъ ли на душѣ какого тяжкаго грѣха, воспрещающаго имъ причастіе? ибо и больнымъ и отсутствовавшимъ оно разносилось, руками Діаконовъ. Съ постепеннымъ же распространеніемъ Христіанства, между людьми всякаго рода и цѣлыми народами, Церковь начала поступать осторожнѣе, при раздаяніи святыхъ даровъ, нежели какъ бывало прежде, въ меньшемъ кругу вѣрныхъ, и четыре поста были избраны удобнѣйшимъ временемъ, для совершенія сего Христіанскаго долга, въ духѣ истиннаго покаянія.

Самый постъ не есть новое учрежденіе Церкви, но заимствованъ ею, какъ вспомогательное орудіе для молитвы, изъ примѣровъ святыхъ мужей ветхаго завѣта и самаго Спасителя. Сколько Пророковъ

приготовляли себя постомъ къ дѣлу проповѣди и возлагали его, какъ покаяніе, на цѣлые народы! Мы видимъ Моисея и Илію, послѣ сорокодневнаго поста, вознесшихся духомъ до созерцанія Божія; видимъ Іоанна Предтечу, котораго Спаситель назвалъ величайшимъ изъ всѣхъ рожденныхъ женами, проводящаго всю жизнь свою въ постѣ, среди пустыни. Самъ Искупитель пребылъ въ сорокодневномъ постѣ, на горѣ искушенія, и говорилъ о ученикахъ своихъ: «они будутъ поститься, когда отымется у нихъ женихъ» (Мат. IX, 15), что̀ и исполнилось, во время его страданія и смерти и по его вознесеніи, ибо Апостолы пребывали всегда въ постѣ и молитвѣ. А Церковь, по мѣрѣ своего распространенія, примѣняясь къ нуждамъ времени и людей, вмѣстѣ съ нѣкоторыми наружными обрядами, опредѣлила также и продолженіе каждаго поста и самый родъ пищи, для единообразія и порядка, дабы, чрезъ добровольное лишеніе, доставить вѣрнымъ подвигъ спасительнаго послушанія ея уставамъ.

Такимъ образомъ, Христіанинъ, внутренно расположенный къ принятію таинствъ, сперва приступаетъ благоговѣйно къ покаянію. Духовникъ, вмѣстѣ съ кающимся, молитвенно прибѣгаетъ ко Христу, пастырю и агнцу, и воспоминая примѣры ветхозавѣтные о прощеніи Давида и Манассіи, умоляетъ разрѣшить и сего грѣшника во всѣхъ его беззаконіяхъ, и предъ самою исповѣдію дѣлаетъ ему сіе трогательное увѣщаніе: «се чадо, Христосъ невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе твое; не устрашися, ниже убойся, и да не скрыеши что отъ мене, но не обинуяся рцы вся елика содѣлалъ еси, да пріимиши оставленіе отъ Господа нашего Іисуса Христа.

Се икона Его предъ нами, азъ же точію свидѣтель есмь, да свидѣтельствую предъ Нимъ вся елика речеши мнѣ; аще ли что скрыеши отъ мене, сугубъ грѣхъ имаши. Внемли убо, понеже бо пришелъ еси во врачебницу, да не неисцѣленъ отыдеши». По искренней исповѣди кающагося, Пресвитеръ, съ новою молитвою къ Господу, не хотящему смерти грѣшника, но дабы обратился и живъ былъ, разрѣшаетъ его по свыше данной ему власти.

Тогда начинаются приготовленія молитвенныя къ причастію, называемыя *вечернимъ и утреннимъ правиломъ*. Прежде нежели предаться покою, исповѣдавшійся, вмѣстѣ съ обычными молитвами на сонъ грядущій, читаетъ еще канонъ или акаѳистъ сладчайшему Іисусу, исполненный чувствъ раскаянія, и акаѳистъ Божіей Матери, ее величающій, и вслѣдъ за тѣмъ канонъ Ангелу хранителю. Другой умилительный канонъ причащенія, который изображаетъ всю важность пріемлемаго таинства, предлагается на утро, вмѣстѣ съ иными возвышенными молитвами, сердечнымъ изліяніемъ святыхъ: Василія Великаго и двухъ Іоанновъ, Златоуста и Дамаскина, и двухъ Симеоновъ, новаго Богослова и Метафраста. Такъ сильны и трогательны сіи двѣнадцать молитвъ, что ихъ внимательное чтеніе невольно смягчаетъ ожесточенное сердце, невольно исторгаетъ вздохи и слезы, и эти вздохи облегчаютъ душу, эти слезы очищаютъ сердце и умиротворяютъ огнь божественныхъ таинъ, попаляющій недостойныхъ.

Первый, св. Василій прибѣгаетъ ко Христу, источнику жизни и безсмертія, воспоминая Его страданія и, подобно блудному сыну, восклицаетъ: согрѣшихъ Господи, согрѣшихъ на небо и предъ То-

бою, и нѣсмь достоинъ воззрѣти на высоту славы Твоея! Но хотя и проникнутый чувствомъ своего недостоинства, какъ созданіе благаго Творца, не отчаявается о своемъ спасеніи, вмѣстѣ съ разбойникомъ и мытарями, и молитъ взявшаго грѣхъ міра— взять и его тяжкое бремя грѣховное, и очистить и соединить съ Собою, да не въ судъ будетъ причастіе святыни, но въ общеніе Св. Духа и напутіе живота вѣчнаго и благопріятный отвѣтъ на страшномъ судилищѣ Христовомъ.

Златоустъ слѣдуетъ за великимъ Василіемъ и въ ужасѣ останавливается: «Господи Боже мой, вѣмъ, яко нѣсмь достоинъ, ниже доволенъ, да подъ кровъ внидеши храма души моея, занеже весь пустъ и пался есть, и не имаши во мнѣ мѣста достойна, еже главу подклонити! но якоже съ высоты насъ ради смирилъ еси себѣ, смирися и нынѣ смиренію моему, и якоже воспріялъ еси въ вертепѣ и въ ясляхъ безсловесныхъ возлещи, сице воспріими и въ ясляхъ безсловесныя моея души и въ оскверненное мое тѣло внити». Далѣе воспоминаетъ онъ всѣ примѣры, человѣколюбиваго снисхожденія Спасителева къ грѣшникамъ и общенія съ ними, и на сіе опираясь, молитъ о благодатныхъ дѣйствіяхъ божественнаго причащенія, и для своей грѣшной души.

Потомъ Метафрастъ, изображая постепенно страданія воплотившагося Господа, молитвенно примѣняетъ къ намъ всѣ божественныя дѣйствія Христовы: проситъ, Его крестомъ умертвить страсти наши, погребеніемъ погребсти лукавые совѣты, воскресеніемъ возставить падшаго, и вознесеніемъ одесную Бога сподобить десной части спасаемыхъ, и освятить наитіемъ Св. Духа, и на второмъ пришествіи

дать срѣтить Господа на облакахъ, съ ликами Святыхъ. Но послѣ столь свѣтлыхъ надеждъ, внезапно заглянувъ въ свое сердце, съ трепетомъ переносится онъ къ сему послѣднему дню и, еще прежде Его пришествія, предстоитъ уже предъ Господомъ, у святаго жертвенника, и предъ страшными и свѣтлыми Ангелами, преклоненный своею совѣстію, и приноситъ свои лукавыя и беззаконныя дѣянія, обличая ихъ во всей наготѣ и подробности, не для себя, но болѣе для насъ, дабы побудить грѣшника, невольнымъ повтореніемъ грѣховъ своихъ къ ихъ сознанію.

И кроткій Дамаскинъ взываетъ также къ имѣющему власть оставлять грѣхи человѣкамъ, чтобы презрѣлъ всѣ его согрѣшенія и сподобилъ таинъ божественныхъ, не въ тяжесть, не въ муку, не въ приложеніе грѣховъ, но въ очищеніе и освященіе и обрученіе будущаго живота и царствія; а въ другой молитвѣ, памятуя и кровоточивую жену, исцѣлившуюся однимъ прикосновеніемъ края ризы Христовой, и блудницу разрѣшенную, когда держала Его пречистыя ноги, онъ содрогается благоговѣйно, при единой мысли, что дерзаетъ воспріять все тѣло Христово.

Молитва Симеона, новаго Богослова, возносится до торжественности гимна. Онъ смиренно молитъ Христа принять ее, отъ скверныхъ устенъ его и мерзкаго сердца, и нечистаго языка и души оскверненной, и дать силу дерзновенно изглаголать все что желаетъ, и научить что творить и глаголать: «и язвы зриши моя, но и вѣру вѣси, и произволеніе зриши и воздыханіе слышиши; не таится тебѣ, Боже мой, творче мой, избавителю мой, ниже капля слезная, ниже капли часть нѣкая; несодѣланное мое ви-

дѣсте очи Твои, въ книзѣ же Твоей и еще несодѣянная написана Тебѣ суть». Но зная, что никакіе грѣхи не превосходятъ долготерпѣнія и человѣколюбія Бога нашего, который творитъ кающихся общниками своего Божества, онъ снова дерзаетъ, радуяся вкупѣ и трепеща, огню причащаться и, странное чудо! орошается не опаляясь, какъ древле купина горѣвшая неопально.

Наконецъ божественный Златоустъ, прибѣгая къ заступленію Пречистой Дѣвы и Силъ небесныхъ и всѣхъ Святыхъ, заключаетъ рядъ вдохновенныхъ молитвенниковъ, столь живо проникнутыхъ воспріятымъ ими Христомъ,—умилительною молитвою, которую, предъ самымъ пріобщеніемъ, уже въ дверяхъ царскихъ, Пресвитеръ, съ чашею въ рукахъ, велитъ повторять за собою прачастникамъ, какъ исповѣданіе ихъ вѣры и смиренія: «вѣрую Господи и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ. Еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое, и сія самая есть честная кровь Твоя, молюся убо Тебѣ: помилуй мя и прости ми прегрѣшенія моя вольная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистыхъ Твоихъ таинствъ, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную. Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя пріими; не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдаю Тя: помяни мя Господи во царствіи Твоемъ».

ПИСЬМО IV.

Доселѣ я говорилъ тебѣ о четырехъ первыхъ таинствахъ, чрезъ которыя необходимо долженъ пройти каждый Христіанинъ, чтобы соединиться со Христомъ и быть истиннымъ чадомъ Его святой Церкви. Теперь обращу твое вниманіе и на три послѣдующія таинства, не всегда и не всѣмъ сообщаемыя, смотря по различнымъ обстоятельствамъ жизни.

Одно изъ таковыхъ есть *бракъ*, установленный при началѣ міра, самимъ Создателемъ, чтобы отъ благословеннаго корня раждались благословенные плоды и, послѣ искупленія міра, образующій духовно, чрезъ соединеніе мужа и жены, вѣчный союзъ Христа съ его Церковью; бракъ не бываетъ однакоже общимъ удѣломъ, хотя по истинѣ блаженно и любезно Богу состояніе супружеское, когда оно соотвѣтствуетъ своей высокой цѣли.

Рожденіе дѣтей есть какъ бы непрестанное продолженіе творческаго дѣла Божія, и раждаемое нами не есть одна лишь плоть, одушевленная чувственною жизнію, но существо разумное; посему сколь должно быть для насъ священно таинство брака, и сколь страшная дерзость похищать творческій даръ, для низкихъ страстей и неблагословенныхъ рожденій! Человѣкъ, нравственнымъ и естественнымъ бытіемъ своимъ, возносящійся надъ прочею тварію, уже ли долженъ, въ одномъ лишь произведеніи себѣ подобныхъ, уподобляться безсловеснымъ?

Когда же только соединенію двухъ разнаго пола лицъ, какъ двумъ жизненнымъ началамъ, ввѣрено свыше благословеніе произраждать дѣтей, то не со-

гласно даже и съ законами естественными нарушеніе подобнаго союза, или распространеніе онаго далѣе необходимаго двойства; тогда бы и жизненныя силы сдѣлались чуждыми первобытному чистому ихъ назначенію и самому свойству брака, двухъ только и навсегда обращающаго въ плоть едину, по словамъ Писанія.

«И созда Господь Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену, и приведе ю ко Адаму, и рече Адамъ: се нынѣ кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моея; сія наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть сія; сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два въ плоть едину» (Быт. II, 22—25). Жена созидается изъ ребра мужа для того, чтобы человѣкъ, сотворенный по образу Божію, былъ единственнымъ началомъ существъ своего рода, подобно какъ Богъ есть единственное начало всѣхъ родовъ существъ, и дабы жена была всегда близка къ сердцу мужа и естественно расположена къ покорности, будучи какъ бы его частію; наконецъ, чтобы облегчилось между ними взаимное сообщеніе мыслей, чувствованій, совершенствъ, и весь родъ человѣческій сдѣлался единымъ тѣломъ.

Посему строго запрещается, въ Христіанствѣ, многоженство и своевольное расторженіе супружескаго союза; даже и второй и третій браки, хотя и дозволяются Церковію, по снисхожденію къ немощи человѣческой, однакоже, особенно третій, не безъ очистительныхъ молитвъ и нѣкоторой эпитиміи, какъ отступленіе отъ первой чистоты единственнаго брака и угожденіе чувственности. Въ особенности наблюдаетъ Церковь за твердостію сего священнаго

союза, внимая словамъ Спасителя: «еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ» (Мар. IX, 9). Одно только нарушеніе вѣрности супружеской, то есть самаго закона естественнаго, можетъ, по словамъ Христовымъ, быть виною расторженія столь твердыхъ узъ. (Мат. XIX, 9).

Какъ новый завѣтъ есть исполненіе и совершенствованіе ветхаго, такъ и во всѣхъ его постановленіяхъ, предметы чувственные уступаютъ всегда высшей духовной цѣли; по сей причинѣ требуется нынѣ болѣе чистоты и условій нравственныхъ ко вступленію въ супружество, нежели какъ въ первобытномъ законѣ Моисеевомъ. По правиламъ Вселенскихъ Соборовъ, признаннымъ всею Церковію, брачущіеся должны быть чужды всякаго кровосмѣшенія, проистекающаго отъ родства плотскаго, по крайней мѣрѣ до пятой степени, чтобы болѣе уважались узы родства и тѣмъ соблюдалась чистота въ семействахъ. Но тѣмъ же священнымъ правиломъ наблюдается при бракѣ и духовное родство, происходящее отъ спасительнаго таинства крещенія, дабы высшее рожденіе по духу, не уступило и не примѣшалось низшему, по плоти, и такимъ образомъ не утратились бы небесные плоды перваго.

Самыя молитвы и обряды таинства, какъ нѣкая возвышенная проповѣдь, научаютъ брачущихся всей важности предначинаемаго ими подвига, на поприщѣ скоротечной жизни, и такъ всегда дѣйствуетъ заботливая Церковь, являя себя истинною матерію вѣрнымъ чадамъ, къ ней притекающимъ.

Прежде всего троекратныя оглашенія, о желающихъ вступить въ супружество, повторяются въ три праздничные дня послѣ литургіи, во услышаніе

всей церкви, для того чтобы отклонить отъ таинства всякій злоумышленный обманъ и предупредить недоумѣніе о узахъ родства, или какихъ либо тайныхъ обѣтахъ. А между тѣмъ, женихъ и невѣста должны приготовить себя духовно, исповѣдію и причастіемъ, къ своему новому званію и потому бракосочетаніе полагается, по уставу, тотчасъ послѣ литургіи и никакъ не позже вечерни, изъ видовъ благоразумной предосторожности.

Обрядъ обрученія, нѣкогда отдѣленный отъ вѣнчанія, во избѣжаніе частныхъ случаевъ непостоянства, соединенъ съ самымъ таинствомъ и совершается предъ началомъ брака, въ трапезѣ церковной. Послѣ краткихъ церковныхъ молитвъ, Священникъ, съ троекратнымъ крестнымъ знаменіемъ, даетъ сперва жениху златой перстень, блескомъ металла изображающій, что онъ, какъ солнце, долженъ свѣтить своей супругѣ, и потомъ даетъ серебряный, подобіе луны, невѣстѣ, какъ меньшему свѣтилу, заимствующему отъ бо̀льшаго свѣтъ свой, и обручаетъ ихъ другъ другу, во имя Пресвятой Троицы. Они взаимно мѣняются перстнями, а Священникъ воспоминаетъ патріархальное обрученіе Ревекки Исааку, чрезъ служителя Авраамова, бывшее въ Месопотаміи, и молитъ Господа: утвердить обручаемыхъ въ вѣрѣ, единомысліи, истинѣ и любви, поясняя въ то же время силу и знаменованіе перстня, изъ примѣровъ ветхозавѣтныхъ.

Тогда женихъ и невѣста, держа̀ въ рукахъ возженныя свѣчи, изображающія духовный свѣтъ таинства, торжественно входятъ въ церковь, предшествуемые Священникомъ съ кадильницею, дабы познали, что жизненный путь ихъ долженъ быть по

заповѣдямъ Господнимъ, а благія дѣла, какъ ѳиміамъ, возноситься къ Богу. На встрѣчу имъ, оба лика съ громогласнымъ пѣніемъ: «слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ»! привѣтствуютъ ихъ стихами 127-го псалма, въ которомъ Давидъ начерталъ картину благословеній Божіихъ, осѣняющихъ благочестивое супружество.

«Блажени вси боящіяся Господа, ходящіи въ путѣхъ его; труды плодовъ твоихъ снѣси, блаженъ еси и добро тебѣ будетъ; жена твоя, яко лоза плодовита, во странахъ дому твоего: сынове твои яко новосажденія масличная окресть трапезы твоея: се тако благословится человѣкъ бояйся Господа. Благословитъ тя Господь отъ Сіона и узриши благая Іерусалима вся дни живота твоего, и узриши сыны сыновъ твоихъ.—Миръ на Израиля».

Здѣсь, послѣ нѣсколькихъ поучительныхъ словъ, о святости супружества, и уже предъ самымъ началомъ вѣнчанія, Священникъ, еще однажды, испытуетъ сердца брачущихся, дабы, предъ лицемъ всей Церкви, объявили они добровольное согласіе на взаимный союзъ, безъ нарушенія иныхъ священныхъ обѣщаній, и, внявъ ихъ рѣшительному отвѣту, приступаетъ къ бракосочетанію, благословеніемъ царства Пресвятыя Троицы.

Послѣ краткой эктеніи, о ихъ благосостояніи душевномъ и тѣлесномъ, произноситъ онъ три пространныя и трогательныя молитвы, въ коихъ воспоминается таинственное созданіе жены изъ ребра Адамова, и первое благословеніе брачное въ раю, распространившееся въ послѣдствіи на Авраама и другихъ Патріарховъ и праотцевъ Христовыхъ по плоти. Онъ молитъ, чтобы Самъ воплотившійся отъ

Дѣвы и благословившій бракъ, въ Канѣ Галилейской, благословилъ и сочетавающихся рабовъ Своихъ, какъ Авраама и Сарру, Исаака и Ревекку, Іакова и всѣхъ Патріарховъ и Моисея, какъ родителей Пресвятыя Дѣвы, Іоакима и Анну, и родителей Предтечи, Захарію и Елисавету, и сохранилъ бы ихъ, подобно Ною въ ковчегѣ, и Іонѣ во чревѣ китовомъ, и тремъ отрокамъ въ пещи Вавилонской, и даровалъ бы имъ радость, какую имѣла Царица Елена, когда обрѣла честный крестъ. Онъ молитъ также Господа: помянуть не только брачущихся, но и родителей ихъ воспитавшихъ, зане молитвы родителей утверждаютъ основанія домовъ, и даровать новымъ супругамъ, вмѣстѣ съ плодами чрева, единомысліе душъ и тѣлесъ, долгоденствіе, цѣломудріе, взаимную любовь въ союзѣ мира, благодать въ чадахъ, обиліе благъ земныхъ и вѣнецъ неувядаемый на небесахъ.

Тогда, съ возложеніемъ на ихъ главы вѣнцевъ, которые знаменуютъ, что подвигъ дѣвственнаго цѣломудрія вѣнчается свыше, Священникъ повторяетъ надъ каждымъ лицемъ, называя его по имени, самыя слова, запечатлѣвающія таинство: «вѣнчается рабъ Божій рабѣ Божіей, во имя Отца и Сына и Святаго Духа» и, благословивъ трижды обоихъ, произноситъ: «Господи Боже нашъ, славою и честію вѣнчай я».

Чтеніе посланія Апостола Павла къ Ефесеямъ, повелѣваетъ женамъ повиноваться мужьямъ своимъ, какъ Господу, ибо мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава Церкви, а мужьямъ любить женъ своихъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь, и самаго Себя за нее предалъ и, приводя во свидѣ-

тельство сего неразрывнаго союза слова Бытія, наконецъ восклицаетъ: «тайна сія велика: я говорю по отношенію ко Христу и къ Церкви; такимъ образомъ каждый изъ васъ долженъ любить жену свою, какъ самаго себя, а жена должна бояться своего мужа». (Еф. V, 32, 33).

Вслѣдъ за Апостоломъ, Евангеліе отъ Іоанна возвѣщаетъ первое чудо Спасителя, въ Канѣ Галилейской, когда Онъ, преложеніемъ воды въ вино, засвидѣтельствовалъ небесное благословеніе таинству брака. Послѣ двухъ окончательныхъ эктеній молитва Господня: «Отче нашъ», какъ основаніе и вѣнецъ всѣхъ молитвъ, освящаетъ совершившееся таинство.

Еще два знаменательные обряда исполняются надъ брачущимися, напоминая имъ новыя обязанности ихъ званія. Священникъ, благословивъ сперва общую чашу, для общенія брака, трижды заставляетъ ихъ вкушать изъ нея вино, растворенное водою, дабы уразумѣли юные супруги, что отнынѣ, изъ той же чаши, должны они черпать нераздѣльно радость и горе и не чуждаться общенія между собою. Потомъ, соединивъ ихъ руки на эпитрахили, въ знаменіе неразрывнаго союза, ведетъ ихъ трижды кругомъ налоя, подобно какъ при таинствѣ крещенія вокругъ купели бываетъ водимъ или носимъ крещаемый, ибо и теперь предлежитъ новое поприще, хотя тотъ же путь указанъ по Христу. Въ сіе время оба лика поютъ: «Исаіе ликуй, Дѣва имѣ во чревѣ, и роди Сына Еммануила, Бога же и человѣка, Востокъ имя Ему, Его же величающе, Дѣву ублажаемъ.

«Святіи Мученицы, добрѣ страдальчествовавшіи, и вѣнчавшіися, молитеся ко Господу, помиловатися душамъ нашимъ».

«Слава Тебѣ Христе Боже, Апостоловъ похвало, Мучениковъ радованіе, ихъ же проповѣдь Троица единосущная».

Сіи торжественные гимны суть тѣ же, которые поются при таинствѣ священства. Но тогда ликованіе совершается въ алтарѣ, выражая торжество чисто духовное и небесное, а при бракѣ—среди церкви, чѣмъ изображается радость брака земная, восходящая до небесной. Первый гимнъ прославляетъ благословенное, высшее рожденіе Еммануила, дабы чрезъ сіе низвести, на вступающихъ въ бракъ, благословеніе къ рожденію дѣтей. Во второмъ и третьемъ гимнахъ, представляются радованіе и вѣнчаніе Мучениковъ и Апостоловъ, дабы мысль торжествующихъ бракъ не останавливалась на одной земной радости, но стремилась горѣ, къ радости небожителей.

По окончаніи торжественнаго шествія, Священникъ снимаетъ вѣнцы съ супруговъ, привѣтствуя ихъ словами, наполненными патріархальной простоты временъ Авраамовыхъ: «возвеличися женише якоже Авраамъ, и благословися якоже Исаакъ, и умножися якоже Іаковъ, ходяй въ мирѣ и дѣлаяй въ правдѣ заповѣди Божія».

«И ты, невѣсто, возвеличися якоже Сарра, и возвеселися якоже Ревекка, и умножися якоже Рахиль, веселящися о своемъ мужѣ, хранящи предѣлы закона, зане тако благоволи Богъ».

Вмѣстѣ съ привѣтствіемъ онъ еще однажды молитъ Господа, благословившаго бракъ Галилейскій, воспріять и вѣнцы сихъ брачившихся, нескверными и непорочными, въ своемъ царствіи; а юные супруги смиренно преклоняютъ головы предъ Господомъ,

внимая послѣдней молитвѣ, возсылаемой къ небу о ихъ благоденствіи и, по приглашенію Священника, цѣломудреннымъ взаимнымъ лобзаніемъ, запечатлѣваютъ святую и чистую любовь свою.

ПИСЬМО V.

Немощи человѣческія, тѣлесныя и душевныя, имѣютъ также духовное врачеваніе, въ спасительномъ таинствѣ *елеосвященія*, чрезъ видимое помазаніе болящаго освященнымъ елеемъ, при молитвѣ Священнослужителей объ отпущеніи его грѣховъ. Сіе таинственное дѣйствіе называется еще *соборованіемъ*, потому что, въ знаменіе семи утѣшительныхъ даровъ Святаго Духа, семь Священниковъ должны по уставу совершать оное, хотя и меньшее число ихъ можетъ дополнить, теплою молитвою недостатокъ соборнаго служенія.

Примѣръ божественныхъ Апостоловъ, которые, будучу посылаемы самимъ Спасителемъ, по словамъ Евангелиста Марка (VI, 12, 13), «проповѣдывали покаяніе и многихъ бѣсовъ изгоняли, и помазывали масломъ многихъ больныхъ и исцѣляли», служитъ основаніемъ сему таинству, точнѣе опредѣленному въ посланіи Апостола Іакова, дабы вѣрные знали какъ должно приступать къ нему: «болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ Пресвитеры церковные, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господа: и молитва вѣры спасетъ болящаго и воздвигнетъ его Господь, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему». (Іак. V, 14, 15).

Столь великія обѣщанія, духовныя и тѣлесныя, заключаются въ елеосвященіи! Самый наружный обрядъ его, съ семикратнымъ чтеніемъ Апостола и Евангелія, до такой степени утѣшителенъ, что даже непостижимо: какимъ образомъ мысль о неминуемой кончинѣ сопрягается нынѣ съ совершеніемъ сего таинства надъ болящимъ, когда, напротивъ, всѣ его молитвы гласятъ о исцѣленіи, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ могутъ служить и напутствованіемъ къ вѣчной жизни. Апостолъ не говоритъ: «умираетъ ли кто изъ васъ, но болитъ ли кто, пусть призоветъ Пресвитеры, и воздвигнетъ его Господь». Мы же, по губительному невѣрію, прибѣгаемъ сперва къ внѣшней помощи, а когда уже нѣтъ болѣе никакой надежды, приступаемъ къ пріобщенію и соборованію, забывая, что̀ сказалъ Спаситель слѣпцамъ, просившимъ у него исцѣленія: «по вѣрѣ вашей буди вамъ». (Мат. IX, 29).

И можно ли ожидать облегченія, когда болящій пріемлетъ таинства, или въ совершенномъ изнеможеніи, такъ что и самое внутреннее сознаніе ему измѣняетъ и духъ не напряженъ къ молитвѣ, или когда, не будучи приготовленъ къ той мысли, что причастіе и елей суть таинственныя орудія исцѣленія, слышитъ внезапное ихъ предложеніе, какъ смертный приговоръ, и такимъ образомъ бываетъ болѣе исполненъ страха смерти, нежели упованія жизни, во время тайнодѣйствія. Сами ближніе, окружающіе одръ больнаго, дѣйствуя часто въ томъ же духѣ невѣрія, не рѣшаются сдѣлать ему спасительнаго предложенія таинствъ и упускаютъ благопріятное время. Многіе предполагаютъ даже, будто бы елеосвященіе не можетъ быть повторяемо и, по сему

ложному мнѣнію, лишаютъ сами себя, на поприщѣ многоболѣзненной жизни, еще одной твердой опоры духа и врачеванія тѣлеснаго. Господь же не престаетъ взывать къ намъ: «пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы». (Мат. XI, 28).

Когда полное число Пресвитеровъ совершаютъ таинство, то старшій изъ нихъ, наполнивъ сперва ѳиміамомъ покой болящаго, кадитъ окрестъ стола, на коемъ лежитъ святое Евангеліе и поставлены въ кандилѣ елей и блюдо пшеницы, съ семью свѣчами и водруженными стручками для помазанія, и благословляетъ начало обычныхъ молитвъ. За ними слѣдуютъ тропари покаянія: «помилуй насъ, Господи, помилуй насъ», и умилительный канонъ о елеѣ, пустынное твореніе великаго Арсенія, который, объясняя силу таинства, взываетъ къ божественному врачу: «да тихостію печати Своея милости назнаменаетъ чувствія рабовъ Своихъ». Послѣ краткихъ стихиръ и эктеніи, о освященіи елея и здравіи болящаго, начальствующій творитъ первую молитву надъ кандиломъ: чтобы Господь, исцѣляющій души и тѣлеса, Самъ освятилъ елей сей, во исцѣленіе помазующагося и въ очищеніе всякой страсти и скверны плоти и духа и всякаго зла. А между тѣмъ поются трогательные тропари, на разные гласы: скорому въ заступленіи Христу Богу, и святому Его Апостолу и брату Іакову, первому строителю таинства, и чудотворному Святителю Мѵръ Ликійскихъ, и точителю мѵра великомученику Димитрію, и святымъ безсребреннымъ мученикамъ и цѣлителямъ, наконецъ Св. Іоанну, божественному другу Христову, и Пречистой Матери Божіей.

Тогда читаются, Діакономъ или чтецомъ, первое Апостольское посланіе Іакова, о установленіи таинства елеосвященія, а начальствующимъ Пресвитеромъ первое Евангеліе отъ Луки, о Самарянинѣ, который милосердовалъ къ ближнему, впадшему въ руки разбойниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ, воспоминая благодѣянія Христовы къ роду человѣческому, Имъ просвѣщенному и искупленному, и благодать служенія, данную Пророкамъ и Апостоламъ, тотъ же Пресвитеръ проситъ Господа: сдѣлать и его достойнымъ служителемъ новаго завѣта, и сотворить елей, уготованный для больнаго, елеемъ радованія, освященія, одеждою царскою, бронею силы, во отгнаніе всякаго діавольскаго дѣйствія, печатію ненавѣтною, вѣчнымъ веселіемъ, и помазываетъ болящаго крестообразно, на челѣ, ноздряхъ, ланитахъ, устахъ, персяхъ и рукахъ, съ сею молитвою: «Отче святый, врачу душъ и тѣлесъ, пославый единороднаго Твоего Сына, Господа нашего Іисуса Христа, всякій недугъ исцѣляющаго и отъ смерти избавляющаго, исцѣли и раба Твоего отъ обдержащія его тѣлесныя и душевныя немощи, и оживотвори его благодатію Христа Твоего, молитвами Пресвятыя Богородицы и предстательствомъ Святыхъ (коихъ называетъ имена)».

Подобно сему дѣйствуютъ и другіе шесть Священниковъ; каждый въ свою очередь, внявъ чтенію Апостола и прочитавъ самъ Евангеліе, помазываетъ елеемъ болящаго, съ тою же молитвою: Отче святый, врачу душъ и тѣлесъ»; но, прежде нежели приступить къ самому таинству помазанія, каждый изливаетъ душу свою предъ Господомъ, въ пространной и краснорѣчивой молитвѣ, чувствуя свое недостоинство и величіе таинства и нужды болящаго,

какъ зерцало собственныхъ немощей, и воспоминаетъ мночисленные примѣры помилованія грѣшниковъ и исцѣленія, въ ветхомъ и новомъ завѣтахъ. Столь умилительны и вмѣстѣ столь возвышенны сіи молитвы, что онѣ невольно извлекаютъ слезы у предстоящихъ и тогда даже, когда духъ ихъ смущенъ и развлеченъ, отчаяннымъ положеніемъ болящаго, близкаго ихъ сердцу.

Не менѣе разительно чтеніе шести остальныхъ Апостоловъ и Евангелій. Здѣсь является учитель язычниковъ, Павелъ, и повелѣваетъ сильнымъ носить немощи немощныхъ и, по примѣру Христову, угождать не себѣ, но ближнему во благое, взывая къ Богу терпѣнія и утѣшеній. Онъ внушаетъ, что всѣ суть члены тѣла Христова, и исчисляетъ степени церковныя и дарованія, превознося надъ всѣми любовь; называетъ вѣрующихъ храмами Бога живаго и проситъ очиститься, отъ всякой скверны плоти и духа; поставляетъ въ примѣръ, какъ его самого избавилъ Господь, посреди гоненій, когда уже онъ не надѣялся спасти жизни, и заповѣдуетъ упованіе на Бога; исчисляетъ плоды духовные, внушая духовнымъ, дабы исправляли падающихъ, и наконецъ, послѣ многихъ назидательныхъ увѣщаній, о всегдашней радости и непрестанной молитвѣ, проситъ вѣрныхъ да не угашаютъ въ себѣ Духа. Сей возвышенный рядъ посланій кончается, словами Апостола къ Солунянамъ: «Самъ же Богъ мира, да освятитъ васъ всесовершенныхъ во всемъ, и всесовершенъ вашъ духъ; и душа и тѣло непорочно, во пришествіе Господа нашего Іисуса Христа, да сохранится». (I Сол. V, 22, 23).

А предметами шести евангельскихъ чтеній избра-

ны, послѣ притчи о Самарянинѣ, сказаніе о мытарѣ Закхеѣ, обратившемся при посѣщеніи его Іисусомъ; посланіе на проповѣдь въ Іудею учениковъ, коимъ Господь далъ власть изгонять духовъ нечистыхъ, исцѣлять всякій недугъ и воскрешать мертвыхъ; также исцѣленіе, самимъ Спасителемъ, тещи Петровой и многихъ болящихъ, и притча Его, о пяти мудрыхъ и пяти безумныхъ дѣвахъ, не приготовившихъ елея въ срѣтеніе жениху, и великая вѣра жены Хананейской, усильно испросившей здравія своей дочери. Наконецъ Евангелистъ Матѳей самъ о себѣ повѣствуетъ, какъ онъ изъ мытаря сдѣлался Апостоломъ, и приводитъ отвѣтъ Іисусовъ роптавшимъ на Него Фарисеямъ: «не требуютъ здравіи врача, но болящіи; шедше же научитеся, что есть: милости хощу, а не жертвы? не пріидохъ бо призвати праведники, но грѣшники на покаяніе». (Матѳ. IX, 12, 13).

Когда же и послѣдній изъ Пресвитеровъ совершитъ помазаніе, тогда всѣ они окружаютъ одръ больнаго, (если самъ онъ не можетъ взойти въ ихъ средину), и начальствующій, разгнувъ святое Евангеліе, возлагаетъ письменами на главу его и произноситъ молитву къ Господу Іисусу, не хотящему смерти грѣшника, но да обратится и живъ будетъ: «не полагаю руку мою грѣшную, на главу пришедшаго къ Тебѣ во грѣсѣхъ и просящаго у Тебя, нами, оставленіе грѣховъ; но Твою руку крѣпкую и сильную, яже во святомъ Евангеліи семъ, еже сослужители мои держатъ на главѣ раба Твоего, и молюся съ ними и прошу милостивное и непамятозлобное человѣколюбіе Твое Боже, Спасителю нашъ».

Послѣ сего смиреннаго начала молитъ онъ Господа, объ оставленіи грѣховъ болящаго, по при-

мѣру древняго милосердія къ кающимся и, снявъ съ главы Евангеліе, даетъ цѣловать оное больному. Краткая эктенія, о милости, жизни, здравіи и спасеніи его и оставленіи грѣховъ, вмѣстѣ съ двумя стихирами святымъ безсребреннымъ исцѣлителямъ и Божіей Матери, заключаетъ таинство, и пріявшій оное благоговѣйно трижды кланяется совершителямъ, говоря изъ глубины сокрушеннаго сердца: «благословите отцы святіи и простите мя грѣшнаго».

ПИСЬМО VI.

Наконецъ желаю я бесѣдовать съ тобою, любезный другъ, о великомъ таинствѣ *священства*, которое можетъ по справедливости назваться вѣнцемъ и связію всѣхъ другихъ, ибо оно служитъ спасительнымъ орудіемъ для ихъ сообщенія, по благодати, данной Апостоламъ и постепенно нисшедшей, чрезъ непрерывное рукоположеніе, до нынѣшнихъ служителей Церкви Христовой.

Спаситель избралъ Себѣ предпочтительно, изъ всего сонма вѣрующихъ, сперва двѣнадцать Апостоловъ, потомъ и другихъ семьдесять учениковъ, и послалъ ихъ съ даромъ чудесъ и исцѣленій, проповѣдывать царствіе Божіе, еще во время собственной проповѣди, когда Самъ, какъ верховный Первосвященникъ, готовилъ принести Себя Отцу въ жертву, за грѣхи міра. По совершеніи же сей жертвы, въ самый день Своего воскресенія, Онъ даровалъ Апостоламъ власть отпущать грѣхи и, вознесшись на

небо, излилъ на нихъ видимо Св. Духа, въ огненныхъ языкахъ.

Такъ исполнились слова Пророковъ, обѣщавшихъ Израилю изліяніе Духа Святаго на дѣтей его, и новое священство въ замѣнъ ветхозавѣтныхъ Левитовъ; ибо и Глава новой Церкви, Христосъ, былъ поставленъ Первосвященникомъ, не по чину Ааронову и обрядамъ Іудейскимъ, но по чину Мелхиседека, Священника Бога Вышняго, таинственнаго по рожденію и кончинѣ, и помазанъ отъ Отца, Духомъ Святымъ.

Здѣсь, въ сугубой благодати, дарованной Апостоламъ, и въ той, какая сообщена была семидесяти ученикамъ, проявляются уже, при самомъ началѣ благовѣствованія, двѣ основныя степени священства: *Епископа и Пресвитера*, въ послѣдствіи учрежденныя Апостолами, съ различіемъ во власти при сходномъ священнодѣйствіи; ибо, совершая одинаково божественную жертву тѣла и крови Христовыхъ, Пресвитеры подчинены Епископамъ и отъ нихъ пріемлютъ посвященіе. Третья же начальная степень *Діакона*, то есть служителя, установлена Апостолами, въ первенствующей Церкви, для служенія вѣрнымъ при божественной трапезѣ, дабы высшіе строители таинъ Христовыхъ могли исключительно посвятить себя проповѣди и молитвѣ. Въ книгѣ Дѣяній (VI, 6) сохранился и самый образъ посвященія въ санъ духовный, чрезъ возложеніе рукъ Апостольскихъ на главу избираемаго, при соборной молитвѣ, сообщавшей ему благодать Святаго Духа. Христіане, исключительно предназначенные для совершенія и преподанія таинствъ, должны сами, въ бо̀льшей мѣрѣ, быть причастниками благодати, дабы

получить дерзновеніе приблизиться къ страшному алтарю Христову. И донынѣ, отъ временъ Апостольскихъ: дѣйствіе *рукоположенія* или *хиротоніи* (по Гречески) служитъ запечатлѣніемъ таинству священства, при возведеніи въ три главныя степени: *Діакона, Пресвитера и Епископа*, неизмѣнно сохранившіяся во Вселенской Церкви. Прочіе же чины церковные суть ничто иное, какъ ихъ подраздѣленіе и примѣненіе къ состоянію духовныхъ лицъ, и посему таинство священства не повторяется надъ пріемлющими сіи званія.

Такимъ образомъ, Діаконы именуются *архидіаконами* или *протодіаконами*, какъ старѣйшіе между собратіею при особѣ архіерейской, и вообще имя *іеродіакона* присвоено всѣмъ монашествующимъ изъ числа ихъ, какъ равно *іеромонахами*, т. е. священноиноками, называются Пресвитеры или Священники иночествующихъ. Начальствующій надъ бѣлымъ духовенствомъ при соборѣ, *протоіерей*, соотвѣтствуетъ саномъ начальнику обители, который, судя по ея степени, бываетъ *строителемъ*, *игуменомъ* или *архимандритомъ*, но въ сущности есть ничто иное какъ Священникъ, съ нѣкоторымн преимуществами во власти и служеніи.

Четыре степени существуютъ также въ высшемъ достоинствѣ Архіерейскомъ, которое, по уставамъ Вселенскихъ Соборовъ, должно быть необходимо устранено отъ узъ и обязанностей брака, дабы Святители, чрезъ отреченіе отъ міра, удобнѣе могли, какъ истинные пастыри, заняться стадомъ, ввѣреннымъ имъ отъ Главы Церкви Христа.

Они бываютъ *Епископами* или *Архіепископами*, судя по важности своихъ епархій (на Востокѣ же

Архіепископомъ сначала стали именовать начальствующаго надъ нѣсколькими Епископами одной области); санъ *Митрополита* означаетъ собственно столичнаго Архіерея, со властію Архіепископа. Титулъ же *Патріаршій* присвоенъ исключительно Архіепископамъ: Іерусалимскому, какъ Святителю Сіона, матери Церквей; Антіохійскому, какъ наслѣднику каѳедры, на которой возсѣдали Апостолы Петръ и Павелъ, и которой принадлежитъ начало имени *Христіанъ*; Александрійскому, какъ преемнику Св. Апостола Марка; Константинопольскому, какъ Архіепископу столицы Греческой имперіи. Въ той же степени, до отдѣленія Западной Церкви, былъ Римскій Архіепископъ, какъ святитель древней столицы; а по отдѣленіи Папы, отъ общенія прочихъ Восточныхъ Патріарховъ, званіе пятаго ихъ собрата перенесено было, общимъ ихъ согласіемъ, въ возвеличенную Провидѣніемъ Церковь Россійскую. Посему и нынѣ Патріархи, Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій, пребывая въ духовномъ союзѣ со Святѣйшимъ Синодомъ, который замѣнилъ въ Россіи Патріарха, суть представители Православной Восточной Каѳолической Церкви, созданной на основаніи Апостоловъ и Пророковъ, имѣющей краеугольнымъ камнемъ самаго Христа Бога.

Теперь я постараюсь объяснить тебѣ постепенно священные обряды, употребляемые Церковію при рукоположеніи своихъ служителей, и прежде всего скажу нѣсколько словъ о *причетникахъ*, которые, не составляя еще собственно священнаго чина, призваны предварительно на служеніе Богу, чтобы изъ числа ихъ посвящались въ послѣдствіи Діаконы и

Пресвитеры. Посему когда, во время служенія архіерейскаго, приводятся къ его каѳедрѣ, посреди церкви, избранные въ должность причетниковъ, то сперва постригаютъ имъ власы, въ знакъ посвященія Богу, а потомъ облекаютъ въ бѣлый стихарь, одежду чистоты духовной. Въ первенствующей Церкви между ними находились, не только *чтецы и свѣщеносцы*, по нынѣшнему псаломщики и пономари, но и *заклинатели*, которыхъ должность исключительно состояла въ чтеніи заклинательныхъ молитвъ, противъ духовъ нечистыхъ и надъ болящими.

Высшая изъ приготовительныхъ степеней церковнаго служенія и ближайшая къ священству, есть степень *иподіакона*, предназначеннаго для того, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ служеніи архіерейскомъ, замѣнять Діакона. Избранный приводится также на средину церкви, къ сидящему Архіерею, и два Діакона или иподіакона, всегда находящіеся при особѣ Святителя на литургіи, по его благословенію, возлагаютъ крестообразно орарь на новаго служителя Христова, дабы препоясать его симъ знаменіемъ силы и готовности къ служенію. Святитель осѣняетъ, крестнымъ знаменіемъ, главу его, произнося молитву посвященія, и тотчасъ, для введенія въ новую должность, даютъ ему какъ служителю, держать умывальницу и лентіонъ, во время умыванія рукъ архіерейскихъ.

Чинъ хиротоніи Діакона и Пресвитера совершается почти единообразно, въ общемъ и открытомъ ходѣ обрядовъ, но съ важнымъ различіемъ въ молитвахъ и словахъ тайнодѣйственныхъ, и не въ одинакое время литургіи. Діаконъ рукополагается по освященіи даровъ, въ знакъ того, что онъ можетъ

только служить таинству, совершаемому Епископомъ или Пресвитеромъ, но не имѣетъ власти дѣйствовать, а Пресвитера посвящаютъ тотчасъ послѣ великаго входа, чтобы онъ самъ участвовалъ въ приношеніи безкровной жертвы. Онъ, и на великомъ входѣ, предварительно идетъ предъ Св. дарами, покровенный воздухомъ, въ знаменіе благодати Духа Святаго, готовой его осѣнить. Болѣе же двухъ посвященій, одного Діакона и одного Пресвитера, по уставамъ Соборовъ Вселенскихъ, не бываетъ на одной литургіи.

Два Діакона приводятъ новопоставляемаго ко вратамъ царскимъ, и покланяясь Архіерею, сидящему на каѳедрѣ близъ угла престола, какъ бы одесную Христа, невидимо присутствующаго на престолѣ и дѣйствующаго чрезъ видимое служеніе рукоположителя, возглашаютъ: «повели, повелите, повели, преосвященнѣйшій Владыко». Второе *повелите* относится къ Церкви, ибо въ первыя времена ея, участвовавшіе въ избраніи служителя алтарю, сами присутствовали при его представленіи Святителю. Тогда Протодіаконъ, если поставляется Діаконъ, если же Священникъ, то Архимандритъ или Протоіерей, ведутъ его около престола противъ солнца, какъ и при другихъ таинствахъ, по пути къ востоку духовному, а не западу, и указываютъ ему цѣловать сперва четыре угла престола, какъ престолъ самого Господа, на коемъ совершается его жертва за грѣхи міра, потомъ нѣкоторыя части святительскихъ одеждъ и наконецъ руку Архипастыря, орудіе готовой излиться на него благодати; но прежде, посвящаемый, смиренно повергается къ стопамъ его, въ знакъ всегдашняго послушанія власти церковной. Трижды повторяется таинственное шест-

віе, а между тѣмъ лики поютъ торжественные гимны, которые, восторгая душу къ созерцанію, представляютъ, по тремъ степенямъ священства, три созерцательные образа: Діакону,—образъ Мучениковъ, чтобы обрекъ себя служить Христіанскимъ таинствамъ съ самопожертвованіемъ, даже до мученичества, какъ перводіаконъ и первомученикъ Стефанъ.

Пресвитеру,—образъ Апостоловъ, чтобы онъ ихъ ученію и примѣру послѣдовалъ, въ совершеніи таинствъ и проповѣданіи Христіанскихъ догматовъ.

Епископу,—не только образъ Апостоловъ, но и образъ Пресвятыя Дѣвы Богоматери, чтобы онъ, подражая ея дарованію чистоты духа и тѣла, и подкрѣпляясь ея молитвою, питалъ въ себѣ материнское чувство въ отношеніи къ дѣтямъ Церкви и, высшимъ служеніемъ, распространялъ въ ней жизнь Божію и дары Св. Духа.

«Святіи Мученицы, добрѣ страдальчествовавшіи и вѣнчавшіися, молитеся ко Господу, помиловатися душамъ нашимъ».

«Слава Тебѣ, Христе Боже, Апостоловъ похвало, Мучениковъ радованіе, ихъ же проповѣдь, Троица единосущная».

«Исаіе ликуй, Дѣва имѣ во чревѣ, и роди Сына Еммануила, Бога же и человѣка: Востокъ имя Ему, Его же величающе, Дѣву ублажаемъ».

Тогда Святитель, возставъ съ каѳедры, становится у праваго угла престола, и предъ нимъ преклоняетъ правое колѣно новопоставляемый, если ему назначена меньшая степень Діакона, какъ бы еще не полное иго Христово, и оба колѣна, если готовится въ Пресвитеры; Архіерей же, съ крест-

нымъ знаменіемъ возложивъ на главу его руку и край своего омофора, знаменіе воплощенія Христова, провозглашаетъ имя и степень посвящаемаго, и всю Церковь приглашаетъ, къ соучастію въ тайнодѣйственной молитвѣ, сими словами: «божественная благодать, всегда немощныя врачующи и оскудѣвающія восполняющи, проручествуетъ благоговѣйнѣйшаго Иподіакона или Діакона, въ Діакона или Пресвитера; помолимся убо о немъ, да пріидетъ на него благодать Всесвятаго Духа».

По Гречески отвѣчаютъ лики на сіе провозглашеніе: «Киріе елейсонъ», Господи помилуй, въ память неразрывнаго общенія съ матерью нашею, Греческою Церковію. Тогда Святитель, еще трикратно благословивъ главу посвящаемаго, втайнѣ призываетъ на него благодать Святаго Духа, испрашивая ему дары потребные той степени, на которую онъ возводится. По исполненіи молитвы, преподавая ему священныя одежды и книгу, или орудіе служенія, каждый разъ и опять по Гречески, возглашаетъ во услышаніе всей Церкви *«аксіосъ»*, т. е. достоинъ, а за нимъ то же повторяютъ по три раза лики, доколѣ не облачится ставленникъ. Тогда новому Діакону даютъ, на все время совершенія даровъ, держать надъ ними рипиду, знаменуя его служеніе Церкви; Священникъ же становится въ ряды своихъ сослужителей къ престолу, и Архіерей, по преложеніи хлѣба въ божественное тѣло, полагаетъ ему въ руку одну животворящую часть, какъ залогъ ввѣряемый ему отъ Христа и долженствующій вѣрно быть сохраненнымъ, а посвященный, ставъ позади престола, размышляетъ надъ сею страшною святынею о своемъ недостоинствѣ, доколѣ не услышитъ

призывнаго возгласа: «святая святымъ»! Въ самый часъ пріобщенія, новые служители алтаря, приступаютъ къ безсмертной трапезѣ прежде прочихъ, той же степени, чтобы почувствовали, съ какою ревностною любовію возжелалъ Христосъ сотворить съ ними сію пасху. Оба они, послѣднею эктеніею и заамвонною молитвою, заключаютъ литургію, послѣ коей Епископъ даетъ имъ въ алтарѣ приличное наставленіе.

Съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ совершается торжество посвященія Архіерейскаго, дабы съ одной стороны вѣрные чада Церкви видѣли, на какую высокую степень поставляется ихъ пастырь и исполнились къ нему благоговѣнія, а съ другой, чтобы и самъ посвящаемый Епископъ, чрезъ произносимые имъ обѣты и таинственные обряды, позналъ всю важность и долгъ своего званія. Введеніемъ на сей выспренній путь служатъ предварительныя молитвы, произносимыя при его нареченіи, сонмомъ Архіереевъ, когда въ присутствіи Святѣйшаго Синода объявляютъ о его избраніи, и умилительные тропари Св. Духа, воспѣваемые тогда старческимъ гласомъ Святителей, представляющихъ Соборную Церковь.

«Благословенъ еси Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей, ниспославъ имъ Духа Святаго, и тѣми уловлей вселенную, Человѣколюбче слава Тебѣ».

«Егда снисшедъ языки слія, раздѣляше языки Вышній; егда же огненные языки раздаяше, въ соединеніе вся призва, и согласно славимъ Всесвятаго Духа».

Чудная противуположность изображается стиха-

ми сего тропаря: въ Вавилонѣ смѣшеніе языковъ, отъ надменнаго столпотворенія, и враждебное раздѣленіе народовъ; въ смиренной же храминѣ Сіонской огненное раздаяніе языковъ, сдѣлавшее рыбарей ловцами вселенной, дабы всѣ народы соединились во славу Божію. Таковъ благодатный отголосокъ новаго завѣта, на одну изъ страшныхъ картинъ ветхаго.

Самый чинъ посвященія Архіерейскаго начинается, испытаніемъ въ вѣрѣ избираемаго и его присягою, ибо Епископъ поставляется въ Церкви, какъ свѣтильникъ, не только народу, но и Пресвитерамъ, ему сослужащимъ, и вѣра его должна быть несомнѣнна. Для сего собираются всѣ Архіереи, находящіеся въ столицѣ, и садятся, въ полныхъ облаченіяхъ, на амвонѣ посреди церкви; нареченный выходитъ къ нимъ изъ алтаря, въ сопровожденіи старшаго Священнослужителя и Діакона, которые въ древности были представителями клира и города, избиравшихъ себѣ Епископа, и ручались предъ Соборомъ за нравственныя его качества. Онъ становится на край разостланнаго ковра, съ изображеніемъ парящаго великаго орла надъ градомъ, ибо орелъ образуетъ высоту богословскаго ученія, которое обязывается благовѣстить поставляемый Епископъ и, подобно орлу, всегда горѣ парящему, горняя мудрствовать и горнихъ искать, по Апостольскому слову, бдительнымъ окомъ надзирая надъ паствою, а градъ образуетъ сію паству, вручаемую новому Пастырю; отселѣ малые орлы, всегда подстилаемые на литургіи подъ ноги Архіерея, служатъ ему, во всю жизнь, напоминовеніемъ той присяги, какую онъ долженъ здѣсь совершить, наступивъ на орла. Тогда на вопросъ первенствующаго между Свя-

тителями: «чего ради пришелъ еси, чего просиши и како вѣруеши»? отвѣтствуетъ онъ: «хиротоніи Архіерейскія благодати» и читаетъ громогласно символъ вѣры. По благословеніи старѣйшаго и по вторичномъ его вопросѣ, о томъ: «какъ исповѣдуетъ вочеловѣченіе Христово»? ибо сей догматъ есть основаніе нашего спасенія, онъ становится на средину орла, и пространнѣе излагаетъ свое исповѣданіе, согласное съ Соборною Апостольскою Церковью, отвергая всѣ ереси и громко возглашая имъ анаѳему, чтобы никто изъ православныхъ Христіанъ, собранныхъ въ церкви, не сомнѣвался въ томъ, что онъ исповѣдуетъ вѣру Каѳолическую Восточную, какъ единую истинную.

Въ третій разъ первенствующій Архіерей вопрошаетъ ставшаго уже на главу орла: «какъ содержитъ онъ каноны Св. Апостолъ и Св. Отецъ»? Избранный же клянется соблюдать уставы Вселенскихъ седми Соборовъ и девяти помѣстныхъ, и быть въ общеніи и любви съ братіями своими Епископами и повиноваться духовной власти Святѣйшаго Синода, исполняя свято долгъ своего званія, который въ подробности излагаетъ. Въ то же время творитъ онъ, какъ подданный, обычную присягу своему Государю, призывая Бога во свидѣтели истины всѣхъ своихъ обѣщаній Церкви, и подходитъ къ амвону принять благословеніе всѣхъ Архіереевъ, послѣ чего поется многолѣтіе и онъ возвращается въ алтарь, а литургія начинается обычнымъ порядкомъ.

Когда же, послѣ входа со святымъ Евангеліемъ, всѣ Архіереи, вслѣдъ за первенствующимъ, торжественно вступаютъ въ алтарь, и воспѣвается трисвятая пѣснь, возносящая мысли къ созерцанію та-

инственной Троицы,—тогда избранный приводится опять Протоіереемъ и Архидіакономъ ко вратамъ царскимъ. Тамъ пріемлетъ его сонмъ Архіереевъ, посреди коихъ преклоняетъ колѣна, прямо противъ среды престола, какъ бы припадая непосредственно ко Христу, невидимо здѣсь присутствующему; они возлагаютъ сперва разгнутое Евангеліе, письменами на главу его, какъ бы руку самого Господа Іисуса, зовущаго на проповѣдь слова Божія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свои освященныя руки, и первенствующій возглашаетъ тайнодѣйственныя слова: «избраніемъ и искусомъ боголюбезнѣйшихъ Архіереевъ и всего освященнаго Собора, божественная благодать» ... и прочее, какъ при хиротоніи Пресвитера и Діакона.

Потомъ, благословивъ его троекратнымъ знаменіемъ креста, во имя Пресвятыя Троицы, онъ тихо произноситъ надъ нимъ молитву, воспоминающую преемственную благодать священства, нисшедшую къ служителямъ Церкви отъ самихъ Апостоловъ. Между тѣмъ всѣ Архіереи продолжаютъ держать, на главѣ его, десныя руки, потому что, по уставамъ вселенскимъ, одинъ Святитель не можетъ посвящать равнаго себѣ и необходимо соборное рукоположеніе; они также тихимъ голосомъ отвѣтствуютъ: «Господи помилуй» на тихую эктенію одного изъ среди своей, молящагося о благѣ Церкви и новопоставляемаго ея сановника. Наконецъ первенствующій заключаетъ таинство другою трогательною молитвою, въ коей проситъ Господа: «сотворить сего новаго строителя таинъ достойнымъ Своимъ подражателемъ, путеводдемъ слѣпыхъ, свѣтомъ сущихъ во тьмѣ, наказателемъ немудрыхъ, учителемъ младенцевъ, свѣтильникомъ въ мірѣ, да совершивъ души ввѣрен-

ныя ему въ сей жизни, предстанетъ престолу Его непостыдно и великую мзду пріиметъ, юже уготовилъ пострадавшимъ за проповѣдь Евангелія».

Послѣ общаго «аминь» произнесеннаго всѣми Святителями, старшій изъ нихъ пріемлетъ отъ Діаконовъ священныя одежды и подаетъ саккосъ, панагію, омофоръ новому Епископу, провозглашая его, со всѣмъ Соборомъ, *«аксіосъ»* достойнымъ; а онъ на каждую одежду проситъ благословенія всѣхъ Архіереевъ, цѣлуя ихъ руки; наконецъ, увѣнчанному митрою, всѣ участвующіе въ рукоположеніи, даютъ цѣлованіе мира, какъ равному себѣ. Тогда отходятъ и разоблачаются; остается одинъ первенствующій и, для слушанія Апостола и Евангелія, возводитъ на горнее мѣсто вновь посвященнаго своего сослужителя, водворяя его въ святилищѣ и утверждая на каѳедрѣ церковной. Они совершаютъ вмѣстѣ божественную литургію, и первый изъ нихъ пріемлетъ дискосъ, а вторый чашу, на великомъ входѣ; благословеніе же святыхъ даровъ принадлежитъ старѣйшему; но во время причащенія старшій подаетъ Пресвитерамъ святое тѣло, а младшій святую чашу. По окончаніи божественнаго служенія, всѣ Архіереи, въ мантіяхъ, собираются опять у престола, и старѣйшій надѣваетъ на посвященнаго мантію съ источниками, изображающими источники благодати, долженствующіе истекать изъ устъ его; потомъ восходятъ они на амвонъ, посреди церкви, и первенствующій вручаетъ, съ пастырскимъ поученіемъ, жезлъ правленія новому Епископу, который благословляетъ народъ.

ПИСЬМО VII.

Хотя я уже сказалъ тебѣ все, что при собственной моей неопытности, какъ мірянинъ, могъ говорить о святыхъ седми таинствахъ, касаясь болѣе внѣшнихъ обрядовъ нежели самого догмата: хочу однако присовокупить еще нѣчто, о *иночествѣ*, которое, не будучи въ числѣ таинствъ, служитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ важнымъ дополненіемъ оныхъ, ибо принято какъ приготовленіе къ высшимъ степенямъ Іерархіи, образуетъ духовное обрученіе со Христомъ, и даже, по возвышенности своихъ обѣтовъ, называется у Св. Отцевъ вторымъ крещеніемъ.

По примѣру великаго пустынножителя Пророка Иліи, удостоившагося видѣть славу преображенія на Ѳаворѣ, и по примѣру Іоанна Предтечи, бо̀льшаго изъ всѣхъ рожденныхъ женами, по словамъ самого Христа, начали уединяться первые отшельники Христіанства, чтобы, вдали отъ искушеній и напастей языческаго міра, молитвенно созерцать Господа, подобно Ангеламъ на небесахъ. Они послѣдовали совѣту Апостола Павла, который, предвидя скорби истинныхъ Христіанъ, представилъ самъ себя въ примѣръ отреченія отъ міра: «я вамъ сказываю, братіе, время уже тѣсно; имѣющіе женъ должны быть какъ неимѣющіе, и радующіеся какъ нерадующіеся, и покупающіе какъ не пріобрѣтающіе, и пользующіеся міромъ симъ, какъ непользующіеся, потому что преходитъ образъ міра сего, а я хочу, чтобы вы были безпечальны. Неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ» (1 Кор. VII, 26, 33).

Отселѣ любовь къ цѣломудрію и возвышенность

духа надъ всѣми преходящими благами, и разрѣшеніе отъ всѣхъ мірскихъ узъ, или по крайней мѣрѣ пламенное желаніе сей духовной свободы, были всегда первыми стихіями монашескаго быта. Есть люди, въ которыхъ, по особенной благодати Божіей, влеченіе ко всему божественному, священному и вѣчному, столь живо, что они, кажется, только легкою нитію придерживаются временнаго и конечнаго; тогда собственно духовная природа человѣка столь рѣзко въ немъ проявляется, что противоположная ей умираетъ уже почти въ сей жизни, и самая жизнь, по словамъ Апостола, сокровена со Христомъ въ Богѣ. Такого рода люди не предпринимаютъ рѣшительнаго намѣренія отказаться отъ всего временнаго, чтобы заняться вѣчнымъ; безбрачіе, строгое воздержаніе въ пищѣ, удаленіе отъ житейскихъ наслажденій, не служатъ для нихъ средствомъ къ достиженію чего либо высшаго по духу; нѣтъ, они уже сами находятся въ семъ высшемъ состояніи, которое такъ преисполняетъ ихъ сердце, такъ удовлетворяетъ всѣмъ ихъ желаніямъ, что они, сами по себѣ, непринужденно воздерживаются отъ всего, такъ называемаго житейскаго, и внѣшній образъ ихъ жизни есть только выраженіе внутренняго ихъ расположенія. У большей части Христіанъ, въ теченіе жизни, бываютъ иногда минуты, въ которыя благочестивая дѣятельность овладѣваетъ внутреннимъ человѣкомъ, до такой степени, что всѣ тѣлесныя потребности умолкаютъ и какъ бы не дѣйствуютъ. То, что со многими случается рѣдко, съ немногими же чаще, то самое, у нѣкоторыхъ избранныхъ, бываетъ обычнымъ.

Таковы были Антоній великій, Пахомій, оба Макарія, и другіе основатели житія иноческаго въ

пустыняхъ Египта; таковы, и въ каменистыхъ ущеліяхъ Палестины, Иларіонъ, Евѳимій, Ѳеодосій, Савва, не считая прочихъ великихъ отшельниковъ. Святые мужи сіи отличались, не только глубокимъ знаніемъ вещей божественныхъ и великимъ благочестіемъ, но и, по выспренности своего духа, не подчиненнаго внѣшнимъ впечатлѣніямъ, они имѣли ясный взглядъ на предметы и разумъ благихъ совѣтовъ, нѣкоторые же еще и даръ чудесъ и сверхъестественную силу исцѣленій и прозрѣніе будущаго. Къ нимъ, какъ къ избраннымъ друзьямъ Божіимъ, стекались изъ далекихъ странъ народы, привлекаемые свойственнымъ каждому уваженіемъ ко всему священному и великому, и многіе послѣдовали ихъ примѣру. Между сими подражателями нѣкоторые имѣли истинное расположеніе къ иноческой жизни, но это, не совсѣмъ ясное въ нихъ чувство, требовало еще образованія и развитія, ибо внутреннее ихъ духовное богатство не могло само достигнуть совершенства; получивъ же однажды направленіе, они уже, твердою стопою, шли по новому выспреннему пути. Такимъ образомъ, вокругъ уединенныхъ келлій первыхъ отшельниковъ, образовались постепенно *скиты*, то есть мѣста подвиговъ духовныхъ, и обширныя *лавры*, какъ бы вѣнецъ ихъ, по самому наименованію и ими наполнились вскорѣ Египетъ и Сирія.

Въ четвертомъ столѣтіи, самомъ цвѣтущемъ для иночества, Св. Василій великій, Архіепископъ Кесаріи, проведшій многіе годы въ уединеніи, послѣ продолжительнаго ученія въ Аѳинахъ, и посѣтившій обители пустынножителей, написалъ, сходно съ ихъ уставами, правила монашеской жизни для отшельниковъ своей Каппадокійской епархіи, отколѣ

распространились они во всю Восточную Церковь, вмѣстѣ съ обрядами литургіи и другими канонами сего величайшаго Іерарха. Святая гора Аѳонская и монастырь Студитовъ къ Константинополѣ сохранили, во всей строгости, уставъ иноческій Вселенскаго учителя, и въ совершенной чистотѣ передали Церкви Россійской, когда, во времена Великаго Князя Изяслава, въ XI вѣкѣ, первые пустынножители наши, Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, пожелали устроить, по образу ихъ, свою новую обитель въ лѣсахъ и въ пещерахъ Кіева; оттолѣ развилось иночество по всей Россіи, и всегда было украшеніемъ и спасеніемъ отечества, во дни его славы и бѣдствій.

Я разсказалъ тебѣ, вкратцѣ, о началѣ иночества; но если бы вникнуть пространнѣе въ постепенное его развитіе, если бы обнять мыслію сей такъ сказать, отдѣльный монашескій міръ, исполненный совершенства духовнаго, который процвѣлъ въ пескахъ Ѳиваиды и утесахъ Палестины и дремучихъ лѣсахъ нашей родины, если бы изобразить всѣ подвиги святыхъ отшельниковъ и ихъ безмолвную жизнь, посвященную частію молитвѣ, частію трудамъ и призрѣнію убогихъ,—какая бы величественная, назидательная картина развилась предъ тобою! Но я не могу выходить изъ краткихъ предѣловъ сего письма и опишу тебѣ только одни трогательные обѣты, произносимые при вступленіи въ иночество. Ты увидишь изъ нихъ, какія добродѣтели требуются отъ инока и сколь священно и назидательно міру лице его, когда, по мѣрѣ слабыхъ силъ человѣческихъ, исполняетъ онъ долгъ своего званія; ты увидишь также, и можетъ быть не безъ изумленія, что отреченія монашескія не многимъ разн-

ствуютъ отъ тѣхъ обѣтовъ, какіе даетъ каждый Христіанинъ, при святомъ крещеніи, потому что, кромѣ безбрачія и дѣвственности, которая присвоена иночеству, какъ высшая добродѣтель процвѣтшая въ мірѣ только со временъ Спасителя, и кромѣ исключительнаго упражненія въ постѣ и молитвѣ, все прочее: смиреніе, цѣломудріе, послушаніе, преданность Христу Богу, требуются отъ инока наравнѣ съ каждымъ Христіаниномъ. На всѣхъ одинаково лежитъ легкое иго Христово и пребываніе наше въ мірѣ не можетъ служить извиненіемъ, въ тяжкихъ отступленіяхъ отъ заповѣдей Божіихъ.

Трехлѣтній *искусъ*, или степень *послушника*, служитъ вступленіемъ въ монашескую жизнь, чтобы желающіе оной прежде испытали свои силы и тогда уже произносили невозвратные обѣты. Есть еще и другая приготовительная степень: прежде совершеннаго постриженія облекаютъ иногда послушника не въ полное одѣяніе инока, съ установленными молитвами, что̀ называется *рясофоромъ*, т. е. ношеніемъ рясы, дабы, въ ожиданіи полнаго иночества, онъ еще болѣе утверждался на избранномъ пути. Самое иночество заключаетъ въ себѣ двѣ степени, *малый* и *великій образъ* (по Гречески *схима*), потому что чистое житіе инока даетъ ему Ангельскій образъ на землѣ: но названіе *схимника*, обычаемъ, исключительно присвоено у насъ только инокамъ высшей степени, весьма малочисленнымъ, которые, памятуя совершенное свое отреченіе и уже, живя мыслію за гробомъ, большею частію предаются безмолвію и затвору.

Когда наступитъ день желаннаго постриженія, готовящійся братъ, предъ началомъ литургіи, принявъ благословеніе Игумена, слагаетъ съ себя обыч-

ныя одежды, на паперти церковной, и стоитъ въ преддверіи, въ одной власяницѣ, безъ пояса и обуви и покрова, въ знакъ своего разрѣшенія отъ міра; по входѣ съ Евангеліемъ и пѣніи антифоновъ, вся братія, съ возженными свѣчами, исходитъ за нимъ, какъ бы въ срѣтеніе кающемуся сыну Евангельской притчи, и поетъ умилительнымъ напѣвомъ: «объятія отча отверсти ми потщися, блудно иждихъ мое житіе, на богатство неиждиваемое взираяй щедротъ Твоихъ, Спасе, нынѣ обнищавшее мое сердце не презри. Тебѣ бо, Господи, во умиленіи зову: согрѣшихъ, Отче, на небо и предъ Тобою».

Въ дверяхъ царскихъ, какъ бы во вратахъ отеческаго дома, встрѣчаетъ Игуменъ трижды припадающаго брата и творитъ ему краткое увѣщаніе: чтобы онъ отверзъ ушеса своего сердца, внемля гласу Господа, зовущаго воспріять свое легкое иго, и помнилъ бы, когда со страхомъ и радостію будетъ давать обѣты, что Самъ Спаситель, и Его Матерь и всѣ небесныя Силы, внимаютъ словамъ его, которыя отзовутся ему въ послѣдній день воскресенія.

Тогда вопрошаетъ: «что пришелъ еси, брате, припадая ко святому жертвеннику и святой дружинѣ сей»? и внявъ отвѣту: «желая житія постническаго, честный отче», опять спрашиваетъ: «желаеши ли сподобитися ангельскаго образа и вчинену быти лику монашествующихъ»?—«Ей, Богу содѣйствующу, честный отче», смиренно отвѣчаетъ послушникъ; Игуменъ же одобряетъ его благое намѣреніе сими словами: «во истину добро дѣло и блаженно избралъ еси: но аще и совершиши е; добрая бо дѣла трудомъ стяжаваются и болѣзнію исправляются».

Но не довольствуясь произвольнымъ прише-

ствіемъ новаго подвижника и его первымъ сознаніемъ, онъ еще испытываетъ подробно: «вольною ли мыслію приступаетъ къ Богу, а не отъ нужды и насилія? пребудетъ ли въ монастырѣ и постничествѣ даже до послѣдняго издыханія? сохранитъ ли себя въ дѣвствѣ и цѣломудріи и благоговѣніи и въ послушаніи къ настоятелю и братіи? и потерпитъ ли всякую скорбь и тѣсноту житія монашескаго, ради царствія небеснаго»? и на все сіе слышитъ тотъ же смиренный отвѣтъ, исторгаемый сознаніемъ своей немощи и упованіемъ небесной силы: «ей, Богу содѣйствующу, честный отче».

Послѣ столь искренняго сознанія, удаляющаго уже всякую тѣнь сомнѣнія о доброй волѣ постригающагося, Игуменъ подаетъ ему благіе совѣты, объясняя въ чемъ состоитъ житіе иноческое: онъ полагаетъ основаніемъ его чистоту, смиренномудріе и совершенное самоотверженіе, предостерегаетъ о искушеніяхъ, какія воздвигнетъ на воина Христова врагъ человѣческій, памятію прежняго житія, и предлагаетъ ему въ примѣръ святыхъ Мучениковъ и Самого, обнищавшаго насъ ради Господа, и наконецъ еще однажды спрашиваетъ: «обѣщается ли пребывать въ сихъ обѣтахъ, даже до конца жизни, по благодати Христовой?

«Ей, Богу содѣйствующу», снова отвѣчаетъ подвижникъ; Игуменъ же, воспоминая молитвенно благоутробіе щедраго Бога, рекшаго Израилю: «аще бы и жена забыла изчадіе свое, Азъ не забуду тебе», укрѣпляетъ духъ новаго брата, обѣтованіемъ небесной силы въ подвигахъ духовныхъ, и утѣшенія Святаго Духа, и части святыхъ Антонія, Евѳимія, Саввы и сущихъ съ ними во Христѣ Іисусѣ.

Онъ велитъ преклонить голову сперва ему, потомъ и всей братіи и молитъ Господа, признавшаго достойными Себѣ служителями тѣхъ, кои оставили все житейское, и показавшаго намъ различные пути ко спасенію,—оградить и сего раба Своего, силою Св. Духа, принять его чистую жертву Богу и, съ отъятіемъ власовъ его, отъять и всякую похоть безсловесную, сподобивъ его легкаго своего ига, и соблюденія святыхъ заповѣдей, и сопричтенія къ лику избранныхъ.

Тогда, указывая ему на святое Евангеліе, лежащее на аналоѣ, какъ на самое присутствіе Христово, напоминаетъ, что по собственной волѣ хочетъ онъ обрученія великаго и Ангельскаго образа; это подтверждаетъ самъ постригающійся и, по повелѣнію Настоятеля, трижды подаетъ ему ножницы отъ святаго Евангелія. Игуменъ же говоритъ: «се отъ руки Христовы пріемлеши я; виждь кому сочетаешися, къ кому приступаеши и кого отрекаешися», и въ третій разъ, пріявъ изъ рукъ его ножницы, съ благословеніемъ имени Божія, постригаетъ власы ему, крестообразно, во имя Пресвятой Троицы.

При тихомъ пѣніи всей братіи: «Господи помилуй» начинается облаченіе новаго инока въ одежды его сана, рукой Настоятеля, объясняющаго постепенно ихъ духовное значеніе, съ призываніемъ имени Тріединаго Бога. «Братъ нашъ, говоритъ онъ, облачается въ хитонъ вольныя нищеты и нестяжанія: пріемлетъ парамантъ, во обрученіе великаго образа и знаменіе креста Господня, на свои перси; одѣвается одеждою радости духовной; препоясуетъ чресла свои силою истины, въ умерщвленіе тѣла и обновленіе духа; покрывается шлемомъ надежды спа-

сенія и покрываломъ послушанія; пріемлетъ (мантію) ризу спасенія и броню правды; обувается въ сандаліи во уготовленіе благовѣствованія мира; пріемлетъ мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій», и наконецъ: «братъ нашъ пріялъ обрученіе великаго Ангельскаго образа, и облекся во всѣ оружія, во имя Отца и Сына и Святаго Духа»; но при каждомъ облаченіи, онъ просительно обращается къ братіи: «рцемъ о немъ: Господи помилуй»!

Тогда Настоятель, съ молитвою, даетъ крестъ, въ правую руку инока, напоминая ему слова Христовы: «рече Господь: аще кто хощетъ послѣдовати Мнѣ, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и да послѣдуетъ Мнѣ».

Онъ даетъ ему и возженную свѣчу, съ которою долженъ стоять всю литургію, до своего причащенія, у иконы Спасителевой, и опять произноситъ: «рече Господь: тако да возсіяетъ свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ».

Облачивъ же совершенно новаго инока, молится: чтобы Господь ввелъ раба Своего въ духовный Свой дворъ, сопричелъ къ словесному Своему стаду; очистилъ его мудрованіе отъ плотскихъ похотей, и далъ бы ему непрестанно воспоминать блаженство, ожидающее любящихъ Бога и распявшихся, житіемъ монашескимъ, ради царствія небеснаго.

Тотъ же самый порядокъ вопросовъ, увѣщаній и молитвъ наблюдается и при постриженіи въ великую схиму, но по важности сего высшаго Ангельскаго образа, есть разность въ нѣкоторыхъ молитвахъ и увѣщаніяхъ, которыя пространнѣе, будучи приспособлены къ духовнымъ нуждамъ схимника, а

въ облаченіи есть измѣненіе:—вмѣсто *клобука* надѣваютъ на него *куколь* незлобія и потомъ еще *аналавъ*, подобный священнической эпитрахили съ крестами. Особенный канонъ положенъ также на утрени для постриженія, и трогательны самые антифоны, которые долженъ произносить пріемлющій схиму, когда вступаетъ въ церковь: «хотѣхъ слезами очистити моихъ грѣховъ рукописаніе, Господи, и прочее живота моего благоугодити Тебѣ, но врагъ льститъ мя и боретъ душу мою; Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя».

«Кто обуреваемь и притекаяй къ пристанищу сему не спасется? или кто, болѣзнуя и припадая ко врачеству сему, не исцѣлѣетъ? Содѣтелю всѣхъ и врачу недужныхъ, Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя».

«Овча есмь словеснаго Твоего стада, и къ Тебѣ прибѣгаю, пастырю доброму, взыщи мя заблудшаго Боже, и помилуй мя».

Когда постриженіе иноческое не совершается во время литургіи, то и тогда, послѣ облаченія новаго брата и краткой эктеніи Діакона, о его благосостояніи духовномъ, и пѣнія крещальнаго стиха: «елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся, аллилуія», читается, во услышаніе его, Апостолъ и Евангеліе. Св. Павелъ, въ посланіи своемъ къ Ефесеямъ (IX, 10—17), научаетъ какова духовная брань наша и какъ должны мы сражаться:

«Братія, укрѣпляйтесь въ Господѣ и въ могуществѣ силы Его: облекитесь во всѣ оружія Божія, чтобы вамъ можно было стать противъ козней діавольскихъ; потому что наша брань не съ плотію и кровію, но съ начальниками, властями, съ міропра-

вителями тьмы вѣка сего, съ духами злобы поднебесными. Для сего пріимите всеоружіе Божіе, дабы вы могли противустоять въ день злый и, все преодолѣвъ, устоять. И такъ станьте, препоясавъ чресла ваши истиною, и облекшись въ броню праведности, и обувши ноги въ уготованіе благовѣствованія мира. А паче всего воспріимите щитъ вѣры, которымъ возможете угасить всѣ раскаленныя стрѣлы лукаваго, и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть слово Божіе».

И Евангелистъ Матѳей, проповѣдуя самоотверженіе, именемъ Христовымъ, зоветъ къ Нему новаго подвижника: «любящій отца или мать, болѣе нежели Меня, не достоинъ Меня, и любящій сына или дочь, болѣе нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто не возьметъ креста своего и не послѣдуетъ за Мной, тотъ не достоинъ Меня. Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я упокою васъ; возьмите Мое иго на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ, ибо Мое иго благо и бремя Мое легко» (Мат. X, 37, 38, XI, 28, 30).

А братія, привѣтствуя цѣлованіемъ мира новаго своего сподвижника, поютъ: «познаемъ, братія, таинства силу: блуднаго сына, отъ грѣха востекшаго къ отчему дому, преблагій отецъ, встрѣтивъ, лобзаетъ и вновь даруетъ ему познаніе своей славы, и совершаетъ таинственное съ горними пиршество, закалая тельца упитаннаго, дабы мы достойно сожительствовали и предавшему его на закланіе, человѣколюбивому Отцу, и славной сей жертвѣ—закалаемому Спасу душъ нашихъ».

КНИГА IV.

О ПРАЗДНИКАХЪ И ПОГРЕБЕНІИ.

ПИСЬМО I.

Мы нѣсколько отвлеклись, любезный другъ, отъ постепеннаго хода церковныхъ службъ и праздненствъ, послѣдующихъ Пасхѣ, и какъ бы утомленные семинедѣльнымъ восходомъ на свѣтлую вершину, господствующую надъ всѣми горними торжествами Церкви, остановились, чтобы вкусить плоды крестнаго пути, въ созерцаніи ея таинствъ; съ столь высокой точки могли мы окинуть, радостнымъ взоромъ, и трудный восходъ нашъ и легкое уже шествіе, за предѣлами воскресенія Господня. Такъ, если только можно сравнивать небесное съ земнымъ, такъ усталому путнику, долго скитавшемуся по безпріютнымъ горамъ, внезапно открываются, съ ихъ темени, благословенныя южныя долины и, забывая всѣ трудности пути, онъ жадно стремится въ ихъ роскошное лоно, на берега живыхъ источниковъ, подъ тѣнь прохладныхъ рощей.

Такъ и для насъ, отрадно пролегаетъ духовная стезя, на разстояніи восьми недѣль, отъ свѣтлаго праздника Пасхи до огненнаго сошествія Св. Духа на Апостоловъ, и еще далѣе до праздника всѣхъ Святыхъ, взошедшихъ въ радость Господа своего: въ

противуположность постной тріоди, *тріодію цвѣтною* назвала Церковь ликующее богослуженіе сего времени, въ которое ликуетъ съ нею самая природа.

«Днесь весна душамъ, воспѣваетъ она, ибо Христосъ, какъ солнце, возсіялъ изъ гроба, тридневенъ, и отогналъ мрачную бурю нашего грѣха, и царица временъ приноситъ дары свои свѣтоносному дню, царю надъ всѣми днями».

Таже глубокая мудрость, съ какою расположены были всѣ пѣсни чтенія и обряды, возбуждавшіе насъ къ покаянію въ теченіи великаго поста, явствуетъ и въ цвѣтной тріоди, для увѣренія нашего въ спасительномъ воскресеніи Христовомъ. Въ самое первое воскресеніе, послѣ Пасхи, заботливая Церковь напоминаетъ намъ о краткомъ невѣріи Апостола Ѳомы, послужившемъ, для всѣхъ вѣковъ, твердымъ основаніемъ вѣры въ Воскресшаго, который, давъ осязать себя сомнѣвающемуся, исторгъ изъ устъ его радостное: «Господь мой и Богъ мой»!

«О преславное чудо! восклицаютъ вѣрные, Іоаннъ возлежалъ на персяхъ Бога Слова, Ѳома же сподобился осязать Его ребра, и одинъ извлекъ оттолѣ глубокое созерцаніе богословія, другой же тайно научаетъ насъ и ясно свидѣтельствуетъ, о знаменіяхъ Христова востанія, взывая: «Господь мой и Богъ мой»!

«Сколь велико и безпримѣрно множество щедротъ Твоихъ, Человѣколюбецъ, и сколь Ты долготерпѣлъ!—отъ Іудеевъ заушаемый и отъ Апостола осязаемый, и много испытуемый отметающимися Тебя: какъ воплотился Ты? и какъ распялся безгрѣшный?—*но вразуми и насъ*, подобно Ѳомѣ, взывать къ Тебѣ: «Господь мой и Богъ мой, слава Тебѣ».

На слѣдующей недѣлѣ память погребателя Іосифа и Мѵроносицъ, первыхъ свидѣтельницъ воскресенія Христова, представляетъ взорамъ нашимъ, еще однажды, упраздненный гробъ, а предъ дверьми его, какъ бы для взаимнаго удостовѣренія,—того, кто привалилъ къ нимъ камень, и женъ, обрѣтшихъ оный уже отваленнымъ на третій день, для каѳедры благовѣстнику Ангелу. «Подобало, говоритъ синаксарій сей недѣли, женскому полу, первѣе падшему подъ грѣхъ и наслѣдовавшему клятву, первѣе увидѣть и воскресеніе Христово и прежде всѣхъ внять радостной вѣсти; ибо первая Ева услышала горькое слово: въ печаляхъ родиши чада».

«Мужество благаго ихъ намѣренія побѣдило немощь женской природы; онѣ возліяли мѵро со слезами на гробъ, и радостію исполнились уста ихъ, воззвавшія: «воскресъ Господь»! И въ пѣсняхъ прославляющихъ ихъ подвигъ, въ теченіи всей недѣли, часто ликующіе гимны сливаются съ погребальными великой субботы, какъ отголосокъ божественной страсти, издаваемый гробовымъ утесомъ, вмѣстѣ съ обличеніями на Іудеевъ.

«Да рекутъ Іудеи: какъ утратили воины стрегущіе Царя? почто камень не сохранилъ въ себѣ камня жизни?—или погребеннаго пусть возвратятъ, или воскресшему да поклонятся съ нами».

За столь многими свидѣтельствами воскресенія слѣдуетъ, на разстояніи недѣли, евангельская повѣсть Іоанна, о разслабленномъ овчей купели, котораго исцѣлилъ Господь, во время празднествъ Еврейской пятидесятницы, въ день субботній, и тѣмъ воздвигъ на себя негодованіе Іудеевъ. Еще болѣе возревновали они, когда Мессія, укоряя ихъ жестоко-

сердіе, указалъ имъ на Моисея и Пророковъ, о Немъ свидѣтельствовавшихъ, и уже явно обнаружилъ Себя Сыномъ Божіимъ и равнымъ Богу, дабы всѣ чтили Сына, какъ чтутъ Отца. «Кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ и Отца, Его пославшаго», сказалъ Онъ, и сіе столь ясное свидѣтельство о Божествѣ, исшедшее изъ устъ Самого Господа, возглашается Церковію во услышаніе вѣрныхъ, какъ новое увѣреніе небесной славы распятаго и воскресшаго, который Самъ, подобно Отцу, воскрешаетъ мертвыхъ и совершаетъ судъ.

Трогательны стихиры, воспѣвающія немощь разслабленнаго и человѣколюбіе Христово: «разслабленный, какъ мертвецъ непогребенный, видѣвъ Тебя воскликнулъ: помилуй меня Господи, ибо одръ мой былъ мнѣ гробомъ, и человѣка не имѣю, да ввержетъ меня въ возмущающіяся воды купели; Спаситель же, милосердуя ему, вѣщалъ: тебя ради Я въ плоть облекся, тебя ради Я человѣкъ, и ты ли еще глаголешь: человѣка не имѣю!—но возьми одръ твой и ходи».

Три были великіе праздника у Іудеевъ: Пасха, въ память исхода ихъ изъ Египта, Пятидесятница, воспоминавшая имъ законъ данный Моисею на Синаѣ, чрезъ пятьдесятъ дней послѣ исхода, и наконецъ поставленіе кущей, подъ сѣнь коихъ собирались они всенародно, каждое лѣто, въ память сорокалѣтней бездомной жизни въ пустынѣ. Воскресеніе Господа, бывшее на другой день пасхи Еврейской, и спустя пятьдесятъ дней сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, освятили, для новозавѣтной Церкви, оба празднества ветхаго завѣта. *Преполовеніе*, то есть средній между ними день, пересѣкающій періодъ

на двѣ половины, почитается также особенными молитвами и обрядами. Продолжающееся, отъ самой Пасхи, чтеніе Евангелиста Іоанна, представляетъ Іисуса, на половинѣ праздника Іудейскаго, вшедшаго въ храмъ и учащаго;—того довольно было, чтобы день сей обратилъ на себя особенное вниманіе Церкви. Она вслушалась въ слова Спасителя, возглашенныя въ святилищѣ Іерусалимскомъ: «аще кто жаждетъ да грядетъ ко Мнѣ и піетъ» и посему поетъ Ему въ среду преполовенія: «преполовившуся празднику, жаждущую мою душу благочестія напой водами, Христе Боже, источниче нашея жизни».

Отселѣ, въ радостный день сей, который, по словамъ утренняго канона, съ одной стороны озаряется божественною свѣтлостію Пасхи, съ другой же сіетъ благодатію Утѣшителя Духа, и своимъ обоюднымъ свѣтомъ соединяетъ оба торжества,—бываетъ, послѣ литургіи, крестный ходъ на воды, дабы утолилась, освященными струями, благочестивая жажда Христіанъ.

Въ два послѣдующія воскресенія предлагается Евангеліе отъ Іоанна, о Самарянкѣ, которой открылъ себя Христосъ, обѣщая ей источникъ духовный, на вѣки утоляющій жажду, и о слѣпцѣ, который всю свою жизнь помышляя единою нощію, воззвалъ къ сыну Давида и прозрѣлъ, по глаголу Его, умывшись въ купели Силоамской.

Исповѣданіе вѣры его въ божественнаго исцѣлителя, посрамило кичливое невѣріе Фарисеевъ. «Вѣруеши ли въ Сына Божія»? спросилъ Іисусъ изгнаннаго изъ ихъ сонма; а кто онъ? Господи, простодушно отвѣчалъ прозрѣвшій, чтобы мнѣ вѣровать въ Него»! Іисусъ сказалъ ему: «и видѣлъ ты

Его и Онъ говоритъ съ тобою»; онъ же сказалъ: «вѣрую Господи» и поклонился Ему. Подражая блаженному вѣрованію прозрѣвшаго слѣпца, воззовемъ и мы ко Христу Богу, мысленному солнцу правды, который прикосновеніемъ Своимъ просвѣтилъ, внутренно и наружно, лишеннаго свѣта отъ самаго рожденія,—да озаритъ Онъ и наши душевныя очи и покажетъ насъ сынами свѣта, съ вѣрою къ Нему вопіющими: «неизреченно Твое благоутробіе, Человѣколюбецъ, слава Тебѣ».

Чрезъ сорокъ дней послѣ Пасхи, сообразно съ временемъ самаго событія, празднуется славное вознесеніе Христово одесную Отца, по крестнымъ подвигамъ земной жизни. Такимъ образомъ, какъ предшествующіе дни Его страданій, такъ и послѣдующіе свѣтлому востанію, вѣрно и постепенно обозначены службами церковными, дабы не стерлась изъ памяти ни одна драгоцѣнная минута сего краткаго времени.—Подобно Апостоламъ, непрестанно ожидавшимъ утѣшительныхъ явленій своего Учителя, въ теченіи сорока дней, пока не вознесся видимо предъ ними, стоитъ и Церковь, во всѣ сіи дни, какъ бы на духовной стражѣ, и потомъ опять съ учениками Господа, въ псалмахъ и пѣніяхъ духовныхъ, ожидаетъ еще десять дней обѣтованнаго Утѣшителя Духа. Тогда только *цвѣтная тріодь*, воздавъ послѣднюю хвалу Святымъ Божіимъ, уступаетъ мѣсто обычному порядку служенія.

Но наканунѣ Вознесенія, еще однажды, повтореніемъ всѣхъ пасхальныхъ гимновъ, заключается свѣтлое торжество воскресенія Христова и сіе отрадное повтореніе какъ бы утѣшаетъ вѣрныхъ, провожающихъ на небеса своего Искупителя; за вечер-

нею дня отданія праздника уже воспѣвается вознесеніе:

«Книги писаній божественныхъ и книги премудрыхъ богоглагольниковъ явно пріяли совершеніе, ибо Господь, по возстаніи своемъ, восходитъ славно на небеса и земля тайно ликуетъ».

Какая торжественная картина развивается въ сихъ пѣсняхъ: «Господь возносится на небеса, да пошлетъ Утѣшителя міру, небеса приготовили престолъ ему, облака восхожденіе, Ангелы дивятся человѣка зря превыше себя, Отецъ ждетъ того, кто вѣчно пребываетъ въ Его нѣдрахъ. Духъ же Святый велитъ всѣмъ Ангеламъ Его: возвысьте врата верхи ваши и всѣ народы восплещите руками, ибо Христосъ возшелъ туда, гдѣ былъ прежде».

Всѣ оставившіе на землѣ земное и пепельное персти, призываются мысленно возвести горѣ взоры и чувства и, какъ бы на горѣ Масличной, взирать сквозь отверзшіяся врата небесъ, на облаконосимаго Христа, раздающаго Апостоламъ дары свои. И по истинѣ, чистаго созерцанія, требуютъ выспреннія пѣснопѣнія торжественнаго дня сего, которыя, устами Св. Отцевъ, огласили Церковь подобно какъ огласились небеса хорами Ангеловъ, съ трепетомъ воспѣвшихъ неприступную славу возносящагося.

Замѣчательны пророчества Исаіи и Захаріи, читаемыя наканунѣ праздника: «рцыте дщери Сіоновой, се Спаситель твой приходитъ, имѣя съ Собою мзду, и дѣло Его предъ лицемъ Его. Кто сей пришедшій отъ Эдома? багрянецъ Воссора на ризахъ Его. Сей красенъ въ одеждѣ Своей, вопіетъ съ крѣпостію великою: Я глаголю правду и судъ спасенія! Почто же багряны ризы Твои и одежды Твои, какъ

бы отъ истоптанія точила виноградnаго, исполнены крови истоптанія?—Одинъ я истопталъ точило, и нѣтъ мнѣ въ помощь мужа между языками!... Не ходатай, ни Ангелъ, но Самъ Господь спасъ ихъ, ибо любитъ и щадитъ, Самъ избавилъ и воспріялъ и вознесъ ихъ во всѣ дни вѣка».

Захарія же ясно возвѣщаетъ: «се день грядетъ Господень и станутъ ноги Его, въ день тотъ, на горѣ Елеонской, прямо Іерусалима, отъ востокъ солнца, и въ день тотъ изыдетъ вода живая изъ Іерусалима,—и будетъ Господь Царь по всей землѣ; въ день оный Господь будетъ единъ, имя его едино окружающее землю и пустыню».

Поелику Церковь, въ начальныя столѣтія, имѣла правило, между днями Пасхи и Пятидесятницы, созывать Соборы, для утвержденія вѣры и для устройства дѣлъ своихъ, то она учредила праздновать въ воскресный день, послѣ Вознесенія, память перваго Вселенскаго Собора, трехъ сотъ восемнадцати Святыхъ Отцевъ въ Никеи, которые засвидѣтельствовали грядущимъ вѣкамъ Божество Іисуса Христа, богохульно отвергаемое нечестивымъ Аріемъ.

Изъ семи Вселенскихъ Соборовъ, утвердившихъ несомнѣнно догматы Православія, всѣхъ торжественнѣе и священнѣе былъ сей первый Никейскій, въ 325 году. Его составляли Святители, еще украшенные тогда дарами Апостольскими и силою чудодѣйственною, Мученики и Исповѣдники вѣры Христовой, которые не только словомъ ее засвидѣтельствовали, но, по глаголу Апостола Павла, носили на тѣлѣ своемъ язвы Господа Іисуса; ибо многіе изъ нихъ подверглись жесточайшимъ истязаніямъ, при послѣднихъ гоненіяхъ на Христіанство, и засѣдали,

покрытые сѣдинами, въ безсмертномъ сонмѣ своихъ сподвижниковъ, какъ изувѣченные воины Іисуса Христа. Императоръ великій Константинъ, собравшій ихъ со всѣхъ предѣловъ своей обширной державы, самъ благоговѣйно лобызалъ ихъ священныя раны и смиренно возсѣлъ, посреди Ангельскаго сонма пастырей, исполненныхъ Духа Святаго и язвъ Христовыхъ.

Но хотя и созванные, изъ дальнихъ и чуждыхъ другъ другу областей, всѣ они, основываясь на словѣ Божіемъ и на преданіяхъ Апостольскихъ, произнесли единодушно *Символъ* исповѣданія вѣры, который и донынѣ, какъ незыблемое ея основаніе, поется на каждой литургіи. Посему Церковь, признательная къ симъ великимъ свѣтильникамъ, которые, напоивъ ее чистыми водами православнаго ученія, сами наслаждаются вѣчною радостію на водахъ упокоенія, ублажаетъ ихъ достойными хвалами:

«О божественный полкъ, тайну благочестія ясно предавшій Церкви, благоглаголивые оруженосцы Господа, свѣтлыя звѣзды на мысленной тверди небесной, необоримые столпы таинственнаго Сіона, мvромъ дышащіе цвѣты рая, златыя уста Слова, Никейская похвала и украшеніе вселенной!—прилежно молите о душахъ нашихъ».

Наканунѣ дня Сошествія Святаго Духа, какъ наканунѣ памяти страшнаго суда, предъ великимъ постомъ, опять совершается память усопшихъ, чтобы и они сподобились, чрезъ посредство молитвы, благодати готовой излиться на ихъ живыхъ собратій.

Наступилъ и великій день Пятидесятницы, богословски празднуемый Церковію; ибо она прославляетъ сошествіе Св. Духа, возвышенными гимнами

Пресвятой Троицы, украшая именемъ Ея самое торжество перваго дня; а въ слѣдующій воспѣваетъ, въ подобныхъ же пѣсняхъ, благодатные дары, изливаемые Духомъ Святымъ на вѣрующихъ.

Торжественнымъ Его сошествіемъ на Апостоловъ довершилось откровеніе міру трехъ лицъ Божества. По сей причинѣ и особенно, когда нечестивый Арій дерзнулъ нарушать древнее основаніе вѣры въ Господа Іисуса, вопреки яснымъ словамъ Св. Писанія, и когда вслѣдъ за нимъ другой богохульникъ Македоній началъ отвергать Божество Духа Святаго,—блюстители догматовъ православія, соборною анаѳемою, отлучивъ еретиковъ отъ общенія Церкви, для огражденія вѣрныхъ отъ губительнаго ученія, соединили съ Пятидесятницею торжество Св. Троицы. А величайшій Богословъ сего времени и послѣдующихъ вѣковъ, утвердившихъ ему сіе славное званіе, Григорій, другъ великаго Василія и предмѣстникъ Златоуста на архипастырскомъ престолѣ Царяграда, послужилъ органомъ Пресвятой Троицы, изложивъ, по мѣрѣ силъ человѣческихъ, недоступную ея тайну вѣрующимъ. Они же, въ свою чреду, ему поютъ: «пастырская свирѣль твоего богословія риторовъ побѣди трубы, тебѣ бо глубины Духа изыскавшу, и красоты вѣщанія приложишася отъ Бога».

Столь возвышены догматическія слова св. Григорія, что они обратились въ ликующіе гимны: «пріидите людіе Трiипостасному Божеству поклонимся: Сыну во Отцѣ со Святымъ Духомъ; ибо Отецъ, прежде всѣхъ вѣковъ, родилъ Сына соприсносущнаго, и Духъ Святый былъ во Отцѣ съ Сыномъ прославляемый,—едина сила, едино существо, едино Божество. Ему поклоняясь всѣ глаголемъ:

Святый Боже, все содѣлавшій Сыномъ содѣйствіемъ Св. Духа; Святый Крѣпкій, коимъ мы познали Отца и Духъ Святый пришелъ въ міръ; Святый безсмертный, утѣшительный Духъ, отъ Отца исходящій и въ Сынѣ почивающій,—Троица Святая, слава Тебѣ».

«Видѣхомъ свѣтъ истинный» поется также на вечерни праздника, и та же радостная пѣснь повторяется на каждой литургіи, по явленіи Св. даровъ, «пріяхомъ Духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, нераздѣльной Троицѣ поклоняемся, Та бо насъ спасла».

И отрадная молитва Утѣшителю, ежедневно и безпрерывно произносимая нами, есть одинъ изъ гимновъ торжества сего: «Царю небесный, утѣшителю, Душе истины, иже вездѣ сый и вся исполняяй, сокровище благихъ и жизни подателю, пріиди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны и спаси, Блаже, души наша».

Тогда же читаются, на пареміяхъ, пророчества Іоиля и Іезекіиля, о грядущемъ изліяніи Духа, столь свѣтло совершившіяся въ день сей, и изъ книги Чиселъ Моисеевой, о знаменательномъ ниспосланіи того же Духа Божія на семьдесять старцевъ Израильскихъ. Господь, снисшедшій въ облакѣ предъ скинію свидѣнія, отнявъ отъ Духа сущаго въ Моисеѣ, удѣлилъ имъ, и они стали пророкать посреди сонма въ пустынѣ, какъ пророкли Апостолы въ концы вселенной, со дня сошествія на нихъ огненныхъ языковъ.

Таковы вдохновенныя слова Іоиля, отъ лица Господа: «и будетъ по сихъ: излію отъ Духа Моего на всякую плоть, и пророкутъ сыны ваши и дщери ваши, и старцы ваши сонія увидятъ, и юноши ва-

ши видѣнія узрятъ; ибо на рабовъ Моихъ и на рабынь Моихъ, въ тѣ дни, излію отъ Духа Моего и прорекутъ, и дамъ чудеса на небеси горѣ и знаменія на земли низу, и всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется».

Таковы слова Іезекіиля: «и дамъ вамъ сердце новое, глаголетъ Господь, Духъ новый дамъ вамъ и отыму сердце каменное отъ плоти вашей, и дамъ вамъ сердце плотяное; Духъ Мой дамъ въ васъ, и сотворю, да въ оправданіяхъ Моихъ ходите и судьбы Мои сохраните и сотворите, и будете Мнѣ въ люди и Я буду вамъ въ Бога».

Утренніе гимны празднества сего не уступаютъ вечернимъ; здѣсь Косма Маіумскій, украсившій своими твореніями великіе дни страстной седмицы, воспѣваетъ, въ описательномъ канонѣ, благодатную силу Духа Святаго, и состязается на стихирахъ съ Григоріемъ Богословомъ.

«Духа источникъ, пришедъ на землю, мысленно раздѣлялся въ огненныя рѣки, орошая Апостоловъ, и былъ для нихъ какъ облакъ, одождяющій пламенемъ и ліющій огонь просвѣщенія; чрезъ нихъ же и мы пріяли благодать, огнемъ и водою: свѣтъ Утѣшителя просвѣтилъ міръ».

«О чада свѣтообразныя Церкви, пріимите рѣшительное очищеніе грѣховъ и огнедышащую росу Духа, ибо нынѣ пришелъ законъ отъ Сіона, въ языкахъ огнеобразныхъ благодать Духа».

«Пріидите и уже, не боясь огня, устрашавшаго на неприступномъ Синаѣ, станемъ на горѣ Сіонской во градѣ живаго Бога, ликуя съ духоносными Его учениками».

«Духъ Святый, богословствуетъ Григорій, есть

свѣтъ и жизнь и живый источникъ; духъ премудрости, духъ разума, благій, правый, умный, обладающій, очищающій грѣхи, Богъ и боготворящій, огнь отъ огня происходящій, глаголющій, дѣйствующій, раздѣляющій дарованія, коимъ всѣ Пророки и божественные Апостолы съ Мучениками вѣнчались:—странное слышаніе! странное видѣніе! огнь раздѣляется въ подаяніе дарованій».

И предъ чтеніемъ Евангелія, о первомъ свиданіи воскресшаго Спасителя съ учениками, оба лика попеременно воспѣваютъ избранные стихи псалмовъ, пророчески изобразившихъ благодатное явленіе Духа Божія по вселенной.

«Небеса повѣдаютъ славу Божію», восклицаетъ одинъ, «Духомъ устъ Его вся сила ихъ», отвѣчаетъ другой.—«Свидѣтельство Господне вѣрно, умудряющее младенцевъ», кротко возглашаетъ первый и грозно откликается второй: «земля потряслася, ибо небеса канули отъ лица Бога Синаина». Вотъ и подвиги Апостоловъ, въ устахъ псалмопѣвца: «во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ;—послеши Духа Твоего и созиждутся и обновиши лице земли; Господь даетъ глаголъ благовѣствующимъ силою многою, Господь благословитъ людей своихъ миромъ».

Подобно какъ Евреи, по собраніи плодовъ своихъ, праздновали постановленіе кущей, и это было образомъ воскресенія изъ мертвыхъ, когда, по разрушеніи тѣлесныхъ нашихъ сѣней, мы вкусимъ плоды трудовъ своихъ въ сѣняхъ небесныхъ: такъ и въ день Пятидесятницы, обычай народный, не безъ духовнаго побужденія, древесными вѣтвями, обращаетъ всѣ храмы и ихъ преддверія и домы, въ

зеленыя сѣни мимотекущаго земнаго странствія, и разсыпаетъ цвѣты на могилы.

Вслѣдъ за литургіею начинается торжественная вечерня, совершаемая въ Іерусалимѣ на горѣ Сіонской, надъ могилами отшедшихъ братій. Предъ концемъ ея Настоятель храма, преклонивъ колѣна вмѣстѣ съ народомъ, и обратясь къ нему лицемъ, въ дверяхъ царскихъ, читаетъ во услышаніе всѣхъ, семь умилительныхъ молитвъ, раздѣленныхъ на три части, въ честь каждаго лица Святыя Троицы, о грѣхахъ нашихъ и о спасеніи, ожидаемомъ свыше по благодати Духа Святаго, и наконецъ о братіяхъ усопшихъ, требующихъ нашихъ поминовеній. Сіи вдохновенныя молитвы, искони учрежденныя святымъ Василіемъ Великимъ, исторгаютъ невольныя слезы, памятью грѣховъ собственныхъ и преставшихся душъ, и трогательную картину представляетъ въ сію минуту вся церковь, поверженная на колѣни, какъ бы въ ожиданіи огненныхъ языковъ, невидимо сходящихъ на тайныхъ угодниковъ Божіихъ.

Наконецъ, спустя недѣлю, торжественно воспоминаетъ Церковь весь ликъ своихъ Праведниковъ, чтобы никто изъ числа ихъ, таившій предъ міромъ свои добродѣтели, не утаился отъ ея должнаго чествованія, и чтобы явственнѣе показать обиліе Духа Святаго, изліявшееся на землю и вознесшее горѣ персть нашу, послѣ Его видимаго сошествія на Апостоловъ.

«Духовные витіи, ученики Спасовы, вѣрою сдѣлавшись органами Духу, разсѣялись въ концы земли, православно сѣя честное проповѣданіе, и отъ нихъ прозябло, божественнымъ земледѣліемъ и благодатію, воинство Мучениковъ, которые, образуя стра-

данія Господа своими многообразными ранами, съ дерзновеніемъ молятся о душахъ».

Такимъ образомъ, весь Божественный Промыселъ о человѣкахъ, отъ начала грѣхопаденія Адама и даже до воплощенія Бога Слова, и возведенія насъ, Духомъ Святымъ, на небеса,—все сіе заключаютъ въ себѣ обѣ *Тріоди*, *постная* и *цвѣтная*, для назиданія и спасенія нашего, столь великими воспоминаніями благодѣяній Божіихъ.

ПИСЬМО II.

Ни одно событіе Евангельское не празднуетъ Церковь, съ такою духовною радостію, послѣ свѣтлыхъ дней Пасхи, какъ Рождество Спасителя, и ни къ какому дню не собрано ею столько ликующихъ гимновъ, единомысленныхъ по предмету, разнообразныхъ богатствомъ созерцаній. Подражая пастырямъ Виѳлеема, по зову Ангела приникшимъ къ колыбели Воплощеннаго, многіе пастыри и витіи церковные воспѣли вокругъ нее свои высокіе гимны. Казалось, божественный Младенецъ въ ясляхъ доступнѣе былъ ихъ священнымъ восторгамъ, нежели мужественный Страдалецъ Голгоѳы и, сквозь дѣтскую улыбку, менѣе ужасало Божество его, нежели сквозь кровавыя капли пота. Устами ихъ непрерывно достигла и до насъ Ангельская пѣснь: «слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе».

Но какъ всякое торжество Христіанское тре-

буетъ и духовнаго приготовленія, чтобы съ чистымъ сердцемъ приступить къ созерцанію таинъ Божіихъ, то и предъ великимъ воспоминаніемъ воплощенія Бога Слова, насъ ради пріявшаго зракъ раба, учрежденъ сорокодневный постъ, по подобію великой Четыресятницы. Въ бдѣніяхъ и молитвахъ должны мы смирять свою житейскую гордость, чтобы достигнуть духовной нищеты пастырей Виѳлеемскихъ, которые легко увѣровали въ спасительнаго Младенца, не потому только, что имъ отверзлось небо Ангельскими гимнами, но и потому, что ихъ собственное сердце уже готово было вмѣстить небесныя пѣсни и, подобно убогимъ яслямъ, пріять земное убожество небеснаго Владыки.

«Христосъ раждается! восклицаетъ еще среди поста, на утреннемъ канонѣ, Григорій Богословъ,—славьте: Христосъ, съ небесъ—срѣтайте; Христосъ на землѣ—возноситеся»! и тотъ же пѣвецъ заключаетъ свою дивную пѣснь: «Таинство странное вижу и преславное: небо—вертепъ! престолъ Херувимскій—Дѣву! ясли—вмѣстилище, въ коемъ возлежитъ неприступный Христосъ Богъ».

Свѣтлостію наступающаго торжества озаряются предшествующіе дни, озаряются и послѣдующіе, какъ будто бы звѣзда, руководившая Волхвовъ къ колыбели, однажды и навсегда стала вверху, на тверди церковной: ибо, при кроткомъ ея сіяніи, совокупила Церковь, вокругъ величаемаго ею Младенца, все божественное Его семейство и самыхъ Праотцевъ. Такъ памяти Адама и Евы, искупленныхъ отъ клятвы Божественнымъ сѣменемъ жены, которое, по глаголу Моисея, стерло главу искусителя змія, и памяти всѣхъ Богоотцевъ Христа по плоти, посвя-

щены два предыдущія воскресенія; а послѣдующее празднуетъ кроткаго предка его Давида, и мнимаго отца Іосифа и брата Іакова, перваго Святителя Іерусалимскаго. Не забыты и невинные младенцы, избіенные жестокимъ Иродомъ, искавшимъ погибели воплощеннаго; на другой же день Рождества торжественно собирается вся Церковь воздать должныя хвалы Пресвятой Дѣвѣ Матери, послужившей орудіемъ нашего спасенія.

За пять дней до самаго праздника уже начинается предпразднество. «Незаходимое солнце грядетъ возсіять изъ дѣвственнаго облака и просвѣтить всю подсолнечную, воспѣваютъ лики духовные. Потщимся встрѣтить Его, чистыми очами и чистыми дѣяніями, и приготовимся духомъ пріять нынѣ грядущаго къ своимъ, чрезъ странное рождество, который, дабы возвести опять устранившихся отъ жизни Эдемской, человѣколюбиво раждается въ Виѳлеемѣ».

«Богъ слово, носимый на раменахъ Херувимскихъ, облекшись плотію, вселился въ непорочную утробу и сдѣлался человѣкомъ, и грядетъ на землю родиться отъ племени Іудова; святый вертепъ украшается для Царя всѣхъ, какъ бы величайшая палата, и ясли, какъ престолъ огнезрачный, въ коихъ полагаетъ неописаннаго Младенца Дѣва Марія, въ обновленіе созданія».

«Готовься Виѳлеемъ, откройтеся врата Эдема, красуйся домъ Давида Ефраѳа! се древо жизни процвѣло въ вертепѣ отъ Дѣвы, и утроба ея явилась для насъ мысленнымъ раемъ, съ божественнымъ насажденіемъ; вкушая отъ него, мы не умремъ подобно Адаму, но живы будемъ: Христосъ раждается прежде падшій возставить образъ».

«Воспріими, Виѳлеемъ, Божію митрополію, ибо свѣтъ незаходимый въ Тебѣ приходитъ родиться. Ангелы удивляйтесь на небесахъ, человѣки воспойте на землѣ, волхвы отъ Персиды преславные дары принесите, пастыри на свирѣляхъ трисвятую пѣснь сладко воспойте: всякое дыханіе да хвалитъ Вседѣтеля».

Внимая столь возвышеннымъ гимнамъ, кажется внемлешь небеснымъ антифонамъ самихъ Ангеловъ, которые земля подслушала у неба и, устами пастырей, передала Церкви.

«Ангельскія предыдите силы, приготовьте ясли въ Виѳлеемѣ: Слово раждается, мудрость происходитъ, пріемлетъ цѣлованіе Церковь».

«Горы да каплютъ сладость, се Богъ приходитъ отъ юга; языки покоряйтесь, радуйтесь Пророки, Патріархи взыграйте, человѣки восплещите руками: великій и крѣпкій Князь Христосъ раждается, Царь небесъ на землю приходитъ».

«Гряди, тяжкосердый Израиль, отвергни лежащій на сердцѣ твоемъ облакъ, познай Создателя рождающагося въ вертепѣ; Сей есть чаяніе языковъ, Сей разрушитъ твои праздники, ибо ты не хочешь взывать Ему: Христосъ Царь Израилевъ»!

Послѣдній день, предъ праздникомъ Рождества Христова, особеннымъ образомъ, посвященъ посту и молитвѣ, и вѣрные, памятуя звѣзду Волхвовъ, не разрѣшаютъ поста до появленія первой вечерней звѣзды, срѣтая ее на молитвѣ, ибо въ сей день поздняя литургія Василія Великаго соединена съ вечернею. И особенные часы, называемые царскими, составлены для сего дня, изъ псалмовъ и пророчествъ и чтеній новозавѣтныхъ, подобно часамъ

великаго пятка;—ожиданіе Спасителя, въ смиренномъ образѣ человѣчества, столь же торжественно для Церкви, какъ и послѣдующія страданія Богочеловѣка. Императоры Византійскіе всегда присутствовали въ своихъ палатахъ, съ великою пышностію, на сихъ часахъ, и отселѣ произошло названіе царскихъ и многолѣтіе, возглашаемое по ихъ окончаніи на вечерни.

Посреди храма совершается служеніе: первый Давидъ воспѣваетъ въ псалмахъ грядущую славу своего Божественнаго Сына, краснаго добротою паче сыновъ человѣческихъ: «престолъ Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка, восклицаетъ онъ, возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе; сего ради помазалъ Тя, Боже, Богъ Твой, елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ».

И Пророкъ Михей вдохновенно обращается къ Виѳлеему: «тако глаголетъ Господь: и ты Виѳлеемъ, домъ Ефраѳовъ, неужели ты малъ, чтобы быть тебѣ между владыками Іудовыми? ибо изъ тебя изыдетъ Мнѣ старѣйшина, которому быть Княземъ во Израилѣ;—происхожденіе же Его отъ начала дней вѣка».

Тогда Апостолъ Павелъ, въ своемъ посланіи къ Евреямъ, описываетъ сіе безначальное происхожденіе Сына Божія, сіяніе славы Отчей и образъ существа его; а Евангелистъ Матѳей благовѣствуетъ временное его рожденіе, отъ Духа Святаго и Дѣвы Маріи, возвѣщенное Ангеломъ ея обручнику Іосифу.

Порядку перваго часа слѣдуетъ третій, шестый и девятый: всегда начинаетъ Давидъ и хвалы льются изъ устъ его, отъ избытка отеческаго сердца.

«Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножію ногъ

Твоихъ. Съ Тобою начало въ день силы Твоея, во свѣтлостяхъ святыхъ Твоихъ; изъ чрева прежде денницы родихъ Тя. Клятся Господь и не раскается: Ты Іерей во вѣкъ, по чину Мелхиседеку».

Вслѣдъ за Давидомъ возстаютъ опять Пророки, и сперва Іеремія указываетъ на Христа: «Сей Богъ нашъ и не приложится къ Нему иной: Онъ изобрѣлъ всякій путь мудрости и далъ Іакову отроку своему и Израилю возлюбленному Имъ; потомъ же на земли явился и съ человѣками пожилъ. Сія книга повелѣній Божіихъ и законъ сущій во вѣки: всѣмъ держащимся ея жизнь, а оставившіе ее умрутъ: обратися Іаковъ и держись ея, пойди къ сіянію прямо на свѣтъ ея; не давай иному славы твоей и полезныхъ тебѣ языку чуждому. Блаженны мы, о Израиль, яко разумѣемъ, что угодно Богу»!

Потомъ Исаія, какъ бы разгнувъ самое Евангеліе, вѣщаетъ: «и такъ внимайте домъ Давидовъ: еще ли мало для васъ трудъ давать человѣкамъ? и какъ даете трудъ Господу? сего ради Самъ Господь даетъ вамъ знаменіе: се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына и нарекутъ имя Ему Еммануилъ.—Отроча родися намъ, сынъ и дадеся намъ, Его же начальство бысть на рамѣ Его, и нарицается имя Его: великаго совѣта Ангелъ, чуденъ совѣтникъ, Богъ крѣпокъ, властитель, начальникъ мира, отецъ будущаго вѣка».

Тогда опять Апостолъ Павелъ, призывающій всѣхъ насъ къ свободной вѣрѣ изъ подъ закона Іудейскаго, чтобы намъ быть сынами Божіими во Христѣ Іисусѣ, крестясь въ Него и Имъ облекаясь, продолжаетъ свое возвышенное толкованіе къ Евреямъ, о достоинствѣ единороднаго Сына Божія; а Евангелисты, Лука и Матѳей, постепенно описываютъ небе-

сное призваніе пастырей Виѳлеемскихъ къ Его земной колыбели, и поклоненіе Волхвовъ, притекшихъ за звѣздою съ Востока, и наконецъ гнѣвъ Ирода, избившаго Виѳлеемлянъ, и бѣгство божественнаго Младенца въ Египетъ.

Предъ закатомъ солнца начинается литургія съ вечернею, и первыя стихиры ея, двухъ Патріарховъ Германа и Анатолія, уже достаточны, чтобы возбудить все вниманіе вѣрныхъ къ наступающему торжеству: «пріидите возрадуемся Господу, возвѣщая настоящую тайну: средостѣніе вражды разрушилось, пламенное оружіе обратило тылъ, и Херувимъ отступаетъ отъ древа жизни, и я пріобщаюся райской пищи Эдема, отколѣ былъ изгнанъ за преслушаніе; ибо неизмѣнный образъ Отца, образъ Его вѣчнаго существа, зракъ раба пріемлетъ, раждаясь отъ неприкосновенныя Матери, но премѣненія не терпитъ: Богъ истинный, Онъ остается какимъ былъ, и то, чѣмъ не былъ, на Себя пріемлетъ, по человѣколюбію сдѣлавшись человѣкомъ; возопіемъ къ Нему: Боже, родившійся отъ Дѣвы, помилуй насъ».

«Что тебѣ принесемъ, о Христе, за то, что ради насъ ты на землѣ явился человѣкомъ? каждая изъ созданныхъ Тобою тварей благодареніе Тебѣ приноситъ: Ангелы пѣніе, небеса звѣзду, волхвы дары, пастыри удивленіе, земля вертепъ, пустыня ясли, мы же Матерь Дѣву; предвѣчный Боже, помилуй насъ».

И вотъ, предъ торжественнымъ входомъ съ Евангеліемъ и тихою пѣснію «свѣте тихій», какую вѣрную обширную картину языческаго міра, при появленіи Христовомъ, развиваетъ въ пѣсняхъ своихъ Церковь, и сія величественная пѣснь есть твореніе инокини, отшельницы Кассіи.

«Августу, единоначальствующему на землѣ, престало многоначаліе человѣковъ, и Тебѣ, вочеловѣчшемуся отъ чистой Дѣвы, упразднилось многобожіе идоловъ: подъ единымъ царствомъ мірскимъ были всѣ грады, и въ единое владычество Божества увѣровали всѣ языки; повелѣніемъ Кесаревымъ была перепись народамъ; мы же, во имя Тебя, вочеловѣчшагося Бога нашего, вписались въ число вѣрныхъ; велія Твоя милость, Господи, слава Тебѣ».

Тогда начинается возвышенный рядъ паремій, числомъ до восьми, по подобію ветхозавѣтныхъ чтеній великой субботы. Здѣсь соединены всѣ предзнаменованія и пророчества, о рождествѣ Спасителя, но книгою Бытія, опять открывается чтеніе, чтобы въ колыбели, какъ и на мертвенномъ одрѣ, былъ познанъ тотъ же Спаситель.

Изъ книги Числъ Моисеевой избрана вторая паремія: Духъ Божій нисшелъ на Валаама, призваннаго отъ Царя Моавитскаго, проклясть мимоидущихъ изъ Египта Израильтянъ, но Валаамъ благословляетъ ихъ: «сколь добры домы твои, Іаковъ, и шатры твои, Израиль! они подобны тѣнистымъ дубравамъ, садамъ на берегу рѣкъ, и какъ скинія, которую водрузилъ Господь, какъ кедры при водахъ; изыдетъ человѣкъ отъ сѣмени его и обладаетъ народами многими и возрастетъ царство его; Богъ руководствовать будетъ его изъ Египта, какъ славу единорога своего. Возлегъ и почилъ подобно льву и скимну,—кто возбудитъ его? благословляющіе тебя благословенны, и проклинающіе тебя прокляты; возсіяетъ звѣзда отъ Іакова и возстанетъ человѣкъ отъ Израиля».

Прежнее пророчество Михея, о Виѳлеемѣ заклю-

чаетъ первую статью паремій, послѣ коей возставшіе лики поютъ: «тайно родился Ты въ вертепѣ, Спаситель, но небо всѣмъ проповѣдало Тебя, какъ бы устами, звѣзду предъявляя, и волхвовъ привело къ Тебѣ, поклоняющихся вѣрою, съ ними же помилуй насъ».

Послѣднія слова повторяются, какъ отголосокъ, на стихи краснорѣчиваго псалма, возглашаемаго чтецомъ, о славѣ Сіона: «основанія его на горахъ святыхъ; любитъ Господь врата Сіона, паче всѣхъ селеній Іаковлихъ; преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій!—мати Сіонъ, речетъ человѣкъ, и человѣкъ родися въ немъ, и той основа и вышній».

Слѣдуютъ другія пророчества: «тако глаголетъ Господь, восклицаетъ Исаія, изыдетъ жезлъ отъ кореня Іессеева, и цвѣтъ отъ корени его взыдетъ; и почіетъ на Немъ Духъ Божій, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Божія исполнитъ Его; не по славѣ судитъ, ниже по глаголанію обличитъ, но судитъ праведно смиренныхъ судъ и обличитъ правостію славныя земли, и поразитъ землю словомъ устъ Своихъ и духомъ устенъ Своихъ убіетъ нечестиваго.—Тогда будетъ пастись волкъ съ агнцемъ и рысь почіетъ съ козлищемъ, телецъ и левъ и юнецъ вмѣстѣ упасутся и отроча малое поведетъ ихъ». Пророкъ, продолжая описывать всеобщій миръ тварей на землѣ, когда вся земля исполнится познанія Господа, говоритъ: «въ тотъ день корень Іессеевъ возстанетъ владѣть языками, на Него уповаютъ языки и будетъ покой Его славенъ».

За прорицаніемъ Іереміи, о явленіи на землѣ Бога и о жизни Его между человѣками, возстаетъ

Даніилъ и объясняетъ испуганному Царю Навуходоносору страшный сонъ его: какъ разбился исполинскій златоглавый истуканъ, среброкованный по персямъ, мышцамъ и рукамъ, мѣдный чревомъ и бедрами, желѣзный до колѣнъ и скудельный ногами, и какъ, невидимо отторженный отъ горы камень, разбившій его въ прахъ, самъ возросъ въ гору великую и исполнилъ всю землю.— «Возставитъ Богъ небесное царство, которое во вѣки не истлѣетъ и изможditъ всѣ царства, какъ отъ горы отсѣченный безъ рукъ камень, стеръ скудель, желѣзо, мѣдь, сребро и злато».

Лики же опять поютъ другой тропарь: «воссіялъ отъ Дѣвы, Христе, разумное солнце правды, и звѣзда показала Тебя, невмѣстимаго, вмѣщающимся въ вертепѣ; Ты наставилъ волхвовъ на поклоненіе Твое, съ ними же Тебя величаемъ, Жизнодавче, слава Тебѣ».

И снова чтецъ пресѣкаетъ ихъ пѣніе стихами псалма: «Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся», въ коемъ вся природа, гласомъ стихій своихъ, какъ бы рукоплещетъ рождающемуся: «воздвигоша рѣки, Господи, воздвигоша рѣки, волны своя, отъ гласовъ водъ многихъ; дивны высоты морскія, дивенъ въ высокихъ Господь! свидѣнія Твоя ѹвѣришася зѣло; дому Твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу дней».

Наконецъ повторяются еще разъ два пророчества Исаіи, слышанныя на часахъ царскихъ, о дивномъ отрочати и таинственномъ рожденіи Еммануила, и послѣднее заключается сими словами, которыя обратились въ торжественную пѣснь, на всенощной наступающаго дня: «съ нами Богъ, разумѣйте языки

и покоряйтеся, услышите даже до послѣднихъ земли, яко съ нами Богъ».

По окончаніи литургіи всѣ Священнослужители, подобно пастырямъ, собравшимся изъ ночной своей долины, гдѣ пасли стада, возглашаютъ при сіяніи свѣтильника, какъ бы звѣзды вечерней, предъ царскими вратами: «рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума: въ немъ бо звѣздамъ служащіи звѣздою учахуся, Тебѣ кланятися солнцу правды и Тебя вѣдѣти съ высоты востока, Господи слава Тебѣ».

«Дѣва днесь Пресущественнаго раждаетъ и земля вертепъ Неприступному приноситъ; Анѓели съ пастырьми славословятъ, волсви же со звѣздою путешествуютъ: насъ бо ради родися, отроча младо превѣчный Богъ».

Таково духовное приготовленіе, бывающее наканунѣ великаго дня Рождества Христова, дабы вѣрные, однажды проникнутые всею важностію событія, могли достойно его встрѣтить. Когда же оно случается въ субботу или воскресеніе, дни, собственно не посвященные постному бдѣнію, тогда царскіе часы переносятся на предшествующую пятницу, а литургія, наканунѣ праздника, совершается въ обыкновенное время, къ вечеру же остается вечерня съ ея пареміями. Но великое повечеріе и утреня праздничества неизмѣнны, и онѣ изобилуютъ красотами витійственными, ибо два великіе пѣвца, Косма Маіумскій и Іоаннъ Дамаскинъ, излили свое вдохновеніе въ стихирахъ и канонахъ.

«Небо и земля днесь совокупились чрезъ рождество Христово, днесь Богъ снисшелъ на землю и человѣкъ взошелъ на небо; днесь невидимый есте-

ствомъ, ради человѣка видимъ чувственно, и мы славословя возопіемъ Ему: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, дарованный Твоимъ пришествіемъ, Спасе».

«Небо принесло Тебѣ Младенцу, лежащему въ ясляхъ, начатокъ языковъ, и звѣздою призванные волхвы ужаснулись, видя не скиптры и престолы, но крайнюю нищету; ибо что хуже вертепа, и что смиреннѣе пеленъ, въ коихъ просіяло богатство Твоего Божества? и вотъ дары, принесенные ими: злато, какъ Царю вѣковъ, и ливанъ, какъ Богу всѣхъ, и смѵрна безсмертному трехдневному мертвецу. Молитвенно послала ихъ дщери Давидовой Вавилонская дщерь, повлекшая нѣкогда въ плѣнъ дѣтей Сіона, и органы ихъ, уклонившіеся тогда отъ пѣсней плачевныхъ, въ землѣ чуждой, нынѣ разрѣшаются мусикійскими звуками въ Виѳлеемѣ, надъ колыбелію Христа».

Праздникъ Рождества Христова соединенъ, въ Россійской Церкви, съ отечественнымъ воспоминаніемъ, о избавленіи отъ Галловъ и съ ними двадесяти азыковъ, которые всѣ сокрушились о краеугольный камень святыни Московской, Кремль, и радостнымъ трепетомъ бьется сердце, внимая, послѣ торжественной литургіи, благодарственной молитвѣ, которую на колѣнахъ возсылаютъ сыны Россіи, за спасеніе ихъ отчизны.

Спустя восемь дней, другое гражданское торжество *новольтія* и другія умилительныя молитвы, о благословеніи наступающаго года и провожденіи его въ подвигахъ благочестія, къ пользѣ и спасенію

души, соединены съ церковнымъ праздникомъ *обрѣзанія* Христова, которое не возгнушался пріять Онъ, сходя къ человѣческому роду, восьмидневный по Матери, безначальный по Отцу. Трогательно на молебствіи Евангеліе, въ коемъ Самъ Спаситель о Себѣ говоритъ: «Духъ Господень на Мнѣ, сего ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустити сокрушенныя во отраду, проповѣдати лѣто Господне пріятно».

Служба Василія Великаго совершается въ новолѣтіе, потому что память святаго Іерарха совпадаетъ въ день сей; нѣжною любовію исполнена къ нему Церковь, за его ревность о соблюденіи чистоты въ догматахъ, ибо никто, послѣ великаго Аѳанасія, Патріарха Александрійскаго, не подвизался столько противъ богохульныхъ Аріанъ, какъ сей кроткій Святитель Кесаріи Каппадокійской и вѣрный другъ его, Св. Григорій Богословъ. Іоаннъ Златоустъ былъ достойнымъ преемникомъ обоихъ вселенскихъ учителей, а Богослова и на самомъ престолѣ Цареградскомъ; посему, то въ совокупности, то отдѣльно, достойными хвалами ублажаются сіи три Іерарха: «органы Духа, трубы божественнаго грома, молніи проповѣданія, которые, пріявъ премудрость отъ Бога, какъ три Апостола, силою Духа, сдѣлались рыбарями въ разумѣ, и утвердили догматы простой нашей вѣры».

На другой день новаго года начинается предпразднество Крещенія Господня, исполненное также красотою гимновъ, подобно празднику Рождества. Сіи два великія воспоминанія соединены были нѣкогда, подъ общимъ именемъ *Богоявленія*, ибо, какъ

въ лицѣ Христовомъ явился Богъ человѣкамъ, такъ, и при крещеніи Спасителя, обнаружилось видимо міру недоступное таинство Святой Троицы. Когда же богохульныя ереси, Арія и Македонія, начали возставать противъ догматовъ о Троицѣ, тогда, для большаго Ея прославленія, Св. Отцы раздѣлили оба празднества, чтобы воздать каждому достойную хвалу и, въ день крещенія Господа, примѣромъ Его, удобнѣе привлечь къ святой купели тѣхъ, которые часто отлагали, до послѣдняго часа, совершеніе спасительнаго таинства. Посему праздникъ назывался также днемъ *просвѣщенія* или *святыхъ свѣтовъ*, и на литургіи его поется, какъ въ великую субботу, крещальный стихъ, «елицы во Христа крестистеся во Христа облекостеся»; а всѣ гимны, стихиры и каноны, говорятъ о Іорданѣ, живо представляя его взорамъ и сзывая къ берегамъ его: ибо на нихъ процвѣтали пѣвцы духовные, Іоаннъ и Косма, отшельники плачевной юдоли.

«Свѣтелъ мимошедшій праздникъ, еще свѣтлѣе приходящій:—тотъ имѣлъ благовѣстникомъ Ангела, а сей предуготовителемъ Предтечу; тогда, при изліяніи крови избиваемыхъ младенцевъ, какъ безчадный рыдалъ Виѳлеемъ, нынѣ же, чрезъ благословеніе водъ, многочадною дѣлается купель; тогда звѣзда возвѣстила Тебя волхвамъ, нынѣ же Отецъ показалъ Тебя міру».

«Іорданъ рѣка исполнись веселія, земля и море, горы и холмы, и человѣческія нынѣ играйте сердца, принимая мысленный свѣтъ».

«Но какъ пріимутъ Тебя, Господи, рѣку міра и источникъ жизни, струи рѣчныя?—нагимъ восходишь Ты изъ водъ, облагавшій облаками небо, и,

обнаживъ всякую злобу вражію, нетлѣніемъ одѣваешь земнородныхъ».

«Ангельскія предыдите силы, отъ Виѳлеема къ струямъ Іорданскимъ, гряди Іоаннъ, оставь пустыню; радуйся рѣка и уготовься, вся же земля да радуется: Христосъ грядетъ очистить грѣхи Адама».

И вотъ уже на зовъ предсталъ Креститель: «чистая ласточка, предвозвѣщающая мысленную весну, сущимъ въ зимѣ грѣховной и терпящимъ мрачную бурю страстей».

Приходитъ къ рѣкѣ и Господь, «исполненъ водъ тайныхъ, какъ рѣка міра, прося креститься отъ малыя капли».

Тогда начинается таинственное преніе Христа и Предтечи, и Іорданъ подымаетъ гласъ свой: «Пріидите всѣ вѣрные, оставивъ Іудейскую страну, прейдемъ пустыню Іорданскую; тамъ узримъ явившагося ради насъ Господа, просящаго крещенія въ струяхъ Іорданскихъ, и Крестителя, отрицающаго со страхомъ: не смѣю коснуться бренною дланію огня! Іорданъ и море бѣжали Тебя, Спаситель, а я какъ положу руку на главу Твою, которой трепещутъ Серафимы? бѣжалъ Іорданъ, когда погрузилъ въ него Елисей мантію Иліи, и какъ не скрылся нынѣ въ пропасти земныя, увидѣвъ Тебя нагимъ въ своихъ струяхъ?—Что медлишь Креститель крестить Господа моего? вопіетъ Іорданъ Предтечѣ, что возбраняешь очищеніе многихъ? всю тварь освятилъ Господь, дай освятить и водную стихію, ибо на сіе Онъ явился».

Въ пѣсняхъ же отвѣтствуетъ Спаситель Іоанну: «да исполнится Отчее благоволеніе! Я пришелъ на землю одѣвшись нищетою; небо Мнѣ престолъ, земля

же подножіе, но тебѣ преклоняю выю: крести Меня, очищающаго въ Себѣ согрѣшенія человѣковъ».

Столь величественную картину представляетъ Церковь, въ своихъ гимнахъ, еще до пришествія спасительнаго дня крещенія; предшествующій ему провождается въ постѣ и молитвѣ, на память крещенія Іоаннова, которое ознаменовано вечернимъ освященіемъ водъ, послѣ царскихъ часовъ и поздней литургіи Св. Василія.

Изъ псалмовъ, выражающихъ стремленіе души къ Богу, какъ оленя на источники водные, и изъ пророчествъ Исаіи, зовущаго на сіи живыя струи, изъ дѣяній и посланій Апостольскихъ, объясняющихъ тайну крещенія, и наконецъ изъ Евангельскаго описанія самаго крещенія, сперва Іоаннова, а потомъ Христова, составлены Царскіе часы.

Какъ лучи заходящаго солнца, въ болѣе яркомъ и привлекательномъ свѣтѣ, живописуютъ намъ вечерѣющую природу, располагая къ ней мысли и взоры: такъ и Церковь уловляетъ минуты сердечнаго вниманія, на исходѣ дня, развивая вечерній рядъ своихъ возвышенныхъ созерцаній. Она выставляетъ, одну вслѣдъ за другою, ветхозавѣтныя картины спасительнаго очищенія, дабы приготовить насъ къ таинству крещенія, и на всѣхъ картинахъ знаменательно струится Іорданъ, тихо плещущій въ библейскіе берега свои, доколѣ не втекаетъ въ Евангельскую повѣсть. Пѣніемъ тропарей и псалмовъ раздѣлены на три части сіи тринадцать паремій.

Опять въ началѣ ихъ сотвореніе неба и земли, и тьма надъ бездною, и Духъ Божій, носящійся надъ водами освящая живительное естество ихъ. Потомъ первое знаменіе крещенія: Израиль, прохо-

дящій сквозь Чермное море, бурно раздвигнутое жезломъ Моисея, и въ пустынѣ Суръ превращеніе имъ горькой воды Мерры въ сладкую, чрезъ вложеніе таинственнаго древа, и ополченіе Израиля при двѣнадцати источникахъ, подъ тѣнью семидесяти пальмъ Элима, воспоминающихъ число Апостоловъ и учениковъ Христовыхъ.

Послѣ Моисея является Іисусъ; онъ долженъ ввести Израильтянъ въ землю обѣтованную, чрезъ разступившійся Іорданъ, по руслу коего проходятъ священники съ кивотомъ, а за ними весь народъ.— Опять раздѣляется Іорданъ, по гласу Иліи, но прошедшій его Пророкъ уже не странствуетъ земнымъ путемъ; онъ возносится на огненной колесницѣ, оставивъ мантію свою Елисею, который, именемъ Бога Иліина и удареніемъ мантіи его по водамъ, еще однажды раздѣляетъ ихъ и преходитъ сухо. Въ нихъ посылаетъ онъ погрузиться, семь разъ, Князя Сирійскаго Неемана, дабы очистить его отъ проказы, и сперва сомнѣвается Нееманъ, сравнивая мутныя воды Іордана съ чистыми струями Дамасскихъ рѣкъ, Аваны и Фарфара, но, исполнивъ волю Пророка, исцѣленъ восходитъ.

Еще одна патріархальная картина изъ книгъ Моисеевыхъ: свиданіе двухъ братьевъ на берегахъ Іордана, пастыря Іакова и воина Исава. Трепещетъ Іаковъ гнѣвнаго брата и раздѣляетъ семью и стада на два полка, дабы спасся хотя одинъ, если погибнетъ другой; самъ же благодаря Бога отцевъ своихъ, за всѣ блага земныя на него излившіяся, смиренно воспоминаетъ, что нѣкогда, съ однимъ только посохомъ, перешелъ онъ Іорданъ. Вотъ и самъ бытописатель, младенцемъ, плаваетъ въ колыбели по

водамъ Нила; приходитъ купаться дщерь Фараонова, спасаетъ младенца и даетъ ему имя Моисея, ибо взятъ отъ воды.

Потомъ предлагается, изъ книги Судей, таинственное знаменіе, дважды данное Богомъ, по молитвѣ вождя Израильскаго Гедеона, во свидѣтельство спасенія народа: то роса небесная сходитъ на одно лишь руно Гедеоново и вокругъ него сухою остается земля; то, въ теченіи цѣлой ночи, роса по всей землѣ и сухо одно таинственное руно. Пророки Илія и Елисей снова являются и совершаютъ чудеса надъ водою; первый, ревнуя по Богѣ Израилевомъ противъ идоловъ Ваала, воздвигаетъ, въ виду ослѣпленнаго народа, жертвенникъ Богу живому и трижды оросивъ, обильными потоками водъ, его камни и рвы, молитвою сводитъ небесный огнь на жертву и обращаетъ народъ къ истинному Богу; другой же, по просьбѣ жителей Іерихона, солію исцѣляетъ губительныя воды градскаго источника.

Наконецъ Исаія заключаетъ пареміи, пророчествомъ о Спасителѣ, данномъ въ день спасенія, въ завѣтъ языкамъ, чтобы устроить землю и наслѣдовать пустыню, чтобы разрѣшить, просвѣтить и утолить жаждущихъ, созвать къ Себѣ отъ всѣхъ концевъ земли: «да веселятся небеса и радуется земля, да откликнутъ горы веселіе и холмы правду, ибо помиловалъ Господь людей своихъ и утѣшилъ смиренныхъ. Сіонъ говоритъ: оставилъ меня Господь, Богъ забылъ меня!—но забудетъ ли мать своего младенца и не помилуетъ ли изчадія чрева своего? если же и она забудетъ, Я не забуду тебя, глаголетъ Господь».

По совершеніи литургіи Священнослужители

идутъ, со крестами, въ притворъ храма, къ обширной купели, знаменующей мѣсто крещенія Іоаннова на Іорданѣ, близъ Виѳавара; оба лика, предшествуя имъ, поютъ: «гласъ Господень на водахъ вопіетъ, глаголя: пріидите, пріимите всѣ духа премудрости, духа разума, духа страха Божія, явившагося Христа».

Ветхозавѣтный Исаія знаменуетъ, тремя пророчествами, сіе крещеніе Іоанна, ставшаго на грани обоихъ завѣтовъ, и возвѣщаетъ благодѣтельныя его дѣйствія: «такъ глаголетъ Господь: да возвеселится пустыня жаждущая и да возрадуется пустыня и процвѣтетъ подобно лиліи, и возрадуются пустынные брега Іордановы, и слава Ливанова дана имъ будетъ, и честь Кармила, и люди мои узрятъ славу Господню и высоту Божію. Укрѣпитесь руки разслабленныя, и колѣна разслабленныя, утѣшьтесь и скажите малодушнымъ мыслію: укрѣпитесь и не бойтесь, се Богъ нашъ судъ воздастъ, Онъ пріидетъ и спасетъ насъ; тогда отверзутся очи слѣпыхъ и уши глухихъ услышатъ, тогда какъ олень вскочитъ хромый и ясенъ будетъ глаголъ косноязычныхъ, ибо проразилась вода въ пустынѣ и потоки въ землѣ жаждущей.—Жаждущіе на воду идите и неимѣющіе сребра, шедше купите и, безъ сребра и цѣны, пейте вино и ядите тукъ. Се языки, которые Тебя не вѣдали, призовутъ Тебя и люди, которые не познали Тебя, къ Тебѣ прибѣгнутъ, ради Господа Твоего и Святаго Израилева, ибо я прославилъ Тебя. Взыщите Господа и когда обрящете Его, призовите; когда же приближится къ вамъ, то да оставитъ нечестивый путь свой и мужъ беззаконный совѣты свои, и обратитесь къ Господу Богу вашему, и помилованы будете и по многу оставитъ грѣхи ваши. Ибо совѣты Мои не суть

подобны совѣтамъ вашимъ, и пути Мои не какъ пути ваши, глаголетъ Господь; но какъ отстоитъ небо отъ земли, такъ отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ и размышленія ваши отъ мысли Моей; ибо какъ сходящій съ небесъ, дождь или снѣгъ, не престаетъ доколѣ не утолитъ землю, и она родитъ и прозябнетъ, и дастъ сѣмя сѣющему и хлѣбъ въ пищу; такъ будетъ и глаголъ Мой, который, если изыдетъ изъ устъ Моихъ, не обратится ко Мнѣ тощь, доколѣ не скончаетъ все, что Я восхотѣлъ».

Послѣ чтенія Апостола Павла, о таинственномъ крещеніи Іудеевъ, во имя Моисея, среди облака и моря, и о духовной ихъ пищѣ въ пустынѣ и питіи отъ духовнаго камня, который былъ грядущій Христосъ, благовѣствуется Евангеліе отъ Марка, о крещеніи Господа.

Тогда начинаютъ молитвы надъ купелію, объ освященіи водъ и дарованіи имъ благодати Іордановой, наитіемъ Св. Духа, и о спасительномъ ихъ вліяніи на души наши. Пространное молитвословіе Священника подобно тому, которое произносится имъ предъ совершеніемъ таинства крещенія, а при погруженіи животворящаго креста воспѣвается уже тропарь наступающаго праздника, изображающій явленіе Св. Троицы: «во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи, Тройческое явися поклоненіе: Родителевъ бо гласъ свидѣтельствоваше Тебѣ, возлюбленнаго Тя Сына именуя, и Духъ, въ видѣ голубинѣ, извѣствоваше словесе утвержденіе: явлейся, Христе Боже, и міръ просвѣщей, слава Тебѣ».

Сіе вечернее подобіе крещенія Іоаннова, предуготовительно совершаемое къ назиданію вѣрныхъ, въ каждой церкви наканунѣ праздника, обращается

въ самый день его, послѣ торжественной литургіи, въ ликующее воспоминаніе благодатнаго крещенія Спасителева. Уже не одни Пресвитеры, въ маломъ кругу своихъ прихожанъ, но все градское духовенство, предъ лицемъ Архипастыря, шествуетъ съ крестами и хоругвями, при пѣніи радостныхъ гимновъ, къ берегу рѣки на устроенный Іорданъ, и, съ тѣми же молитвами и обрядами, освящаетъ водныя стихіи.

Намъ же, благоговѣйно предстоящимъ, мысленно изображается Спаситель, который облекаясь свѣтомъ какъ ризою, одѣвается для насъ въ струи Іорданскія и, восходя отъ воды, совозводитъ съ собою очищенный имъ міръ, отверзаетъ заключенныя Адаму небеса, и пріемлетъ служителями своего таинства: отъ Ангеловъ Гавріила, отъ человѣковъ Дѣву и Предтечу, отъ небесъ звѣзду и отъ водъ Іорданъ.

ПИСЬМО III.

Въ теченіи сихъ писемъ, я уже говорилъ тебѣ, любезный другъ, о нѣкоторыхъ праздникахъ, воспоминающихъ евангельскія событія, изъ земной жизни Господа и Его Пречистой Матери. Ты уже видѣлъ его убогое *рожденіе* въ вертепѣ, и таинственное *крещеніе* въ Іорданѣ, и торжественный *входъ* въ Іерусалимъ предъ началомъ страданій. Свѣтлое *воскресеніе* Богочеловѣка, какъ празднество изъ празднествъ, своею необъятностію, выходитъ изъ ряда ихъ, но къ нимъ причислены славное его *вознесеніе* и утѣшительное посланіе Духа Святаго на Апостоловъ въ день *пятидесятницы*. Тебѣ остается еще созерцать

славу Его *преображенія* на Ѳаворѣ, и *срѣтить* Его младенцемъ, вмѣстѣ съ Симеономъ въ храмѣ, и внять *благовѣстію* Ангела Пречистой Дѣвѣ, о Его рожденіи. Съ благоговѣйною мыслію обратишься ты и къ Ея *рождеству*, и таинственному *введенію* въ храмъ Соломоновъ, въ знакъ предобрученія Божеству, и земному ея *успенію* для пробужденія на небесахъ. Наконецъ всемірное *воздвиженіе* креста Господня заключитъ тебѣ сей рядъ возвышенныхъ торжествъ, дабы и ты, по словамъ Апостола Павла, хвалился только крестомъ Господа Іисуса.

Таковы сіи *двѣнадцать* великихъ праздниковъ; есть еще и другіе дни менѣе торжественные, но столь же священные, въ которые совершается: память рожденія Предтечи, величайшаго изъ всѣхъ рожденныхъ женами, по словамъ Христовымъ, и усѣкновенія главы его за проповѣданіе истины; память верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, и Іоанна друга Христова, и Андрея просвѣтителя Россіи, и другихъ Апостоловъ, Великомучениковъ, Іерарховъ, каковы три Святителя: Василій, Богословъ и Златоустъ, и наши отечественные святые угодники.

Всѣ сіи воспоминанія, наполняя кругъ Христіанскаго года, молитвенно связываетъ между собою землю и небо, и отражаютъ его въ душѣ нашей, какъ бы въ чистыхъ струяхъ тихаго Галилейскаго моря, призывая и нынѣ, по примѣру Апостоловъ, духовныхъ рыбарей къ созерцанію таинственной ловли Христовой; ибо весь кругъ церковный ничто иное, какъ спасительная мрежа, извлекающая насъ изъ бездны житейскаго.

Краткій объемъ писемъ не позволяетъ мнѣ развить, предъ твоими глазами, всю церковную цѣпь

торжествъ, и можетъ быть ты утомился, читая постепенно въ мертвомъ разсказѣ то, чему ты живо можешь внимать въ святынѣ храмовъ, на общей молитвѣ; но коснувшись однажды двѣнадцати главныхъ праздниковъ, я хочу хотя вкратцѣ о нихъ сказать, и начну съ тѣхъ двухъ, которые, являясь большею частію, около начала и конца тріоди постной, соединяютъ память о Христѣ съ памятію о Его святой Матери: я разумѣю здѣсь *срѣтеніе* и *благовѣщеніе*.

Всѣ вѣрные, подобно старцу Симеону, должны приготовить мысленно руки къ пріятію Творца вѣковъ, младенчески грядущаго въ храмъ, на объятіяхъ благодатной Своей Матери.

Чтеніе трехъ паремій на всенощной, изображаетъ сперва предзнаменовательную заповѣдь, данную Израилю и исполненную надъ Христомъ: посвящать Господу, на память избавленія изъ Египта, всякаго первороднаго мужескаго пола, въ сороковой день отъ его рожденія. Потомъ предлагается дивное видѣніе, Исаіею, Господа славы, въ преддверіи потрясеннаго храма, въ противуположность смиреннаго Его сошествія въ образѣ младенческомъ, и наконецъ пророчество о сокрушеніи, симъ божественнымъ Младенцемъ, идоловъ Египетскихъ, ибо вездѣ знаменуетъ Египетъ, въ писаніяхъ, тьму грѣховную.

«Ветхій днями, который древле далъ, подъ мракомъ Синая, законъ Моисею, нынѣ видится младенцемъ, воспѣваютъ лики, и по закону, какъ закона творецъ, законъ исполняетъ, приносится въ храмъ и старцу дается радостно вопіющему: нынѣ отпущаеши, Владыко, раба Твоего, по глаголу Твоему, съ миромъ, ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты приготовилъ предъ лицемъ всѣхъ людей,

свѣтъ во откровеніе языковъ и славу людей Твоихъ Израиля».

«Ветхій днями, ради насъ, младенчествуетъ съ плотію, носимый на Херувимахъ и пѣваемый отъ Серафимовъ, нынѣ какъ на престолѣ сидитъ на старческихъ рукахъ, и пріемлетъ въ даръ отъ Іосифа два голубя,— пречистую Церковь и новоизбранныхъ язычниковъ».

«Сіонъ укрась храмъ твой и подыми Царя Христа, цѣлуй Марію небесную дверь; облакъ свѣта есть Дѣва, носящая рожденнаго прежде денницы, котораго Симеонъ, взявъ отъ нее, проповѣдаетъ Владыкою жизни и смерти и Спасомъ міра».

И вотъ что, въ сихъ сладостныхъ пѣсняхъ, невинно говоритъ кроткій младенецъ: «не старецъ Меня держитъ, но Я держу его, ибо онъ у меня отпущенія проситъ».

Предпразднество *благовѣщенія* и самый праздникъ, исполнены еще глубочайшихъ созерцаній, ибо тогда открывается таинство, сокрытое отъ начала вѣковъ, и Сынъ Божій дѣлается сыномъ человѣческимъ, чтобы, воспріявъ отъ насъ худшее, подать намъ лучшее.

«Древле обольстился Адамъ, желая быть Богомъ, и не былъ; Богъ же сдѣлался человѣкомъ, чтобы обоготворить Адама. Тайну сію, искони невѣдомую самимъ Ангеламъ, возвѣщаетъ нынѣ Архангелъ Гавріилъ единой нетлѣнной и доброй голубицѣ, воззванію рода нашего, дабы, чрезъ слово, она пріяла въ лоно свое Бога Слово».

«Земля же, печально возрастившая тернія страстей, призывается къ веселію, ибо приходитъ земледѣлецъ безсмертный, чтобы снять съ нея клятву».

Пять паремій знаменуютъ намъ на вечернѣ, вет-

хозавѣтными образами, спасительное воплощеніе; Іаковъ древній труженикъ, видитъ на пути своего странствія, во время сна, таинственную лѣстницу, утвержденную отъ земли на небо, и Ангеловъ по ней сходящихъ и восходящихъ, Господа же на верху ея, обѣщающаго ему великое племя и благословеніе всей землѣ, ради его сѣмени. А Моисей, въ пустынѣ Хорива, пася стада свои, съ ужасомъ видитъ купину, неопалимо горящую огнемъ, и слышитъ изъ нея гласъ Божій, посылающій его въ Египетъ, дабы онъ извелъ оттуда Израильтянъ въ землю обѣтованную. И Пророкъ Іезекіиль, обращенный Господомъ Адонаи на путь внѣшнихъ вратъ храма Соломонова, зрящихъ на востокъ и затворенныхъ, внемлетъ, что сквозь сія врата пройдетъ Господь Богъ Израилевъ и они останутся заключенными.

Тогда Соломонъ возвѣщаетъ сперва о премудрости, которая создала себѣ домъ и утвердила столповъ седмь, а потомъ о безначальномъ бытіи ея у Бога, прежде всѣхъ дней вѣка, когда, подобная Божеству, вѣчно радовалась она предъ лицемъ Его и о ней радовался Богъ.

Отселѣ, и въ пѣсняхъ благовѣщенія и въ акаѳистѣ Пресвятой Дѣвѣ, когда Архангелъ Гавріилъ открываетъ Ей совѣтъ превѣчный, онъ привѣтствуетъ Ее подобіями ветхозавѣтными: «радуйся земля ненасѣянная, купина неопалимая, глубина неудобозримая, мостъ возводящій къ небесамъ и лѣствица, которую видѣлъ Іаковъ».

«О чудо, восклицаетъ восторженная Церковь, Богъ въ человѣкахъ! невмѣстимый въ ложеснахъ! безлѣтный во времени! и о, какая тайна! безсѣменно его зачатіе и невыразимо уничиженіе»!

Внесеніе кивота завѣтнаго въ пустынную скинію, созданную Моисеемъ, которую внезапно осѣнилъ облакъ и исполнила слава Господня, и внесеніе того же кивота въ великолѣпный, Соломономъ созданный храмъ, который также исполнился облакомъ и нестерпимою для самихъ Левитовъ славою Господа, предобразуютъ таинственное вшествіе младенческой Дѣвы въ храмъ сей. Тамъ, подобно священному кивоту, готовясь вмѣстить въ себя Господа, провела Она, по преданіямъ Апостольскимъ, первые годы своего отрочества, а вѣрные празднуютъ сіе *введеніе* Божіей Матери, начиная уже отъ того дня гимны о рождествѣ Ея божественнаго Сына.

Съ такой возвышенной точки созерцаетъ Церковь, въ своихъ пѣснопѣніяхъ и празднествахъ, сію божественную Дѣву, живой храмъ необъятнаго Бога, и движимая тѣмъ же чувствомъ благоговѣнія, прежде нежели приступить къ торжеству *успенія*, давшаго Ей санъ заступницы на небесахъ, она положила двухнедѣльный, приготовительный постъ. Подобно сему, и предъ днемъ мученической смерти верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, учрежденъ постъ, начинающійся послѣ недѣли всѣхъ Святыхъ, ибо по словамъ писанія, Апостолы и Божія Матерь, пребывали въ пощеніи и молитвѣ; а вѣрные должны подражать имъ, хотя въ теченіи немногихъ дней, посвященныхъ ихъ памяти. Такимъ образомъ, четыре поста христіанскаго лѣта, встрѣчаясь съ четырьмя временами года, удѣляютъ, какъ бы десятину каждаго изъ нихъ, на благую жертву Господа, содержащаго времена и лѣта.

Въ день Всемилостиваго Спаса, начинается Успенскій постъ, и на память двойной побѣды, единовре-

менно, въ двухъ отдаленныхъ краяхъ одержанной, Царемъ Греческимъ Мануиломъ надъ Сарацынами и Княземъ Андреемъ Боголюбскимъ надъ Болгарами, совершается крестный ходъ на воды, ибо знаменіе животворящаго креста, носимо было предъ воинствами обоихъ Государей. На половинѣ поста другое важнѣйшее торжество *преображенія* Господа, служитъ предзнаменованіемъ втораго славнаго пришествія Сына человѣческаго, на облакахъ небесныхъ, для страшнаго суда міра, и такимъ образомъ дополняетъ евангельскую повѣсть о искупленіи нашемъ.

Мы же должны имѣть сердце очищенное отъ страстей, какъ превысокую гору, отколѣ бы созерцать намъ преображеніе Христово, просвѣщающее душу; тогда можемъ взойти на гору Господню, въ домъ Бога нашего, чтобы видѣть славу Его, какъ единороднаго отъ Отца, и пріявъ отъ свѣта свѣтъ, возвышеннымъ духомъ воспѣть единосущную Троицу. Такъ гласятъ гимны: «ты преобразился на горѣ, Христе Боже, показавъ ученикамъ славу Твою, сколько возмогли ее вмѣстить; да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой всегда пребывающій, о Свѣтодавецъ».

Присутствіе на Ѳаворѣ двухъ Боговидцевъ: ветхаго законодателя Моисея и Иліи, на огненной колесницѣ взятаго на небо, таинственно разгадано Церковію: ибо, въ лицѣ ихъ, Законъ и Пророки служатъ Творцу и исполненію закона, Христу Богу, который древле, когда давалъ законъ Моисею, явился ему на горѣ Синайской во мракѣ; нынѣ же на Ѳаворѣ, является въ неприступномъ свѣтѣ, измѣнивъ мракъ законный въ свѣтлый облакъ преображенія. Они раболѣпно предстоятъ Тому, кто нѣкогда бесѣ-

довалъ къ нимъ, въ пламени бурномъ и во гласѣ тишины тонкой, и возвѣщаютъ о крестныхъ Его подвигахъ, дабы Апостолы, послѣ славы Ѳаворской, могли перенести зрѣлище вольнаго Его распятія, и проповѣдать міру Отчее сіяніе въ Сынѣ.

«Какъ владѣющему небомъ и господствующему надъ землею и имѣющему власть надъ преисподними, предстали Тебѣ, о Христе, на Ѳаворѣ, отъ земли Апостолы, съ неба же Ѳесвитянинъ Илія, и отъ мертвыхъ Моисей».

Наканунѣ праздника предлагаются три пареміи, описывающія ветхозавѣтное созерцаніе Господа славы, на Синаѣ и на Хоривѣ. По гласу Господа Моисей возшелъ на гору, и облакъ покрылъ гору, и сошла слава Божія на гору Синайскую, и покрывалъ ее облакъ шесть дней, а на седьмой призвалъ Господь Моисея изъ среды облака; видѣніе же славы Господней, какъ огнь палящій на верху горы, прямо сыновъ Израилевыхъ; и вступилъ Моисей внутрь облака и былъ тамъ на горѣ сорокъ дней и сорокъ ночей.—Въ другое время дерзновенно молитъ Моисей Господа показать ему славу Свою, Господь же отвѣтствуетъ: «не можешь узрѣть лица Моего, ибо человѣкъ, узрѣвши лице Мое, не останется въ живыхъ; но се мѣсто у Меня, и станешь на камнѣ, доколѣ не прейдетъ слава Моя, и положу тебя въ разсѣлинѣ камня и покрою рукою Моею, доколѣ не мимо иду, и отыму руку Мою и въ тылъ Меня узришь, лице же Мое не явится тебѣ».

А на Ѳаворѣ созерцаетъ Моисей, уже лицемъ къ лицу, неприступнаго Господа, хотя и въ прославленномъ видѣ, одѣяннаго свѣтомъ какъ ризою, но умѣряющаго славу Свою кроткимъ образомъ

человѣческимъ, который одинъ только могъ сдѣлать Бога доступнымъ для смертныхъ; вмѣстѣ съ трепещущими Апостолами и онъ слышитъ божественный голосъ, изъ осѣнившаго облака: «Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ, Того послушайте».

Внемлетъ ему и Илія, который слышалъ гласъ Божій на Хоривѣ, когда повелѣлъ ему Ангелъ выдти изъ пещеры и стать на горѣ предъ Господомъ, предваривъ его: «се Господь мимо идетъ, и буря великая и крѣпкая, раззоряющая горы и сокрушающая камни предъ Господомъ, но не въ бурѣ Господь; и по бурѣ сотрясеніе, и не въ сотрясеніи Господь; и по сотрясеніи огнь, и не въ огнѣ Господь; и по огнѣ гласъ тишины тонкой—и тамъ Господь».

Послѣ славы преображенія, которое утѣшаетъ насъ мыслію о грядущемъ прославленіи собственныхъ тѣлесъ нашихъ, въ день общаго воскресенія, праздникъ *Успенія* представляетъ намъ другое небесное увѣреніе сего радостнаго ожиданія, ибо, по преданіямъ церковнымъ, пречистое тѣло Божіей Матери восхищено было на небеса, на третій день ея погребенія въ Геѳсиманскомъ вертепѣ. Патріархъ Энохъ, до потопа, и Пророкъ Илія, въ царство Израиля, живыми преставились на небеса, сколько ради ихъ праведности, столько же и въ знаменіе славнаго премѣненія нашего въ будущемъ вѣкѣ; священный же кивотъ Божества, Матерь Дѣва, волею сыновнею допущена была вкусить краткую минуту смерти, чрезъ врата которой побѣдоносно прошелъ и Самъ воплотившійся изъ дѣвственной утробы, чтобы, подобно Ему, прославилась на третій день, и вознеслась на лоно носимаго Ею нѣкогда въ объятіяхъ, Бога.

«О дивное чудо, восклицаетъ Церковь, источникъ жизни во гробѣ полагается и лѣстницею къ небеси служитъ гробъ; веселися Геѳсиманія, святый домъ Богородицы, возопіемъ вѣрные имѣя чиноначальникомъ Гавріила: радуйся благодатная, съ Тобою Господь, подающій Тобою міру велію милость».

«Дивны Твои тайны Богородица! Ты, Владычица, явилась престоломъ Вышняго и нынѣ преставилась отъ земли на небо; боголѣпная Твоя слава сіяетъ чудесами богоподобными; дѣвы вознеситесь на высоту съ Матерію Царевою; двери небесныя отверзитесь видя дверь Вышняго со славою идущую къ Сыну и Богу».

Но, воспѣвая Ея небесное отшествіе, Церковь не разлучается съ Нею: «въ рождествѣ Ты сохранила дѣвство, и въ успеніи не оставила міра, Богородица, какъ матерь жизни, Ты преставилась къ жизни, и молитвами Твоими избавляешь отъ смерти наши души».

«Пріидите, составимъ лики, пріидите и упокоеніемъ ковчега Божія, въ пѣсняхъ увѣнчаемъ Церковь, ибо нынѣ простираетъ небо свои нѣдра, пріемля родившую Невмѣстимаго всѣми, и земля, источникъ жизни, возвращая небу данное ей благословеніе, украшается благолѣпіемъ».

Подобно какъ въ Іерусалимѣ, не много шаговъ отдѣляютъ гробницу Богоматери, на юдоли плача, отъ мѣста Ея рожденія внутри Св. града, у вратъ Геѳсиманскихъ: такъ и на поприщѣ церковномъ, не многими днями удалена, отъ памяти Ея *успенія*, память Ея благословеннаго *рождества*, которое принесло спасеніе міру, ибо по словамъ пѣсней духовныхъ: «всѣ небесные нынѣ радуются, съ ними праздн-

нуетъ человѣческій родъ, и втайнѣ веселятся всѣ Пророки: ибо Та, которую предвидѣли они въ древнихъ поколѣніяхъ, въ образѣ купины, стамны и жезла, облака, двери и престола и горы великой,— нынѣ раждается».

На утреннемъ канонѣ предпразднества изображены, во славу Дѣвы, всѣ сіи видѣнія пророческія, которыя разрѣшились ея рождествомъ.

«Нынѣ Богъ, почивающій на разумныхъ Ангельскихъ престолахъ, предуготовилъ Себѣ на землѣ святой престолъ; утвердившій премудростію небеса, человѣколюбіемъ создалъ одушевленное небо, ибо отъ неплоднаго корня возрастилъ намъ живоносный садъ, Свою Матерь, какъ Богъ чудесъ и безнадежныхъ надежда».

Наконецъ является послѣдній дванадесятый праздникъ, всемірное *Воздвиженіе* честнаго креста Господня, замѣчательный, какъ по величію своихъ обрядовъ, которые живописуютъ очамъ самое торжество, во время всенощной, такъ и потому, что отъ сего дня оканчиваются всенощныя бдѣнія съ вечера, и опять до Пасхи бываютъ утромъ; праздникъ сей какъ бы заключаетъ собою духовную цѣпь празднествъ, начинающихся съ Рождества Христова.

Наканунѣ Воздвиженія, въ день обновленія Іерусалимскаго храма, читается разительное пророчество Исаіи, о необходимости духовнаго Іерусалима, т. е. Церкви, для спасенія народовъ, и о славѣ креста.

«Сіе глаголетъ Господь: отверзутся врата твои Іерусалимъ, всегда, день и ночь, и не затворятся, чтобы ввести въ тебя силу языковъ и Царей ихъ ведомыхъ. Ибо и языки и Цари, которые тебѣ не поработаютъ, погибнутъ, и языки запустѣніемъ за-

пустѣютъ; и слава Ливанова къ тебѣ пріидетъ вкупѣ, въ кипарисѣ, въ певкѣ (соснѣ) и кедрѣ, и прославится мѣсто святое Мое и мѣсто ногъ Моихъ прославлю. И се страхомъ пойдутъ къ тебѣ сыны смиривших тебя и прогнѣвавших, и поклонятся слѣдамъ ногъ твоихъ всѣ прогнѣвавшіе тебя, и наречешься градъ Господень, Сіонъ Святаго Израилева. За то, что ты былъ оставленъ и возненавидѣнъ и не было тебѣ помогавшаго,—Я положу тебя въ радость вѣчную, въ селеніе родовъ; и ты изсосешь млеко языковъ и богатствомъ Царей питаться будешь и уразумѣешь, что Я Господь, тебя спасающій и избавляющій тебя Богъ Израилевъ».

Двѣ были причины установленія праздника Воздвиженія. Небесное видѣніе креста, Константиномъ великимъ, побудило сперва его благочестивую матерь, Царицу Елену, искать въ нѣдрахъ земли Іудейской сіе чудное знаменіе побѣдъ ея сына, и воздвигнуть для всемірнаго поклоненія, ибо вѣра Христіанская восторжествовала и признана была господствующею, послѣ трехсотлѣтнихъ гоненій. Другое обстоятельство удвоило праздникъ и присоединило къ нему обязательство поста: въ началѣ седьмаго вѣка древо креста похищено было изъ Іерусалима, Царемъ Персидскимъ Хозроемъ, и возвращено изъ плѣна Императоромъ Ираклiемъ; радуясь побѣдѣ, Ираклій, конный, въ вѣнцѣ и багряницѣ, хотѣлъ внести животворящій крестъ, во врата Іерусалима, но подъ нимъ сталъ его конь, и Патріархъ Захарія, бывшій самъ въ числѣ освобожденныхъ плѣнниковъ, напомнилъ Царю, что не въ такомъ торжественномъ видѣ, Сынъ Божій влачилъ сіе самое древо, по стогнамъ Іерусалимскимъ; смирился тронутый Ираклій, и

пѣшій, безъ обуви, вѣнца и багряницы, вознесъ на плечахъ своихъ честное древо на Голгоѳу. Посему, въ память перваго и втораго событія, поются стихиры, то ликующія, то умилительныя.

«Крестъ воздвигается днесь и міръ освящается; ибо со Отцемъ сѣдящій и Духомъ Святымъ, распростеръ на немъ руки, и міръ весь привлеченъ къ Твоему познанію, Христе; Ты же сподоби надѣющихся на Тебя божественной славы».

«Нынѣ приходитъ крестъ Господень и вѣрные пріемлютъ его съ желаніемъ, и получаютъ исцѣленіе души и тѣла и всякой болѣзни; цѣлуемъ его съ радостію и страхомъ: страхомъ, грѣха ради, какъ недостойные, съ радостію же, ради спасенія, которое подаетъ міру пригвоздившійся на немъ Христосъ Богъ, имѣющій велію милость».

Послѣ великаго гимна: «слава въ вышнихъ Богу», при умилительномъ пѣніи: «Святый Боже» Архіерей, во всемъ облаченіи, окруженный сослужащими, подъемлетъ честный крестъ, оплетенный цвѣтами, съ престола на главу свою, и не царскими вратами, но тѣсною сѣверною дверью, какъ бы изъ нѣдръ земли, износитъ его въ церковь на предолтарный амвонъ. Тамъ подражаетъ онъ Св. Архіепископу Іерусалимскому Макарію, который удостовѣрясь въ подлинности животворящаго древа, обрѣтеннаго Царицею, чрезъ воскрешеніе мертвой жены, сталъ на возвышенное мѣсто и непрерывно воздвигалъ его для зрѣлища и поклоненія народнаго, хотя и опускались иногда его утомленныя старческія руки, подъ тяжестію великаго креста; онъ осѣнялъ имъ на всѣ страны, народъ же непрестанно взывалъ: «Господи помилуй, Господи помилуй».

Подобно сему дѣйствію и донынѣ, по древнѣйшимъ уставамъ Церкви, Архіерей, держа на главѣ своей крестъ, самъ склоняется съ нимъ долу, какъ бы знаменуя тяжесть гоненій, какія переносила три столѣтія Церковь, и потомъ опять воздвигается, какъ бы вмѣстѣ съ торжествующею; лики же во все сіе время медленно и сладко поютъ: «Господи помилуй» понижая голосъ, по мѣрѣ склоненія креста, и съ нимъ возвышая. Краткія молитвы, о всеобщемъ спасеніи, возглашаются между каждымъ воздвиженіемъ, ибо на всѣ четыре страны поклоняется Архіерей, осѣняя крестомъ всѣ концы міра, и наконецъ опять обращается къ востоку въ пятый разъ, на память пяти единыхъ союзныхъ вселенскихъ Церквей: Іерусалима, Антіохіи, Александріи, Константинополя и нѣкогда Рима, нынѣ же Россіи.

ПИСЬМО IV.

Но бесѣдуя съ тобою о празднествахъ, совершающихъ посреди ликующей Церкви, умолчу ли о торжествѣ ея собственнаго освященія, когда воздвигается въ ней престолъ и жертвенникъ Богу и вся она созидается въ единый домъ молитвы? Таинственный обрядъ сей проникнутъ тою же благодатію, какою были исполнены Св. Отцы, его учреждавшіе, и наипаче Василій Великій, главный строитель чина церковнаго, и нѣтъ здѣсь ни одного дѣйствія, ни одной молитвы, которыя бы не заключали въ себѣ глубокаго созерцанія или сокровеннаго смысла. Подъ видомъ наружнаго храма разумѣлъ сей Вселенскій учитель,

другой внутренній храмъ, живую Церковь Бога живаго, собраніе вѣрныхъ членовъ единаго тѣла, главою коего Самъ Христосъ; а потому новый храмъ какъ бы олицетворяется предъ его глазами, и надъ нимъ совершаются тайнодѣйствія подобно какъ надъ человѣкомъ, облекающимся во Христа чрезъ крещеніе и мѵропомазаніе: къ нимъ присоединяется еще нѣчто отъ таинства священства, ибо Церковь посвящается на вѣчное служеніе Господу.

Когда уже все заблаговременно приготовлено къ освященію, Архіерей, облачившись, надѣваетъ со всѣми Пресвитерами, бѣлый хитонъ сверхъ одежды, для ея охраненія. Тогда входитъ въ алтарь и вслѣдъ за нимъ Священнослужители вносятъ, царскими дверями, столъ, покрытый пеленою, на коемъ лежатъ крестъ, евангеліе, сосуды и все нужное для освященія; святое же мѵро стоитъ, на другомъ подобномъ столѣ, у горняго мѣста, и алтарь заключается отъ взоровъ непосвященныхъ, чѣмъ уже съ первой минуты указывается на его таинственное назначеніе.

Прежде всего Святитель, благословивъ своихъ сослужителей, окропляетъ святою водою четыре столба, основаніе престола, и поливаетъ по ихъ угламъ крестообразно кипящую мастику, охлаждаемую устами Пресвитеровъ: она служитъ для утвержденія верхней доски трапезной, и знаменуетъ ту драгоцѣнную мастику, какою помазалъ Аримаѳей тѣло Господне, положенное во гробъ, ибо и здѣсь созидается вмѣстѣ престолъ и гробъ Агнцу. По краткой молитвѣ Господу, Творцу и строителю спасенія нашего, о дарованіи неосужденно освятить новый храмъ, окропляетъ Архіерей съ обѣихъ сторонъ доску престольную, которая возлагается на столбы при пѣ-

ніи псалма: «вознесу Тя Боже мой, Царю мой, и благословлю имя Твое во вѣкъ и въ вѣкъ вѣка» и другаго еще болѣе выразительнаго: «Господь пасетъ мя и ничтоже мя лишитъ; на мѣстѣ злачнѣ тамо всели мя, на водѣ покойнѣ воспита мя; душу мою обрати, настави мя на стези правды, имени ради Своего; аще бо и пойду посреди сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси; жезлъ Твой и палица Твоя, та мя утѣшиста; уготовалъ еси предо мною трапезу сопротивъ стужающихъ мнѣ: умастилъ еси елеемъ главу мою, и чаша Твоя упояваюши мя, яко державна, и милость Твоя поженетъ мя вся дни живота моего, и еже вселитимися въ домъ Господень въ долготу днiй».

Тогда, съ благословеніемъ имени Божія, онъ окропляетъ еще четыре гвоздя и, вложивъ ихъ въ углы трапезы, утверждаетъ камнями съ помощію Священнослужителей.

Здѣсь бываетъ первый отдыхъ въ дѣлѣ созиданія храма, какъ бы для обозначенія перваго дня сотворенія міра, когда рече Богъ: «да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ, и видѣ Богъ свѣтъ яко добро, и бысть вечеръ и бысть утро, день единъ». Въ тоже время отверзаются впервые двери царскія, дотолѣ заключенныя, дабы вѣрные могли видѣть начало созиданія храма, а Святитель, обратясь къ нимъ лицемъ, ибо они сами образуютъ уже освященную Церковь, на колѣняхъ, произноситъ пространную молитву храмозданія, составленную частію изъ словъ Соломона, при совершеніи имъ храма Іерусалимскаго.

Онъ умиленно взываетъ къ Богу безначальному, живущему въ неприступномъ свѣтѣ, имѣющему престоломъ небо, подножіемъ землю, который далъ на-

чертаніе Моисею для скиніи свидѣнія, Соломону же широту сердца для устроенія храма, а Св. Апостоламъ благодать новаго служенія, въ духѣ и истинѣ, и чрезъ нихъ распространилъ церкви свои по вселенной, для принесенія безкровной жертвы, ко славѣ Своей и единороднаго Сына и Святаго Духа,— молитъ: да не возгнушается нынѣ грѣховъ нашихъ и не разрушитъ съ нами своего завѣта, но ниспошлетъ Духа Своего Святаго, къ освященію храма, и исполнитъ его свѣта вѣчнаго; да изберетъ Себѣ жилище, какъ мѣсто селенія Своей славы, украситъ божественными дарованіями и сдѣлаетъ пристанищемъ обуреваемыхъ, врачевствомъ страстей, прибѣжищемъ немощныхъ и прогнаніемъ бѣсовъ. Онъ молитъ также, чтобы день и нощь были отверсты уши Господни къ молящимся въ храмѣ семъ, со страхомъ и благоговѣніемъ, исполняя горѣ просимое долу, и чтобы сей новозавѣтный жертвенникъ прославился паче ветхозавѣтнаго, а безкровныя жертвы, возносясь отъ него къ мысленному пренебесному жертвеннику, приносили бы намъ благодать свыше, ибо дерзаемъ не на нашихъ рукъ служеніе, но на неизреченную благостыню Божію.

Послѣ обычной великой эктеніи Діакона, опять обращается Архіерей къ предначатому дѣлу таинственнаго строенія, и здѣсь уже онъ только освящаетъ созданное имъ прежде. Сперва благословляетъ, въ тайной молитвѣ, подносимую ему теплую воду, испрашивая на нее благословеніе Іорданово, и возливая на трапезу трижды, какъ при крещеніи, во имя Отца и Сына и Св. Духа, отираетъ ее вмѣстѣ со Священнослужителями, при пѣніи псалма: «коль возлюбленна селенія Твоя Господи силъ! желаетъ

и скончавается душа моя во дворы Господни, сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозѣ живѣ; ибо птица обрѣте себѣ храмину, и горлица гнѣздо себѣ идѣже положити птенцы своя: олтари Твоя Господи силъ, Царю мой и Боже мой. Блажени живущіи въ дому Твоемъ, во вѣки вѣковъ восхвалятъ Тя; яко лучше день единъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысящь; изволихъ приметатися въ дому Бога Моего, паче неже жити ми въ селеніяхъ грѣшныхъ».

За симъ первоначальнымъ омовеніемъ слѣдуетъ второе, столь же знаменательное. Поелику на освящаемой трапезѣ должна возобновляться Голгоѳская жертва, а Голгоѳа омыта кровію и водою, истекшими изъ ребръ Спасителя, то вино соединенное съ розовою водою, крестообразно возливается на трапезу, сообщая ей чистоту и благоуханіе, святынѣ свойственныя.

Тѣмъ же смѣшеніемъ окропляется антиминсъ, т. е. вмѣсто-престоліе, долженствующій лежать на трапезѣ, по древнему уставу Церкви, когда во дни гоненій, на сихъ подвижныхъ антиминсахъ, Архіереи благословляли служить литургію, за недостаткомъ постоянныхъ престоловъ. Во время кропленія Святитель читаетъ 50-й псаломъ, отъ сего стиха: «окропиши мя иссопомъ и очищуся, омыеши мя и паче снѣга убѣлюся», и отерши губою трапезу, съ благословеніемъ имени Божія, приступаетъ къ таинственному помазанію престола мѵромъ.

Сперва изображаетъ онъ три креста на поверхности трапезы, предозначая мѣста, гдѣ во время литургіи, будутъ стоять евангеліе, дискосъ и чаша; потомъ по три креста на каждой сторонѣ престола, чтобы онъ освященъ былъ отовсюду, и наконецъ

три же креста на антиминсѣ, подобно какъ и на доскѣ престола. При семъ Діаконъ, знаменуя важность совершаемаго дѣйствія, предъ каждымъ крестнымъ знаменіемъ, возбуждаетъ вниманіе словомъ: «вонмемъ», а Святитель, изображая цѣль освященія и выражая восторгъ духовнаго помазанія, восклицаетъ: «аллилуія». Лики же поютъ: «се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ: яко мѵро на главѣ, сходящее на браду, браду Ааронѣ, сходящее на ометы одежды его, яко роса Аэрмонская, сходящая на горы Сіонскія: яко тамо заповѣда Господь благословеніе, и животъ до вѣка».

Архіерей окропляетъ также бѣлую нижнюю одежду, надѣваемую на трапезу, какъ на восходящаго отъ купели, и держитъ конецъ верви, которою престолъ обвязывается трижды, такъ что знаменіе креста является со всѣхъ четырехъ сторонъ, а лики опять поютъ трогательный псаломъ, воспоминающій, чрезъ три тысячи лѣтъ, кротость Давида и его пламенное желаніе устроить жилище Господу, что только суждено было его сыну: «помяни Господи Давида и всю кротость его, яко клятся Господеви, обѣщася Богу Іаковлю: аще вниду въ селеніе дому моего или взыду на одръ постели моея, аще дамъ сонъ очима моима и вѣждома моима дреманіе и покой скраніама моима, дондеже обрящу мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю. Се слышахомъ я во Ефраѳѣ, обрѣтохомъ я въ поляхъ дубравы; внидемъ въ селенія его, поклонимся на мѣсто, идѣже стоястѣ нозѣ его. Воскресни Господи въ покой Твой, Ты и ковчегъ святыни Твоея; священницы Твои облекутся правдою, и преподобніи Твои возрадуются».

Тогда Священники приносятъ верхнее одѣяніе

престола, какъ бы ризу пресвитерскую, которую возлагаютъ по окропленіи оной Святителемъ, ибо отнынѣ престолъ будетъ носить на себѣ священнодѣйствіе; они простираютъ на немъ антиминсъ и литонъ, т. е. платъ его облекающій, въ память могильнаго плата, которымъ обвито было мертвенное чело Спасителя, и обрѣтеніе коего, въ упраздненномъ гробѣ, засвидѣтельствовало Апостоламъ истину воскресенія. Они возлагаютъ также святое евангеліе и крестъ, покрывъ все сіе пеленою, и когда такимъ образомъ совершенно украшенъ престолъ, возглашается торжественный псаломъ: «Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся, облечеся Господь въ силу и препоясася, ибо утверди вселенную, яже не подвижится; готовъ престолъ Твой оттолѣ, отъ вѣка Ты еси. Воздвигоша рѣки гласы своя, вознесутъ рѣки волны своя отъ гласовъ водъ многихъ; дивны высоты морскія, дивенъ въ высокихъ Господь, свидѣнія Твоя увѣришася зѣло; дому Твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу дній».

По совершенномъ устроеніи престола, начальствующій велитъ старшему по немъ облечь одеждою жертвенникъ, съ окропленіемъ также святою водою, и поставить на него освященные сосуды безъ всякихъ молитвъ, ибо это только мѣсто ихъ храненія и приготовленія жертвы, а не страшнаго ея совершенія, подобно престолу. Тогда снимается съ Архіерея и со служащихъ бѣлый хитонъ; онъ пріемлетъ кадило и кадитъ сперва престолъ и жертвенникъ и весь алтарь, при пѣніи псалма: «суди ми Господи, яко азъ незлобою моею ходихъ и на Господа уповая не изнемогу». Потомъ исходитъ въ церковь, послѣдуемый двумя старшими Пресвитерами, изъ

коихъ одинъ окропляетъ стѣны святою водою, а другой помазуетъ мѵромъ крестообразно четыре стѣны храма, начиная надъ горнимъ мѣстомъ въ алтарѣ, и далѣе надъ вратами западными, южными и сѣверными.

По возвращеніи духовнаго собора совершается второй отдыхъ отъ дѣла и возобновляется молитва. Архіерей, снявъ митру и обратясь уже не къ народу, но къ освященному престолу, громогласно молитъ Господа неба и земли, основавшаго неизреченною премудростію Церковь святую, и уставившаго на землѣ чинъ священства, по подобію Ангельскаго на небесахъ служенія,—пріять молитву недостойныхъ рабовъ, по превосходству Своей благости, знаменіемъ коей было посланіе Сына, воплотившагося для спасенія рода человѣческаго, и изліяніе Духа Святаго, коимъ Апостолы утвердили Церковь и предали ей таинства. На сіе уповая, испрашиваетъ онъ новому храму и жертвеннику исполненіе славы Господней, а служащимъ неосужденное приношеніе безкровной жертвы за грѣхи людей.

Когда же всѣ вѣрные, по гласу Діакона, преклонятъ главы, Святитель втайнѣ благодаритъ Господа, за непрерывное изліяніе благодати, нисшедшее до него отъ Апостоловъ, и продолжая молитву, чтобы и на семъ жертвенникѣ таинственно прелагались тѣло и кровь Христовы, ко спасенію всѣхъ людей, возсылаетъ громко славу имени Пресвятой Троицы.

Послѣ сего возжигаетъ первую свѣчу и поставляетъ ее на горнемъ мѣстѣ, позади престола, какъ бы въ самой глубинѣ Востока, отколѣ долженъ изливаться духовный свѣтъ на всю просвѣщаемую церковь; онъ раздаетъ евангеліе, крестъ и иконы Пре-

свитерамъ въ алтарѣ, мірянамъ же свѣчи на амвонѣ, и взявъ посохъ слѣдуетъ самъ за торжественнымъ ходомъ, возгласивъ: «съ миромъ изыдемъ», а лики, шествуя за хоругвями, поютъ: «Церковь твоя, Христе Боже, украсившаяся во всемъ мірѣ кровію мучениковъ Твоихъ, какъ бы пурпуромъ и багряницею, устами ихъ вопіетъ къ Тебѣ: ниспошли людямъ Твоимъ щедроты, даруй миръ Твоему жилищу и душамъ нашимъ велію милость».

«Какъ начатки существъ Создателю всѣхъ твореній, вселенная приноситъ Тебѣ, Господи, богоносныхъ Мучениковъ; многомилостивый, молитвами ихъ и Богородицы, сохраняй въ глубокомъ мирѣ Церковь, Свое жилище».

Но куда шествіе? зачѣмъ исходитъ духовный Соборъ и пустъ остается обновленный храмъ, какъ будто чуждый для обновившихъ? зачѣмъ о Мученикахъ пѣснь?—За ихъ мощами идетъ Соборъ; воздвигнутъ жертвенникъ Богу, но не утвержденъ, доколѣ не положены ему въ основаніе нетлѣнныя частицы святыхъ мощей, ибо на костяхъ мученическихъ утвердилась Вселенская Церковь, въ три первые вѣка кровавыхъ гоненій, и надъ гробами ихъ созданы были первыя святилища Христіанъ. Ликующая Церковь не хочетъ забыть древнихъ бѣдствій и какъ воинъ украшается своими ранами; она внемлетъ откровенію Св. Іоанна Богослова, видѣвшаго въ духѣ, на небесахъ, предъ лицемъ Божіимъ, алтарь, и подъ алтаремъ души избіенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли, и хочетъ подражать на землѣ небесному видѣнію.

Въ ближайшемъ храмѣ приготовлены, еще съ вечера, святыя мощи, и дискосъ, на коемъ они ле-

жатъ, покрытый воздухомъ, поставленъ на престолѣ въ ожиданіи прихода Архіерейскаго.—Онъ входитъ въ алтарь, безъ посоха и митры, и возглашаетъ малую эктенію Діакона: «яко святъ еси Боже нашъ, иже на пострадавшихъ по Тебѣ честныхъ Мученицѣхъ почиваеши, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

Потомъ творитъ молитву къ Господу, вѣрному въ словесахъ Своихъ и неложному въ обѣщаніяхъ, который даровалъ святымъ Своимъ Мученикамъ, подвигомъ добрымъ подвизаться, теченіе благочестія совершить и сохранить вѣру истиннаго исповѣданія,—чтобы Онъ, и недостойнымъ рабамъ Своимъ, далъ участіе въ наслѣдіи съ ними и сдѣлалъ благими ихъ подражателями.

По другой тайной молитвѣ, воздавъ имъ честь ѳиміамомъ, онъ поднимаетъ дискосъ обѣими руками на главу свою, и поддерживаемый Пресвитерами, въ сопровожденіи всего духовнаго Собора, съ иконами и хоругвями, идетъ опять къ новому храму и обходитъ его торжественно, а между тѣмъ одинъ изъ Священниковъ окропляетъ святою водою наружныя стѣны, и воспѣваются первые два гимна, которые слышны внутри алтаря, при таинствѣ рукоположенія во священство.

«Святіи Мученицы, добрѣ страдальчествовавшіи и вѣнчавшіися, молитеся ко Господу, помиловатися душамъ нашимъ».

«Слава Тебѣ, Христе Боже, Апостоловъ похвало, Мучениковъ радованіе, ихъ же проповѣдь, Троица единосущная».

Достигнувъ западныхъ вратъ, пѣвчіе входятъ въ храмъ и заключаютъ его; Святитель же, со всѣмъ

Соборомъ, остается внѣ и слагаетъ съ главы своей дискосъ, на приготовленный предъ вратами налой.

Здѣсь совершается одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ и трогательныхъ обрядовъ нашей Церкви. Подобно какъ, при торжественномъ вознесеніи Господа, Ангелы, видя его въ образѣ человѣческомъ, въ ужасѣ недоумѣвали, кто есть сей Царь славы? когда отверзлись ему врата небесныя:—подобно сему и когда Архіерей, благословивъ имя Христа Бога, какъ бы отъ лица Его, взываетъ къ заключеннымъ вратамъ: «возьмите врата князи ваша, и возьмитеся врата вѣчная и внидетъ Царь славы»!—изнутри заключеннаго храма ему тихо отвѣтствуютъ лики, какъ бы изъ глубины неба; «кто есть сей Царь славы»? и снова Архіерей: «возьмите врата верхи ваша, и возьмитеся врата вѣчная и внидетъ Царь славы»! и снова хоръ: «кто есть сей Царь славы»?

Тогда Святитель умоляетъ Бога, Отца Господа Іисуса, чрезъ воплощеніе Сына своего, даровавшаго намъ входъ въ небесную ликующую Церковь, призрѣть и на обновленіе сего храма, созидаемаго по образу насъ самихъ, то есть живой Церкви, членовъ тѣла Христова, и утвердить оный до конца вѣка, для приношенія въ немъ достойной хвалы Пресвятой Троицѣ. Онъ молитъ, чтобы вмѣстѣ со входомъ Священнослужителей, былъ входъ и святыхъ Ангеловъ во врата храма, предъ коими знаменуетъ крестъ, воздвигнутыми на дискосѣ мощами, и громко восклицаетъ въ отвѣтъ вопрошающимъ ликамъ: «Господь силъ, той есть Царь славы»!

Какъ эхо повторяютъ лики таинственныя слова сіи внутри храма, и внезапно отверзаются врата Господу силъ, и прямо въ алтарь шествуетъ Свяги-

тель, гдѣ поставивъ на престолѣ дискосъ, кадитъ ѳиміамомъ и, помазавъ мѵромъ святыя частицы мощей, влагаетъ ихъ въ антиминсъ и въ малый ящикъ съ благовонною мастикою. Онъ велитъ поставить его на столбецъ, подъ срединою престола, въ незыблемое основаніе; самъ же обращается къ Богу, даровавшему и сію славу пострадавшимъ за него Мученикамъ, чтобы сѣялись по всей землѣ мощи ихъ въ основаніе храмовъ, произращая плоды исцѣленій,— да молитвами ихъ и въ возмездіе за ихъ страданія даруетъ намъ спасеніе.

Такъ нѣкогда Соломонъ, соорудивъ великолѣпный храмъ Богу Израилеву на высотахъ Іерусалимскихъ, съ Левитами и жрецами взошелъ на гору Сіонскую, во градъ отца своего. Тамъ, изъ древней пустынной скиніи, подняли они кивотъ завѣта, устроенный Моисеемъ, и при пѣніи псалмовъ Давидовыхъ, заранѣе изобразившихъ сіе духовное торжество, съ принесеніемъ безчисленныхъ жертвъ, внесли неприступную святыню, залогъ завѣта Божія съ Израилемъ, во внутренность храма, во Святое святыхъ, подъ крылія Херувимовъ, и внезапно исполнился храмъ весь облакомъ славы Господней, нестерпимой для самихъ Левитовъ, такъ что оставили свои жертвы, и воззвалъ Соломонъ предъ всѣмъ народомъ, къ Богу отцевъ своихъ.

И въ новомъ храмѣ совершается третій молитвенный отдыхъ; Архіерей, со всѣмъ народомъ, преклоняетъ колѣна и молитъ Господа, творца свѣта, обновившаго насъ чрезъ Сына Своего, по благодати Св. Духа, и благоволившаго издревле обновлять Свое твореніе, образами новаго завѣта въ скиніи Синайской и въ храмѣ Соломоновѣ: воззрѣть милостиво

на рабовъ Своихъ, въ новомъ жилищѣ Своей славы, и обновить ихъ Духомъ Святымъ, даровать Царю побѣды, священникамъ миръ и единомыслiе, благочестивымъ же строителямъ храма спасеніе и оставленіе грѣховъ и дары духовные, для поклоненія единому Богу и Господу Іисусу, молитвами Богородицы и всѣхъ Святыхъ.

Тогда становится Святитель на амвонѣ посреди церкви, и при возглашеніи многолѣтія Государю, Синоду и Вселенскимъ Патріархамъ, осѣняетъ на всѣ четыре страны животворящимъ крестомъ.

ПИСЬМО V.

Между многими обрядами и молитвами, которыми Церковь Христова усѣяла жизненное поприще дѣтей своихъ, чтобы на каждомъ шагу встрѣчаясь съ ними, не совратились съ истиннаго пути, есть одно священное дѣйствіе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ рѣдко совершаемое, но чрезвычайно важное, ибо имѣетъ необходимое участіе въ другихъ таинственныхъ дѣйствіяхъ Церкви:—это освященіе мѵра, рукою Архіерейскою, въ Успенскомъ Московскомъ и Кіевскомъ Софійскомъ соборахъ. Я полагаю необходимымъ говорить съ тобою о семъ предметѣ, ибо часто замѣчалъ, что по невѣдѣнію ты смѣшиваешь *святое мѵро*, употребляемое при мѵропомазаніи, какъ печать дара Духа Святаго, съ *священнымъ елеемъ*, которымъ помазываютъ болящаго при другомъ таинствѣ елеосвященія, и такимъ образомъ не распознаешь двухъ таинствъ; ты даже не отли-

чаешь его отъ *простаго елея*, благословляемаго на праздничной всенощной, или выливаемаго изъ лампадъ, горящихъ предъ святыми иконами и мощами, чтобы творить крестное знаменіе на челѣ вѣрныхъ, въ знакъ ихъ духовной радости и благословенія отъ того, кому празднуютъ.

Но совсѣмъ иное, возвышенное значеніе святаго мѵра. Пророкъ Моисей, по глаголу Божію, впервые излилъ оное на главу брата своего Аарона, возводя его въ санъ Первосвященника Израильскаго, и другой Пророкъ Самуилъ совершилъ то же дѣйствіе надъ Сауломъ и Давидомъ, помазуя ихъ на царство. Первосвященники и Цари, по закону, а Пророки Іуды и Израиля, по чрезвычайному повелѣнію Божію, принимали сіе таинственное помазаніе, отъ руки другихъ Пророковъ или Первосвященниковъ, въ знаменіе нисходящаго на нихъ Духа Божія, которымъ священнодѣйствуютъ Святители, царствуютъ Цари и пророкаютъ Пророки. Еврейское слово *Мессія* и Греческое *Христосъ* выражаютъ помазанника, и въ троякомъ смыслѣ оно дано было на землѣ Сыну Божію, въ образѣ сына человѣческаго: какъ Пророку небеснаго Отца своего, какъ Царю Израиля и вселенной отъ колѣна Давидова, и наконецъ какъ Первосвященнику Бога Вышняго, заступившему мѣсто жрецовъ Іудейскихъ, который Самъ Себя принесъ въ жертву за грѣхи міра.

Посему и въ новомъ завѣтѣ, святое мѵро служитъ нетлѣнною печатію даровъ, сообщаемыхъ Духомъ Святымъ восходящему отъ купели, и самаго имени Христіанина. Оно же знаменуетъ, при торжественомъ вѣнчаніи Царей нашихъ, въ томъ древнемъ храмѣ, въ которомъ и само пріемлетъ освя-

щеніе, умноженную благодать Божію, укрѣпляющую ихъ на трудный подвигъ царства. Оно наконецъ освящаетъ всѣ престолы или по крайней мѣрѣ антиминсы храмовъ, на коихъ должна совершаться безкровная жертва Христова, чтобы не дрогнули и не разсѣлись, подобно Голгоѳскому утесу, не вынесшему ея ужасовъ.

Сказавъ тебѣ таинственное значеніе святаго мѵра, я объясню и самый обрядъ его приготовленія и освященія, въ великіе дни страстной седмицы, въ первопрестольной столицѣ.

Съ недѣли крестопоклонной великаго поста уже начинается приготовленіе масла и вина, благовонныхъ травъ и ароматовъ, потребныхъ для варенія мѵра; въ первый же день страстной седмицы собирается духовенство въ Кремль, близъ Успенскаго собора, въ крестовую Патріаршую палату, гдѣ приготовлены серебряные котлы и сосуды. Архіерей, благословляя начало обычныхъ молитвъ, освящаетъ воду, при пѣніи тропарей, на сошествіе Св. Духа и успеніе Богоматери, и кропитъ всѣ вещества, изъ коихъ должно образоваться мѵро; онъ вливаетъ воду сію въ самые котлы, а священники льютъ масло и вино, и полагаютъ горящіе угли; Святитель же, по краткой молитвѣ къ Господу Іисусу, о совершеніи начинаемаго дѣла, которое благословляетъ именемъ Пресвятой Троицы, отходитъ, оставивъ діаконовъ и священниковъ, при непрерывномъ чтеніи святаго Евангелія, продолжающихъ мѵровареніе въ теченіе трехъ дней; въ великую среду они влагаютъ уже ароматы въ изготовленное мѵро и разливаютъ его въ двѣнадцать большихъ сосудовъ, напоминающихъ число Апостольское.

Самое освященіе совершается, во время литургіи великаго четверга, и тогда отмѣняется обрядъ умовенія ногъ, но не оставляется таинство елеосвященія, которое, по примѣру Церкви Іерусалимской, и въ храмѣ Успенскомъ соборно совершается предъ литургіею, на память жены помазавшей на смерть Іисуса; всѣ желающіе пріемлютъ отъ пресвитеровъ участіе въ таинствѣ, чрезъ помазаніе освященнымъ елеемъ.

Прежде чтенія часовъ, Архіерей, со всѣмъ духовенствомъ, идетъ изъ собора въ крестовую палату, за приготовленными сосудами мѵра, и священники торжественно несутъ ихъ въ соборный алтарь, гдѣ поставляютъ вокругъ жертвенника, а лики поютъ во время шествія: «Благословенъ еси, Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей, ниспославъ имъ Духа Святаго, и тѣми уловлей вселенную: Человѣколюбче, слава Тебѣ».

Тоже торжественное перенесеніе двѣнадцати сосудовъ, руками іерейскими, повторяется на великомъ входѣ предъ святыми дарами, ибо подобно имъ мѵро должно освятиться на престолѣ. Впереди всего шествія идетъ старшій Архимандритъ и несетъ подъ осѣненіемъ двухъ рипидъ, какъ бы подъ крылами Херувимовъ, драгоцѣнный алавастръ или сосудъ исполненный мѵра, напоминающій тотъ алавастръ съ драгоцѣннымъ мѵромъ, какой излила на главу и ноги Іисусовы кающаяся Магдалина. За тѣмъ слѣдуютъ прочіе сосуды и поставляются по сторонамъ престола, а самый алавастръ пріемлетъ, въ дверяхъ царскихъ, Архіерей и ставитъ на трапезу; когда же должно совершаться освященіе святыхъ даровъ, онъ открываетъ постепенно каждый сосудъ и благо-

словляетъ трижды, крестнымъ знаменіемъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Потомъ произноситъ, въ слухъ всей Церкви, молитву освященія надъ мѵромъ, взывая къ Господу милости и Отцу свѣтовъ, да дастъ и ему благодать тайнодѣйственнаго служенія, подобно Моисею, Самуилу и Апостоламъ, и ниспошлетъ Духа Святаго на мѵро сіе, сотворивъ оное помазаніемъ духовнымъ, хранилищемъ жизни, освященіемъ душъ и тѣлесъ и елеемъ радованія, изъ ветхаго завѣта возсіявшимъ въ новомъ. Онъ молитъ, чтобы чрезъ сію печать совершенства духовнаго, всѣ восходящіе отъ бани крещенія признаваемы были гражданами и домашними Божіими, отъ святыхъ Ангеловъ, и страшны были демонамъ. Да будутъ они, продолжаетъ Святитель, людьми избранными, царскимъ священствомъ, народомъ святымъ, запечатлѣннымъ таинствомъ и носящимъ въ сердцахъ своихъ Христа, дабы сотворилась въ нихъ обитель всей Троицы.

Тогда обращается Архіерей къ церкви, съ желаніемъ мира, и по зову Діакона къ вѣрнымъ, дабы преклонили главы свои, опять приступаетъ къ престолу и втайнѣ благодаритъ Господа, даровавшаго ему благодать служенія; онъ проситъ о изліяніи и на него самаго освященія, подобно мѵру, ибо мѵро изліянное есть самое имя Христа единороднаго Сына Божія, въ коемъ благоухается весь видимый и невидимый міръ.—По возглашеніи славы Пресвятой Троицѣ, еще трижды благословляетъ онъ, крестнымъ знаменіемъ, каждый изъ сосудовъ, которые относятся послѣ литургіи столь же торжественно въ хранилище, при пѣніи псалма: «отрыгну сердце мое

слово благо», изображающаго таинственное помазаніе и славу Сына Божія.

Всѣ сіи молитвы и дѣйствія освященія мѵра принадлежатъ собственно къ таинству мѵропомазанія, ибо, какъ я и прежде уже изъяснилъ тебѣ, одни Архіереи имѣютъ высшую власть запечатлѣвать Христіанъ въ вѣрѣ, по примѣру Апостоловъ, и освящаютъ мѵро для всей Церкви, дабы въ послѣдствіи Священники могли, безъ замедленія, сообщать при самомъ крещеніи благодатные дары Духа Святаго, чрезъ животворящее мѵропомазаніе. А святое мѵро, проливаясь по всей Церкви, изъ одного благодатнаго источника, содержитъ ее въ неразрывномъ союзѣ мира, печатію имени Христова, въ залогъ общаго спасенія во единомъ Христѣ Іисусѣ.

ПИСЬМО VI.

Наконецъ, любезный другъ, прежде нежели заключить сей длинный рядъ писемъ духовныхъ, я хочу еще говорить тебѣ о послѣднемъ милосердномъ дѣйствіи, которое надъ нами совершаетъ нѣжная мать наша Церковь, когда мы сами уже повержены, бездыханные, предъ лицемъ ея, и не въ силахъ болѣе радѣть о пищѣ душѣ своей. Это погребальное дѣйствіе, трогательное по самому существу своему, ибо, вмѣстѣ съ пронзительною скорбію разлуки, напоминаетъ намъ о неизбѣжномъ отшествіи въ путь усопшаго, было еще украшено умилительными пѣснями Іоанна Дамаскина. Состраданіе исторгло ихъ, изъ краснорѣчивыхъ устъ святаго отшельника пла-

чевной юдоли, въ утѣшеніе иноку плакавшему о потерѣ своего друга, и милость пѣвца, въ созвучіи съ милостію Церкви, произвели ту дивную гармонію мыслей и чувствъ и рыданій, которыхъ отголосокъ слышится въ каждомъ сердцѣ, сокрушаетъ каждую душу, но и воскрыляетъ къ небу смятенный духъ.

Но есть еще и на предѣлахъ бытія временнаго и вѣчнаго, на послѣдней жизненной ступени, одно укрѣпляющее моленіе на исходъ души, поручаемой Пречистой Дѣвѣ, которой помощь призывается въ стихахъ отраднаго канона: «Подобно дождевымъ каплямъ, злые и малые дни мои, оскудѣвая по немногу теченіемъ лѣтъ, уже исчезаютъ,—Владычица спаси меня».

«Нынѣ великій страхъ содержитъ мою душу, и болѣзненъ мнѣ неисповѣдимый трепетъ отходящей души моей,—Пречистая утѣшь ее».

«Се время помощи, се время Твоего заступленія, се Владычица время, о коемъ день и ночь я припадалъ къ Тебѣ въ теплыхъ молитвахъ».

«Пріидите и вы, святые мои Ангелы, предстаньте судилищу Христову, и мысленно преклонивъ свои колѣна, плачевно къ Нему воззовите: Создатель всѣхъ, помилуй и не отринь дѣла рукъ Твоихъ».

«Уста мои молчатъ, и языкъ не глаголетъ, но сердце вѣщаетъ, ибо огнь сокрушенія, снѣдая его, разгорается и неизреченнымъ гласомъ Тебя призываетъ, о Дѣва».

Отъ самой минуты разлученія души и тѣла, до тѣхъ поръ, пока не предадутъ землѣ мертвенные останки, совершаются панихиды и читается непрестанно, днемъ и ночью, псалтирь надъ умершимъ, а по уставу еще долѣе, до сорока дней, чтобы мо-

литвами облегчить душѣ страшный переходъ ея въ невѣдомый міръ и избавить отъ мытарствъ или испытаній, которымъ подвергается она, въ первые дни своего отшествія, по преданіямъ церковнымъ. Какъ третій день избранъ для погребенія, ибо мертвенность уже слишкомъ ясно начинаетъ проявляться въ тѣлѣ, такъ девятый и двадцатый и сороковой, поминаніями соотвѣтствуютъ постепенному его разложенію, по законамъ естественнымъ, бывающему въ сіи промежутки времени. Число же сорока дней искони уважается Церковію, какъ то время, которое Господь благоволилъ провести на землѣ по своемъ воскресеніи, въ тѣлѣ прославленномъ, ожидающемъ насъ въ день общаго воскресенія.

Съ духовною же цѣлію, при божественной литургіи, вынимаются изъ просфоръ части за упокой отшедшей души, и кладутся на дискосъ къ Агнцу, чтобы на небесахъ всегда предстояла она Агнцу Божію; послѣ же пріобщенія, Священнослужители, части сіи погружаютъ въ божественную кровь Христову, чтобы ею омылись грѣхи поминавшихся. Потомъ уже начинается надгробное пѣніе, и псалтирь Давида его открываетъ, псалтирь, сіе чудное изліяніе радости и плача, торжествъ и сокрушеній, многострунное орудіе молитвы, настроенное Царемъ Пророкомъ на всѣ разнообразные тоны человѣческаго сердца, такъ что всѣ смертныя слабыя руки могутъ смѣло бряцать въ него, а сердце высказывать себя Богу. Краткія молитвы за упокой прерываютъ тихое чтеніе псалмовъ, которыхъ одни начальные и окончательные стихи возглашаются иногда пѣснію, какъ восклицанія плача, прорывающіяся временно изъ разбитаго сердца, какъ тяжкіе вздохи, внезапно

и только на минуту, облегчающіе стѣсненную грудь.

«Блажени непорочніи въ путь ходящіи въ законѣ Господни, аллилуія».

«Призри на мя и помилуй мя, по суду любящихъ имя Твое, аллилуія».

«Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ».

Здѣсь, при частомъ повтореніи сего стиха, поются другіе новозавѣтные стихи, изображающіе таинственную судьбу человѣка: «Святыхъ ликъ обрѣлъ источникъ жизни и дверь райскую, да обрѣту и я путь покаяніемъ; я погибшая овца, но воззови и спаси меня, Спаситель».

«Агнца Божія проповѣдавшіе и сами закланные какъ агнцы, и преставившіеся къ вѣчной нестарѣющей жизни, святые Мученики, молите Господа даровать намъ разрѣшеніе грѣховъ».

Вы всѣ, прискорбно вшедшіе въ тѣсный путь, и взявшіе на себя въ жизни иго креста и Мнѣ послѣдовавшіе вѣрою, пріидите насладитесь почестями, которыя Я вамъ приготовилъ, и вѣнцами небесными».

Такъ говоритъ Спаситель своимъ вѣрнымъ и они отвѣтствуютъ: «я образъ Твоей неизреченной славы, хотя и ношу язвы прегрѣшеній; ущедри Твое созданіе, Владыко, и очисти Твоимъ благоутробіемъ и возврати мнѣ желанное отечество, дѣлая меня опять жителемъ рая».

«Древле Ты создалъ меня изъ небытія и почтилъ Своимъ божественнымъ образомъ; за преступленіе же заповѣди опять возвратилъ въ землю, отколѣ я взятъ былъ; но возведи меня въ Свое подобіе, въ образъ древней красоты».

Начинается канонъ погребальный, пресѣкаемый также молитвами за упокой усопшаго, и послѣ первой молитвы воспоминается вся суета временнаго: «поистинѣ все суета, а жизнь лишь тѣнь и сонъ, и тщетно труждаетъ себя земнородный; ибо, по словамъ писанія, когда міръ весь пріобрящемъ, и тогда во гробъ вселимся, гдѣ вмѣстѣ нищіе и цари».

Когда же шестая пѣснь изобразитъ намъ бурю жизни: «житейское море воздвигаемое зря напасти бурею, къ тихому пристанищу притекши, вопію Тебѣ, возведи отъ тлѣнія жизнь мою, Многомилостивый»: тогда и Соборъ духовный, стоящій со свѣчами вокругъ гроба, знаменуя свѣтъ Христовъ, который нынѣ зритъ предъ собою усопшій, отъ лица всей Церкви возглашаетъ ему желаніе сей мирной пристани: «со Святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная».

По окончаніи канона, одинъ ликъ перекликаетъ другому грустные антифоны, основанные на горькомъ опытѣ жизни: «какая житейская сладость пребываетъ не причастна печали? какая слава стоитъ на землѣ постоянно? Не все ли слабѣе тѣни? не все ли обманчивѣе сна?—одно мгновеніе и всему наслѣдуетъ смерть! но во свѣтѣ лица Твоего, о Христе, и въ наслажденіи Твоей красоты, упокой избраннаго Тобою, Человѣколюбецъ».

«Плачу и рыдаю, когда помышляю о смерти и вижу, по образу Божію, созданную нашу красоту, безобразною, безславною, не имѣющею вида. О чудо! какое таинство сбылось надъ нами? какъ предалися мы тлѣнію? какъ сопряглись со смертію?—поистинѣ волею Бога, подающаго покой преставившемуся».

И посреди сего плача земли, безутѣшной, какъ древле Рахиль о своихъ избіенныхъ чадахъ «яко не суть», предлагаются, во услышаніе вѣрныхъ, два отрадныя увѣренія будущей жизни, въ словахъ Апостола и Евангелія, ибо одно только небесное откровеніе, о возстаніи мертвыхъ, можетъ примирить духовную природу человѣка съ картиною предлежащей временной смерти ея тѣла.

«Братіе, говоритъ Апостолъ Павелъ (Сол. IV, 13—17), не хочу оставить васъ въ невѣдѣніи о умершихъ, дабы и вы не скорбѣли, какъ прочіе не имѣющіе надежды. Ибо если мы вѣруемъ, что Христосъ умеръ и воскресъ, то также и умершихъ въ Іисусѣ, Богъ приведетъ съ Нимъ; ибо сіе сказываемъ вамъ, словомъ Господнимъ, что мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ: потому что Самъ Господь, по предвозвѣщеніи гласомъ Архангела и трубою Божіею, снидетъ съ неба и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде; потомъ и мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ по воздуху, на встрѣчу Господу, и такимъ образомъ всегда съ Господомъ будемъ».

Господь же Іисусъ Христосъ, устами Евангелиста Іоанна (V, 24—35), обѣщаетъ намъ еще бо̀льшую радость: «истинно, истинно, говорю вамъ, слушающій слово Мое и вѣрующій пославшему Меня, имѣетъ жизнь вѣчную и суду не подлежитъ, а перешелъ уже отъ смерти въ жизнь. Истинно, истинно, говорю вамъ, наступаетъ время и настало уже, что мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и услышавъ оживутъ».

Во время погребенія Священниковъ, какъ бли-

жайшихъ служителей Христовыхъ, пять Апостольскихъ и пять Евангельскихъ чтеній предлагаются вѣрнымъ, лишившимся своего пастыря, какъ бы въ утѣшеніе отъ лица пяти Вселенскихъ Церквей, о нихъ пекущихся и съ ними участвующихъ въ погребеніи.

Тогда приближается, въ послѣдній разъ, духовникъ къ своему бывшему сыну и, по прочтеніи разрѣшительной молитвы, въ коей, по власти дарованной отъ Господа ученикамъ Своимъ, отпущаются умершему всѣ грѣхи его, онъ влагаетъ свитокъ въ его остывшія руки, какъ послѣдній залогъ Христіанской любви. Ближніе же всѣ, по примѣру отца духовнаго и прочихъ Священнослужителей, призываются къ горькому прощанію съ ихъ единокровнымъ, готовымъ предаться землѣ, и невыразимо плачевны прощальные стихи, воспѣваемые во время сего послѣдняго долга, даже и вчуждѣ раздирающаго душу.

«Пріидите братіе и, благодаря Бога, дадимъ усопшему послѣднее цѣлованіе; онъ оскудѣлъ отъ родства своего и течетъ ко гробу, не заботясь болѣе о суетномъ и о многострастной плоти. Гдѣ нынѣ сродники и друзья? вотъ уже разлучаемся! помолимся же, да упокоитъ его Господь».

«Какая разлука, братіе, какой плачъ, какое рыданіе въ настоящій часъ! пріидите, цѣлуйте недавно бывшаго съ нами;—онъ предается гробу, покрывается камнемъ, вселяется во мракъ, погребается съ мертвыми: помолимся же, да упокоитъ его Господь».

«Нынѣ разрушается все лукавое житейское торжество суеты! душа исторглась изъ своей скиніи, помрачилось броніе, разбился сосудъ, безгласенъ, безчувственъ, мертвъ и недвижимъ. Ввѣряя его гробу, помолимся, да дастъ ему Господь упокоеніе во вѣки».

«Великій плачъ и рыданіе, великое стенаніе и болѣзнь при разлученіи души!—Тогда вся привременная жизнь для нея адъ и погибель, тѣнь непостоянная, сѣнь заблужденія! безвременно мечтателенъ трудъ житія земнаго! О, убѣжимъ далеко отъ грѣха мірскаго, да наслѣдуемъ небесныя блага».

«Видя предлежащаго мертваго, всѣ да помыслимъ о послѣднемъ часѣ; какъ паръ отъ земли отходитъ человѣкъ, и какъ цвѣтокъ увялъ онъ, какъ трава поблекъ; пеленается саваномъ, покрывается землею; невидимымъ его оставляя, помолимся ко Христу, да дастъ ему во вѣки упокоеніе».

«Когда страшные Ангелы, силою хотятъ исторгнуть душу изъ тѣла, забываетъ она всѣхъ сродниковъ и знаемыхъ, и помышляетъ только о предстаніи будущему судилищу и о разрѣшеніи отъ суеты многотрудной плоти. И мы, къ Судіѣ прибѣгая, помолимся всѣ, да проститъ Господь содѣянное человѣкомъ».

«Видя меня лежащаго, безгласнымъ и бездыханнымъ, восплачьте обо мнѣ всѣ братія и сродники и знаемые. Вчерашній день бесѣдовалъ я съ вами, и внезапно настигъ меня страшный часъ смерти; но пріидите всѣ любящіе меня и цѣлуйте послѣднимъ цѣлованіемъ. Я уже болѣе не поживу съ вами или о чемъ либо не собесѣдую; къ Судіѣ отхожу, гдѣ нѣтъ лицепріятія: тамъ рабъ и владыка вмѣстѣ предстоятъ, царь и воинъ, убогій и богатый, въ равномъ достоинствѣ; каждый отъ своихъ дѣлъ прославится или постыдится. Но прошу и умоляю всѣхъ—непрестанно о мнѣ молитеся ко Христу Богу, да не буду низведенъ по грѣхамъ моимъ въ мѣсто мученій, но да вселюся въ жизненный свѣтъ».

Наконецъ, когда сынъ Адама уже опущенъ въ землю, отколѣ взятъ былъ его праотецъ, Священникъ посыпаетъ его пепломъ отъ ѳиміама кадильнаго, подобно коему онъ угасъ, съ сими словами: «земля еси и въ землю внидеши», и возглашаетъ ему отъ лица всѣхъ, готовыхъ скоро за нимъ послѣдовать: «вѣчная память»!

ПИСЬМО VII.

И такъ мой трудъ окончился!—Съ помощію Божіею, я начерталъ тебѣ, любезный другъ, по мѣрѣ моей неопытности, хотя и вкратцѣ, почти весь кругъ богослуженія церковнаго. Сперва старался я объяснить, изъ чего собственно состоитъ молитвенный день Христіанина, и говорилъ о службѣ утренней и вечерней, о часахъ и литургіи трехъ великихъ Святителей; потомъ я перешелъ ко времени года, исключительно посвященному Церковію для покаянія, по великимъ воспоминаніямъ Пасхи Христовой; далѣе желалъ я обратить твое вниманіе къ благодѣтельному вліянію святыхъ седми таинствъ на все теченіе нашей жизни, которую направляютъ они по заповѣдямъ Христовымъ, содержа насъ въ непрерывномъ съ Нимъ союзѣ; наконецъ довершилъ картину Христіанскаго лѣта, описаніемъ двѣнадцати главныхъ праздниковъ и четырехъ разновременныхъ постовъ, и все сіе заключилъ погребальными молитвами, которыя также запечатлѣваютъ жизнь каждаго Христіанина.—И такъ мой трудъ окончился!

Удовлетворилъ ли онъ твоимъ ожиданіямъ?—не

знаю, но, кажется, я исполнилъ долгъ дружбы, ибо не могъ оставаться равнодушнымъ къ твоей душевной пользѣ; еще однажды повторяю, прими слова мои съ тою же любовію, какая ихъ внушила моему сердцу, и я буду доволенъ.

Но письма сіи, въ началѣ писанныя единственно для тебя, чтобы въ твоей памяти могли сохраниться предметы дружескихъ бесѣдъ нашихъ, о святой Церкви, теперь уже сдѣлались гласными, и не всѣ будутъ одинаково къ нимъ снисходительны. Можетъ быть нѣкоторые пожелали бы болѣе подробностей, въ изложеніи постепеннаго хода богослуженія, съ объясненіемъ каждой молитвы, каждаго обряда; другимъ же хотѣлось бы дойти исторически до ихъ начала и слѣдовать за всѣми измѣненіями, въ теченіе столькихъ вѣковъ. Но другъ мой, ты знаешь, совсѣмъ иная цѣль меня руководила. Съ одной стороны, опасаясь утомить твое вниманіе излишними подробностями, я также не предполагалъ, чтобы доводы историческіе могли возбудить тебя къ молитвѣ и вызвать изъ разсѣянности, которой ты невольно предавался въ храмѣ, по невѣдѣнію божественной службы. Напротивъ того, я былъ твердо увѣренъ, что для сего достаточно было раскрыть предъ тобою таинственный смыслъ молитвъ и обрядовъ, а иногда только и передать молитву на языкѣ болѣе тебѣ доступномъ; ибо всѣ священныя дѣйствія нашей Православной Церкви, сами по себѣ, столь возвышенны и глубоки, молитвы ея истекли съ такимъ обиліемъ благодати, изъ сердечныхъ сокровищъ Св. Отцевъ, что никакая витійственная проповѣдь не можетъ съ ними сравниться и произвести столь спасительнаго впечатлѣнія на душу.

Въ заключеніе сихъ писемъ, могу ли однако же, любезный другъ, довольно просить тебя, чтобы обратилъ на нихъ все твое вниманіе. Не чувство мелкаго самолюбія внушаетъ мнѣ сію просьбу, ибо въ описаніи богослуженія нашего, нѣтъ почти ничего собственно моего, а все только вкратцѣ извлечено мною изъ прежнихъ источниковъ; но я пламенно желаю, чтобы, ты хотя изъ слабыхъ сихъ очерковъ, начерталъ себѣ мысленно великій образъ Церкви, которая, какъ нѣкое развѣсистое древо, насажденное на стеченіи путей человѣческихъ, призываетъ всѣхъ утомленныхъ странниковъ подъ освѣжающую тѣнь свою. Да обрѣтемъ и мы, въ сѣни ея, отрадное себѣ пристанище и, съ чувствомъ живѣйшаго благодаренія, вознесемъ молитвенный голосъ къ Господу Іисусу, чтобы нѣкогда онъ принялъ насъ, изъ-подъ щита сей воинствующей на землѣ Церкви, въ лоно торжествующей на небесахъ.

Петербургъ.
Октябрь 1836 г.

СПИСОКЪ

ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МУРАВЬЕВА.

I.

1. Путешествіе по Св. мѣстамъ, въ 1830 г. . . . . 2 ч.
2. Путешествіе по Св. мѣстамъ Русскимъ, (съ приложеніемъ Русской Вильны и Почаевской Лавры) . . . . 4 —
3. Римскія письма (съ приложеніемъ) . . . . . 3 —
4. Грузія и Арменія . . . . . 3 —
5. Письма съ Востока, 1849 и 1850 г. . . . . 2 —
6. Русская Ѳиваида на Сѣверѣ . . . . . 1 —

II.

7. Первые четыре вѣка Христіанства . . . . . 1 —
8. Исторія Россійской Церкви . . . . . 1 —
9. Священная Исторія Ветхаго Завѣта . . . . . 1 —
10. Священная Исторія Новаго Завѣта . . . . . 1 —
11. Исторія Іерусалима . . . . . 2 —
12. Расколъ обличаемый своею исторіею . . . . . 1 —
13. Сношенія Россійской Церкви съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ . . . . . 2 —

III.

14. Письма о Богослуженіи . . . . . 1 —
15. Письма о спасеніи міра Сыномъ Божіимъ . . . . . 1 —
16. Изложеніе Символа вѣры . . . . . 1 —
17. Правда Вселенской Церкви . . . . . 1 —
18. Слово Каѳолическаго Православія . . . . . 1 —
19. Житія Святыхъ Россійской Церкви, также Иверскихъ и Славянскихъ . . . . . 12 —
20. Questions religieuses d'Orient et d'Occident. . . . . 4 —
21. Письма о Магометанствѣ . . . . . 1 —
22. Письма о Православіи, тутъ же и о Спиритизмѣ . . 1 —
23. Письма Московскаго Митрополита Филарета къ А. Н. Муравьеву съ 1832 по 1867 г. . . . . 1 —
24. Акаѳистъ Св. Апостолу Андрею Первозванному . . . 1 —

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе I

Книга I. О литургіи и всенощной 1

Письмо I. Вступленіе 3

— II. О литургіи въ древности 5

— III. Литургія оглашенныхъ 9

— IV. Литургія вѣрныхъ 19

— V. Еще о литургіи 27

— VI. Вечерня 57

— VII. Утреня 64

— VIII. Воскресная всенощная 73

— IX. Преждеосвященная литургія 93

Приложеніе. Наставленіе о Божественной литургіи . . . 102

Книга II. О Великомъ постѣ и Пасхѣ 121

Письмо I. Вступленіе о постѣ 123

— II. О постѣ 128

— III. О трехъ недѣляхъ до поста 146

— IV. О первой недѣли поста 157

— V. Недѣля Православія 168

— VI. О пяти среднихъ недѣляхъ 177

— VII. О первыхъ дняхъ страстной недѣли . 186

— VIII. О великихъ пятнѣ и субботѣ 196

— IX. О Пасхѣ 214

Стран.

Книга III. О седми таинствахъ 223
Письмо I. О таинствахъ вообще 225
— II. О крещеніи и мvропомазаніи 228
— III. О причащеніи и покаяніи 240
— IV. О бракѣ 255
— V. О елеосвященіи 263
— VI. О священствѣ 269
— VII. О иноческихъ обѣтахъ 282
Книга IV. О праздникахъ и погребеніи 293
Письмо I. Служба Пятидесятницы 295
— II. Праздники Рождества Христова и Крещенія 309
— III. Двунадесятые праздники 329
— IV. Освященіе храма 342
— V. Освященіе мvра 354
— VI. О погребеніи 359
— VII. Заключеніе 367
Списокъ всѣхъ сочиненій А. Н. Муравьева 371